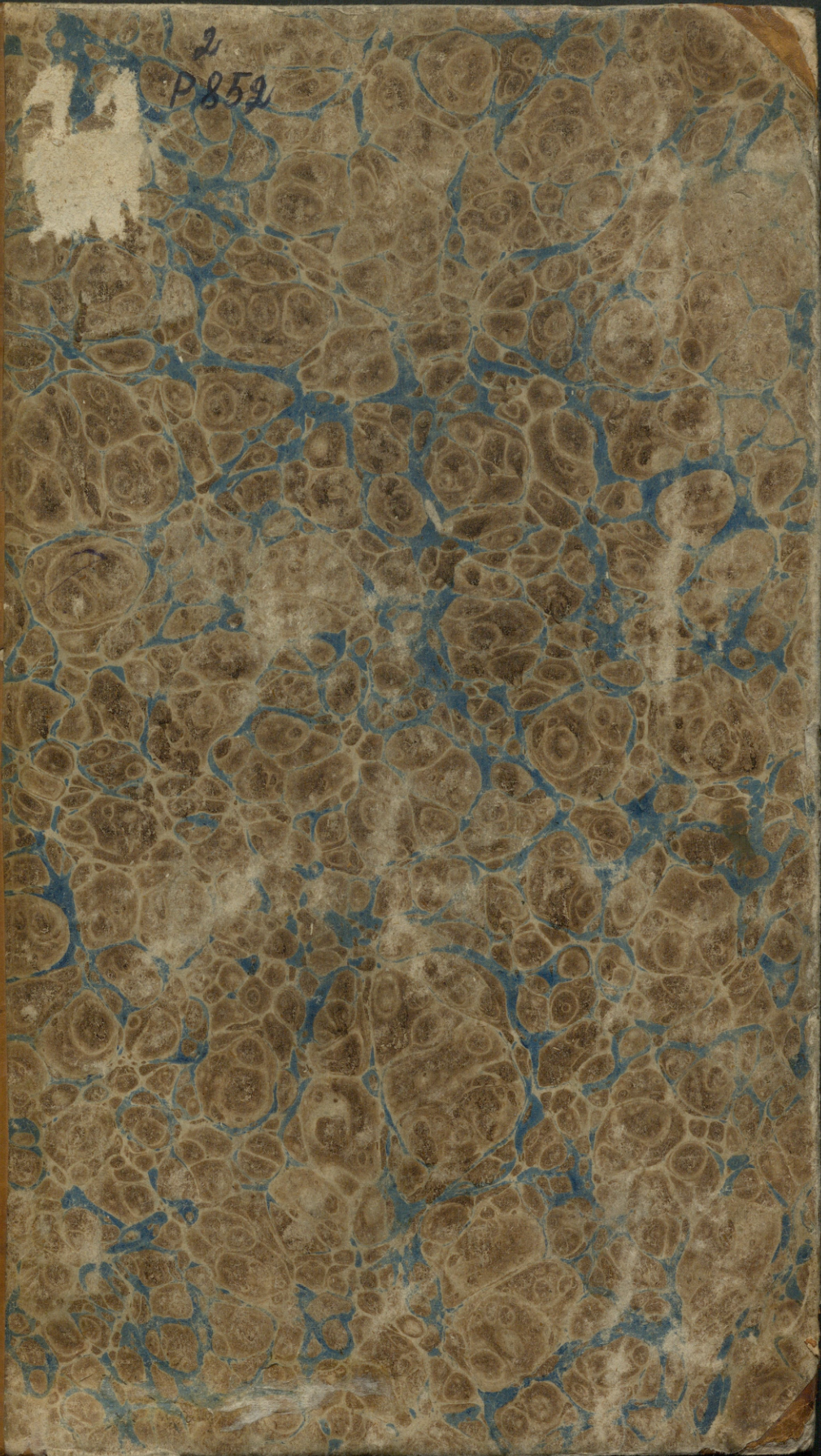

2

P852

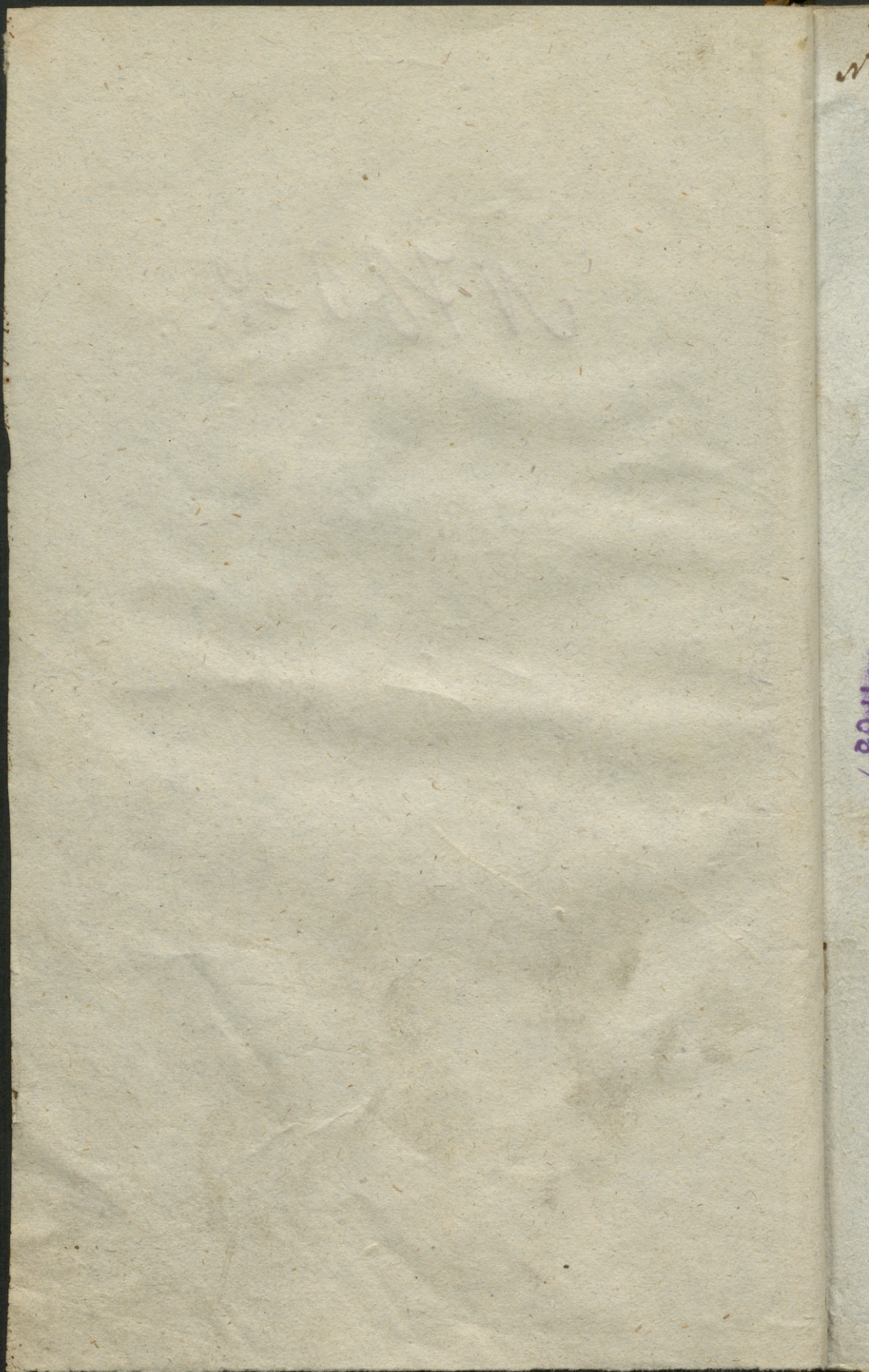
15/x930mlms.

N780-2

iv 30

N780-2.

L
29

Т. О.
№ 3
29.

РУКОВОДСТВО

2

P8521

№ 114.

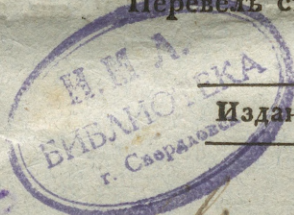
къ

ЦЕРКОВНОМУ КРАСНОРЪЧЮ,

Съ примѣрами изъ Священнаго Писанія,
Святыхъ Опецъ и славнѣйшихъ Ора-
поровъ Хрістіанскихъ.

Сочиненіе полезное для духовныхъ учи-
лищъ и для молодыхъ Священнослужите-
лей, посвятившихъ себя проповѣданію
Слова Божія.

Перевелъ съ Иностраннаго І. І.

Изданіе второе.

Редкие книги

*Копія съ оригинала
въ Р. И. М. Библиотеку
г. С.-Петербургъ*

1856.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи,

Генералъ Николай Александровъ
1826.

Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и без-
временнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ
долготерпѣніемъ и ученіемъ.

2 Посл. къ Тимоѳею гл. IV, сп. 2.

6194411

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

О Г Л А В Л Е Н І Е

Матерій, содержащихся въ сей книгѣ.

Стран.

Предварительныя понятія.

I.	Опредѣленіе краснорѣчія.	-	-	-	-	1.
II.	О Рѣчи орашорской и о различныхъ ея видахъ.	-	-	-	-	3.
III.	О трехъ родахъ рѣчи.	-	-	-	-	—
IV.	О Сочиненіи.	-	-	-	-	6.
V.	Опредѣленіе и раздѣленіе Риторики.	-	-	-	-	8.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

О Изобрѣшеніи.	-	-	-	-	-	9.
----------------	---	---	---	---	---	----

Г Л А В А П Е Р В А Я.

О Мысляхъ.	-	-	-	-	-	10.
------------	---	---	---	---	---	-----

Г Л А В А В Т О Р А Я.

О Доказательствахъ.	-	-	-	-	-	11.
---------------------	---	---	---	---	---	-----

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Мѣстахъ Риторическихъ внутреннихъ.

I.	О Определеніи.	-	-	-	-	12.
II.	О Изчисленіи частей.	-	-	-	-	15.
III.	О Причинѣ и дѣйствіяхъ.	-	-	-	-	19.
IV.	О Сравненіи.	-	-	-	-	22.
V.	О Различіи.	-	-	-	-	26.
VI.	О Противныхъ.	-	-	-	-	29.
VII.	О Обстоятельствахъ.	-	-	-	-	33.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

О Мѣстахъ Риторическихъ вѣшнихъ.	38.
----------------------------------	-----

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Доводахъ.	- - - - -	- 43.
-------------	-----------	-------

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О Расположеніи.	- - - - -	- 48.
-----------------	-----------	-------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Приступъ.	- - - - -	- 49.
О Качествахъ приступа.	- - - - -	- 57.
О Предложеніи и раздѣленіи матеріи.	- - - - -	59.
О Источникахъ раздѣленія.	- - - - -	- 61.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Повѣствованіи.	- - - - -	- 64.
О Панегирикѣ.	- - - - -	- 65.
О Надгробномъ словѣ.	- - - - -	- 72.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

	О Конфирмаціи.	- - - - -	- 76.
I.	О Свойствѣ доказательствъ.	- - - - -	- —
II.	О Соединеніи доказательствъ.	- - - - -	- 78.
III.	О Порядкѣ доказательствъ.	- - - - -	- 80.
IV.	Какимъ образомъ священные Ораторы приводящъ доказательства въ своихъ словахъ.	- - - - -	- 82.
	О Распространеніи.	- - - - -	- 83.
	О Примѣрѣ.	- - - - -	- 87.
V.	О Опроверженіи.	- - - - -	- 89.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Страсяхъ.	- - - - -	- 94.
О Страсяхъ въ особенности.	- - - - -	- 103.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

- О Заключеніи. - - - - - 112.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

- О Ораторской благоприсойности. - 120.
 Примѣры благоприсойности въ словахъ нравоучительныхъ. - - - 121.
 О Благоприсойности въ Панегирикахъ. 126.
 Примѣры благоприсойности въ словахъ надгробныхъ. - - - 127.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

- О Привѣтствіяхъ, употребляемыхъ въ проповѣдяхъ и другихъ священныхъ рѣчахъ. - - - - - 132.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

- Особенныя примѣчанія на слова догматическія и нравоучительныя, на бѣсѣды и другія простыя наставленія. - - - - - 136.
 О Словахъ догматическихъ. - - - —
 О Словахъ нравоучительныхъ. - - 140.
 О Бѣсѣдахъ. - - - - - 143.
 О Крашкихъ поученіяхъ. - - - 144.
 О Кашихизическомъ ученіи. - - 145.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

- О Израженіи. - - - - - 147.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

- О Чистотѣ слога. - - - - - 148.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

- О Ясности. - - - - - 150.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Изящности.	- - - -	- 152.
Членъ I. О Періодѣ.	- - - -	- —
Членъ II. О Орааторской гармоніи.	- - - -	- 155.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Избраніи мыслей.	- - - -	- 160.
--------------------	---------	--------

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Сшилѣ.	- - - -	- 163.
Членъ I. О Сшилѣ простомъ.	- - - -	- 164.
Членъ II. О Сшилѣ высокомъ.	- - - -	- 169.
I. О Высокихъ изображеніяхъ.	- - - -	- 170.
II. О Высокихъ чувствованіяхъ.	- - - -	- 175.
Членъ III. О Сшилѣ умѣренномъ.	- - - -	- 179.
О Различныхъ качествахъ сшила.	- - - -	- 186.
Какихъ погрѣшностей должно избѣ- гать въ сшилѣ?	- - - -	- 189.
О Разнообразіи и пристойности сшила.	- - - -	- 191.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Фигурахъ вообще.	- - - -	- 193.
Членъ I. О Тропахъ.	- - - -	- 194.
I. О Метифорѣ.	- - - -	- 196.
II. О Аллегоріи.	- - - -	- 199.
III. О Иперболѣ.	- - - -	- 203.
IV. О Перифразѣ.	- - - -	- 205.
Членъ II. О Фигурахъ мнѣній.	- - - -	- 207.
О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ доказательству.	- - - -	- —
I. О Сообщеніи.	- - - -	- 210.
II. О Ошвѣщствованіи.	- - - -	- 213.
III. О Уступленіи.	- - - -	- 215.
IV. О Предупрежденіи.	- - - -	- 215.

V.	О Поправленіи.	-	-	-	-	-	218.
VI.	О Вычищеніи.	-	-	-	-	-	220.
VII.	О Прохожденіи.	-	-	-	-	-	222.
VIII.	О Напряженіи.	-	-	-	-	-	224.
	О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ украшенію слова.						
I.	О Описаніи.	-	-	-	-	-	227.
	О Демонстраціи.	-	-	-	-	-	228.
	О Иеопіи.	-	-	-	-	-	233.
	О Ипошипозѣ.	-	-	-	-	-	237.
II.	О Подобіи.	-	-	-	-	-	242.
III.	О Параллели.	-	-	-	-	-	248.
IV.	О Противоположеніи.	-	-	-	-	-	252.
	О Фигурахъ мнѣній, служащихъ къ возбужденію спрасшей.						
I.	О Обращеніи.	-	-	-	-	-	257.
II.	О Восклицаніи.	-	-	-	-	-	262.
III.	О Вопросеніи.	-	-	-	-	-	264.
IV.	О Повтореніи.	-	-	-	-	-	269.
V.	О Умолчаніи.	-	-	-	-	-	273.
VI.	О Нарашченіи.	-	-	-	-	-	274.
VII.	О Умоленіи.	-	-	-	-	-	277.
VIII.	О Желаніи.	-	-	-	-	-	279.
IX.	О Проклинаніи.	-	-	-	-	-	281.
X.	О Сомнѣніи.	-	-	-	-	-	283.
XI.	О Заимословіи.	-	-	-	-	-	285.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Подражаніи.	-	-	-	-	-	290.
---------------	---	---	---	---	---	------

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О Орапорскомъ дѣйствованіи.	-	-	294.
-----------------------------	---	---	------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Памяти. - - - - - 295.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Голосѣ. - - - - - 299.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Тѣлодвиженіи. - - - - - 306.

I. О Видѣ и осанкѣ приличныхъ Орашору. —

II. О Дѣйствованіи глазами и руками. - 308.

III. О Погрѣшностяхъ, могущихъ дѣлать
тѣлодвиженіе бесполезнымъ и смѣш-
нымъ. - - - - - 312.

Избранныя размышленія о священномъ
Орашорѣ, яко Служителѣ Евангелія. 315.

О Сочиненіяхъ, кошорыхъ чтеніе мо-
жетъ принести пользу Хрістіан-
скому Орашору. - - - - - 323.

О Орашорахъ, прославившихся священ-
нымъ краснорѣчіемъ. - - - - - 328.

РУКОВОДСТВО

къ

церковному краснорѣчію.

Предварительныя понятія.

I. Опреѣленіе краснорѣчія.

Краснорѣчіе есть даръ, *поугать, нравиться и трогать.*

Мы называемъ краснорѣчіе *даромъ*, а не *искусствомъ*: ибо всякое искусство снискивается ученіемъ и упражненіемъ; краснорѣчіе же есть даръ природы: правда, оно основывается на правилахъ, но сіи правила должны только управлять пареніемъ духа. Они руководствуютъ, но не производятъ онаго.

Совершенный Орасторъ есть *попъ*, кто имѣетъ сей даръ въ высочайшей степени. Erit eloquens is, qui ita dicet, ut probet, ut delectet, ut flectat. (*Cicer. de orat.*)

Краснорѣчіе для достиженія своей цѣли употребляетъ всегда съ успѣхомъ слогъ, приличный своему предмету.

Иногда старается оно только убѣдить, не прогая, и щипится не изпоргнуть изъ другаго согласіе на истину, но нечувствительно снискаетъ оно.

Иногда, будучи плѣнительно, употребляетъ средства, какъ польстить воображенію, и понравиться слуху.

А наконецъ иногда еще съ большимъ жаромъ говоришь сердцу, и наполняешь оное во-споргомъ.

Когда краснорѣчіе имѣетъ цѣлю наученіе слушаемыхъ, шоржесство его зависить отъ швердоси доказательствъ: проспоша есть главный характеръ онаго.

Когда оно хочеть плѣнить воображеніе, то испощаетъ всѣ богатства искусства, и о-жидаетъ успѣха отъ пріятности сшила.

Когдажъ наипаче щищися пронуть сердце, то изумляетъ оное, влечетъ и покоряетъ всѣмъ шѣмъ, что въ мысляхъ бываетъ величественнѣйшаго, въ чувствованіяхъ благороднѣйшаго, въ изображеніяхъ поразительнаго, въ изъясненіяхъ напряженнѣйшаго. Probare, necessitatis est; delectare, suavitatis; flectere, victoriae. (*Ibidem.*)

Изъ сихъ разныхъ видовъ (*forma*), ко-поре можеть краснорѣчіе принимашъ, и ко-поре соединяюща въ одной рѣчи, происходяшъ при рода сшила, соотвѣшсшвующіе шремъ Ора-шорскимъ должностямъ: поучашъ, нравишъ-ся и прогашъ. Простой сшилъ научаешъ, кра-сивый нравишся, сильный или высокій прогаешъ. Quot officia oratoris, tot sunt genera dicendi: subtile, in probando; modicum, in delectando; vehemens, in flectendo. (*Ibidem.*)

Орашоръ въ выборѣ и употребленіи сихъ сшилей, ко-поре мы размошримъ подробнѣе, долженъ сообразовашъся свойству предмета или идеи, ко-пору изобразить онъ намѣре-ваешся.

II. О рѣчи Ораторской и о различныхъ ея видахъ (Species).

Рѣчью Ораторскою называется такая рѣчь, кошорая сочинена съ искусствомъ, для убѣжденія слушаателей.

Сіе названіе прилично всѣмъ видамъ рѣчи, въ кошорыхъ Орапоръ употребляетъ различные средства къ тому, чшобъ его слушали съ охотою. Проповѣдь, на примѣръ, Панегирикъ, Надгробное слово, Привѣішствіе, Академическое разсужденіе, и проч. суть рѣчи *Ораторскія*.

Проловѣдь есть рѣчь Хрістіанская, провозглашаемая съ кафедръ въ церкви для наставленія и назиданія вѣрныхъ.

Панегирикъ есть картина жизни человѣка, знаменипаго по своимъ дѣяніямъ и нравамъ.

Надгробное слово есть рѣчь, сочиненная въ честь какой нибудь особѣ, славной или порокою, или чиномъ, или достоинствомъ, украсившимъ оную въ жизни.

Привѣішствіе есть изъясненіе почитанія въ какихъ нибудь случаяхъ, чину, а иногда заслугъ.

Академическое разсужденіе есть изслѣдованіе какой нибудь нравственной или липперапурной мысли.

III. О трехъ родахъ рѣчи.

Всѣ виды рѣчи относящся къ шремъ родамъ: *доказательному, совѣтовательному и судебному*.

Въ родѣ *доказательномъ* заключающся: панегирики, надгробныя слова, академическія разсужденія. Вообще, Орапоръ собираетъ здѣсь все, что можешь сдѣлать честь особѣ

хвалимой имъ; но ему должно поступать въ сихъ случаяхъ оспорожно и разборчиво. Онъ не долженъ забывать, что краснорѣчіе пріобрѣщаетъ вящшій блескъ, предавая попомству имена любезныхъ и почтенныхъ особъ, но не менѣе унижаетъ и посрамляетъ себя, ежели оно ничто иное есть, какъ подлый шоргъ лжею и лестию. Должно хвалишь однихъ великихъ людей, или молчать.

Въ родѣ совѣшовашельномъ Орапоръ щипся увѣришь собраніе въ важности или надобности чегонибудь такого, что совѣлуешь произвести въ дѣйство, или въ опасности и ненадобности какогонибудь предпріятія, ошъ котораго стараешься онъ отшвращишь.

Ежели онъ хочетъ убѣдишь слушателей къ какомунибудь предпріятію, долженъ доказашъ, что дѣло, о которомъ идешь разсужденіе, есть либо честное, либо полезное, либо нужное, либо справедливое, или, что оно имѣетъ всѣ сіи качества.

Дабы успѣшь въ семъ убѣжденіи, долженъ онъ изслѣдовашъ, какой конецъ предпріятію предполагають слушатели, и какія избирають средства къ достиженію онаго: ибо они могутъ обманушься и въ разсужденіи конца и въ разсужденіи средствъ. Долженъ онъ еще разсмощрѣшь, полезно ли совѣшваемое дѣло въ опношеніи ко времени, мѣсту и лицамъ. Долженъ наконецъ взирашь на полъ, возрастъ, достоинства, нравы и характеръ убѣждаемыхъ: поелику одни прогаются представленіемъ выгодъ, страха, уваженія мірскаго; другіе же склоняются на побужденія добродѣтели, чести, славы.

Извѣстно, что, дабы ошсовѣтовать другому какое нибудь предпріятіе, или ошвраишь его ошъ онаго, надлежитъ представишь причины прошивныя шѣмъ, какія представляющся въ совѣшованіи.

Совѣшовашельный родъ, съ пользою употребляемый въ правленіяхъ республиканскихъ (*), почти не нуженъ въ нашемъ правленіи. Онъ приличенъ только церковному краснорѣчію, пошому что цѣль нашихъ Проповѣдей ешть побуждашь къ добродѣтели и отвлекашь ошъ порока.

Родъ судебный ошносится къ защищенію гражданина, и изслѣдованію правъ его. Здѣсь нѣшть ничего важнѣе, какъ точно опредѣлишь, въ чемъ состоишь все дѣло, представишь оное въ видѣ самомъ выгодномъ, сдѣлашь гласными законы, привесть и посшавишь свои доказательства въ шакоемъ порядкѣ, чшобы оныя одно другое поддерживали и подкрѣпляли, внушишь судьямъ нѣкоторую довѣренность, и, шакъ сказашь, насильно принудишь ихъ къ поданію голоса въ пользу лица, ожидающаго ошъ нихъ рѣшенія своей участи.

Не рѣдко сіи различные роды смѣшиваются въ одной рѣчи. Проповѣдникъ, прославляющій какого нибудь Свяшатаго, совѣшуетъ намъ подражаешь ему, доказывая нужду шой или другой

(*) Можно читашъ съ пользою многія Цицероновы рѣчи сего рода, какъ то: *pro lege Manilia, agraris, de provinciis consularibus*, и нѣкоторыя изъ Филиппикъ. У Тита Ливія находятса также примѣры онаго; въ пятой книгѣ его исторіи читай рѣчь Аннія Клавдія о построеніи зимнихъ кварширь у Евеевъ; въ двадцать восьмой рѣчи Фабія и Сципіона о перенесеніи войны въ Африку, и проч.

добродѣтели, онѣ съ похвалою припоминаеть о шѣхъ мужахъ, копорые оною добродѣтелію ошличились. Родъ судебный входишь также нѣкопорымъ образомъ въ совѣшовашельный, пошому что судьи ни ушверждають, ни оприцають прежде объясненія дѣла, и зашипишельныя рѣчи Адвокашовъ служатъ къ разрѣшенію ихъ недоумѣнія, и преклоняють ихъ на справедливѣйшую сторону.

IV. О Сочиненіи.

Представлять себя многочисленному собранію, копорое слушаеть пшои разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ, естъ великое и опасное предпріятіе, говоришь Цицеронъ; ибо каждый почти замѣчаеть спрже и съ большею разборчивосшію недоспапки, нежели красосы нашихъ рѣчей, и всякой разъ, когда мы говоримъ предъ публикою, судяшь насъ. *Magnum quoddam est onus, atque munus suscipere, atque profiteri se esse, omnibus silentibus, unum maximis de rebus, magno in conventu hominum, audiendum. Adest enim fere nemo, quin acutius atque acrius vitia in dicente quam recta videat: quoties enim dicimus, toties de nobis judicatur,*

Изъ сего благоразумнаго примѣчанія каждый Орашоръ видишь, сколь нужно ему наблюдать при своемъ сочиненіи такой порядокъ, копорый бы заграждалъ уша самой спржайшей кришки. Опъ излещества сочиненія, зависишь все дѣйствіе рѣчи.

При сочиненіи всякой краснорѣчивой піесы надлежишь наблюдать слѣдующее:

1. Орашоръ долженъ обстоятельно обдумашъ свой предметъ, и разсмошрѣшь оный

съ сильной и слабой стороны; но дабы не испощишь силъ своего разума и не ушомишь вниманія, долженъ онъ раздѣлать сей предметъ на многія части, разобравши оныя одну послѣ другой, и совокупивши вмѣстѣ, увидишь онъ, слѣдуетъ ли изъ соединенія оныхъ рѣшеніе его задачи.

2. Долженъ онъ записывать всѣ свои мысли, попомъ положишь основу своей рѣчи, то есть: планъ, порядокъ, раздѣленіе, главные доказательствъ и опроверженія на возраженія, не забывая много о точности спила, ни о пріятности выраженій, дабы сіе рачительное вниманіе не охладило жару сочиненія.

3. Долженъ онъ усилить свои первыя идеи, отбросишь ненужное и присовокупишь недостающее, изслѣдовать, шверды ли и извѣстны ли начала имъ предположенныя, совершенно ли они ясны, вѣрны ли послѣдствія, имъ выведенныя изъ оныхъ, убѣдительно ли опроверженія на возраженія, и не ославляющъ ли желашъ другихъ рѣшеній.

4. Наконецъ долженъ онъ вычислить и усовершенствовать всю рѣчь. Здѣсь-то надлежитъ ему сократить то, что пространно и обильно, умягчить грубое, выбросить то, что ни основательно, ни убѣдительно, сколь бы казисно оно ни было; однимъ словомъ: онъ долженъ поступать съ своими произведеніями не мягкосердо, какъ отецъ извиняющій; но строго, какъ судія осуждающій.

Можно присовокупить здѣсь наставленіе господина Боало, не менѣе полезное Орапорамъ, какъ и Спихолворцамъ.

Не очень спѣши, и не теряй бодрости. Двадцать разъ пересмотри свое сочиненіе, вычищай оное непрестанно и выправляй, иногда присовокупляй, но чаще вымарывай. Маловажно по сочиненіе, въ которомъ много оспраго, но много и погрѣшностей; пошребно, чшобъ въ ономъ все шшояло на своемъ мѣсшѣ, чшобъ начало и конецъ сошвѣтспвовали срединѣ, чшобъ искуснѣйшимъ образомъ прибранныя разныя части составляли одно цѣлое.

(Стихотв. наук. пѣснь 1.)

Сіи размышленія безъ сомнѣнія довольно показывающъ, въ чемъ состоишъ даръ краснорѣчія, и какимъ образомъ получившій оной опъ природы, можетъ его упошребляшъ. Посмотримъ шеперь, какое пособіе подаешъ оному наука для успѣха въ семъ важномъ и полезномъ подвигѣ, какія начала, приняшыя вкусомъ, должны управляшъ его ходомъ, и доводишъ его до совершенства.

У. Опредѣленіе и Раздѣленіе Реторики.

Сказали мы, чшо краснорѣчіе ешъ даръ поучашъ, нравишся и шрогашъ. Къ симъ-шо шремъ главнымъ должностямъ Орашора опносятся всѣ шѣ насшавленія, кошорыя предложимъ мы намѣрены.

Реторику называющъ *собраніемъ правилъ, служащихъ руководствомъ дару краснорѣчія.*

Правила, на кошорыхъ Реторика основана, простирающся не шолько на всѣ роды, но и на всѣ части рѣчи.

Весьма простое и натуральное раздѣленіе ея происходитъ изъ предмета, избираемаго Орашоромъ.

Какую бы матерію онъ ни избралъ, надлежитъ ему исполнить сіи при должності:
1. изобрѣсти все то, что надобно говорить;
2. привести оное въ пристойный порядокъ;
3. выразить наилучшимъ образомъ. И сіе-по называется *Изобрѣтеніе, Расположеніе, Израженіе* (Elocutio:) Quid dicat, et quo modo, et quo loco. (Cicer.)

И такъ должно показашь, сколько полезнаго вліянія можешъ имѣшъ наука на сіи различныя дѣйствія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

ИЗОБРѢТЕНІИ.

Изобрѣшеніе, какъ мы уже о томъ упомянули, состоишь въ изысканіи и избраніи мыслей, доказательствъ и доводовъ, копорыя Ораторъ употреблять долженъ: quid dicat.

Ежели цѣль его естъ научить, то все это заслуживаетъ его вниманіе. Естли хочешь только хвалить, долженъ совершенно знать то, что прилично сказать о лицѣ, которое похвалишь предпріемлень. Естли защищаешь дѣло чье нибудь, также съ помощію тѣхъ средствъ, можешъ объяснишь оное судьямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

МЫСЛЯХЪ.

Всякая рѣчь ничто иное есть, какъ порядкъ мыслей, болѣе или менѣе блистательныхъ, правильно расположенныхъ, но такихъ, кошорыя должны клониться къ тому концу, какой предполагаетъ себѣ Орашоръ, разбирая свой предметъ. И такъ онъ долженъ выбирать только мысли сообразныя своей цѣли, и такія, кошорыя при всемъ томъ чшо ясны, еще истинны и вѣрны.

Истинная мысль есть та, кошорая сходствуетъ съ предметомъ, ею представляемымъ, или лучше сказать, кошорой не лзя опровергать, не прошивоборствуя разуму, на примѣръ:

„Всякая власшь опъ Бога, а все низпо-
„сылаемое Богомъ успроено только для поль-
„зы другихъ людей.“ (*Массильонъ.*)

Вѣрною мысль называется тогда, когда сіе сходство споль совершенно, чшо предметъ представляется во всемъ своемъ просиранствѣ безъ ограниченія. Примѣръ:

„Добродѣшель есть единое благо человека:
„съ нею онъ достоинъ уваженія, хотя бы
„всего прочаго лишенъ былъ; безъ нея всѣ дру-
„гія выгоды не избавяшь его опъ поношенія
„и презрѣнія.“ *Uirtus est unum hominis bonum;*
quod qui habet, etiamsi aliis destituitur, laudandus
erit; qui non habet, in omnium aliorum copia damnatur,
ac rejicitur. (Senec. de Uirtute.)

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

Доказательства и умозаключение, разкрывающее оныя, суть твердая подпора всѣхъ рѣчей, а слѣдовательно, какъ говоритъ Г. Ролленъ, „весьма нужная и необходимая часть, къ которой относятся всѣ другія части; ибо, „продолжаетъ онъ, выраженія, мысли, фигуры „и всѣ другіе роды украшеній вспомоществующъ доказательствамъ, и употребляющъ „только для того, чтобы онымъ придавать „силу.... Важное дѣло умѣть правиться, и важно еще умѣть прогнать; но въ томъ и другомъ гораздо болѣе успеешь, если будешь „научать и убѣждать слушателей, а этого не „инымъ чѣмъ можно достигнуть, какъ только „силою умозаключенія и доказательствъ.“ Почему Ораторъ долженъ прежде всего искать нужныхъ доказательствъ, разсматривать различные роды оныхъ, и облегчать себѣ средства къ изысканію ихъ.

Доказательства суть или существенныя, въ самомъ предметѣ находящіяся, или должно заимствовать ихъ оповѣ. Положимъ, что проповѣдникъ разсуждаетъ о нравственной какойнибудь мадеріи, на примѣръ, о любви къ ближнему; побужденія взятыя изъ того, что всѣ люди по природѣ между собою сходны, что они имѣютъ одинаковое начало, по которому суть между собою братья, что родъ человеческій наслаждался бы совершеннымъ спокойствіемъ и тишиною, если бы всѣ, составля-

ющіе оное, другъ друга искренно любили, и пр. сіи побужденія суть причины, происходящія изъ предмѣща. Довольно вникнушь только въ самое его свойство, дабы найши оныя свидѣтельства Священнаго Писанія, и Опцевъ примѣры святыхъ, опличившихся горячею любовію къ ближнему, суть средства посстороннія, неугадываемыя и заимствуемыя только ошвѣ.

Легкій способъ изыскивать сіи разные роды доказательствъ, и приличнымъ образомъ прилагать оныя къ матеріи своей, есть употребленіе *Реторическихъ мѣстъ*.

Такъ называющіяся *извѣстныя главные источники*, къ которымъ могутъ относиться есѣ доказательства, употребляемыя въ разлитныхъ матеріяхъ.

Сіи Реторическія мѣста суть, шакъ какъ и доказательства, или внутреннія или внѣшнія; первыя происходятъ изъ самаго предмѣща, вторыя имѣютъ только спороннее ошношеніе къ оному.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О

Мѣстахъ Реторическихъ внутреннихъ.

Мѣста Реторическія внутреннія, которыхъ полагаютъ весьма много, можно ошнеспи къ семи главнымъ, и они суть слѣдующія: *опредѣленіе, изчисленіе частей, причина и дѣйствія, сравненіе, разлитіе, противность и обстоятельства.*

I. О Опредѣленіи.

Опредѣленіе есть рѣчь, изображающая вещь такою, какова она есть сама въ себѣ, и даю-

щая объ оной понятіе ясное, точное и опличительное; но есть различіе между опредѣленіемъ Философскимъ и опредѣленіемъ Риторическимъ: одно короче, изъясняетъ только нашу вещь, представляя ея существенныя свойства; другое пространнѣе, и часто изображаетъ опличительныя свойства предмета и дѣйствія, происходящія изъ онаго.

На примѣръ, по Философскому спрогому опредѣленію человѣкъ есть животное разумное; краснорѣчіе же и спихопворство упоребляють изъясненіе гораздо фигуральнѣе. Кшо я? говоришь *Руссо*.

„Кшо я? низкая тварь, кшо я? и почто „Владыка природы шoliko снисходитъ мнѣ? „Человѣкъ въ своей крапкой жизни ничто иное „есть, какъ легкій парь, исчезающій опъ луча „солнца: блескъ его есть мрачная ночь, „дни его преходящъ какъ шѣнь, кошорая чрезъ „минуту скрывается.“

Любовь, (*charitas*) Хрістіанская добродѣтель, состоиптъ въ любленіи (*amor*) Бога и ближнихъ для Него, такъ научаешь насъ Богословія. Апостоль *Павель* разпротраняешь сію идею, и опкрываетъ сколь вѣрно, споль и величественно опличительный характеръ сея высокія добродѣтели.

Любы долготерпѣть, милосердствуетъ; любви не завидѣть, любви не превозносится, не гордится, ни безгнѣствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся покрываетъ, всему вѣру еллетъ, вся уповаешь, вся терпѣть. 1 Кор. XIII, 4, 5, 6, 7.

Одинъ стихопворецъ, не въ состояніи будучи сказать точно, что есть Богъ, принимаетъ сей оборотъ словъ:

„Мы не можемъ ничего рѣшительнаго сказать о семъ Высочайшемъ Существѣ; убо поклоняясь Оному, да хранимъ глубокое молчаніе: сія шайна неизслѣдима; разумъ теряется въ ней: дабы изречи, что такое Богъ есть, должно бытъ Имъ самимъ.“

Другой опредѣляетъ Его по дѣйствіямъ Его всемогущества слѣдующимъ образомъ:

„Имя Ему Вѣчный, міръ есть Его твореніе; Онъ слышитъ воздыханія угнѣщенного, судитъ всѣхъ смертныхъ безъ лицепріятія, и съ высоты престола Своего испытуетъ царей. Опъ гласа Его бѣжитъ море, попрыскающа небеса; вся вселенная предъ Нимъ есть ничто, и бранные смертные, игрища смерши, суть предъ очами Его, яко не сущіе.“

(Расинъ въ праг. Эсфирь.)

Флешьеръ въ одномъ надгробномъ словѣ доказываетъ опредѣленіемъ, что никто не долженъ превозноситься своимъ умомъ.

„Что есть умъ, которымъ люди столько щеславятся? Если судитъ о немъ по естеству его; онъ есть огонь, который опъ болѣзни и зоключенія чувствительно слабѣетъ; есть нѣжный темпераментъ, который разспроивается; щасливое образованіе органовъ, которые повреждаются; собраніе и извѣстное движеніе жизненныхъ духовъ, которые истощаются и разѣваются; живѣйшая и тончайшая души часъ, которая шягошѣетъ и по видимому спарѣется

„съ шѣломъ; естъ ушонченность разума, ко-
„шорая изпаряется; и шѣмъ болѣе подвержена
„изчезанію, чѣмъ она нѣжнѣе и чище. Естѣли
„судишь о немъ въ отношеніи къ Богу, онъ
„естъ часъ чась самихъ, болѣе любопытная,
„нежели знающая, кошорая заблуждаешь въ
„своихъ мысляхъ; естъ сила гордая, кошорая
„часто бываетъ прошивна смиренію и про-
„шомъ Хрістіанской, и кошорая, часто при-
„нимая истину за ложь, не знаетъ того, что
„надлежитъ знать, и знаетъ что, чего не дол-
„жно знать.“ (надгроб. сл. Г. де Монтозиеру.)

Ничто не можешь подать намъ вышшаго
понятія о краснорѣчіи, какъ сіе опредѣленіе
подлиннаго Орашора, написанное *Фенелономъ*.

„Человѣкъ досшойный вниманія естъ шомъ;
„кошорой упошребляетъ слова шолько для и-
„зображенія мыслей, а мыслишь для предша-
„вленія истины и добродѣтели.“

Сии примѣры довольно ясно показываютъ,
какъ искусство можешь украшать идеи, из-
бѣгая сухости умствования шочнаго, но весьма
короткаго. Изъ оныхъ также видимъ мы, какъ
опредѣленіе упошребляется въ рѣчи Орашор-
ской, и во всякой, въ кошорой говорящій шциш-
ся шшвердишь какую нибудь истину. Свой-
ства онаго происходятъ изъ натуры вещей.

II. О Изчисленіи частей.

Изчисленіе состоишь въ обзорѣннн раз-
личныхъ обстоятельствъ, прилнчесшвующнхъ
вещи, съ шѣмъ, чшобъ дать полное понятіе
объ оной.

Расинъ въ первомъ хорѣ *Геоли*, приступая къ описанію благости Божіей, говоришь такъ:

„Вся вселенная исполнена славы Ея: воспо-
„емъ, возвѣспимъ Ея щедроты!“

Вотъ вся идея: благодаренія Божіи. Вотъ и изчисленіе оныхъ, болѣе дающее намъ чувствованіе, колико мы обязаны благодарить Творца.

„Онъ даетъ цвѣтамъ плѣнительную лѣпо-
„пу; Имъ произрастаютъ и созрѣваютъ пло-
„ды, Онъ размѣряетъ дневной зной и ночной
„хладъ; земля, пріемлющая сѣмена, возвра-
„щаетъ оныя съ избыткомъ. Онъ повелѣваетъ
„солнцу оживлять природу; свѣтъ есть дая-
„ніе рукъ Его; но Его святыи, Его чистыи
„законъ есть богачѣйшій даръ человѣкамъ.“

Изчисленіе важно въ словѣ попому, что оно болѣе проглатываетъ, нежели простое умозаключеніе. Для сего большая часть проповѣдниковъ часно упошребляютъ сіе общее мѣсто, возбуждающее вниманіе слушателя. *Массильонъ*, на примѣръ, очень удачно упошребляетъ оное, для того чтобы доказать, колико спраски несчастными дѣлаютъ вельможъ, ославляющихъ Бога.

„Обозри всѣ спраски, говоришь онъ; ты
„увидишь, что онѣ мучительнѣе и несноснѣе
„владычествуютъ надъ сердцами вельможъ,
„живущихъ въ забвеніи Бога. Паденія ихъ бѣд-
„свеннѣе: чѣмъ излишнѣе ихъ гордость, тѣмъ
„прискорбнѣе для нихъ посрамленіе. Въ нена-
„висти они жестоко, поелику ложная слава
„болѣе ихъ напыщаетъ, то они яростнѣе и
„лютѣе бываютъ, видя презрѣніе. Въ спрахъ
„они безмѣрно мучающа: свободны будучи отъ

619
1147619

„существенныхъ золь, они выдумываютъ хи-
„мерическія, и листъ, колеблемый въпрямъ,
„для нихъ естъ гора, гошвящаяся къ паденію
„и подавленію ихъ. Въ болѣзняхъ они мало-
„душнѣе: чѣмъ кто приспраснѣе къ жизни,
„шѣмъ сильнѣе беспокоитъ его все угрожающее
„оной. Какъ они привыкли ко всему плѣняю-
„щему и услаждающему чувству, то легчай-
„шая скорбь распроиваетъ все ихъ благопо-
„лучіе, и имъ несносна. Они не умѣютъ пока-
„зывать благоразумія ни въ болѣзни, ни въ
„здравіи, ни въ щастіи, ни въ горестяхъ соеди-
„ненныхъ съ здѣшнимъ состояніемъ человека.
„Удовольствія сокращаютъ лѣта ихъ, и печа-
„ли, всегда слѣдующія за оными, ускоряютъ
„ихъ смертъ... Наконецъ подчиненность для
„нихъ скучнѣе: воспишаны будучи своенрав-
„ными и прихотливыми, они ошягощаются
„всѣмъ шѣмъ, что ихъ принуждаетъ и наси-
„луешь. Удаленіе отъ Двора почишаютъ они
„плачевною ссылкою; находясь при ономъ, жа-
„дуются непрестанно на принужденность ис-
„полнять свои должности и разные обряды:
„они не могутъ сносить ни спокойствія при-
„вашной, ни блеска общественной жизни: по-
„кой имъ шоль же несносенъ, какъ и безпо-
„койствіе, или лучше сказать, они вездѣ въ
„шягость самимъ себѣ.“

Иногда въ изчисленіи представляется
шолько одна машерія безъ доказательствъ,
какъ въ слѣдующемъ прекрасномъ мѣстѣ над-
гробнаго слова Аглинской Королевѣ, говорен-
наго *Боссуетомъ*:

„Вы увидите въ жизни ея одной всѣ край-

В

„ности судьбы человѣческой: щастіе и бѣд-
 „спвіа безпредѣльныя; долговременное и спо-
 „койное наслажденіе царствованіемъ славнѣй-
 „шимъ изъ всѣхъ во вселенной; все, что зна-
 „менишая порода и величество имѣють бли-
 „стательнѣйшаго, украшавшее главу ея, копо-
 „рая попомъ подверглась всѣмъ люпостямъ
 „рока; добрые успѣхи, послѣдовавшіе за пра-
 „вымъ дѣломъ, и попомъ нечаянныя перево-
 „рошы, неслыханныя перемѣны; возмущеніе,
 „усмиренное на долгое время, и наконецъ со-
 „вершенно усилившееся; своевольство необуз-
 „данное, законы уничтоженныя, величество
 „поруганное наглостями, дошолъ неизвѣстны-
 „ми; хищеніе и мучительство подъ именемъ
 „вольности, Королеву убѣгающую, которая не
 „находитъ никакого пристанища въ шрехъ
 „государствахъ, и для которой собственное
 „ошечество естъ уже какъ бы печальное мѣ-
 „сто зашоченія; девять путешествій по морю
 „предпріяшыхъ ею, съ презрѣніемъ буръ и не-
 „погодъ; Океанъ изумленный шолікокращнымъ
 „плаваніемъ по водамъ его, въ разныхъ видахъ
 „и для разныхъ причинъ; пресіполъ позорно
 „опроверженный, и чудесно возшановленный,--
 „вошъ насшавленія, которые Богъ даетъ Ца-
 „рямъ! и пр.“

Полезъ изчисленія ошущительна во всѣхъ
 частяхъ рѣчи: 1. въ приступѣ, гдѣ Орашоръ
 объявляетъ свою машерію, и ее раздѣляетъ; 2.
 въ срединѣ слова, гдѣ приводятся по порядку
 разные доказательства, служащія подпорою
 главному предложенію; 3. наконецъ въ заклю-
 ченіи, которое часто бываетъ повшореніемъ

главныхъ разобранныхъ пунктовъ, какъ то ниже въ другомъ мѣстѣ показано будетъ.

Изчисленіе полезно въ правоучительномъ словѣ, и вводитъ въ оное пріятный порядокъ, но наипаче оно нужно въ панегирикахъ и словахъ надгробныхъ, содержащихъ въ себѣ или похвалу добродѣтелей Святаго, или качествъ какойнибудь особы знаменитой достоинствомъ и порокою; ибо въ семъ случаѣ Орашоръ долженъ достапно изчислить всѣ оныя добродѣтели, дабы достигнуть своей цѣли.

III. О Причинѣ и дѣйствіяхъ.

Орашоръ, имѣя нужду часто упоминаясь сіи общія мѣста, долженъ знать, какъ ими пользоваться.

Разсматривая причину и дѣйствіа, хвалять, или оуждають какоенибудь дѣло, совѣтують предпріять чтонибудь или ошсовѣщиваются.

Какая, на примѣръ, причина большей части безпорядковъ? Праздность. Почему должно на полезное и Хрістіански упоминаясь время, Богомъ данное намъ.

Какія дѣйствіа мудраго и благоразумнаго поведенія? Спокойствіе совѣсти и уваженіе ошъ общества. Почему собственная польза наша побуждаетъ насъ вести себя честно.

Симъ -- то образомъ Орашоръ долженъ изслѣдывать качество дѣла, добро или зло, могущее изъ онаго происходить, дабы ошкрывать цѣну онаго или опасность.

Но наипаче конецъ, и цѣль предполагаемая въ дѣйствіи, есть для него обильный

Свѣдѣн. А. Тульков.

источникъ средствъ, котораго не должно ему пренебрегать.

Богъ не внемлетъ моливамъ нашимъ, говоритъ *Бурдалу*, поелику мы у Него не того просимъ, чего просить надобно.

„Вошце сынъ вѣка сего просишь того, чѣмъ онъ можешь содержашься въ своемъ состоянїи, и поддерживашь свое званіе. Поелику состояніе его, или лучше сказать, мысли, какія онъ пишаешь объ ономъ, основывающіяся на началахъ или безмѣрнаго любочестія, или ненасыпимаго сребролюбія; но Богъ, имѣющій неограниченный разумъ, проникаетъ въ его намѣренія, и дѣлаешь оныя безуспѣшными. Вошце отецъ просишь Бога, да поможетъ ему пристроить дѣшей; поелику онъ въ разсужденіи ихъ имѣетъ въ виду нечестивое, одно мірское располагаетъ въ умъ; но Богъ не уважая наружныхъ знаковъ его смиренной молитвы, узнаетъ причину оныя, и по Его праведному суду не только не возвышается сіе семейство, но еще приходитъ въ крайнее разореніе и бѣдственно упадаетъ. Вошце жена просишь шѣлеснаго здравія: какъ здравіе по ея намѣреніямъ, должно только способствовать ея праздности, ея лѣности, и можешь бышь ея своевольству и распушству; но Богъ всевидецъ не только не удаляетъ отъ нея Своей поражающей руки, но наносишь ей еще сильнѣйшіе удары, и она, въ своей засмарѣлой немощи, лишается всего того, что могло ее утѣшать и поддерживать ея мечты, и пр.“

(Слово о молитвѣ.)

ad. Burdalu. In. 1500

Почему многіе люди не находятся въ шѣхъ званіяхъ, къ которымъ они предопредѣлены были? Пошому чшо всякой въ выборѣ сосноянія не совѣтуется съ усшавомъ Провидѣнія, осшанавливается безразсудно на видахъ щасшія, успѣха, и одна прихошливость причиною различія нашихъ назначеній. „Въ самой вещи, „взойдемъ къ главному источнику, говоришь „*Массильіонъ*, и посмошримъ, для чего сей опредѣлился къ приказнымъ дѣламъ? Онъ разсудилъ, „что удобнѣе можете составить свое щасшіе „служа въ гражданскомъ сосноянніи, нежели въ „чинѣ воинскомъ. Для чего шомъ принялъ во- „инскій чинъ? Имя его и служба его предковъ „побудили его искашь всякаго опличія, а дру- „гой родъ жизни оставилъ бы его въ неизвѣ- „спности, какъ чашнаго человѣка. Для чего „сей всѣмъ своимъ имѣніемъ плашшь за дол- „жностъ, по которой онъ близокъ къ преспо- „лу? Для шого, чшо находящіеся предъ очами „Царя находятся при источникѣ милосшей. „Что побуждаетъ сего посвяшшь себя на слу- „женіе олшарю? чего онъ ищеть въ церкви? „сокровищей ея, или шрудовъ? почешей, или „упражненій? великолѣпія свяшпища, или Бога „покланяемаго въ ономъ? Къ сему смиренному „служенію приводятъ его виды возвышенія и „славы; къ сему служенію, соединенному съ „шрудами и подвигами, ведетъ его надежда по- „кая и праздношпи; къ сему служенію безко- „рысшія, цѣломудрія и любви влечеть его на- „мѣреніе жишь роскошно, распочипельно и „пышно; и яко вѣроломный *Геліодоръ* прихо- „дишь онъ въ храмъ пошому шолько, чшо

„всегда слышалъ о безмѣрномъ богатствѣ, которое можешь найсти въ ономъ, и пр.“

(Слово о званіи.)

IV. О Сравненіи.

Сравненіе, вообще, есть сношеніе двухъ предмѣтовъ между собою различныхъ, но сходственныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. На семъ сходствѣ основывается заключеніе оцѣ одного предмѣта къ другому, и въ видѣ слѣдствія Орапоръ прилагаетъ ко второму то, что прежде сказалъ относительно къ первому.

Сіе заключеніе, какъ очевидно, должно содержать только то, что есть общее двумъ сравниваемымъ предмѣтамъ, и оно бываетъ широкимъ образомъ: оцѣ большаго къ меньшему, оцѣ меньшаго къ большому, и оцѣ равнаго къ равному.

1. Оцѣ большаго къ меньшему заключаютъ тогда, когда одна вещь важнѣе другой вещи, съ которою сравнивается. Іисусъ Хрісѣосъ дѣлаетъ такое сравненіе, говоря: *вы глаголете Мя учителя и Господа, и добръ глаголете, если бо: еще убо Азъ умылъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должны есте другъдругу умывать нозѣ.* (Іоан. XIII, 13, 14.)

Есть еще сравненіе сего рода у Апостола Павла, возбуждающаго упованіе наше на Бога изображеніемъ великой Его благодѣи, засвидѣтельствованной посланіемъ на землю Сына: *Иже Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его; како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. VIII, 32.)

„Видѣлъ свѣтъ, говоришь *Массильонъ*, свя-
 „тыхъ пуспынножителей, кои, проведши всю
 „жизнь въ покаяніи, смущались на смертномъ
 „одрѣ великимъ страхомъ, котораго почти не
 „льзя было испребишь; опъ препеши ихъ
 „пряслось бѣдное и суровое ихъ ложе, они
 „умирающимъ голосомъ непреспанно вопроша-
 „ли браній своихъ: *думаете ли вы, что Господь*
 „*явитъ мнѣ милосердіе?* Они почти гошовы были
 „нашъ въ ошчаяніе, ешъли бы Твое, о мой
 „Боже! присущствіе вдругъ не ушило бури,
 „и не повелѣло паки преспашъ вѣспрамъ и мо-
 „рю; нынѣ же всякой послѣ мірской, чувш-
 „венной, разсѣянной жизни умираешь спокой-
 „но, и призванный служитель Хрісовъ обя-
 „занъ поддерживаешь ложное спокойствіе уми-
 „рающаго, говоришь ему только о неоскудѣ-
 „ваемомъ богатствѣ милосердія Божія, и, пакъ
 „сказаешь, спомоществоваешь ему прельщаешь
 „самаго себя.“ (Слово о маломъ числѣ избранныхъ.)

2. Опъ меньшаго къ большему заключающъ
 шогда, когда одна вещь ниже другой, съ кото-
 рою сравнивается Іисусъ Хрісовъ, дабы вдо-
 хнуешь ученикамъ Своимъ упованіе на Бога,
 приводишь два сравненія сего рода.

Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни
жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ
небесный литаешь ихъ; не вы ли лате лутши ихъ
есте? И о одежди что лететеса? смотрите кринь
сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ,
и проч. (Маше: VI, 26, 28.)

Тертуліанъ въ своей Аполוגіи за Хрістіанъ
 упошребляешь сравненіе сего рода, изобличая

язычниковъ въ томъ, что они не воздають великимъ мужамъ тѣхъ почестей, какія воздають своимъ богамъ: „почто у васъ заслу- „жили осужденіе тѣ, кошорымъ соучаствую- „щихъ вы обожаеши? сколько лучшихъ и важ- „нѣйшихъ мужей оспавили вы во адѣ? да и за „что же? Сократа за мудрость, Ариспида за „справедливость,Themisshokla за военное ис- „кусство, Александра за величество, Поликрата „за щастіе, Креза за богатство, Демосеена за „краснорѣчіе. Кто изъ боговъ вашихъ прему- „дрѣ Кафона? кто справедливѣ и въ воин- „скихъ дѣлахъ искуснѣ Сципіона? кто слав- „нѣ Помпея? щаспливѣ Силлы? богатѣ Крас- „са? краснорѣчивѣ Туллія?“ И наконецъ онъ заключаеши, что сіи знаменитые мужи имѣ- ютъ большее право на ихъ почианіе, нежели ихъ скаредные боги.

Тоже видѣши можно въ одномъ словѣ *Бурдалу*, гдѣ онъ показываеши, сколь безуменъ невѣрный, опшвергающій Провидѣніе.

„Онъ вѣриши, говоритъ сей проповѣдникъ, „что доброе правленіе государства зависиши „опъ одной мудросши и благоразумія Государя; „онъ вѣриши, что домъ не можеши спояши „безъ присмотра и распоряженія хозяйскаго; „онъ вѣриши, что не лзя кораблю благопо- „лучно плыши безъ вниманія и искусства корм- „чаго; и когда онъ видиши сей корабль бѣгу- „щимъ по опкрытому морю, сей домъ въ благо- „успройствѣ, сіе государство въ порядкѣ и „пишинѣ, то безъ всякаго сомнѣнія заключаеши, „что ести здѣсь разумъ, кошорой начальст- „вуеши и назираеши. Но иначе разсуждаеши

„онъ при созерцаніи міра, онъ хочешъ, что-
„бы весь сей великій и пространный міръ
„въ семъ удивительномъ порядкѣ, въ какомъ
„мы его видимъ, стоялъ безъ Провидѣнія: не
„есть ли эпо идши противъ собственнѣхъ
„своихъ понятій и противорѣчишь своему
„разуму?“ (Слово о Промыслѣ.)

3. Опъ равнаго къ равному заключающъ,
когда одной изъ двухъ сравниваемыхъ вещей
приписываютъ то, что находятъ въ другой.
Симъ образомъ Иисусъ Христосъ совѣщаетъ
намъ любить ближнихъ, увѣряя, что Богъ по-
чно такъ поступилъ съ нами, какъ мы по-
скупимъ будемъ съ ближними.

*Не судите, и не судятъ вамъ; и не осуждайте,
да не осуждены будете; отпущайте, и отпустятъ
вамъ, дайте, и дастся вамъ Тою бо мѣрою,
еюже мѣрите, возмѣрится вамъ. (Лук. VI, 37, 38.)*

Массильѳонъ, сказавши своимъ слушателямъ,
что главный источникъ нашего противобор-
ствія волѣ Божіей есть суемудренный разумъ,
которой всегда судитъ о дѣлахъ Господнихъ
по своимъ собственнымъ понятіямъ, присово-
купляетъ:

„Почтимъ тайны Божіи, братіе моя! Есть-
„ли то, что мы познаемъ изъ дѣлъ Его, кажеш-
„ся намъ Божественнымъ и чудеснымъ, по-
„что также не заключаешь и о томъ, чего мы
„изъ оныхъ не постигаемъ? Если Онъ по-
„лико премудръ въ дѣлахъ явныхъ, почему та-
„ковымъ же не почиташъ Его въ дѣлахъ та-
„инственныхъ? Ежели во всей составѣ міра
„сего видимъ мы согласіе, премудрость и свѣтъ,

„почпо вѣру, которая есть превосходнѣйшее
„дѣло Его разума, почиша въспилищемъ
„неуспройсва и мрака? и ежели Онъ споль
„изячно соразмѣрилъ и упорядочилъ видимыя
„вещи, вещи подлежащія плѣнію; то могъ ли
„Онъ оставишь въ безпорядкѣ вещи невидимыя,
„которыя также вѣчны, какъ и Онъ самъ
„есшь вѣченъ?“ (Слово о повиновеніи волѣ Божіей.)

У. О Различіи.

Различіе ничто иное есть, какъ нѣкто-
рая прошивность, встрѣчающаяся между дву-
мя сравниваемыми предметами. Оно иногда хо-
рошо, когда сравниваютъ два предмета дѣй-
ствительно различные, или наспоющее состо-
яніе одного и тогоже предмета съ прошед-
шимъ состояніемъ онаго.

Массиліонъ ясно показываетъ различіе ме-
жду добродѣтелию, происходящею отъ вѣры,
и добродѣтелию, изъ сего источника не про-
изтекающею:

„Одна вѣра раждаетъ швердую добродѣ-
„тель, ибо ея побужденія къ оной непремѣня-
„емы. Пусть вѣрующій шернишь сшѣдъ и по-
„ношеніе отъ челоѣковъ; добродѣтель его
„шѣмъ изящнѣе и славнѣе ему кажется. Пусть
„жизнь его будетъ въ опасности, онъ не вос-
„хощетъ искупишь ея съ пошереею добродѣ-
„тели. Сокровенность и безопасность отъ на-
„казанія не могутъ привлечь его къ пороку;
„ибо онъ боишся единаго судіи Бога, и спра-
„шившя шолько укора совѣсши, яко шяжкаго
„наказанія: пусть и слава и всенародныя хвалы

„поощряють его къ какому нибудь гордому
„и неправедному предпріятію; но по правило,
„которое осуждаетъ оное, и его должностъ
„важнѣе для него одобреній всего свѣща. Пере-
„мѣните, какъ вамъ угодно, обсподельства
„исстиннаго праведника, міръ можетъ перемѣ-
„няться въ отношеніи къ нему, людскія суж-
„денія ирѣчи, кои нынѣ его возносятъ, могутъ
„завтра его унизить и повергнуть, щастіе
„его можетъ перемѣниться; но при перемѣнѣ
„ея, не перемѣнится его добродѣтель Найдите,
„если можете, такую же твердостъ въ
„добродѣтеляхъ мірскихъ; онѣ, весьма часто
„раждаясь опъ славолубія и гордости, чрезъ
„минуту находятъ въ оной гробъ свой, нач-
„нутъ блистать предъ взоромъ народа, и скоро,
„какъ ложные огни, погаснутъ при удаленіи
„опъ онаго; основываемы будучи на обстоя-
„тельствахъ, на случаяхъ, на сужденіяхъ
„свѣтскихъ, падаютъ онѣ непрестанно съ сла-
„быми основаніями своими; завися опъ само-
„любія, колеблется по причинѣ непостоянства
„онаго; наконецъ, яко недоспашочное произ-
„веденіе чловѣка, онѣ, такъ какъ и чловѣкъ,
„ничтожны. Представившись сему добродѣтель-
„ному вѣка сего вѣрный случай обезславить
„врага своего, или выпѣснить совѣстника;
„здѣсь долженъ онъ удержаться и сохранить
„честъ великодушнаго мужа: но нѣтъ! онъ не
„уважитъ того. Если мщеніе не сдѣлаетъ
„ущерба его чести, то онъ не почтетъ оное
„унизительнымъ для своей добродѣтели. Пос-
„тавьте его въ такомъ состояніи, въ кото-
„ромъ могъ бы онъ удовлетворять своимъ

„спрасіямъ, не лишаясь уваженія другихъ,
„онъ не будетъ находить трудности въ согла-
„шеніи оныхъ съ своею должностію; однимъ
„словомъ, почитаему бышь добрымъ для него
„по же, что бышь дѣйствительно добрымъ.“

(Слово о славѣ человѣческой.)

Находимъ мы въ книгахъ Пророческихъ поразительные примѣры сего общаго мѣста. *Іеремія* весьма сильно и прогашельно изображаетъ ужасное разореніе преславнаго града *Іерусалима*: *Како сѣде единъ градъ умноженный людьми?* и пр.

Расинъ въ первомъ хорѣ трагедіи *Эсфирь*, подражаетъ плачу *Іереміи* слѣдующимъ образомъ:

„Бѣдный *Сіонъ*! гдѣ теперь твоя слава?
„Вся вселенная удивлялась твоему великолѣ-
„пію; теперь ты прахъ, и величества твоего
„осталось одно печальное воспоминаніе. *Сіонъ*,
„возвышавшійся прежде до небесъ, нынѣ низ-
„веденный даже до ада! могу ли я молчать,
„когда твое бѣдствіе, изображенное мною въ
„пѣсняхъ, до послѣдняго моего издыханія бу-
„детъ занимать мои мысли?“

Можно также представить въ примѣръ различія сіе мѣсто изъ той же трагедіи.

„Видѣлъ я нечестиваго обожаема на земли,
„яко кедръ скрывалъ онъ въ небесахъ гордое
„чело свое. Онъ, казалось, повелѣвалъ грому,
„попиралъ ногами враговъ побѣжденныхъ; ви-
„дѣлъ я это, и прошелъ только мимо его; —
„онъ исчезъ.“

И сіи слова *Сатаны* къ *Безъзевулу* изъ по-
перяннаго рая *Милтонова*.

„Ты ли *Херувимъ*, прежде покрывавшій

„Другихъ сѣнію криль своихъ? шы ли пошъ
„Ангель, кошораго сіяніе помрачало небеса? О!
„какъ мало нынѣ походишь шы на него! взаим-
„ный союзъ, согласіе мыслей и намѣреній, па
„же надежда и шѣ же опасности привели тебя
„со мною къ славному предпріятію. Увы! ше-
„перь бѣдствіе соединяетъ насъ: шы видишь,
„въ какую бездну и съ какой вышины мы низ-
„пали. Молнія низпровергла наши полки. Же-
„спокое оружіе, кошораго сила доселѣ была
„намъ неизвѣстна!“

VI. О Противныхъ.

Противными называются тѣ вещи, кошо-
рыя не могутъ бытъ въ одно время въ еди-
номъ предметѣ.

Сіе общее мѣсто употребляется въ рѣчи
для того, чшобы одну идею опровергнувъ
другою, и показавъ, чшо одинъ предметъ весь-
ма противоположенъ другому, и съ симъ
вмѣстѣ споятъ не можешъ.

Противно, на примѣръ, истинѣ думаешь,
чшо чести не обязываютъ насъ ни къ какой
должности. Сообразно сему началу *Бурдалу*
дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ честолоби-
вымъ, кошорые ищутъ оныхъ для того шоль-
ко, чшобы жить веселѣе.

„Какой отвѣтъ дадите вы Богу, о сыны
„вѣка сего! или чѣмъ вы оправдате свою праз-
„дность и недѣятельность, занимая мѣста,
„пробующія неусыпнаго бдѣнія и великаго вни-
„манія? Чшо *Бернардъ* говорилъ по смиренію,
„шо вы можете говорить по истинѣ: я хи-
„тера вѣка сего; ибо я есмь все, и есмь ничшо;

„или лучше, я хочу достигнуть всего, и не
„дѣлать ничего. Я градоправитель, но имѣю
„только власть и одежду градоправителя,—
„это значитъ быть градоправителемъ и не
„быть. Я судья, но имѣю только богатство
„и пышность судьи; это значитъ быть су-
„дьею и не быть. Я служитель церкви, но
„ношу только чинъ и одѣяніе служителя цер-
„кви;—это значитъ быть церковнослужите-
„лемъ и не быть: *химера всяка сего!* Прекрасное
„зрѣлище, продолжаетъ шопъ же *Бернардъ*, го-
„воря о нѣкоторыхъ служителяхъ Хрісто-
„выхъ, прекрасное зрѣлище видѣть ихъ посвя-
„тившихъ себя церкви, но для чего? Для того,
„чтобы собирать доходы, чтобы показывать-
„ся въ златой одеждѣ, а не для того, чтобы
„служить олшарю, находиться при Божес-
„венной службѣ, облегчать нужды бѣдныхъ,
„наставлять людей, упражняться въ назиданіи
„душъ, имъ ввѣренныхъ Провидѣніемъ. Что
„они суть? Ихъ ничѣмъ не лзя назвать; ибо,
„еслили по истинѣ судить, они ни свѣтскіе,
„ни духовные, ни спашскіе, ни военные; *хи-
„мера всяка сего!*“ (Слово о честолубіи.)

Иногда прошивныя представляютъ только
противоположеніе, находящееся между двумя
различными состояніями, какъ видно въ сихъ
словахъ *Массильона*.

„Какое благодѣяніе можетъ сравниться съ
„освобожденіемъ отъ ига грѣхознаго? Ты по-
„раженъ будучи ужасомъ злодѣяній своихъ,
„пришелъ исповѣдаться оныя предъ олшаремъ, и
„далъ Богу обѣщаніе жить исправнѣе. Вспомни

„по плачевное состояніе, изъ котораго благо-
 „дашь тебя извлекла. Ты былъ сынъ гнѣ-
 „ва, членъ антихріста, чудовище порока: ты
 „былъ обремененъ тысящами проклятій, ко-
 „торыя дѣлали тебя вѣчнымъ врагомъ Божи-
 „имъ; ты уже не имѣлъ участія въ упованіи
 „Хрістіанъ, ты былъ уже осужденъ, и осуж-
 „деніе швое было несомнѣнно: несчастіе швое
 „могло ли бытъ ужаснѣе? Но сему бѣдсшвен-
 „ному состоянію прошивопоставъ положеніе,
 „въ которомъ благодашь тайнсшвъ тебя уш-
 „вердила; ты спалъ чадомъ Божиимъ, наслѣд-
 „никомъ неба и будущихъ обѣшований, живымъ
 „членомъ Іисуса Хріста; душа швоя, облекшись
 „въ правду, содѣлалась жилищемъ Духа Свя-
 „шаго; ты получилъ даръ любви, даръ неш-
 „лѣнный и превышающій всѣ блага земли, даръ,
 „сѣ которымъ ты имѣешь всѣ другіе дары, и
 „безъ котораго, хощя бы ты былъ на пропѣ,
 „ты ничто. Что можно еще присовокупить
 „къ великости сего благодѣянія Божія?“

(Слово о вторичномъ грѣхопаденіи.)

Противныя также состоятъ часшо въ
 просшомъ прошивоположеніи двухъ идей, ко-
 торыя опъ онаго взаимную ясность получа-
 юшъ. Симъ - шо образомъ *Тертулліанъ* прошиво-
 полагаетъ добродѣтели Хрістіанъ добродѣте-
 лямъ мудрѣйшихъ Философовъ языческихъ.

„Еслили разсудимъ о цѣломудріи и шѣхъ
 „и другихъ.... Демокришъ, лишая себя зрѣнія,
 „признается въ сладосшрасшїи, шо есть, что
 „онъ не могъ взирать на женщинъ и не чув-
 „сшвовашъ похоти, и жалѣлъ, когда не полу-
 „чалъ желаемаго: но Хрістіанинъ, зравыми

„очами взирая на жену, слѣпъ душою, и не
„имѣешь плотскаго вождельнiя. Есѣли ска-
„жемъ о кропоспи, се Дiогенъ гордые ковры
„Платона грязными ногами съ другою гордо-
„стию попираетъ, но Хрiстіанинъ ниже предъ
„убогими гордится. Есѣли предскажемъ без-
„корыстiе; се Пифагоръ у Туріянъ, Зенонъ у
„Принессовъ добивающся ширанинъ; но Хрiсті-
„анинъ не ищетъ власпи. Есѣли о вѣрности
„вспомынемъ, Анаксагоръ пришельцамъ не оп-
„далъ поклажи; Хрiстіанинъ и внѣ дома своего
„вѣренъ. Есѣли спросишь о великодушiи, Ари-
„стофель безчестно поступилъ съ сродникомъ
„своимъ Гермiемъ; Хрiстіанинъ и врага своего
„не оскорбляетъ, и пр.“

Есть еще способъ употреблять прошивныя
въ рѣчахъ съ успѣхомъ. Онъ состоишь въ томъ,
чтобы прежде сказать о вещи то, что она не
есть, дабы предоставишь слушателю удоволь-
ствiе предусмотрѣшь подлинное оной опредѣ-
леніе, какъ видно въ семъ примѣрѣ.

„Ежели бы не превзошелъ онъ человѣче-
„скiя добродѣтели, ежели бы его мужество и
„благоразуміе не оживлены были духомъ вѣры
„и любви: то помѣспилъ бы я его на чреду
„Фабіевъ и Сципіоновъ, оставилъ бы суешно-
„сти попеченіе воздавать чести суешъ, и не
„пришелъ бы въ мѣсто освященное гласишь
„похвалу человѣку, благочестіемъ не озарен-
„ному. Ежели бы онъ скончалъ дни свои въ
„слѣпошѣ и заблужденіи, то вообще бы вос-
„хвалилъ я добродѣтель неувѣнчанную Богомъ,
„напрасныя бы пролилъ я слезы на его гробъ;
„а ежели бы и проповѣдалъ я славу его, то развѣ

„покло для того, щобъ возрыдать о его
„бѣдствіи. Но благодареніе Господу Іисусу, я
„бесѣдную о Хрістіанинѣ, свѣтомъ вѣры про-
„свѣщенномъ, дѣйствующемъ по правиламъ за-
„кона числаго, и опъ искренняго благочестія
„приносящемъ на жертву сокрушенія все то,
„что можетъ ласкать любочестію или гордынѣ
„человѣческой.“ (Флешьеръ въ надгр. словъ Тюренну.)

VII. О Обстоятельствахъ.

Обстоятельства суть изъ всѣхъ общихъ
мѣстъ такое мѣсто, опъ котораго Орапоръ
можетъ получать весьма великую пользу. Они
изображаютъ подлинное состояніе вещей, они
раздѣляютъ и опличаютъ дѣла человѣческія,
представляютъ оныя добрыми или порочными,
презрѣнными или ироическими.

Обстоятельства опносятся къ дѣлу и ли-
цамъ; опносящіяся къ дѣлу суть: мѣсто, вре-
мя, средства, побужденія и способъ; опно-
сящіяся къ лицамъ суть: имя, возрастъ, со-
стояніе, спраспи, и проч.

Пророкъ изображаетъ неблагодарность грѣ-
шниковъ обстоятельствами, опносящимися
къ ихъ лицамъ.

*Ты же, теловеѣте равнодушне, владыко мой и
знаемый мой, иже кулно со мною наслаждался еси
бращень; въ дому Божіи ходихомъ единомышлені-
емъ. (Псал. 54. сп. 14 и 15.)*

Массиліонъ, дабы доказать грѣшнику гнус-
ность его вторичнаго паденія, напоминаетъ
ему то время, когда первыя преступленія ему
прощены были, и какъ онъ получилъ сіе благо-

дѣяніе, — два обстоятельства дѣлающія его болѣе виновнымъ:

„Въ какой опасности была ты, невѣрная
„душа, когда Богъ тебя посѣпиль? Увы! въ
„глубокомъ усыпленіи ты гопова была низ-
„ринуться въ послѣднюю бездну нечувстви-
„тельности, откуда нѣтъ уже возвращенія; и
„ты бы совсѣмъ можеть быть погибла, еспѣ-
„ли бы Онъ въ семъ бѣдствіи не явилъ тебѣ
„благодати Своей. Какое время избралъ Онъ
„явить тебѣ оную? Ахъ! можеть быть время
„самого грѣха твоего, время, когда ты неис-
„повсѣдовала и крѣпкоствъ удовольствія пред-
„почитала Богу твоему: въ сію ужасную ми-
„нушу, въ которую могъ бы Онъ поразишь
„тебя всѣми громами Своими, Онъ низлилъ на
„тебя росу милоспей. Еспѣ ли что прога-
„пельнѣе благодѣянія, оказываемаго въ то
„время, когда пріемлющій оное озлобляетъ да-
„ющаго? Что ты чувсѣдовала, когда Онъ удо-
„стоилъ тебя милосердаго воззрѣнія? Была ли
„ты щасплива въ удовольствіяхъ своихъ, безъ
„Него? Ты предана была шѣмъ гореспямъ, ко-
„порыя обыкновенно слѣдуютъ за спраспями,
„оставлена была шварямъ, которыхъ Творцу
„предпочитала; удовольствія казались тебѣ
„уже скучными, и во грѣхѣ своемъ ничего ты
„не находила, кромѣ мучительныхъ грызеній;
„и въ семъ-то положеніи своемъ ты обману-
„шая ложными богами, на которыхъ надежду
„возлагала, въ семъ положеніи что ты узрѣла?
„Господь умилисердился надъ тобою, посѣпиль
„тебя съпующую, спаль твоимъ утѣшителемъ,
„лемъ, другомъ скорби твоея; ахъ! могъ ли

„Онъ избрать лучшее время на то, чтобъ
„дать тебѣ почувствовать цѣну Его благо-
„дѣянія, и обязать тебя къ вѣчному благода-
„ренію и вѣрности? но ты,“ и проч.

Обстоятельствва послѣдовавшія за смертію
Тюренна, чувствительнѣйшею дѣлають потерю
сего Героя. И потому -- по *флешъеръ* скопилъ
онѣя съ великимъ искусствомъ, дабы возбу-
дить вѣщее сожалѣніе въ націи:

„Едва я не прерываю здѣсь слова моего:
„смущаюсь я, слушатели; Тюреннъ умираетъ,
„все приходитъ въ замѣшательство, колеб-
„лется фортуна, побѣда поминется, миръ уше-
„каетъ, добрыя намѣренія союзниковъ про-
„хлаждаются, мужество войскъ отъ печали
„изнемогаетъ, и возбуждается мщеніемъ, весь
„спанъ въ неподвижности пребываетъ. Ране-
„ные не о ранахъ, но о претерпѣнной ими
„потерѣ помышляютъ; умирающіе опцы оп-
„сылаютъ сыновъ своихъ проливать слезы на
„гробъ умершаго ихъ вождя; войско, облачен-
„ное въ печаль, занимается возданіемъ ему
„погребательнаго долга; а гласъ вѣщанія, раз-
„сѣвающій въ міръ повѣствованія о произ-
„шествіяхъ чрезвычайныхъ, печать испол-
„нитъ всю Европу разглагольствіемъ о слав-
„ной жизни онаго князя, и прискорбнымъ со-
„жалѣніемъ о смерти его. Сколько воздыханій,
„сколько жалоспныхъ воплей, сколько похвалъ
„тогда разнеслось во градахъ и селахъ! Одинъ,
„видя распушее жито свое, благословляетъ
„память того, которому онъ обязанъ надеж-
„дою жатвы; другой, спокойно еще владѣя
„наслѣдствомъ, полученнымъ отъ предковъ

„своихъ, желаетъ вѣчнаго покоя избавившему
„его отъ безчинствъ и лютоостей брани. Здѣсь
„приносима Хрісту молившаяся жертва о
„душѣ принесшаго жизнь и кровь свою въ
„жертву общему благу; тамъ учреждается ему
„погребеніе, гдѣ чаяли устроить для него
„погребеніе. Всякъ избираетъ то, что ему
„блистательнѣйшимъ въ жизни почитаетъ
„ной представляется. Всѣ предпріимлютъ хва-
„лу ему, и каждый своими воздыханіями и сле-
„зами прерывая слово свое, удивляется про-
„шедшему, скорбитъ о настоящемъ, и прене-
„щетъ помышляя о будущемъ. Тако цѣлое
„государство оплакиваетъ смерть своего за-
„щитника, и потеря единого человѣка есть
„бѣдствіе общее.“ (Надгроб. слово Тюренну.)

Изъ всего сказаннаго нами о внутреннихъ
Риторическихъ мѣстахъ можно узнать, какое
есть общее дѣйствіе оныхъ. Оно состоитъ въ
томъ, чтобы точное понятіе о предметѣ сво-
его слова подавать опредѣленіемъ, раздѣляя
всѣ части онаго изчисленіемъ, изслѣдывать и
выставляя всѣ отношенія и противности,
которыя могутъ встрѣчаться между предме-
томъ разбираемымъ и какимъ нибудь другимъ,
находить истинную причину, производящую
дѣйствіе, и слѣдствія, которыя происходятъ
изъ оной; наконецъ настоять на обстоятель-
ства, изображающія свойство предмета, и
различающія оной отъ всякаго другаго.

Можно также изъ сихъ различныхъ подроб-
ностей заключить, что Риторическія мѣста
полезны Оратору, а особливо тому, который

еще вступаешь въ поприще свое. Дабы ошутпительнѣе сіе представить, посмотримъ, какую пользу можетъ онъ почерпнуть изъ оныхъ, разбирая какой нибудь предметъ. На примѣръ, хочешь онъ говорить о злословіи; вошь, безъ сомнѣнія, маперія важная и могущая заключать въ себѣ великія подробности. Пусть онъ прибѣгнетъ къ методѣ общихъ мѣстъ, то выполнитъ планъ свой достаточнымъ образомъ.

1. *Опредѣленіе* подаетъ справедливое понятіе о злословіи и ошкроеетъ свойство онаго.

2. *Изчисленіе* разберетъ различные виды онаго, кои суть: злословія жестокія, перзающія явно чешъ ближняго; злословія лицемѣрныя, которыми ревность и польза религіи служатъ предлогомъ; злословія опаснѣйшія, которыя скрываются въ безразсудныхъ шушкахъ; злословія безгласныя, и проч.

3. *Причины* покажутъ, что сей порокъ обыкновенно происходитъ отъ гордости, зависти, ненависти, мщенія, корыстолюбія, досады, своенравія, и проч.

4. *Дѣйствія* увѣрятъ, что онъ погубляетъ вмѣстѣ и злословимыхъ и злословящихъ, и шѣхъ, при которыхъ злословіе сіе бываетъ.

5. *Обстоятельства* представляютъ, что онъ можетъ обнаруживаться шѣлдвиженіемъ, шѣномъ голоса, шѣкъ какъ и словами.

6. *Сравненіе*, что онъ подобенъ зминому яду, которой разпространяется со щѣкопаніемъ, по выраженію Писанія, и проч.

7. Наконецъ *Противныя* открываютъ ощутительное различіе между злословіемъ и любовію Хрістіанскою.

Всѣми сими пособіями, истощающими матерію, спомоществуемъ будучи Орапоръ, долженъ употреблять оныя кспати, твердо доказывать свое главное предложеніе, раздѣленія дѣла на почныя, доказательства приводить ясныя и съ искусствомъ расположенныя, и тогда слово его будетъ имѣть успѣхъ, благоразумнымъ шрудомъ заслуживаемый.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О

Мѣстахъ Реторическихъ внѣшнихъ.

Такъ называются они поному, что суть такія пособія, копорыя Орапоръ получаетъ внѣ своего предмета: одни приличествуютъ краснорѣчію судебному, а другія церковному. Приличествующія судебному краснорѣчію суть: законы, обыкновенія, указы, повелѣнія, и проч. на копорыя адвокатъ часто принужденъ бываетъ ссылаться, и кои помогаютъ ему въ защищеніи дѣла.

Мѣста Реторическія внѣшнія, относящіяся особенно къ краснорѣчію церковному, суть: Священное Писаніе, преданіе, соборы, церковная исторія, свидѣтельства святыхъ Отецъ, и проч.

Остановимся на малое время, дабы показать, сколь нужно Хрістіанскому Орапору

знаніе сихъ мѣстъ для благоуспѣшнаго исполненія своего званія.

1. Священное Писаніе. — Въ семь - то обильномъ источникѣ можетъ онъ почерпнуть начала Хрістіанскаго ученія и нравственности, свидѣтельства для утвержденія своихъ умозаключеній, и единственныя запасъ истинъ, которыя онъ предпріемлетъ разкрывать. *Всяко писаніе Богодуховенно есть, и полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ.* (2 Тим. III, 16.) Въ Священныхъ - то Книгахъ найдетъ онъ нѣ высокія мысли, нѣ краснорѣчивыя изображенія, нѣ удачныя иносказанія, нѣ глубокомысленныя изреченія и нѣ спрасныя пореванія, которыя долженъ онъ по благоприспоспѣнности присвоивать себѣ, естли къ несчастію не имѣетъ ревности и благочестія. — Подлинно, чего величественнаго, высокаго, удивительнаго Божественное Писаніе въ себѣ не заключаетъ? Сколько Репорическихъ богатствъ содержится въ ономъ! Ежели хочешь возвышеннаго и величественнаго спилля; какой образецъ предпочтешь ты *Исаи*? Ежели любишь карпины ужасныя или прогательныя; то найдешь оныя въ *Іереміи* и *Іезекиилѣ*. Естли больше любишь движенія кропчайшія и нѣжнѣйшія, подражай *Данилу*. Ежели хочешь изъяснять самую чистую и благоразумнѣйшую нравственность, разкрой книги *Соломона*. Ежели предпріемлешь изображать чувствованія благочестія и основательной набожности, псалмы *Давида* преисполнены сего. Ежели желаешь открывать высочайшія таинства вѣры, какую высокость, какую глу-

Св. Т. Трубец.

бину найдешь ты въ посланіяхъ святаго Павла! Но что сказать о Евангеліи? Какая прогашельная пріятность въ наставленіяхъ Иисуса Хріста! Какая высокость въ Его изреченіяхъ! Какая глубокая мудрость въ Его бесѣдахъ! Какая краснорѣчивая простота въ Его выраженіяхъ!

И такъ чтеніе Священныхъ Книгъ для того, кто опредѣляетъ себя къ назиданію вѣрующихъ, есть упражненіе необходимое. Онъ долженъ, по совѣту блаженнаго *Иеронима*, день и ночь сидѣть надъ Писаніемъ: *Tenentem sacros codices somnus obrepat, et cedentem faciem pagina sancta suscipiat*. Не долженъ онъ поспѣть надъ изслѣдываніемъ смысла и глубины онаго: скоро онъ возчувствуетъ, что возвыщаемыя имъ испины, облечены будучи въ Божественное свидѣтельство, имѣютъ вѣдущую силу, и производятъ живѣйшее впечатлѣніе.

Но относительно къ употребленію, какое долженъ Хрістіанскій Ораторъ дѣлать изъ Священнаго Писанія, весьма нужно ему умѣть различать смыслы, въ которыхъ по надлежащему принимаешь оное можно. Оныхъ суть два рода: смыслъ буквальный и смыслъ духовный.

Первый раздѣляется на буквальный строгій, или собственный, и буквальный фигуральный. Одинъ самымъ звукомъ словъ даетъ разумѣть то, что онъ означаетъ: „Возлюбиши Господа Бога твоего;“ другаго значенія сокрываются подъ нѣкоторымъ изображеніемъ, и онъ не менѣе употребителенъ, какъ и первый. На примѣръ: *Аще око твое соблажняетъ тя, изми с; бгущему ты по ланитѣ обрати и другую*.

*Никтоже возложь руку на рало, и зря вслѣть,
управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ.*

Смысль духовный есть проякій: нрав-
ственный, аллегорическій и таинственный.
Нравственный есть пошъ, который содер-
житъ въ себѣ нравоученіе, то есть, смыслъ
клонящійся къ исправленію нравовъ. Аллего-
рический припоминаетъ объ одномъ предметѣ
черезъ другой; таковы суть Припѣчи Вепхаго
и Новаго Завѣта. Таинственный ведетъ
насъ отъ чувственныхъ предметовъ къ умо-
зрипелънымъ.

2. *Преданіе*, то есть, ученіе Іисуса Хріста
и Апостолѣвъ, дошедшее до насъ непрерыв-
нымъ послѣдствіемъ временъ, постановленія со-
боровъ и церковная исторія суть также обиль-
ные источники свидѣтельствъ и примѣровъ,
придающіе силу доказательствамъ, облегчаю-
щіе средства убѣжденія, объясняющіе трудно-
спи, наипаче въ матеріяхъ спорныхъ. Но для
сего пошребно также въ Орапорѣ вниматель-
ное и разсудительное познаніе, ежели онъ хо-
четъ имѣть хорошій разборъ въ приводахъ,
поставляя оныя въ надлежащихъ мѣстахъ, и
допускаемое всѣми вообще опличать отъ того,
что подлежитъ противорѣчіямъ, или исторіи
достоверныя отъ тѣхъ, которыя не имѣютъ
сего качества.

3. *Святые Отцы*. Какую бы матерію пропо-
вѣдникъ ни избралъ, онъ имѣетъ въ сочинені-
яхъ ихъ обширное поле, на которомъ безъ со-
мнѣнія можетъ сыскать все то, что весьма
основательнѣйшаго можетъ сказать о своей
манеріи; не только начала съ послѣдствіями,

мешины съ доказательствами, правила съ при-
наровленіями, но и весьма часто мысли и обо-
рошы, такъ что посредственной самъ по себѣ
проповѣдникъ вдругъ обогащается отъ сокро-
вищъ другаго, которыя по его употребленію
дѣлаются его собственнымъ добромъ. Никто
не можетъ поспавлять ему въ порокъ, что
онъ украшается сими драгоценными добычами;
напрощивъ того должно его осудить, если
онъ свои собственные мысли предпочитаетъ
мыслямъ сихъ великихъ мужей, которымъ по
особенному преимуществу дано право учить
и по смерти своей всѣ страны и всѣ вѣки.

Впрочемъ мы не утверждаемъ, что необ-
ходимо нужно знать ихъ всѣхъ; это бы было
чрезвычайный трудъ: должно изъ нихъ дѣлать
выборъ. Святой *Іоаннъ Златоустъ*, Святой *Ва-
силій*, *Лактанцій*, и Святой *Григорій Назіанзинъ*
суть такіе, которыхъ можно употреблять съ
великою пользою. Въ сихъ Опцахъ есть вкусъ,
обиліе, краснорѣчивая истина, коихъ не до-
стаетъ въ *Тертуліанѣ*, Святомъ *Амвросіи* и
нѣкоторыхъ другихъ. Должно приводить сихъ
Опцовъ только во свидѣтельство, а рѣдко по-
дражать ихъ складу (*).

(*) Разсужденіе знаменитаго *Фенелона* о Святыхъ
Опцахъ можетъ оправдать данное почтеніе къ нимъ.
„Нѣкоторые просвѣщенные люди, говоритъ онъ, не опа-
„ютъ Опцамъ надлежащей справедливости; судятъ объ
„нихъ по нѣкоторымъ грубымъ метафорамъ *Тертуліана*,
„по нѣкоторымъ надутымъ періодамъ Святаго *Кипріана*,
„по какому нибудь темному мѣсту Святаго *Амвросія*, по
„какому нибудъ хитрому и риетворному анишезу
„*Августина*; но надобно припомнить испорченной вкусъ
„тѣхъ временъ, когда сіи Опцы жили. Римъ упалъ, въ
„Аѳинахъ также науки приходили въ худое состояніе,

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О

ДОВОДАХЪ.

Ораторъ, выбравъ родъ доказательствъ приличный своему предмету, долженъ выбирать доводы, то есть, какъ дѣлалъ умозаключенія, дабы весьма удобно увѣрять и убѣждать слушателей.

Въ самой вещи, не всякое предложеніе имѣетъ такую ясность, какую аксіома. Почему нужно, для осязательнаго представленія истины онаго, прибѣгать къ умозаключенію. Многія предложенія весьма истинны сами въ себѣ; но люди, которымъ Ораторъ говоритъ, представляются какъ бы опровергающими спра-

„когда святой *Василій* и святой *Григорій Назіанзинъ* тогда пріѣхали; употребленіе умовъ взяло верхъ. Отцы учившіеся у худыхъ Римлянъ своего времени, завлечены были во всеобщій предразсудокъ. Тогда думали, что не позво-
„ляется говорить просто и натурально.... Не говорить
„должно было, а декламировать. Но если кто возьметъ
„періоды изслѣдовать сочиненія *Опцевъ*, то онъ найдетъ
„въ нихъ драгоцѣнности. Въ святомъ *Кипріанѣ* есть высо-
„кость и сила духа подобная *Демосгеновой*. Въ святомъ
„*Златоустѣ* есть разсужденія отборныя, картины благо-
„родныя, правоученіе чувствительное и любезное. *Авгу-*
„*стинъ* вмѣстѣ и высокъ и простонароденъ; онъ къ са-
„мымъ высокимъ началамъ восходитъ самыми простыми
„оборотами, онъ вопрошаетъ, онъ заставляетъ себя во-
„прошать, онъ отвѣтствуетъ, это есть разговоръ между
„нимъ и его слушателемъ. Не лѣзя не удивляться тому,
„что въ сочиненіяхъ *Опцевъ* есть изящнаго и величест-
„веннаго, когда выразишь тѣ вѣки, въ которые они пи-
„сали. Прощаютъ *Монтаню* Гасконскія выраженія, и *Ма-*
„*роту* старинный слогъ, для чегожъ въ святыихъ *Опцахъ*
„не хотѣтъ извинять надутости свойственной ихъ вре-
„мени, съ которою можно найти истины драгоцѣнныя,
„и изображенныя сильнѣйшими чертами?“

ведливостъ оныхъ. И такъ долженъ онъ употреблять разсудокъ, дабы разрушать ихъ заблужденіе и доводить ихъ до своего мнѣнія. Но въ помъ и другомъ случаѣ какой родъ доводовъ избрать ему? Краснорѣчіе не такъ поступаетъ, какъ Философія. Философія въ доказаніи предложенія довольствуется вѣрностію, ясностію и краткостію: но краткость, необходимая въ Философскомъ положеніи, можетъ препятствовать дѣйствию ораторскаго слова. Кто представляетъ только связь предложеній хотя убѣдительныхъ, но неимѣющихъ нѣкотораго оборота, возбуждающаго вниманіе, и дающаго болѣе твердости и силы доказательствамъ, тому трудно достигнуть своей цѣли: ибо для увѣренія великаго собранія, состоящаго изъ разныхъ классовъ гражданъ, не довольно говорить разсудительно, но должно еще нравиться, плѣнять и прогашь. И такъ есть искусство употреблять только такіе доводы, которые могутъ производить сіи дѣйствія, а въ прочихъ скрывать скучную схоластическую сухость.

Ежели умствование должно быть основаніемъ слова, то попребно, чѣмъ сие основаніе, такъ какъ и въ зданіяхъ, не видно было; должно направлять къ сердцу главныя силы краснорѣчія. Слово, все состоящее изъ умствования, заставляетъ слушателя о многомъ спорить съ самимъ собою, а можетъ быть и съ тѣмъ, кого онъ слушаетъ; но сердце, пронутое сильными чувствованіями, уже не пропихивается, и истина торжествуетъ.

Приличнѣе всѣхъ краснорѣчію роды дово-

довъ суть слѣдующіе: *Илотезъ*, *Дилемма*, *Примѣръ*, *Индукція* и *Энтимема*.

Илотезъ состоитъ въ приведеніи такого предложенія, которое рѣшило бы задачу, если бы было истинно. На примѣръ: „ежели бы „Богъ невѣрнымъ такое же оказывалъ милосердіе, какое вамъ; то презрѣли ли бы они „тѣ милоспши, копорыя благоспъ Его вамъ являеть? ... Ежели бы смерпъ поспигла васъ въ „сію минупу; въ какомъ состояніи явились бы „вы страшному суду Божию?“

Дилемма есть умозаклученіе сложное, въ копоромъ Орапоръ, раздѣливши цѣлое на частп, заключаеть утвердительно или отрицательно о цѣломъ то, что заключилъ о каждой частп. На примѣръ, хочешь ты доказать, что не можно прожить въ мірѣ семъ безъ всякой скорби и печали, и сіе можешь сдѣлать слѣдующею Дилеммою. „человѣкъ въ мірѣ семъ не „иначе можешь жить, какъ или предаясь спра- „спямъ, или противоборствуя онымъ. Еже- „ли онъ имъ предается, то это мучительное „состояніе: ибо всѣ спраспи дѣйствительно „суть ничто иное, какъ мучители сердца чело- „вѣческаго: ежели онъ имъ противоборствуетъ, „то подъемлетъ непреспанное мученичество: „поелику нѣтъ ничего болѣзненнѣе, какъ не- „прерывно воевать съ самимъ собою. И такъ „не должно надѣяться жить въ мірѣ семъ безъ „скорби и печали.“

Примѣръ есть доводъ, въ копоромъ отъ одной частной вещи заключається къ другой частной. Такимъ образомъ *Бурдалу*, коего логика весьма убѣдительно, опровергаеть даже

извиненія, обыкновенно представляемыя для
описыванія помощи бѣднымъ. „Время нынѣ
„худое, говоритъ онъ своимъ слушателямъ,
„всякой спраждесть, и проч. И чтожь изъ того
„вы заключите? Ежели всѣ спраждутъ, ни-
„щіе не спраждутъ ли также? и ежели спра-
„данію нищихъ подвержены и богатые, до чего
„должны доведены быть нищіе самые? И такъ
„кто обязанъ спомоществовать спраждущему
„больше, естли не тотъ, кто спраждесть
„меньше? и проч.“

Индукція есть умозаключеніе, чрезъ которое
отъ познанія многихъ частныхъ вещей дохо-
дятъ до познанія истины общей. На примѣръ:
„Исавъ плакалъ, но слезы его были щещны.
„Саулъ молилъ о прощеніи, но онаго не полу-
„чилъ. *Фараонъ* призналъ свое злодѣяніе, но онъ
„осужденъ. *Антіохъ* покаялся, но Богъ не внялъ
„ему. *Иуда*, предавшій Учителя своего, умеръ
„съ опчаянія, и онъ во адѣ. Послѣ сего, грѣш-
„никъ надѣйся, ежели хочешь, и проси, естли
„смѣешь, благодати, которая тебя обрапила
„и спасла бы при смерти.“

Энтимема сложена бываетъ изъ двухъ пред-
ложеній, слѣдующихъ одно изъ другаго. На
примѣръ: „какой бы санъ мы ни имѣли въ мі-
„рѣ, какое бы ни было наше состояніе, смерть
„не различаетъ всѣхъ сихъ пустыхъ шипловъ,
„и спавитъ насъ наравнѣ съ нищими. И такъ
„не благоразумно надмѣваться споль крапко-
„временнымъ состояніемъ, которое отъ еди-
„наго дуновенія можетъ разрушиться.“

Кромѣ сихъ различныхъ доводовъ, коимъ
краснорѣчіе даетъ нѣкоторый характеръ воль-

носии, непозволяемой въ школахъ, есть еще одинъ, которой необходимо нужно знать Орактору, собственно *Силлогизмъ* называемый. Правда, онъ рѣдко случается въ связи слова, но самое слово должно быть въ формѣ Силлогизма, коего первое предложеніе есть въ приспущѣ, второе въ раздѣленіяхъ, а послѣдствіе въ заключеніи. И такъ первое правило для Орактора въ сочиненіи, наблюдать сію методу, и смотрѣть, можетъ ли его предложеніе приведено быть въ силлогизмъ. Если можетъ, то онъ съ благонадежіемъ исполнить сіе вѣрное предначертаніе.

Но чѣмъ бы оцѣнительнѣе представить сіе столь нужное правило, выберемъ примѣръ. Положимъ, что хочешь кто нибудь говоришь о блаженствѣ праведниковъ, и дабы болѣе сократить сію матерію, представляешь ихъ оскорбляемыми. Посему форма его расположенія можетъ быть слѣдующая:

Тѣ только люди блаженны, которые утѣшаются въ своихъ скорбяхъ. (Предложеніе основательное и матерія приспуща.) Но одни только праведники утѣшаются въ своихъ скорбяхъ: (сіе должно доказывать въ самомъ словѣ.) Следовательно одни только праведники блаженны. (Послѣдствіе и заключеніе.)

Такимъ образомъ *Массильонъ* доказываетъ сію любопытную матерію, и искусные Оракторы никогда не удалялись отъ сей прекрасной методы. Почему должно держаться оной. Дабы успѣть въ проповѣдничествѣ, надобно быть хорошимъ логикомъ. Всякой, не имѣющій сего дара, подвергается премногимъ

погрѣшностямъ. Не умѣя умствовать, онъ конечно осквернитъ свое званіе.

Сколь ни важно изобрѣшеніе, но пособія, которыя оно подаетъ Орактору, имѣютъ свою цѣну только тогда, когда они употребляются надлежащимъ образомъ. Почему надобно умѣть выбирать время для употребленія ихъ, и давая идеямъ своимъ такой порядокъ, которой бы обращалъ на себя вниманіе слушателя, и непринужденно доводилъ его до главной матеріи слова. Сіе нужное расположеніе, естественное слѣдующее за изобрѣшеніемъ, пребудетъ нѣкоторыхъ объясненій, которыя мы теперь предложимъ.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я

О

Р А С П О Л О Ж Е Н І И.

Расположеніе есть правильное распредѣленіе всѣхъ частей слова по своимъ мѣстамъ, такъ чѣмъ слушатель могъ ихъ видѣть и объясъ, ихъ не смѣшивая.

Дабы увѣришься въ пользѣ сей методы, вспомнимъ, что главная цѣль всякаго Орактора есть научать; но онъ говоритъ такимъ людямъ, которыхъ естественное самолюбіе предостерегаетъ отъ всякаго принужденія, и которые не иначе его слушаютъ, какъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію. Почему нужно ему сперва вкрадываться въ ихъ умъ, и потомъ предлагать имъ свои разсужденія убѣдительно,

испребляшь ихъ предразсудки, а наконецъ возбуждаешь въ нихъ чувствительность нѣжными ощущеніями, или приводишь ихъ внѣ себя сильными движеніями. Сія весьма просшая постепенность естественна опредѣляетъ порядокъ всѣхъ частей слова. И слѣдовательно

1. Надобно ему имѣть *приступъ*, дабы приготовить слушателя къ благосклонности, предлагая матерію, о которой хочешь говорить.

2. Послѣ приступа долженъ онъ иногда дѣлать *повѣствованіе*, которое бы подало ясное, правильное и полезное понятіе о матеріи.

3. Потомъ должно предлагать *доказательства*, дабы утвердить многими доводами истину фундаментальнаго предложенія, предупредишь или опровергнушь возраженія и объяснишь трудности.

4. Наконецъ все, что краснорѣчіе имѣетъ сильнѣйшаго или спрашнѣйшаго, должно быть въ *заключеніи*, для довершенія ораторскаго шоржества.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ПРИСТУПЪ.

Приступъ есть часть слова, въ которой Ораторъ предполагаетъ снискасть благосклонность слушателей, и приготовить ихъ къ тому, о чемъ онъ хочеть говорить.

Раздѣляющъ оной на два рода: приступъ спремительный или быстрый, и тихій или умѣренный.

Ж

Спремилительный приступъ бываетъ тогда, когда Орапоръ, будучи одушевленъ какою нибудь страстію, или сильно занявъ важностію своего предмета, поспѣшаетъ сообщить слушателямъ восторгъ свой, и влечетъ ихъ, не давая имъ времени къ размышленію. Примѣръ: *Боссюэтъ* начинаетъ надгробное слово Герцогинѣ Орлеанской слѣдующимъ образомъ.

„И такъ мнѣ надлежитъ воздать сей печальный долгъ Генріэттѣ Аннѣ, высочайшей, и могущеслѣдственной Государынѣ Англійской, Герцогинѣ Орлеанской.—Ей, копорая съ великимъ вниманіемъ слушала меня, когда я воздавалъ такой же долгъ Королевѣ, ея матери, ей суждено вскорѣ послѣ того быть предметомъ подобнаго слова, а мнѣ предуготовить жалостный гласъ свой къ сему плачевному служенію. О суета! О ничтожество! О смертные незнающіе своя судьбы! думала ли она объ этомъ за десять мѣсяцовъ предъ симъ? И вы, слушатели, помышляли ли въ то время, когда она здѣсь проливала слезы, помышляли ли, что скоро опять должно будетъ вамъ сюда собраться, для оплаканія ея самой? Государыня, предметъ удивленія двухъ великихъ Державъ! не довольно ли было для Англіи скорбѣть о своемъ опускшеніи? Нынѣ должна она оплакивать и смерть свою. И Франція, узрѣвшая себя паки съ толикою радостию, облеченну въ новое сіяніе, не имѣла ли для тебя другихъ великолѣпныхъ почестей, послѣ своего знаменитаго путешествія, копорымъ приобрѣла ты столь громкую славу и столь лестныя надежды? Суета

„суетствій, и всяческая суета. Вотъ что мнѣ
„сказать оспается; вотъ о чемъ размыслишь
„позволяетъ мнѣ столь чувствительная и
„справедливая печаль въ семъ неожиданномъ
„заключеніи.“

Прислупъ надгробнаго слова Герцогинѣ
Эгильонъ, говореннаго *Флешеромъ*.

„Чего вы ожидаете отъ меня, слушатели?
„и что теперь долженъ я совершить? Я не хочу
„ни скрыть слабостей, ни льстить величію
„человѣческому, ни приписать ложнымъ добро-
„дѣтелямъ ложныхъ похвалъ. Горе мнѣ, естѣ-
„ли бы я съ священнодѣйствіемъ мѣшалъ хва-
„ды мірскія, естѣли бы съ благочестивымъ цер-
„ковнымъ обрядомъ сливалъ духъ міра, и естѣ-
„ли бы приписывалъ силѣ или мудрости плоти-
„ской то, что происходитъ только отъ бла-
„годаши Іисуса Христа: я болѣе хочу научить
„васъ теперь, нежели плѣнить, я хочу, и пр.“

Начало слова о небѣ, говореннаго Абба-
томъ *Пуллемъ* изъ сего шекста: *Се мзда ваша
многа на небеси.*

„Чтожь вы, братіе моя возлюбленная,
„дѣлаете въ сей плачевной юдоли? Будучи
„нечувствительны къ желаніямъ первородныхъ
„церкви, призывающихъ васъ, вы прельщаетесь
„образомъ міра сего: вамъ пріятно заоченіе
„ваше: что я говорю? Вы хотите, чтобы оно
„было вѣчно, вы не думаете, что имѣете дру-
„гое опечесиво, или не иначе помышляете
„объ ономъ, какъ только съ прискорбіемъ. Ахъ!
„какъ вы можете исполнять пягоспныя долж-
„ности Хрістіанства, когда спрашиваетесь са-
„мой награды за оныя?“

Иногда встрѣчаются въ древнихъ проповѣдникахъ разительныя черты творческаго духа, между многими неисправностями, недостатками вкуса и даже благоприспособленности. *Тессьеръ*, на примѣръ, начинаетъ оспрашивать Иисуса Христа какъ новымъ, такъ и смѣлымъ образомъ.

„Когда у Вавилонянъ находили мертвого „человѣка, тогда ихъ законъ обязывалъ каждаго гражданина приходиться къ его грѣху, и „клясться, что онъ невиновенъ въ его смерти. Нашли въ сѣхъ упрямство на Голгофѣ умершаго „человѣка; кто изъ васъ осмѣлился пойти „и произнести клятву въ томъ, что онъ „невиновенъ въ его смерти?“

Сколь же поразительная смѣлость видна въ приступѣ слова, проповѣданнаго въ 1751 году славнымъ Миссіонеромъ *Бриденемъ*. Сей мужъ родился съ краснорѣчіемъ просвѣтымъ, исполненнымъ живописи и силы. Даръ сей, соединенный съ пріятностію, пріобрѣлъ ему великую славу, такъ что въ тотъ день, когда онъ возшелъ на кафедру, Парижское общество изъ любопытства собралось послушать его. *Бриденъ* примѣнилъ въ собраніи многихъ Епископовъ, Кавалеровъ, безчисленное множество церковныхъ служителей, и сѣ зрѣлище не только не привело его въ страхъ, но и внушило ему слѣдующій приступъ:

„При созерцаніи новыхъ для меня слушателей, кажется, надлежало бы мнѣ отверзши „уста свои только для того, чтобы испросить „у васъ, братіе моя, благоволенія бѣдному Миссіонеру, не имѣющему всѣхъ тѣхъ дарованій,

„каковыхъ вы пребуете опъ мужей, предпри-
„емлющихъ вѣщать вамъ о спасеніи вашемъ.
„Но я ощущаю теперь совсѣмъ иное чувствос-
„ваніе; естли я низокъ, то не думайте, чшобъ
„я еще унизился жалоснымъ безпокойствомъ,
„свойственнымъ любочестию. Не дай Богъ,
„чшобъ служитель неба когда нибудъ почель
„за нужное извиниться предъ вами: ибо кшо
„бы вы ни были, вы, такъ какъ и я, безъ со-
„мнѣнія грѣшники. Я теперь чувствую въ себѣ
„принужденіе ударять въ перси мои предъ ва-
„шимъ и моимъ Богомъ. Доселѣ возвѣщалъ я
„суды Вышняго въ храмахъ покрытыхъ соло-
„мою, проповѣдалъ горести покаянія несчаст-
„нымъ, не имѣющимъ хлѣба, открывалъ доб-
„рымъ жителямъ весей ужаснѣйшія истины
„моея вѣры. Чшо сдѣлалъ я несчастливый? я
„опечалилъ нищихъ, лучшихъ друзей Бога мо-
„его; я вліалъ страхъ и скорбь въ сіи простые
„и вѣрныя души, о кошорыхъ не должно бы
„мнѣ пожалѣть, и ихъ утѣшить. Здѣсь, гдѣ
„глаза мои видятъ шолько вельможъ, богачей,
„пришѣснителей спраждущаго челоувѣчества,
„грѣшниковъ дерзосныхъ и ожесточенныхъ,
„ахъ! здѣсь шолько слово Божіе должно гре-
„мѣть всею силою грома своего; здѣсь-долженъ
„я поставишь съ собою на сей каедрѣ съ од-
„ной стороны смерть, вамъ угрожающую, а съ
„другой великаго Бога моего, имущаго судить
„васъ. Я теперь держу у себя приговоръ Его
„о васъ; препещите убо предо мною, люди гор-
„дые и надменные, слушающіе меня. Нужда спа-
„сенія, извѣстность смерти, неизвѣстность
„ея часа, шоль спрашнаго для васъ, нераскал-

„ніе, до конца жизни продолжающееся, послѣд-
„ній судъ, малое число избранныхъ, адъ, и вся
„вѣчностъ—вошъ матеріи, о копорыхъ я бесѣ-
„довашъ съ вами начну, и копорыя, безъ со-
„мнѣнія, надлежало бы мнѣ соблюсти для васъ
„однихъ. И какая мнѣ нужда въ вашихъ мнѣ-
„ніяхъ, копорыя, можешъ бытъ, меня осудяшъ,
„васъ не спасушъ? Богъ будетъ прогашъ серд-
„ца ваши, между шѣмъ какъ недостойный
„рабъ Его будетъ вамъ говоришъ; я получилъ
„многіе опышы Его милосердія. Тогда возчув-
„спвовавши ужасъ къ своимъ неправдамъ, вы
„придеше повергнушъ въ мои объятія, про-
„ливая слезы сокрушенія и раскаянія, и въ
„скорби своей почшете меня довольно красно-
„рѣчивымъ.“

Святый *Іоаниъ Златоустъ*, будучи пора-
женъ паденіемъ *Естролія*, *Пашрикія*, консула
и камергера Императора *Аркадія*, беретъ изъ
сего приключенія случай представитъ народу
коловращеніе щастія чловѣческаго. Начало
его бесѣды совершенно такого рода, о копо-
ромъ мы говоримъ.

„Ежели когда должно было намъ возопишъ:
„суета суетствъ, и всятеская суета, то вѣрно при
„настоящемъ случаѣ. Гдѣ шеперь прежній
„блескъ высочайшихъ достоинствъ? гдѣ знаки
„чеспи и опличія? гдѣ великолѣпіе пиршествъ
„и увеселеній? гдѣ столь частыя восклицанія
„и безмѣрныя ласкапельства всего народа, со-
„бравшагося на зрѣлище? Одинъ ударъ вѣпра
„обнажилъ сіе гордое древо опъ всѣхъ лист-
„вій, и попрысши оное до корня, изпоргнулъ
„изъ земли. Гдѣ сіи ложные друзья, сіи подлые

„мѣстецы, сіи тунейдцы, съ шолікимъ усерді-
емъ ѣздившіе на поклонъ, и своими поступ-
ками, своими словами свидѣтельствовавшіе
„рабскую преданность? Все прошло, какъ сонъ;
„все увяло, какъ цвѣтъ; все исчезло, какъ
„шѣнь. Не лѣзя намъ непрестанно не повшо-
„ряшь сего изреченія Святаго Духа: *суета*
„*суетствъ, и всятеская суета*. Надлежало бы оному
„быть написану ясными буквами во всѣхъ
„публичныхъ мѣстахъ, на вратахъ домовъ, во
„всѣхъ нашихъ храминахъ; а наипаче долж-
„но оно впечатлѣно быть въ нашихъ серд-
„цахъ, и всегда составляшь мащерию нашихъ
„разговоровъ.“

Тихимъ приспупъ называешся тогда, когда
Орашоръ, будучи спокоенъ и хладнокровенъ,
употребляешъ нѣкошорое искусство, чшобы
вкрасъся въ умъ своихъ слушателей, и ясно
представитъ имъ содержаніе слова. Сей родъ
приспуа гораздо употребительнѣе другаго;
онъ приличенъ большей части проповѣдей, а
особливо надгробнымъ словамъ, панегирикамъ
и Академическимъ рѣчамъ. Примѣръ: (При-
спупъ слова *о торжествѣ вѣры*, говореннаго
Массиліономъ.)

„Суешныя торжества завоевателей ничто
„иное были, какъ зрѣлище гордости, слезъ,
„ощчаянія и смерти; были плачевныя тор-
„жества спрасшей человѣческихъ, и ошавляли
„по себѣ шолько печальные знаки чешполубія
„побѣдителей и рабства побѣжденныхъ. Торже-
„ство Іисуса Хріста для самыхъ народовъ,
„покарающихся Ему, есть торжество мира,
„свободы и славы. Онъ торжествуетъ надъ

„врагами Своими, но для того, чтобы сдѣлать
„ихъ свободными и присоединить къ Своей
„державѣ; Онъ поржествуетъ надъ грѣхомъ,
„но заглаждая и ко Кресту пригвождая сіе
„гибельное рукописаніе нашего осужденія; Онъ
„ліесть намъ со Креста источникъ свящости
„и благодати; Онъ поржествуетъ надъ смер-
„тію, но дабы даровать намъ безсмертіе. Сіа
„есть слава вѣры: она въ началѣ представ-
„ляетъ только поношенія и спраданія Крест-
„ныя, но это есть поржество славное и зрѣ-
„лище великолѣпное, какое человѣкъ можетъ
„открыть на земли. Нѣтъ ничего здѣсь вели-
„чественнѣе добродѣтели: всѣми другими ро-
„дами славы обязаны люди бывають случаю,
„или ласкашествоу и общему заблужденію;
„сею же славою человѣкъ обязанъ только Богу
„и себѣ самому: ее вѣняють въ свѣдѣ царямъ
„и сильнымъ, но ею-то одною они могутъ
„быть велики: ибо ею одною могутъ порже-
„стствовать надъ врагами своими, надъ спра-
„дскими и самою смертію. Изъяснимъ сіи
„исчины, сколько возвышающія вѣру, и пр.“

Сколько важенъ слѣдующій прискупъ своею
благородною шихосцію!

„Царствующій на небесахъ, Которому
„единому подвластны всѣ Державы, Которому
„единому принадлежишь слава, величество и
„независимость, Единъ также славился силою
„предписывать законы царямъ, и давать имъ,
„когда Ему угодно, великія и спрашныя на-
„скавленія. Возвышаетъ ли Онъ престола,
„или повергаетъ, сообщаетъ ли царямъ могу-
„щество Свое, или ошъемлетъ оное у нихъ,

„и только оставляешь имъ собственную ихъ
 „слабость, Онъ научаетъ ихъ должностямъ
 „ихъ, научаетъ державнымъ и Его достойнымъ
 „образомъ. Ибо даруя имъ могущество Свое,
 „повелѣваетъ имъ употреблять оное, подобно
 „Ему, на благо міра; оцѣмля оное показы-
 „ваетъ имъ, что все величество ихъ есть за-
 „емное, и что они, сѣдя на престолѣ, не менѣе
 „другихъ подвластны Его десницѣ, и подруч-
 „ны Его высочайшему владычеству. Тако Онъ
 „научаетъ царей, научаетъ не только вѣща-
 „ніями и глаголами, но и дѣйствіями и при-
 „мѣрами. И нынѣ, царѣе, разумѣйте, научитесь всѣ
 „судящій земли.“

О КАЧЕСТВАХЪ ПРИСТУПА.

Поелику приступъ есть виднѣйшая часть
 слова, и такая, которую слушающіе съ вели-
 кимъ вниманіемъ, то весьма рачительно долж-
 но его дѣлать. А посему пребудетъ, чтобы
 онъ былъ приличенъ предмету, скромнѣе, кратокъ,
 и стили сообразнаго матеріи.

1. Приступъ долженъ быть приличенъ
 предмету, то есть, такъ связанъ съ ниже-
 слѣдующимъ, чтобы его не лѣзя было отъ
 онаго отдѣлить и приставить къ другому.

2. Онъ долженъ быть скромнѣе. Сіе каче-
 ство всегда возвышаетъ цѣну дарованія и
 добродѣтели, и привлекаетъ сердца. Самолюбіе
 слушателя столь нѣжно, столь легко раздра-
 жается, и человекъ, предприемлющій давать
 другимъ наставленіе, столь близокъ къ гордо-
 сти, что попребно великое искусство, дабы
 при первомъ шагѣ не заслужить опроверженія.

Хорошо то для священныѣхъ Орапоровъ, что они выходятъ на проповѣдь съ благонадежіемъ, яко посланники истинны, *по Христѣ послыствуемъ*: но люди умѣютъ оплечать благонадежіе священнослуженія отъ благонадежіа священнослужителя. Первое усугубляетъ силы краснорѣчія, второе разрушаетъ оныя.

3. Присупъ долженъ имѣть пространство умѣренное и соразмѣрное свойству предмета. Если онъ весьма коротокъ, то не совѣмъ удобно будетъ Орапору вкрасься въ умъ слушателя; если очень продолжителенъ, то, можетъ быть, вмѣшаны въ ономъ излишнія подробности, которыя часто вредятъ ясности предложенія, и всегда отвращаютъ вниманіе слушающихъ.

4. Что касается до стила, онъ долженъ имѣть вѣрную средину между напряженнымъ и небрежнымъ. Впрочемъ бывають случаи, когда матерія по видимому пребуетъ того, чтобы онъ былъ благороденъ и пышенъ. Въ надгробномъ словѣ, на примѣръ, гдѣ не запрещено искасть того, чтобы нравиться, Орапоръ можетъ въ началѣ онаго соединять съ нѣжностію и высокостію мыслей благородство выраженій и пріятности стила: впрочемъ вкусу предоставлено назначать такіе случаи и управлять перомъ.

Когда Орапоръ привлечетъ вниманіе и благосклонность слушателей скромнымъ и плѣнительнымъ грисупомъ, и дастъ имъ усмотрѣть ту цѣль, которую онъ предполагаетъ; то долженъ скоро приступить къ предложенію своей матеріи, и при томъ такъ, чтобы

поддержатъ то мнѣніе, которое онъ имъ уже подалъ. Въ сію минуту говоришь онъ уже не какъ Орапоръ, но какъ Логикъ, а при семъ наименованіи что пребудешь опъ него?

О ПРЕДЛОЖЕНІИ и РАЗДѢЛЕНІИ МАТЕРІИ.

Хотя сіи двѣ части слова весьма коротки, но онѣ существенны и необходимы. Опъ нихъ-то прямо зависятъ порядокъ и правильность, долженствующіе бытъ въ краснорѣчивомъ сочиненіи: оставъ ихъ, будешь имѣть только сборъ выраженій, безъ совокупности; презри ихъ, прудно будешь слушателю примѣчать сдѣленіе твоихъ идей. Едва, съ великимъ напряженіемъ ума найдетъ онъ порядокъ въ твоихъ, впрочемъ превосходныхъ, припасахъ. И такъ и то и другое пребудешь крайняго вниманія. Правила на оныя просты, должно только ихъ хорошо понять. Представимъ ихъ одно за другимъ.

1. *Правила касающіяся предложенія.*

Весьма важно, чтообъ матерія предлагаема была короткими и простыми словами. Чѣмъ менѣе полагаемая фундаментальная истина имѣетъ украшеній, тѣмъ болѣе она дѣйствуетъ на сердца слушателей; черпы живыя и натуральныя скоро впечатлѣваются въ ихъ душѣ, и располагаютъ оную къ движеніямъ слова. Нужно также безъ всякой темноты и съ рачительною точностію опредѣлять содержание слова. (*Status quaestionis*) Церковное краснорѣчіе наипаче пребудетъ сего вниманія, потому что оно вѣщаетъ о истинахъ или

заблужденіяхъ самаважнѣйшихъ. Бурдалу никогда почти не удаляется отъ сей благоразумной metody. Съ какою простопою, краткостію, ясностію и точностію онъ разкрываетъ свой планъ при концѣ приступа своего слова о соблазнѣ!

„Я хочу подасть вамъ справедливое понятіе о семъ грѣхѣ, говоритъ онъ, хочу вдохнуть вамъ ужасъ къ оному; и для сего полагаю двѣ испины, выслушайте оныя, ибо онѣ будутъ содержаніемъ сего слова. Нещасливъ пошъ, кто вводитъ соблазнъ; вопъ первая истина! Но гораздо нещасливѣе пошъ, кто дѣлаетъ оной, будучи обязанъ лично подавать добрый примѣръ; вопъ вторая! Нещасливъ пошъ, кто вводитъ соблазнъ; вопъ родъ грѣха, на которой я вступаю, и на которой вообще взирая, видимъ мы оной весьма усилившимся во всѣхъ состояніяхъ. Но гораздо нещасливѣе пошъ, кто дѣлаетъ соблазнъ, будучи лично обязанъ подавать добрый примѣръ: вопъ часный видъ сего грѣха, которой хоща ограничивается на нѣкоторыхъ состояніяхъ, однако, какъ вы увидите, чрезмѣрно проспаненъ! Нещасливъ человекъ, подающій ближнимъ причину соблазна и паденія: одно качество Хрістіанина должно его осудить: но нещасливѣе соблазняющій браіи своихъ тогда, когда онъ, сверхъ общаго имени Хрістіанина, носитъ особенное и личное пипло, обязывающее его назидать оныхъ.“

2. Правила касающіяся раздѣленія. Они проспанены. Раздѣленіе состоитъ въ томъ,

что Ораторъ раздробляетъ свое слово на нѣсколько часпей.

Дабы оно было совершенно, надобно наблюдать слѣдующее:

1. Оно должно изъяслять всю обширность матеріи, и всѣ часпи онаго должны быть такъ связаны, чѣмъ онѣ всѣ клонились къ одной цѣли.
 2. Должно дѣлать оное на ближайшіе члены, которые припомъ были бы въ маломъ числѣ.
 3. Между членами раздѣленія должно быть возможное противоположеніе.
 4. Члены сіи должны быть такъ расположены, чѣмъ претій превышалъ второй, а второй первой.
 5. Наконецъ, должно убѣгать въ ономъ шемнопы, излишесствъ, просяженій, словомъ, всего, что можетъ дѣлать оное худымъ.
- Есть различные способы дѣлать раздѣленія, и сіе показать намъ остается.

О ИСТОЧНИКАХЪ РАЗДѢЛЕНІЯ.

Пять источниковъ раздѣленія.

1. Существенность предмета.

„Естьли мы разсудимъ, что есть смерть, сама въ себѣ; то увидимъ, что она неизбежна, всегда предстоить намъ, и послѣ нея нѣтъ возвращенія. Она неизбежна; такъ необходимо должно приготавливаться къ ней: она предстоить намъ; такъ должно приготавливаться къ ней заранѣе: послѣ нея нѣтъ возвращенія; такъ должно приготавливаться къ ней со всевозможнымъ раченіемъ.“

2. *Дѣйствія.*

„Порочная совѣсть имѣеть два весьма „примѣшныя дѣйствія: она препачспвуеетъ „грѣшнику наслаждаться благами жизни сей, „и предварительно наноситъ ему мученія „жизни будущей.“

3. *Присины.*

„Молишвы наши щипетны бывають, или „пошому чпо мы не шого просимъ, чего дол- „жно, или пошому чпо не пакъ просимъ, какъ „надлежитъ просимъ.“

4. *Обстоятельства.*

„Въ день суда грѣшникъ познаетъ себя, „и познанъ будетъ; грѣшникъ, показанный „самому себѣ; грѣшникъ, показанный всѣмъ „шварямъ.“

5. *Наконецъ, свойства предмета.*

„Свяшая Евхаристія естъ хлѣбъ жизни „и силы; хлѣбъ жизни, данный намъ для на- „сыщенія; хлѣбъ силы, данный намъ для „укрѣпленія.“

Раздѣленіе слова о спраданіи Иисуса Хріста, говореннаго *Массильіономъ* изъ сего шекспа: *Совершишася*, естъ самое удачное, какое шолько можно предспавитъ. „Смершь Спа- „сипеля, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ „при совершенія, изъ коихъ вы познаете всю „шайну сея великія жершвы, копорыя зрѣ- „лице Церковь въ сей день возобновляетъ, „и памяшь почишаетъ. Совершеніе правосудія „со спороны Олца Его; совершеніе злобы со „спороны людей; совершеніе любви со споро- „ны Иисуса Хріста.“

Замѣшимъ еще, оканчивая сію главу, чпо

по примѣру сего краснорѣчиваго проповѣдника, не должно слишкомъ много дѣлать раздѣленій: ибо весьма великое число оныхъ разбиваетъ вниманіе слушателей, утомляетъ умъ, неспособный удерживать въ себѣ ихъ всѣхъ, и производитъ въ словѣ единообразное печеніе, которое претягиваетъ великимъ движеніямъ, питающимъ краснорѣчіе.

Тоже можно сказать и о симметрическихъ подраздѣленіяхъ, которыя находясь въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ, и которыхъ обыкновенно полагаютъ три, аки бы всѣ истины не имѣли ни болѣе ни менѣе трехъ членовъ. Сія ребяческая принужденность (*affectatio*) необходимо ослабляетъ силу сочиненія, и доказываетъ, что употребляющій оную имѣетъ умъ боязливый, пѣсный и мѣлочами занимающійся. Когда предметъ довольно объясненъ помощію двухъ или трехъ точныхъ раздѣленій; то Ораторъ не долженъ болѣе послѣдовать правиламъ, развѣ для того, чтобы большую дать силу своимъ доказательствомъ, и большій жаръ разпространить въ словѣ. Что касается до текста, взятаго изъ Священнаго Писанія, которой по общему благочестивому употребленію надлежитъ полагать въ началѣ слова; то Ораторъ долженъ высказывать оной въ приступѣ тогда только, когда безъ всякой натяжки можно его примѣнять къ различнымъ часамъ матеріи. Всякое принужденное принаровленіе не только противно хорошему вкусу, но и означаетъ, что силующійся дѣлать оное, хочетъ показать умъ, а сіе неприлично достоинству священныя катедры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О

ПОВѢСТВОВАНІИ.

Повѣствованіе, вообще, есть описаніе какого нибудь дѣйствія. Оно пребудетъ *простоты, краткости и достовѣрности*.

1. Простоты, то есть, оно не должно имѣть долгихъ размышленій, весьма видныхъ украшеній, смѣлыхъ фигуръ, обширныхъ умозаключеній, и даже иногда ничего папешического. Впрочемъ бывающъ случаи, когда сіи пріянности употребляютъ въ ономъ, что мы ниже покажемъ.

2. Краткости, подъ которою разумѣется не малое число словъ, но строгое наблюденіе, чтобы говорить только нужное.

„Излишнее обиліе часто дѣлаетъ матерію „скудною, будь живъ и умѣренъ въ своихъ повѣствованіяхъ.“ (Спихотл. наук.)

3. Достовѣрности, которая состоитъ въ томъ, чтобы не только не опиваживаться ничего включая невѣроятнаго, но и чтобы приписывать лицамъ подлинной ихъ характеръ, и дѣйствіямъ давать надлежащую степень правдоподобія, дабы слушатели не подозрѣвали въ увеличеніи.

Повѣствованіе обыкновенно не входитъ въ слова нравоучительныя, гдѣ Орапоръ послѣ приступа и предложенія начинаетъ приводить доказательства, утверждающія истину матеріи, но оно нужно въ словахъ судебныхъ, панегирикахъ, и словахъ надробныхъ.

Разсмотримъ пользу онаго въ сихъ послѣднихъ двухъ родахъ рѣчи, которыхъ цѣль и шествіе вмѣстѣ покажемъ.

О Панегирикѣ.

Панегирикъ есть публичная похвала великимъ добродѣтелямъ и превосходному благочестію Святыхъ, которыхъ Церковь призываетъ, и представляетъ въ подражаніе своимъ чадамъ.

Весьма очевидно, что повѣствованіе необходимо въ семъ родѣ слова, и что оно должно занимать почти весь планъ онаго. Въ самой вещи, не иначе какъ только представленіемъ различныхъ дѣйствій, которыми герои Христіанства заслужили поклоненіе наше, Орапоръ можетъ возбуждать въ вѣрующихъ ревность и почитаніе къ онимъ. Но сколь трудно сіе дѣло! Какія дарованія, какое преизящество ума поребно, чтобы различать черты самыя поразительныя, чтобы сближать, связывать дѣйствія, и тѣмъ образовать прогнательную карпину! Ошвратимъ запрудненія.

Въ панегирикѣ должно разсуждать о планѣ, о сказаніи и украшеніяхъ онаго, о нравоученіи.

1. Не нужно, чтобы въ планъ совершенно входила вся жизнь Святаго, котораго хочешь хвалить. Сіе столь обширное предпріятіе прилично одной исторіи. Довольно панегиристу выбрать изъ числа добродѣтелей своего героя самыя видныя, тѣ, которыя составляли отличительный его характеръ, и были душою большей части его дѣяній. Сей выборъ,

сдѣланъ будучи съ раченіемъ, подася планъ, представивъ раздѣленія, и введетъ во все слово пріятный порядокъ, особливо естли искусный Орапоръ такъ будетъ располагать дѣйствія, чпобъ занимательность его начерпанія непрестанно возраспала. Сію-по методу наблюдаетъ *флешьеръ* въ своемъ панегирикѣ одному Святишпелю.

„Евангельскій пастырь, говоритъ онъ, „долженъ имѣть сіи при качества, свойственные своему званію: непорочную жизнь, „здоровое ученіе и пламенную любовь. Какой „же свяпой имѣлъ сіи качества въ большемъ „блескѣ и совершенствѣ, нежели празднуемый „нами Іерархъ? Онъ по благородству души „своея былъ образецъ другимъ; по своему до- „стоинству наставникъ и учитель невѣждъ; „по своему богатству отецъ нищихъ; и дабы „все мое намѣреніе и весь характеръ сего „угодника открытъ крапкими словами, скажу „1 е. онъ назидаль народъ своими примѣрами; „2 е. просвѣщаль наставленіями; 3 е. питаль „милоспынями.“

2. Весьма надежное для Орапора средство представивъ съ пользою того, кого онъ похвалилъ предприемлетъ, состоиптъ въ томъ, чпобъ дать возчувствоватъ важность добрыхъ дѣйствій, ему приписываемыхъ, всѣми подробностями, копорыя могутъ открытъ блескъ оныхъ. Почему онъ долженъ вѣрно разсказать случаи, побужденія, трудности и всѣ главныя обстоятельство оныхъ дѣйствій. При такомъ начерпаніи они возбуждаютъ въ слуша-теляхъ вѣщее удивленіе. Примѣръ:

„Когда мы читаемъ исторію блаженныхъ
 „жизни Святаго *Сергія*, находимъ въ ней яс-
 „нѣйшія доказательства благочестивыя любви,
 „копорою горѣла душа его къ возлюбившему
 „насъ прежде Богу. Ибо къ Богу его любовь не
 „состояла въ томъ, чтобы признавать оную
 „одними токмо устами, но утверждаема была
 „добродѣтелию, яко истиннымъ плодомъ Боже-
 „спвенныя любви. Спроси, копорыя внуш-
 „ренній нашъ смущаютъ покой, онъ щастливо
 „побѣждалъ, и содержалъ ихъ въ рукахъ воли
 „своея; ибо пицился всегда послѣдовавъ разу-
 „му, и ему покарятъ склонности плѣсныя.
 „Въ пици и пиціи твердое наблюдалъ воздер-
 „жаніе, а плѣмъ самимъ осудилъ роскошь; слѣ-
 „довапельно опвелъ опъ себя великое иску-
 „шеніе, какое причиняетъ плоть упучнившая-
 „ся. Къ большому добродѣтели дѣйствию со-
 „держалъ себя въ трудахъ, и какимъ нибудь
 „упражненіемъ имѣлъ всегда занятыя препод-
 „обныя свои руки; а чрезъ то прогналъ праз-
 „дношь, нечистый пороковъ источникъ, и
 „чрезъ то же не допустилъ плѣло свое до раз-
 „слабленія, а мысли до развлеченія. При сихъ
 „трудахъ былъ крайній любитель покоя, не
 „покоя пражднаго, и потому безчестнаго, но
 „копорый состоитъ въ удаленіи опъ плѣхъ
 „случаевъ, какими міръ обыкъ смущаетъ духъ
 „нашъ, и копорый состоитъ въ пишинѣ, про-
 „исходящей опъ взаимнаго склонностей плѣ-
 „лесныхъ съ душевными согласія. За первѣй-
 „шее же свое упражненіе Блаженный почи-
 „палъ, чтобы воспѣвать имя Господне, чтобы
 „размышленіями о будущей красотѣ увесе-

„ляпъ свой духъ и выходя аки изъ самаго
„себя, преселяясь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ
„обищается блаженное Божество. Сіе упражне-
„ніе его было первое, упражненіе сладчайшее,
„и проч.“

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и празд-
ничные дни.)

Естьлижъ Орапоръ хочешъ усугубишь
прогашельность похвалы Святому, по испо-
рическія подробности, сравненія и пропивопо-
ложенія должны украсишь его каршину; дол-
женъ онъ прославляемаго имъ праведника ок-
ружишь его современниками, представишь
нравы его вѣка, но шакъ, чѣиобъ сіи чершы,
легко изображенныя, разлили въ рѣчи пріятное
разнообразіе, кошорое не одерживало бы ходу
ея. Примѣръ:

„Кшо безъ чувствъ священнаго нѣкоего
„благоговѣнія раскроешъ дѣянія, лику Святыхъ
„сопричтеннаго и блескомъ добротъ въ вѣч-
„ности, между благочестивыми Царями, сія-
„ющаго великаго нашего Князя *Александра*
„*Невскаго*? — Въ самыя бѣдспвенныя времена,
„слушатели! въ самую тяжкую скорбь опе-
„чешва нашего, когда оно чувствовало во
„всемъ свирѣпствѣ и ярости обременяющее его
„иго Ташарскаго порабощенія; когда оно, раз-
„дроблено внутрь и ушѣснено извнѣ, имѣло
„величайшую нужду въ помъ или другомъ
„изъ своихъ владѣшелей увидѣшь наконецъ по-
„печительнаго опца и ушѣшителя въ скор-
„бяхъ; въ самое, говорю, шакое бѣдспвенное
„время, промысломъ Вышняго посланъ къ нему
„святый благовѣрный Князь *Александръ*. Онъ,

„бывъ на Новгородскомъ и Владимірскомъ пре-
„сполѣ, съ опмѣннымъ мужествомъ опражалъ
„опъ предѣловъ областей своихъ непріятель-
„скія на нихъ нашествія; онъ съ Сѣвера поста-
„вилъ себя оплотомъ Россіи, и спѣною огра-
„жденія прошивъ другаго расхищенія ея опъ
„Шведовъ и Ливонцовъ, опъ Чуди и Ливвы.“

И ниже :

„Благодарите, Россы! Промысль сохра-
„нившій, въ шоліко бѣдсповавшихъ вашихъ
„предкахъ и васъ самихъ, благодарите Про-
„мысль, даровавшій Россіи шогда мужествен-
„наго *Александра*, истиннаго опца подданныхъ,
„въ священной своей особѣ изобразившаго. Сей
„свяшый Великій Князь, по мудрой прозорли-
„вости своей, предвидя спрашный и ужасный
„шій изъ всѣхъ Татарскій ковъ прошинъ Рос-
„сіи, разженъ будучи ревностію по благоче-
„спію и любовію къ опечеству, ни вочто
„вмѣнивъ предшоявшую ему явную опас-
„ность, мужественно рѣшилъ въ чепвершый
„разъ ийти въ Орду, и въ опвращеніе пред-
„видѣнныхъ имъ грядущихъ золъ, принесши
„собою всякую жертву, не щадя, О, истинно
„царское мужество! даже и собшвенныя на
„шо жизни; но десница Вышняго, хранящая
„избранныхъ Своихъ Помазанниковъ, возлюб-
„леннаго ей *Александра*, въ семъ свяшомъ его
„подвигѣ, сама покрыла щипомъ своимъ. Му-
„дросшь, мужество, ничѣмъ неколебимая швер-
„досшь, чистота души сего Князя, всѣми Та-
„тарами и самими ихъ Ханами уважаемая
„въ немъ и чшимья, Промысломъ Божиимъ
„обращены въ зашщниковъ и покровишелей

„нашего опечества; словомъ, благовѣрный
„Александръ, блиставшій мирными сими доб-
„родѣтелями и качествами, яко всеоружіемъ
„правды ополченный, не шокмо въ *Беркаѣ*
„укрошилъ гнѣвъ на Россію, за побіеніе въ ней
„Ташаръ его, но даже опшврашилъ сего Хана
„опъ пребованія и высылки къ нему войскъ
„ея, и проч.“

(Изъ торжественнаго слова, произнесеннаго Х. Ч.)

3. Хсѣя повѣсповованіе, вообще сказашъ,
должно бытъ просто, однако въ Панегирикахъ
можно дѣлашъ оное съ великими движеніями
краснорѣчія. Самый предметъ, кажешся, шого
пребуешъ. И дѣйсшвишельно, какая естъ цѣль
Орашора, предпріемлющаго прославилъ въ свя-
щенномъ храмѣ добродѣтели какоѣо нибудь
Свяшаго, и воздашъ его памяши публичную
хвалу? Не предполагаешъ ли онъ шого, чшобъ
возбудилъ удивленіе въ слушателяхъ, воз-
жечъ, поразительными примѣрами, чувствова-
нія благочестія, погашенныя въ сердцахъ ихъ?
и какъ произведешъ онъ сіи дѣйсшвія? Вос-
шоргъ, кошорымъ онъ долженъ бытъ напол-
ненъ, какъ сообщить другому повѣсповованіемъ
сухимъ, холоднымъ, въ коемъ нѣтъ ничего
живописнаго, ничего одушевленнаго? И шакъ
онъ долженъ упошребилъ всѣ богатштва ис-
куштва; долженъ бытъ шо проспъ, шо возвы-
шенъ, спокоенъ и спраспенъ; ошстрыя мысли,
блишпательныя описанія, величешвенныя изо-
браженія, смѣлыя фигуры, напряженныя вы-
раженія и многіе оборошы должны украсилъ
его каршину, но шолько бы сіи украшенія рас-
предѣлены были со вкусомъ и ошсторожношю.

Слово, въ которомъ все поражаетъ, все блестящъ, производить болѣе нѣкоторое ослѣпленіе, нежели подлинное удивленіе. Въ краснорѣчіи, шакъ какъ въ живописи, попребны шѣни для возвышенія красоты предметовъ, а все не должно бытъ свѣтомъ.

4. Польза Панегирика состоить въ наставленіи. Ежели справедливость пребуешь изъ-являть почипаніе высокимъ добродѣтелямъ слугъ Божіихъ; то лучшій способъ хвалишь ихъ, безъ сомнѣнія, есть шомъ, чшобъ убѣждашь Хрістіанъ къ шесшвованію по спезямъ ихъ. Орашоръ не долженъ пренебрегать сего средства, могущаго шакже воспламенять его ревность. Изъ сихъ представляемыхъ имъ примѣровъ благочестія, безкорыстія или мужества могутъ выходить наставленія весьма основательныя, правила поведенія весьма благоразумныя, примѣненія справедливыя, обличенія досшодолжныя: но пошребно, чшобъ сія нравшвенность была ешесшвенно связана съ дѣяніями, чшобъ между ею и ими было ощушительное соошношеніе, а особливо, чшобъ она не прерывала быспрошы повѣшвованія. Равнымъ образомъ должно избѣгать шѣхъ общихъ разсужденій, кои сами собою представляются слушателью, а наспоятъ на шѣ, ошъ которыхъ самолюбіе его опшводитъ.

Почипаніе, заслуживаемое Свяшыми, не позволяешь приводить шѣхъ сомнительныхъ чудесъ, которыя не имѣють другаго основанія, какъ шолько недосшовѣрное свидѣшельшво нѣкоторыхъ испориковъ, болѣе набожныхъ, нежели просвѣщенныхъ. Орашоръ не можешь

оказаться весьма благоразумнымъ; ссылаясь на такія свидѣльства: онъ всегда долженъ помнить, что онъ споишь на кафедрѣ истины, и окруженъ множествомъ слушающихъ, коихъ довѣренности не позволено ему употреблять во зло. По сему же правилу не долженъ онъ увеличивать добродѣтелей своего Героя. Что переспаешь быть достовернымъ, то дѣлаешь раздражительнымъ.

Вообще, панегирики Святымъ должны быть, такъ какъ и жизнь ихъ, сплоги, важны, назидательны; такой же долженъ быть и стиль: сильный и фамилярный онымъ не приличны.

Должно лучше наслоять на нѣ средства, чрезъ которыя они содѣлались святыми, нежели на дѣянія, прославившія ихъ. Показывая пути, по которымъ они шествовали, Орапоръ изторгаетъ острія изъ оныхъ, и увѣряешь, что всякой можетъ идти по онымъ. Въ сихъ похвалахъ должно употреблять нравоченія по выбору, и выводить оныя изъ добродѣтелей и дѣяній хвалимаго.

О НАДГРОБНОМЪ СЛОВѢ.

О семъ родѣ рѣчи мы мало скажемъ. Что сказано о повѣствованіи въ панегирикахъ, то относится и къ надгробнымъ словамъ. Должно только замѣнить, что здѣсь опять Орапора пребудетъ больше пышности и великолѣпія, и что онъ долженъ открывать всѣ богатства искусства въ сихъ важныхъ словахъ, дабы согласить всю публику въ мнѣніи о той особѣ,

которой пошерю оплакать онъ предприемлетъ. Но естли позволишельно ему искапъ шого, чпобъ нравишься; шо онъ не долженъ забывашъ, что назиданіе слушапелей естъ существенная цѣль похвалъ сего рода, и чпо ищина естъ мѣра оныхъ. Искусные въ семь родѣ краснорѣчія, *Боссюэтъ* и *Флешьеръ* никогда не удалялись отъ сихъ благоразумныхъ правилъ. Видѣ гроба, на которой приходящъ они разсыпашъ цвѣшы, непрестанно напоминаешъ имъ о бренности жизни, о непостоянствѣ и ничтожноти величія человѣческаго; и ежели они говорящъ о могуществѣ царей, о славѣ завоевателей, о чеспахъ и достоинствахъ; шо для шого шолько, чпобъ предшавишь опасностъ, обманчивостъ и суешностъ оныхъ, или показашъ, чшо онѣ освящены были благочесіемъ, безъ котораго нѣтъ истинной славы.

Такимъ образомъ *Боссюэтъ*, въ надгробномъ словѣ *Маріи Терезіи Австрійской*, супругѣ *Людвика XIV*, намѣреваетъ показашъ изъ жизни и примѣра сея Государыни:

„Чшо нѣтъ ничего швердаго и подлинно „великаго между человѣками, кромѣ удаленія „отъ грѣха, и чпо единая предосторожностъ „противъ нападеній смерти естъ, непороч- „ностъ жизни.“

Сей же знаменитый Орапоръ, въ своей надгробной похвалѣ *Генріеттѣ Англійской*, по видимому занимается шолько бѣдностію и слабостію человѣка.

„Нѣтъ! говоритъ онъ, послѣ сего чпо мы „видимъ? Здравіе естъ шолько имя, жизнь сонъ, „слава мечша, пріапноти и удовольствія

„опасное увеселеніе: все въ насъ суетно, из-
„ключая одно искренное признаніе, которое
„мы дѣлаемъ предъ Богомъ въ нашихъ суетахъ,
„и основательное разсужденіе, заставляющее
„насъ презирать то, что мы есмы.“ Въ томъ
и другомъ мѣстѣ:

„Величество и слава! восклицаетъ онъ,
„можемъ ли мы еще слышать сіи имена при
„семъ торжествѣ смерти? Нѣтъ, слушатели,
„я не могу болѣе терпѣть сихъ великихъ
„словъ, которыми гордосѣ Человѣческая
„плѣнь заглушаетъ самое себя, дабы не чув-
„ствовашъ и не видѣть своего ничтожества.“

И ниже:

„Такъ всемогущество Божіе, праведно гнѣ-
„вующееся на нашу гордосѣ, повергаетъ
„оную въ ничтожество, и дабы всѣ соспо-
„янія навсегда содѣлашъ равными, оно изъ
„всѣхъ насъ пворитъ не иное что, какъ
„только прахъ. Можно ли созидашъ на сихъ
„развалинахъ, можно ли основывашъ какое ни-
„будь великое намѣреніе на сей неизбѣжной
„плѣнности вещей Человѣческихъ?“

Флешьеръ въ надгробномъ словѣ Тюренну
предпріемлетъ показашъ, какъ сей сильный
мужъ надъ врагами государства торжество-
валъ храбросію, надъ спрасями душевными
мудросію, надъ искушеніями и суетами вѣка
благочесіемъ; однимъ словомъ, онъ прослав-
ляетъ полководца, мудреца и Хрістіанина.

Съ важностію наставленія, могущаго про-
истекать изъ маіеріи, должна въ надгробномъ
словѣ соединена бытъ та благородная искрен-

ность, которая спыдидяся увеличивашъ добродѣтели, или скрываетъ недоспашки хвалимаго. Лестъ, вездѣ почишающаяся подлоспшо, на священной каѳедрѣ дѣлаешся спяжкимъ преступленіемъ, нарушеніемъ свящынн.

Сія Апоспольшкая спрогоспъ весьма важно опкрывается въ семъ мѣспѣ надгробнаго слова Герцогу де-Монтозьеръ, говореннаго флешьеромъ.

„Не думайте, спашатели, чтобы я по-
дружеспву или изъ благодарности присптра-
спно хвалилъ сего мужа. Мы предъ Богомъ,
о Хрїстѣ глаголемъ, рекъ Апосполь; и я могу
спакже сказапъ: вы знаете, брашїе моя,
что доселѣ не было джи въ словахъ, мною
вамъ проповѣданныхъ: *никогдаже бо въ словеси*
ласканїя быхомъ къ вамъ, якоже вѣсте. Дерзну
ли я въ семъ словѣ, въ копоромъ обыкновен-
но искренность и чистосердечїе подаюпъ
матерїю для похвалы, употребипъ вымыслъ
или ложъ? Нѣспъ! тогда бы разверзся гробъ
сей, совокупились бы коспи сїи и ожили бы,
чтобъ мнѣ сказапъ: почпо спы сплешаешъ
ложъ обо мнѣ, спы, копорой ни о комъ лжи
не произносишь? не приписывай мнѣ неза-
спуженной мною чеспи, мнѣ, копорый всегда
приписывалъ оную сполько испиннымъ за-
спугамъ: оставъ меня покоипшься въ нѣдрѣ
испины, и не смущай моего покоя лестїю,
мнѣ проспивною: не скрываетъ моихъ недо-
спашковъ, и не восписуй мнѣ моихъ добро-
дѣтелей: хвали сполько милосердїе Бога,
восхошѣвшаго оними меня спирипъ, сими
осваспишь.“

Впрочемъ, хопя Хрістіанскій Орашоръ не долженъ ушаивашъ недоспашковъ и слабоспей царей и вельможъ, кошорыхъ добродѣтелямъ или качесшвамъ изъявляешъ онъ шоржесшвенное почишаніе: однако должное уваженіе къ ихъ памяши, по видимому, извиняешъ нѣкошорую благоприсшойную снисходисшельность, могущую имѣшъ согласіе съ ишшиною; но о сей важной часши Решорического искуштва, не ограничивающейся на надгробномъ словѣ, предложимъ въ другомъ мѣсшѣ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О

КОНФИРМАЦІИ.

Сіа часшь слова сосшопишъ въ приведеніи доказашельспвъ на машерію. Орашоръ можешъ однимъ умозаклученіемъ успѣшъ въ ономъ. Но мы уже показали, какой родъ умозаклученія болѣе приличесшвуешъ краснорѣчію. Предспавили шакже шѣ средспва, какими можешъ онъ найши родъ доказашельспвъ, выгодный для машеріи разбираемой имъ. Почему здѣсь довольно будешъ изслѣдовашъ оныхъ свойспво, связь и порядокъ, предложитъ правила, касающіяся опроверженія, и показашъ примѣрами мешоду, упошребляемую искушными Орашорами въ сей важной часши слова.

1. О Свойствѣ Доказательствъ.

Весьма нужное для Орашора знаніе - умѣшъ цѣнитъ силу доказашельспвъ, упошребляемыхъ

имъ: Опшъ сего знанія зависипъ шопъ порядкъ, какой они должны имѣшь въ словѣ.

1. Между доказательствами есшъ сильныя и убѣдительныя, изъ кошорыхъ каждое должно приводипъ, и припомъ порознь, дабы они въ кучѣ не были зашемняемы и смѣшиваемы. Есшъ шакже изъ нихъ слабѣйшія и легчайшія, кошорыя должно собирать вмѣстѣ, чшобы они одно другому помогали, замѣняя силу числомъ. *Firmissimis argumentorum singulis instandum, infirmiora congreganda sunt: quia illa per se sortiora non oportet circumstantibus obscurare, ut, qualia sunt, appareant; haec imbecilla natura, mutuo auxilio sustinentur. Itaque si non possunt valere, quia magna non sunt, valebunt, quia multa sunt. Quintil. libr 5. cap. 12.*

2. Не надобно насшояпъ на вещи, не заслуживающія шого; ибо шогда доказательства не шолько бывающъ скучны, но и недосшовѣрны по самому шщанію, съ каковымъ Орашоръ набираешъ весьма великое число оныхъ: *Nec tamen omnibus semper, quae invenerimus, argumentis onerandus est index: quia et taedium afferunt, et fidem detrahunt. (Ibidem.)*

3. Неоспоримыя доказательства сущъ шѣ, кошорыя почерпающъ изъ Священнаго Писанія, само ли собою оно предшавляешъ оныя очевидно, или преданіе положило рѣшительное оныхъ примѣненіе. Все должно уступашъ ихъ важности. Справедливосшъ шребуешъ, чшобъ они занимали первое мѣсто, разумъ шпорое, а примѣръ шрепие.

4. Доказательства превышающъ предположенную истину: они ошкрывающъ ее убѣдительнѣйшимъ образомъ, и они рѣшащъ. Не

число, но въсь оныхъ важень; избраніе ихъ предпочищается изобилію. Многія слабыя причины не спояшъ одной сильной.

5. Чшобъ узнать силу доказательства, должно испытать, убѣдишь ли оно разсудительнаго человѣка, будучи предложено сухо и въ прошомъ разговорѣ. Самыя обыкновенныя доказательства часто бывають наилучшими; по своей несомнѣнной справедливости, они сдѣлались обыкновенными.

6. Есть истины, подлежащія великимъ противорѣчіямъ. Орашоръ, предлагая оныя, набираетъ доказательства; щитися не только убѣдишь слушателя, но и сразишь.

7. Доказательства должны быть ясны, чтобы слушатель могъ видѣшь открытіе оныхъ безъ напряженнаго вниманія. Опвлеченное умозаключеніе не всѣмъ понятно, и темнымъ шрудно убѣдишь.

8. Наконецъ, они должны также быть поразительны своею точностію. Орашоръ, говорящій наудачу, и не руководимый хорошою логикою, дѣлаетъ великія опсшупленія, не снискиваетъ полной довѣренности, не достигаетъ своей цѣли, и конечно срамитъ свое званіе.

II. О Соединеніи Доказательствъ.

Соединеніе доказательствъ не есть дѣло маловажное. Слово, въ кошоромъ не примѣнно никакой пущомы между частями, въ кошоромъ все связано, имѣетъ болѣе пріятности и силы. Сіе соединеніе зависитъ отъ исправности и тонкости *перехожденій* (transitio).

Здѣсь подъ именемъ *перехожденій* не разумѣется вымышленное сдѣяніе словъ или мыслей, неудобно связываемыхъ хитросплетеніями или слабыми средствами: такіе переходы ничто иное сущь, какъ лукавый обманъ; они слишкомъ замысловаши.

Подлинныя *Риторическія* *перехожденія* сущь тѣ, которыя слѣдуютъ за теченіемъ умствованія непринужденно и почти безъ искусства, и которыхъ слушатель не примѣчаетъ. Они сущь мысли, взятыя изъ самой матеріи, натурально переводящія отъ одного доказательства къ другому. Существенная польза сего сближенія, когда Орашоръ дѣлаешь оное благо-разумно, состоишь въ томъ, что оно въ словѣ производишь единство, которое есть совершенство всякаго сочиненія, въ коемъ такую связь соблюсти можно. Примѣчай шестивіе великихъ Орашоровъ, и удивишься гармоніи, царствующей между различными частями ихъ рѣчей. Мысли, кажется, въ оныхъ рождаются одна изъ другой, доказательства подкрѣпляются непримѣннымъ сдѣяніемъ. Все шашь, не смѣшиваясь, относится къ главной идеи, все клонится къ объясненію ея, все влечетъ къ цѣли.

Должно почитать образцомъ въ семъ родѣ, слово *Массиліона* о торжествѣ *Вѣры*. *Флешьеръ* въ надгробномъ словѣ *Тюренну*, показалъ во всемъ совершенствѣ сіе столь трудное искусство. Нѣтъ въ ономъ порывистыхъ движеній, нѣтъ ничего излишняго, нѣтъ ничего не у мѣста. Сіе сочиненіе кажется однимъ составомъ, особливо *перехожденія* употреблены въ немъ

съ величайшимъ вкусомъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ оныхъ.

Сей искусный Орапоръ началъ похвалу *Тюренну*, похвалою древняго и знаменитаго дома де-ла-Туръ Овергискаго, сліявшаго кровь свою съ кровію Королей и Императоровъ. Пошомъ онъ хочеть говорить, что сей Князь имѣлъ нещасіе родиться въ ереси. Для соединенія сей части съ предыдущею употребляетъ онъ фигуру, называемую Репорами *Поправленіе*, которая подаетъ ему легчайшее переходеніе.

„Но что я говорю! при семъ не хвалишь „его, а сожалѣшь о немъ должно. Хотя испочникъ его происхожденія былъ весьма знаменитъ, но заразился ересію послѣднихъ „временъ.“

III. О Порядкѣ Доказательствъ.

Орапоръ можетъ распоряжать доказательства не одинаковымъ образомъ, судя по предлагаемой имъ матеріи и роду, въ какомъ онъ пишетъ. Нѣтъ общаго правила на это. Иногда пристойнѣе и лучше сильнѣйшія доказательства сберечь къ концу; а иногда полезнѣе всѣми сряду осягощать слушателя. Благоразуміе и здравый разсудокъ Орапора должны учреждать сіе распоряженіе.

Самой натуральной порядокъ, кажется, есть, поспавлять лучшія доказательства на концѣ слова. Симъ распредѣленіемъ Орапоръ не шеряетъ шопчасъ своихъ выгодъ, но сберегаетъ оныя до времени, когда надобно влечь слушателя, уже шронущаго первыми

доказательствами. Правда, убеждение медленнее, но действие оно надежнее: последние впечатления оставляют в уме долгое воспоминание.

Но иногда от сильнейших, прежде поставленных доказательств, меньшие следующие за ними получают вящую силу и силу: ум, уже покоренный, не можешь больше проповишься; поражение сдано, великие справки усмирены, упорнейшие остаются без обороны. Когда великая сила разорвала плетину, то меньшие удары легко разрушают все прочее.

Но из всех правил на эту материю неприменяемое есть то, чтобы проглагольность непрестанно возрастала в слово: *Semper augeatur et crescat oratio*, то есть, чем ближе Оратор подходит к своему предлогу, тем живейшие движения слово его иметь долженствует.

Впрочем, какой бы ни предписывался порядок, не должно себя принуждать к оному, как невольника: чрезмерное шествие о распоряжении свойственно только посредственным Ораторам: искусные же выступают из сих границ, и дают себя свободу. Великолепие презирает малые украшения, и для оного красивый безпорядок важнее выученой точности.

Поелику на священной кафедре должно больше проглаголь, нежели убеждать, то несть ничего бесполезнее сей сухой и разбренной методики: сперва предлагать материю, потом доказательства, далее возражения, наконец

ошвѣщаны; или, сперва свидѣтельствва изъ Священнаго Писанія, потомъ изъ свяшыхъ Ошцовъ, а послѣ увѣренія разума. Всѣ сіи формы суть для шворческаго ума оковы, кошорыя влача онъ, не можешь быть видѣнъ.

IV. Какимъ образомъ священныя Ораторы приводятъ доказательства въ своихъ словахъ.

Не довольно того, чшобъ находить основательныя доказательствва, поставлять оныя въ пристойномъ порядкѣ, и хорошо связывать; потребно еще знаніе разкрывать ихъ, и давая имъ надлежащее пространство, дабы слушатели чувствовали всю важность оныхъ, и чшобы происпекала изъ нихъ возможная польза. Въ семъ-то наиначе состоишь сила краснорѣчія и искусство Оратора. Священному Оратору особливо нужно сіе знаніе; онъ открываетъ такія истины, кошорыя не всегда понятны для простаго слушателя, и кои часто бывають ошвергаемы спрасями. Онъ восшаетъ на пороки, ошъ кошорыхъ, вмѣсто вреда, люди думаютъ имѣть нѣкія пріятности, восшаетъ на опасныя навьки, швердо укоренившіеся, кои надлежишь испреблять. Просшыя умозаключенія, можешь быть, недовольны будутъ къ убѣжденію. Чшожъ долженъ онъ дѣлать? Оставлять сухую форму школьную, и вмѣсто оной писать всѣ подробности, могущія обогащать его матерію и давать ей плодовишость. Сія метода доставишь ему торжество. *Бурдалу*, а особливо *Массильонъ* всегда употребляли оную съ успѣхомъ. *Разпространеніе и Примѣръ* были для нихъ два вѣрные спо-

соба подкрѣплятъ доказательства, и они предпочитали ихъ всѣмъ другимъ.

О Разпространеніи.

Разпространеніе есть собраніе всѣхъ главныхъ обстоятельствъ, и представленіе оныхъ въ видахъ весьма выгодныхъ. Сіе собраніе служишь къ подтвержденію доказываемой матеріи, ибо долѣе привязываетъ къ ней умы слушателей. Оно различествуетъ отъ доказательства тѣмъ, что сіе только объясняетъ какую нибудь темную и спорную истину, разпространеніе же даетъ великость и возвышеніе тѣмъ вещамъ, коихъ важность открываетъ съ такою силою, которая убѣждаетъ, прогая сердце, а не съ холодною философскою сухостию. Почему Цицеронъ опредѣляетъ оное чрезъ винословіе (*argumentatio*) сильное, утвержденіе напряженное, и проч. Слѣдующіе примѣры оправдаютъ истину сего опредѣленія.

Массиліонъ, въ одномъ мѣстѣ своего слова, о истинѣ будущей жизни, хочетъ доказать, что сумнительность нечестиваго объ оной ужасна въ своихъ послѣдствіяхъ: „Теперь, говоришь онъ, „позвольте мнѣ оставить великія причины, „представляемыя православнымъ ученіемъ; я „хочу говоришь только совѣсти невѣрующаго, „и взявъ доказательства изъ чувствій сердца.

„И такъ если все должно кончиться съ „нами, если человѣкъ ничего не долженъ „ожидать послѣ сей жизни, и здѣсь-то наше „опечесство, наше начало, и единое щастіе, „какимъ мы можемъ ласкать себя, то для чего же мы несчастливы? Если мы родимся

„шолько для чувственныхъ удовольствій, по-
„что они не могушъ насытитъ насъ, и всег-
„да оставляюшъ скуку и грусть въ нашемъ
„сердцѣ? Есшли чловѣкъ ничѣмъ не превы-
„шаешъ скошовъ, почто не провождаешъ онъ
„дней своихъ, шакъ какъ они, безъ попеченій,
„безъ заботъ, безъ досадъ, безъ печали, въ чув-
„ственномъ и плшскомъ блаженствѣ? Есшь-
„ли онъ не можешъ надѣяться другаго щасія,
„какъ шолько временнаго, почто не находить
„онаго на земли ни въ чемъ? Почему богатш-
„сшво его безпокоить, чеспи удручаюшъ, у-
„довольствія упомляюшъ, науки запусыва-
„юшъ и раздражаюшъ его любопытшво, ни-
„мало не удовлетворяя оному? Почему слава
„его шягопитъ и связываешъ, и все оное не
„можешъ наполнишъ неизмѣримоспи его серд-
„ца, и еще чего-то желашъ ему оставляешъ?“

Аббашъ *Пуль*, въ словѣ о милосшнѣ, пользуется всѣми мыслями, какія подаешъ ему сія споль важная матерія, для возбужденія въ слушателей сострадательности къ нищимъ. Въ доказательства, открывающія обязанность помогашъ онымъ, вмѣшиваешъ онъ съ безподобнымъ искусствомъ шѣ поразительныя чершты, шѣ спрасныя пореванія, шѣ смѣлыя и неожиданныя движенія, копорыя изумляюшъ душу и производяшъ въ ней глубокое чувствование. Таково между прочими сіе мѣсто первой часпи.

„Религія служишъ подпорою чловѣче-
„сшву, она помощница нищимъ. Богатые, яко
„грѣшники, должны въ дѣлахъ своихъ опда-
„вашъ опченію правосудію Божію, покаяніе

„ихъ есть милоспыня: покаяніе шѣмъ дѣйствъ,
„вишелнѣйшее, что оно, посвящая ихъ со-
„кровища любви, обезоруживаетъ спраспи,
„которыя употребляли оныя вмѣсто средства
„къ безпрепятственному достиженію своихъ
„концовъ; покаяніе шѣмъ достойнѣйшее мзды,
„что оно есть родъ Апостольства.“ Вошъ
идея новая и поразительная! Изобрѣшеніе и
открытіе ея означаетъ великаго Орапора.

„Мы обязаны должностію, говоритъ онъ,
„проповѣдать слово, вы подавашъ милоспыню:
„соединимъ сіи двѣ должности, слово и мило-
„спыню, и не найдемся шакой несчастный,
„которой, сколь бы онъ ожесточенъ ни былъ,
„могъ бы устоятъ противъ нашего оружія.
„Сдѣлаемъ опытъ тому, обстоятельству на-
„ши самыя лучшія, мы при мѣстахъ. Пойдемъ
„вмѣстѣ въ сіи мрачныя пещицы, изображе-
„нія, во всякомъ смыслѣ, ада. Внидемъ въ сіи
„ужасныя узилища, гдѣ слышны одни богоху-
„ленія. Твердо надѣясь на ваше присутствіе
„и держа крестъ, мы возвысимъ гласъ свой
„среди сихъ проклинаній, сихъ ужасовъ, и ска-
„жемъ симъ неистовымъ: несчастные! почто
„вы не уповаете на Провидѣніе? Вы раздра-
„жаете Бога своего, когда Онъ посылаетъ вамъ
„Ангела утѣшителя. При сихъ словахъ вы
„разшоргнете узы однихъ, другихъ возврапи-
„те плачущему ихъ семейству, всѣмъ явите
„великія вспоможенія. Будучи свидѣтелями чу-
„десъ любви вашей, мы со дерзновеніемъ при-
„совокупимъ сіи слова: *поклоняйтесь Господу,*
„*посѣтившему васъ въ скорби вашей, и не преста-*
„*вайте Его прославлять, и увидимъ, что всѣхъ*

„души и сердца вамъ и намъ покоряпся и у-
„мягчаться; и въ сихъ мѣстахъ опчаанія раз-
„дадутся, яко въ печи Вавилонской, однѣ
„хвалы Господу.“

Таково и сіе краснорѣчивѣйшее мѣсто
второй часши:

„Вѣра являетъ намъ въ нищихъ Иисуса
„Хріста, Которому мы обязаны благодарно-
„спію; вошъ побужденіе спомоществовать о-
„нымъ! Коликія благодѣянія получили мы отъ
„Него! Нищимъ-то должно воздавать за оныя,
„онъ живеть, онъ дышетъ въ нихъ; въ нихъ
„онъ узникъ, спрадалецъ, въ нихъ имѣетъ не-
„доспашокъ во всемъ, молишь чадъ своихъ о
„вспомоществованіи, ліетъ слезы, произно-
„ситъ рыданія, прошенія, убѣжденія, безпре-
„спанныя напоминанія, и даже гласъ крови...
„Прошивився шолікому усилю-есть ужаснѣй-
„шая неблагодарность и родъ богоубійства.“

„Какая мысль поражаетъ меня пеперь! во-
„склицаетъ сей Орапоръ, вы сами поразитесь
„оною: вошъ! вы стоите между Олтаремъ и
„шемницами, между Иисусомъ Хрістомъ, покла-
„няемымъ и сѣдящимъ на Престолѣ милосер-
„дія своего, и Иисусомъ Хрістомъ, презрѣн-
„нымъ и спраждуемымъ въ Своихъ членахъ,
„Онъ есть жертва и въ томъ и другомъ со-
„стояніи. Здѣсь Онъ жертва Своя любви къ
„намъ, тамъ жертва жестокосердія богатыхъ.
„Внемлите гласу сему, исходящему изъ нѣдра
„сея скиніи; эшо гласъ Того, Кто васъ иску-
„пилъ, Кто будетъ судить живыхъ и мертвыхъ.
„Онъ вамъ говоритъ: что Мнѣ въ вашемъ лице-
„мѣрномъ почианіи? Ваше припворное сми-

„реніе есть оскорбленіе и жестокость. Предъ
„входомъ въ храмъ сей, вы Меня попрали но-
„гами, и здѣсь спокойно повергаешесь предъ
„Олтаремъ Моимъ. Не сказалъ ли Я вамъ, что
„Я болѣе хочу милости, нежели жершвы? Ко-
„рысполубивые! ничто для васъ покланяшся
„Мнѣ, великаго же для васъ споить милосерд-
„сповашъ Мнѣ. Не уже ли Я тогда только
„Богъ вашъ, когда раздѣляю вамъ Мои дары?
„Какъ *Петръ*, вы признаете Меня Господемъ на
„Ѡаворѣ, и отрицаешесь въ Препорѣ: являйте
„меньше уничиженія, но больше любви. Почи-
„шайте Меня вашимъ имущесствомъ, вашимъ
„богатствомъ, которое есть Мое дѣло, Мое
„благосвореніе. Вашъ жершва, вашъ ѳиміамъ,
„вашъ благодарность, которой Я опъ васъ
„шребую! Заплашите Мнѣ опчаспи своими
„щедротами за кровь, проліянную Мною для
„васъ. Пишайте, яко *Іосифъ*, Опца вашего
„Небеснаго, прилѣжите Ему, и содѣлайтесь,
„нѣкошорымъ образомъ, спасителями своего
„Спасителя.“

Болѣе ничего не скажемъ мы о разпротра-
неніи. Замѣшимъ шолько, что можно разпро-
странять матерію различнымъ образомъ: об-
споятельстввами, изчисленіемъ, дѣйствіями,
сравненіями и прошивными. Должно вспомнить
сказанное о сихъ общихъ мѣстахъ, и примѣры
присоединенные къ опредѣленіямъ оныхъ.

О Примѣрѣ.

Примѣры подшверждають причины, и по-
казываютъ возможность, а иногда удобность
шого, что казалось неисполнимымъ. Примѣры,

приводимые изъ Священнаго Писанія, всегда вѣрны, важны и прогашельны.

Проповѣдникъ обыкновенно представляетъ оныя для противоположенія тому, что происходитъ въ наше время, и дабы симъ противоположеніемъ лучше изображать намъ поврежденность нашихъ нравовъ. Такъ *Массильонъ* посмѣждаетъ тѣхъ людей, которые въ нѣжності своего сложенія и въ обыкновеніяхъ, относящихся къ ихъ достоинству, думаютъ найши причины увольнять себя отъ поста.

„Я васъ спрошу, не болѣе ли обычаи, на-
„блюдаемые вами по вашему достоинству и
„породѣ, отвлекаютъ васъ отъ поста, нежели
„подлинныя и дѣйствительныя нужды? *Давидъ*
„былъ Царь, и упѣхи Царской власти непре-
„мѣнно должныствовали бы его изнѣжить. Но
„чищайше въ его Божественныхъ пѣсняхъ по-
„вѣствованіе о его спргой жизни, и видите,
„сколь печально и назидательно описаніе его
„покаянія. Если вы думаете, что каче-
„ство пола даетъ вамъ нѣкоторыя права на
„постъ; се *Эсфирь* среди удовольствій пышнаго
„двора сокрушаетъ постомъ свою душу, и у-
„крываясь отъ всеобщихъ увеселеній, прино-
„ситъ Богу въ опдаленной храмѣ хлѣбъ пе-
„чали и жертву слезъ. *Иудифь*, столь славная
„во Израили, непоколебимо оплакиваетъ смерть
„своего супруга, въ постѣ и вѣпшии. Ничто
„не можетъ облегчить ея потерю, какъ поль-
„за священнаго спргоства ея уединенія и по-
„каянія. *Павла* и *Маркелла*, сіи знаменитыя
„жены Римскія, произшедшія отъ Владыкъ все-
„ленной, какіе примѣры спргой жизни оста-

„види потомкамъ? Ахъ! никто еще въ сіи ищущи
„спливыя времена не зналъ, что между вѣр-
„ными должна бытъ опличность и тогда,
„когда гласитъ законъ, обязывающій всѣхъ.“

Примѣровъ не надобно приводить слишкомъ много, и примѣненіе оныхъ должно бытъ вѣрно, елики Орашоръ хочетъ, чѣмъ они дѣлали впечатлѣніе въ слушателей.

И. О Опроверженіи.

Опроверженіе имѣетъ необходимую связь съ конфирмаціею; Орашоръ не можетъ хорошо доказывать матеріи, не опровергая возраженій на оную.

Образъ опроверженія въ священномъ словѣ различествуетъ отъ того, какой употребляется въ словахъ судебныхъ. Адвокатъ рядомъ поставляетъ возраженія противника, которыхъ всѣ и служатъ ему предложеніями, дабы попомъ взять каждое въ особенности, и ихъ опровергнуть. Сія метода нѣкоторымъ образомъ разбивчива и суха, и церковное краснорѣчіе не можетъ приспособляться къ оной. Проповѣдникъ ставитъ себя на мѣстѣ слушателя, и дѣлаетъ себѣ отъ времени до времени возраженія, естественнѣе производящіе изъ матеріи, на которыхъ по порядку и отвѣчаетъ. Такъ *Бурдалу*, коего логика столь убѣдительна, въ словѣ о *Промыслѣ*, опровергаетъ мнѣнія вольнодумцевъ, дерзающихъ отрицать сей важнѣйшій догматъ.

„Ослѣпленіе ихъ еще далѣе проспираетъ-
„ся, говоришь онъ. Они не хотятъ свободно и
„Хрістіански признавать промысла, которой

„часто признають по нуждѣ, или по причинѣ
„сильной печали и опчаянія. Ибо примѣшьте,
„Хрістіанѣ, что сей міролюбецъ, забывающій
„Бога и Его промыслъ въ то время, когда онъ
„живетъ въ благополучіи и видитъ исполненіе
„всѣхъ своихъ желаній, первый ропщетъ на
„сей же самый промыслъ и на Бога, когда его
„поспигаетъ какое нибудь непредвидѣнное
„нѣщастіе. Починая для себя оправдоу возла-
„гаютъ на кого нибудь вину своего бѣдствія,
„онъ обвиняетъ въ ономъ Бога, и по сему весь-
„ма странному прошиворѣчію, приписываетъ
„оное шому самому Провидѣнію, которое оп-
„вергаетъ по надменному нечестію. И шакъ
„есть ли что безумнѣе, какъ не хотѣть при-
„знавать промысла, дабы Ему съ покорностію
„сообразоваться, и признавать оной, дабы Его
„хулишь? Но вотъ еще удивительнѣйшее!
„Вольнодумецъ часто сомнѣвается о промыслѣ
„по шѣмъ самымъ причинамъ, которыя нео-
„споримо доказываютъ промыслъ, и которыхъ
„однѣхъ довольно къ увѣренію его объ ономъ.
„Ибо на чемъ онъ основываетъ свои сумнѣнія
„о промыслѣ Божіемъ? На шомъ, что видитъ
„въ мірѣ весьма много безпорядковъ. Изъ сего
„самаго, говоришь Свяшій *Златоустъ*, надле-
„жало бы ему непремѣнно заключать, что
„есть промыслъ. Въ самой вещи, почему сіи
„безпорядки, которыхъ міръ исполненъ, суть
„безпорядки? и почему они кажутся ему безпо-
„рядками, если не пошому, что они суть
„противъ порядка, несогласны съ порядкомъ?
„Но что шакое сей порядокъ, которому они
„противоборствуютъ, какъ не промыслъ? И

„такъ онъ приходишь въ недоумѣніе отъ того, что разрѣшаетъ недоумѣніе, и дѣлается невѣрнымъ отъ того, что должно укрѣплять его вѣру. Но если бы, говоритъ онъ, былъ промыслъ, случались ли бы въ обществѣ людей тѣ дѣла, которыми сами люди соблазняются? Я на сіе отвѣщаю: то, что сами люди соблазняются оными, не есть ли вѣрное доказательство Провидѣнія, которое не позволяетъ, чтобы сіи дѣла усилились, и которое поему хочетъ, чтобы они случаясь между людьми, всегда почитались соблазнительными? и проч.“

Массильонъ, въ своемъ превосходнѣйшемъ словѣ, о прощеніи обидъ, сильно опровергаетъ тѣ различныя причины, которыя представляютъ люди, извиняя нарушеніе онаго правила Хрістіанскаго закона.

„Ты жалуешься, что врагъ твой обезчестилъ тебя тайно предъ кѣмъ нибудь, или явно предъ всѣми; что онъ къ злословію присовокупилъ клевету; что онъ напалъ на тебя съ самой чувствительной стороны, и ничего не забылъ, дабы лишить тебя добраго имени и чести предъ людьми.“

„Но прежде, нежели скажу я тебѣ отвѣтъ на сіе, представлю слѣдующее: не довѣрай приносимымъ тебѣ вѣсямъ обличенъ швоемъ; самыя невинныя рѣчи другихъ всегда доходящъ къ намъ напоенными ядомъ тѣхъ злобныхъ устъ, чрезъ которыя онѣ переносятся: есть много гнусныхъ льстецовъ, ищущихъ благоволенія другихъ на щотъ тѣхъ, кои онаго лишены; есть много душъ подлыхъ

„и мерзостныхъ, находящихся удовольствіе
 „только въ томъ, чтобы поселять зло тамъ,
 „гдѣ онаго нѣтъ, и видѣть вражду между лю-
 „дьми; есть много людей безразсудныхъ и
 „легкомысленныхъ, рассказывающихъ въ од-
 „номъ мѣстѣ, не во время и превратно то,
 „что въ другомъ сказано было съ намѣреніемъ
 „безпорочнымъ; есть много людей отъ приро-
 „ды лживыхъ, въ успахъ копорыхъ все при-
 „бавляется, все увеличивается, все лишается
 „простой и естественной справедливости, въ
 „чемъ я ссылаюсь на себя самого. Не случи-
 „лось ли когда нибудь съ тобою, что другой
 „злобно перешолковалъ самыя невинныя твои
 „слова, и къ своимъ разговорамъ прибавилъ та-
 „кія обстоятельствова, коихъ ты и въ мысляхъ
 „не имѣлъ? Почемужъ не лзя тебѣ быть об-
 „манутому вѣсми о томъ, кого ты почи-
 „таешь своимъ поносителемъ? И еслили все
 „то, что прошекаетъ чрезъ многіе каналы,
 „обыкновенно перемѣняется и возвращается
 „къ намъ уже не такимъ, какимъ оно из-
 „шло изъ своего источника; для чего ты
 „хочешь, чтобы однѣ, тебя касающіяся, рѣчи
 „свободны были отъ сея участи, и тѣмъ бы
 „заслуживали большее вниманіе и вѣроятіе?“

„Но ты скажешь, что сюда не относятся
 „сіи общія правила, и что поступки, на
 „которые ты жалуешься, не подлежатъ со-
 „мнѣнію. Пусть такъ; но я тебя вопрошаю:
 „не можешь ли ближній твой съ своей спо-
 „роны и тебя укорять тѣмъ же? Къ недо-
 „статкамъ его всегда ли ты былъ весьма сн-
 „сходителенъ и милосивъ? ... Вопрошаю тебя,

„наблюдаешь ли ты великую осторожность
„въ обхожденіи съ другими? оказываешь ли ве-
„ликую любовь другому, при его слабостяхъ?...
„Самыя шайныя и скрышныя дѣйствія не
„дѣлаются ли вскорѣ явными по швоей злобѣ
„и неоспорожности? О человѣкъ! ты чрезмѣр-
„но нѣженъ и чувствившеленъ къ шому, что
„тебя касается. Нужно намъ принимаешь всю
„спрогость учительства, и предсшавляешь всѣ
„важнѣйшія побужденія вѣры, дабы прекло-
„нишь тебя къ прощенію ближнему одного
„разговора, часто одного слова, которое онъ
„по неоспорожности, по нечаянности, по слу-
„чаю, по справедливому, можетъ бышь, него-
„дованію произнестъ; вольность швоихъ разгово-
„ровъ съ другими не знаешь шакже предѣ-
„ловъ скромности и благоприсшойности, ко-
„шорые и всѣмъ міромъ предписываются.“

Вообще, опроверженіе пребуешь великаго
искусства и знанія, весьма здраваго разсудка,
и шаккой швердосши умозаключенія, которая
шѣснила бы прошивника, и принуждала его
молчать.

Орашоръ, наблюдая предложенныя правила,
безъ сомнѣнія, убѣждаетъ будешь своихъ слу-
шателей. Это первая его должность; но сего
еще не довольно для его шоржества: при спо-
собности научать, долженъ онъ имѣть даръ
шрогаль.

„Во всѣхъ швоихъ рѣчахъ, возбуждаемая
„шобою спросать должна искаешь сердца, раз-
„горячаютъ оное, шрогаютъ.“ (Воало въ Спих. наук.)

Кшо умѣешь возбуждаешь благовременно
спрасши, шощь обладаешь сердцами. Сшоль

будучи силенъ, какъ бурный вихрь, споль про-
ницателенъ, какъ молнія, споль быспрь, какъ
пошокъ, онъ все уносишь, все испровергаешъ
волнами своего живѣйшаго краснорѣчія. Такъ
ушверждающъ великіе Орашоры; (*) и посему-
то *Демосеенъ* поржесшвовалъ въ *Ареопагъ*, *Ци-
церонъ* въ *Сенашъ*, *Бурдалу*, *Массильіонъ* и другіе
въ Священныхъ Храмахъ.

И такъ великія дѣйствія, произходящія
изъ возбужденія спрасшей, перебующъ, чшобъ
мы изслѣдовали оныхъ силу.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

О

С Т Р А С Т Я Х Ъ.

Два рода спрасшей, какъ говоритъ *Квин-
тиліанъ*, которыя краснорѣчіе возбуждаютъ мо-
жець: однѣ сильныя и жестокія; другія шихія,
нѣжныя и пріятныя. Тѣмъ свойспвенно вол-
неніе, симъ спокойствіе. Возбуждая первыя,
Орашоръ повелѣваешъ; возбуждая вторыя, со-
вѣпуешъ; оными волнуешъ и возмущаешъ сер-
дца, сими умягчаешъ и плѣняешъ.

Спрасши, жесточае дѣйспвующія на душу,

(*) Vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus
ut fulmen; tonat, fulgurat, et rapidis eloquentiae fluctibus
cuncta proruit et proturbat. Такъ говоритъ *Цицеронъ* о
тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя производить возбужденіе спра-
сшей; трудно, безъ сомнѣнія, изобразить оныя живѣй-
шими еще чертами.

и оспаляющія въ оной должайшее воспомина-
ніе, сущь: *страхъ, ужась и негодованіе.*

Сспраспи, производящія въ душѣ пишай-
шее волненіе, сущь: *надежда и сожалѣніе.*

И шѣ и другія, возбуждаемы будучи благо-
временно, поразительными изображеніями,
сущь для священнаго Орапора надежнѣйшія
средства покоряють сердца самыя нечув-
спвишельныя и упорныя.

Какъ, на примѣръ, можно возпропиви-
ться живому впечатлѣнію, какое производишь
сіе мѣсто слова *Бурдалу, о судѣ Божіемъ?*

„Еспьли сей шайный гласъ Божій, кошорой
„мы слышимъ, не видя еще Бога, споль силь-
„но насъ поражаешъ, и причиняешъ намъ шо-
„ликую боязнь и спрахъ; чшожъ будетъ, ког-
„да Богъ намъ явишся—когда при звукѣ ужас-
„ныя шрубы, кошорая возбудишь мертвыхъ,
„и опъ чешырехъ частей свѣша соберешъ
„всѣхъ человѣковъ, Онъ призовешъ и насъ къ
„Своему судищу;—когда представишся намъ
„сѣдящимъ на престолѣ не шолько величешва
„Своего, но и правосудія, и среди Своихъ
„служишелей, вооруженнымъ своими громами,
„представишся яко Богъ раздраженный, яко
„Богъ враждующій, яко Богъ мспишель;—когда
„предъ очами всея вселенныя, со вниманіемъ
„Его слушающія и насъ разсматривающія,
„Онъ извлечешъ изъ нашего сердца осужденіе
„наше, кошорое Онъ подшвердишь и запеча-
„шлѣешъ послѣднимъ приговоромъ? Тогда-шо,
„глаголешъ премудрый, грѣшники возчув-
„спвуютъ болѣе, нежели прежде, шягосшъ
„своихъ грѣховъ; тогда-шо они восплачутъ и

„возспенають: и будутъ въ болѣзни; погда-то
 „они увидятъ яснѣе, нежели когда либо, всю
 „гнусность оныхъ и всю срамоту; и будутъ во
 „укоризну въ мертвыхъ въ вѣкъ; погда-то они
 „безмѣрно убояшся спрашныхъ слѣдствій ихъ:
 „придутъ въ помышленіе грѣховъ своихъ боязливи;
 „погда-то будутъ оными обременены, пог-
 „да-то уничижатся, и даже до послѣднихъ олу-
 „стѣють; погда-то совѣсть, споль тяжко уяз-
 „вляемая, и часто презираемая опмсшишь, яко
 „свидѣтель и судія, но свидѣтель и судія уже
 „явный, опмсшишь имъ совершенно за свои
 „права: и облигитъ ихъ противу беззаконія ихъ.“

Массильіонъ еще живѣйшимъ изображені-
 емъ возбуждаетъ ужасъ, представляя Іисуса
 Хріста, вдругъ являющагося въ храмѣ, для
 раздѣленія праведныхъ отъ грѣшныхъ. Сіе
 мѣсто есть самое краснорѣчивое; оно, можешь
 быть, превышаетъ все то, что въ древнихъ
 и новѣйшихъ Орашорахъ находимъ мы совер-
 шеннѣйшаго. (*)

„Я ошпанавливаюсь на васъ, браніе моя,
 „кошорые здѣсь предсшопите. Я уже не говорю
 „о прочихъ человѣкахъ, а взираю на васъ,
 „шакъ какъ бы вы были одни на земли: и
 „вошъ мысль, меня занимающая и ушпраша-
 „ющая! Я полагаю, что здѣсь вашъ послѣдній

(*) Когда Массильіонъ произнесъ сіе мѣсто своего
 слова о маломъ числѣ избранныхъ, то великой ужасъ
 объялъ всѣхъ слушателей; всѣ почти подвинулись съ
 мѣстъ, своихъ невольно; отъ изумленія и восклицанія ихъ
 произошелъ между ими такой шопотъ, что смутилъ про-
 повѣдника, но сіе его смяшеніе усугубило разшпельность
 сего мѣста.

„часть, и конецъ вселенной, что небеса вскорѣ
„опроверзунся надъ вашими главами, и Иисусъ
„Христосъ явился во славу Своей посреди сего
„храма, и что вы собрались сюда для ожида-
„нія Его, собрались, яко пресупники прене-
„щущіе, которые должны услышать или судъ
„милосши, или опредѣленіе смерти вѣчной.
„Ибо какъ вы ни льстившесь, вы умрете на-
„кими же, каковы вы теперь. Все ваши жела-
„нія переѣнишь жизнь, желанія, васъ прель-
„щающія, прельщавъ васъ будутъ до смерт-
„наго одра. Все, что тогда вы будете нахо-
„дишь въ себѣ новаго, будутъ, можетъ быть,
„причиною данъ большій опечетъ Богу, нежели
„какой дали бы вы теперь...

„И такъ, я васъ вопрошаю, и вопрошаю
„будучи пораженъ ужасомъ, не опдѣляя сво-
„его жребія опъ вашего, и причисляя себя къ
„вамъ, вопрошаю я васъ: еспьли бы Иисусъ
„Христосъ явился въ храмъ сей, среди сего
„собранія, величественнѣйшаго во вселенной,
„дабы судишь насъ, дабы сдѣлавъ ужасное
„разлученіе овецъ опъ козлищъ, думаете ли
„вы по крайней мѣрѣ, что обѣ стороны были
„бы равны? Думаете ли по крайнѣйшей мѣрѣ,
„что нашлось бы здѣсь десятъ праведниковъ,
„которыхъ Господь не могъ нѣкогда найши
„въ цѣлыхъ пяти градахъ? Вопрошаю я васъ;
„вы не знаете, и я самъ не знаю. Ты единъ,
„мой Боже, вѣдаешь сущихъ Твоихъ; но еспь-
„ли неизвѣстны намъ сущіе Божіи, по край-
„ней мѣрѣ извѣстно намъ то, что грѣшники
„не суть Его. Кто же суть вѣрные, сполщіе
„здѣсь? Тщла и достоинства должно почестъ

„Ни за что, вы безъ оныхъ явитесь Иисусу Хрісту. Кто они суть? Изъ нихъ много грѣшниковъ, не могущихъ обратиться; больше желающихъ обратиться, но опкладавающихъ обращеніе свое; есть много и обращающихся, но паки падающихъ; наконецъ великое число думающихъ, что они не имѣютъ нужды въ обращеніи. Вотъ часть погибающихъ! Опредѣлите сіи четыре рода грѣшниковъ, оныхъ сего святаго собранія; ибо они оплучены, будутъ опъ онаго въ великій день. Явитесь, теперь, праведники, гдѣ вы? Чада Израиля! спанише одесную: пшеница Иисуса Хріста! опредѣлись опъ сихъ плелеловъ, опредѣленныхъ къ сожженію: О Боже! гдѣ Твои избранные? и что оспается въ наслѣдіе Тебѣ?“

Иногда одна мысль довольна возродитъ въ сердцахъ смущеніе; таково сіе восклицаніе *Босюата* въ надгробномъ словѣ *Генріеттъ Англійской*, гдѣ онъ, послѣ шихихъ изъясненій, вдругъ возглашаетъ:

„О ночь несчастная! о ночь ужасная! ночь, въ копорую, подобно громовому удару, раздалась сія поразительная вѣсть: Государыня умираетъ! Государыня скончалась! Кто изъ насъ при семъ ударѣ не почувствовалъ себя споль пораженнымъ, что какъ будто бы опъ внезапнаго зоключенія погибло его семейство?“

Какихъ чувствованій спраха и ужаса не ощущаемъ мы при одномъ чтеніи сихъ мѣстъ, исполненныхъ споль живаго, споль убѣдительнаго краснорѣчія! и какія дѣйствія должны они были производить въ слушающихъ, при

поржеспивенномъ опправленіи тайнствъ, на каедрѣ истины, и языкомъ священнослужителя, копорой самъ былъ пронупъ, самъ живо чувствовалъ въщанное имъ!

Но еспли для поржеспивованія надъ пропивоборспвіемъ слушателей, полезно употреблять такимъ образомъ сіи великія движенія, споль сильно волнующія душу; то не должно презираеть и шѣхъ, копорыя приводятъ оную въ сожалѣніе, заспаваютъ ее спыдинься своихъ слабостей, воскрешаютъ ея надежды, и наконецъ возбуждаютъ въ ней нѣжнѣйшія чувства. Вотъ нѣсколько примѣровъ сея прогашельныхъ убѣдительностей, шоліко дѣйствующей на чувствительныя сердца!

„О вы, мои слушатели! восклицаетъ *Масильонъ*, видите Свяшую душу Іисуса Христа, испаявающую опъ печали и изнеможенія, и „пораженную всѣмъ ужасомъ грѣха. Вотъ об- „разъ шой печали, копорую вы должны прино- „ситъ съ собою на мѣсто судища, куда при- „ходите въ сіи спасительные дни для умило- „спивленія правосудія Божія, раздраженнаго „вашими грѣхами! Іисусъ при послѣднемъ из- „дыханіи Своемъ еспъ образецъ кающимся; „однакожь мы васъ видимъ приходящихъ съ „сухими очами, съ сердцами спокойными, чув- „спивующими болѣе спыдъ признанія, нежели „множесиво и мерзоспъ преспусленій, въ ко- „порыхъ идете вы признаваться; вы намъ „разсказываете исторію своей жизни, пакъ „какъ кпо-нибудь разсказываетъ дѣла, неза- „служивающія ни похвалы, ни осужденія; и „мы имѣемъ нужду употреблять всю силу

„Святыхъ словесъ, дабы возбуждать васъ опъ
сна, дабы извлекашь изъ васъ нѣсколько сла-
быхъ чувствъ печали; и мы должны спо-
ришь, соспязаться, заклиная, убѣждать, и
даже ослаблять правила, чѣмъ вы прини-
мали предлагаемое врачевство. И естли мы
предспавляемъ очамъ вашимъ жалоспное со-
спояніе вашей совѣспи, и побуждаемъ васъ
къ изпорженію ока, васъ соблазняющаго, и
къ удаленію причины погибели вашей; то вы
пропивишесь, жалуешесь, обвиняете насъ
въ возмущеніи вашей совѣспи и приведеніи
грѣшниковъ въ опчаяніе. Боже! шакъ-то
умилоспвивляють Тебя!- Эпо ли священная
печаль покаянія?“

Сколь чувспвипельно изображено развра-
щеніе нашихъ нравовъ въ слѣдующемъ примѣрѣ!

„Кшобъ не возгорѣлъ духомъ всегда бышь
въ Священныхъ собраніяхъ, бышь всегда уча-
спникомъ службы Божіей, въ храмахъ Его
совершаемой? Кшо не воскликнешъ съ Дави-
домъ: *коль возлюбленна селенія Твоя, Гослоди*
силъ! желаетъ и сконгаается душа моя во
дворы Гослоди?“

„Но не во всѣхъ Хрістіанахъ сія досто-
хвальная ревность примѣчается: въ сердцахъ
у многихъ проспыгаетъ священный благо-
чеспія жаръ. Часпо съ гореспію видимъ, чѣмъ
во дни воскресные, во дни праздничные, то
естъ, въ шакіе дни, которые уставлены для
ошправленія пераго и величайшаго долгу
нашего, иные въ домахъ оспаются въ празд-
носпи, иные бездѣльно шапаются по пор-
жищамъ, иныхъ ненасыпная сребролюбія

„алчба гонитъ искапъ прибышковъ, и съ раз-
слабленіемъ духа и плѣла своего мучающа надъ
работою; иные въ то время бѣгають по до-
мамъ, и подъ видомъ поклоновъ, въ непоспо-
янаспѣвѣ человѣческомъ ищутъ себѣ покрови-
пельспва; иные въ веселостяхъ препровож-
дають плѣ часы, и зрѣлищемъ смѣхошвор-
ныхъ и соблазнительныхъ представлений у-
слаждають суешныя мысли свои: а иные, о
нещасіе временъ нашихъ! естъ и такіе, ко-
порые и презирають сіи собранія, и служба
Бога нашего въ ихъ мечтательномъ мудро-
ваніи никакого уваженія не заслуживающъ.
Торжище многолюдно, корчемницы пѣнаспвен-
ныя преисполнены, зрѣлища ушѣсенны: но
Церковь рыдаетъ, лишаясь чадъ своихъ, ры-
даетъ, не видя ихъ въ матернихъ нѣдрахъ
своихъ. До того дошло развращеніе нашихъ
нравовъ, что въ самые величайшіе Церкви
праздники, когда всеночныя совершаются
бдѣнія, и Церковь оглашаема бываетъ пор-
жеспвенными пѣніями, въ Церковь мало кто
приходитъ, но на ложахъ своихъ спокойно,
не перзаясь совѣстію, въ то время опочи-
вають. И естли кто приходитъ, то нѣ-
которые изъ простаго народа: съ ними - то
мы совершаемъ праздники Божія; сіи - то
суть наши сообщники въ хвалахъ Господнихъ:
сіи - то люди исправляютъ поплѣ долгъ, ко-
порой на всякаго человѣка безошрищательно
возложенъ, и плѣмъ заслуживають почтены
быть именемъ благородспва духовнаго.“

„Почто, о Хріспіане! толико небрежемъ?
Почто порочимъ честъ Хріспіанскія вѣры,

„и хулимъ имя Божіе, коимъ мы запечатаны
„въ часъ Крещенія? и проч.“

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и праздни-
чные дни.)

Смотри еще, сколь спрасно *Шелме* о-
канчиваешь свое прогашельное слово о любви
къ узникамъ :

„Ахъ ! ежели естъ еще въ васъ вѣра,
„Хріспоиименитые слушатели, по поспѣшине
„умилоспивитъ вашими милоспшными Того,
„Кію будетъ вашимъ Судією ; и еспѣли Духъ
„Божій вамъ по внушаешь, пекише скоро къ
„шемницамъ ; идите даровать свободу неща-
„спнымъ, заключеннымъ въ оныхъ за меньшія
„суммы, нежели какія вы испощаете при са-
„мой малой спавкѣ въ играхъ вашихъ ; будъ-
„ше ихъ ангелами хранипелями, подобными
„свободившему Свяпаго *Петра* ; скажише имъ,
„какъ сему Апостолю : *востани вскорѣ, послѣдъ-*
„*стуй ми* ; воспанише, бѣдные разоренные,
„опверзаенія вамъ сіе плачевное жилище , въ
„копоромъ вы шомипесь ; я ангель, посланный
„опъ Бога разпоргнувъ узы ваши , слѣдуйше
„за мною. Явише щаспливыхъ на земли, слу-
„шатели, возвратише мужа огорченной женѣ,
„оща оспавленнымъ дѣшамъ , спокойствіе
„долгами обремененному семейспву , надежду
„и жизнь опчаяннымъ ; оприше слезы , давно
„проливаемыя ; возвратише свѣпность лицамъ
„блѣднымъ и помнымъ . Да нищій въ хижинѣ
„своей, окруженный своими чадами , благосло-
„вляешь милосердную руку , разрушившую его
„оковы ; да почипають они васъ своими спа-
„сппелями ; да ихъ радоспные вопли восхо-

„дѣлать къ небу, и преклоняють оное къ благо-
„поспѣшенію вамъ; да возвращенная имъ сво-
„бода побуждають ихъ признавать, что Богъ
„подлинно печется о нихъ, и премѣнишь роп-
„шанія на хвалы: *нынѣ вѣмъ воистинну, яко посла*
„*Богъ ангела Своего*; ахъ! я теперь исповѣдую,
„что Богъ есть мой Отецъ; ибо кто бы взду-
„малъ обо мнѣ, если бы Онъ не вдыхалъ въ
„богатыхъ любви къ нищимъ? Похвально, слу-
„шатели, помогаютъ несчастнымъ, и удоволь-
„ствиемъ для благородной души, тѣмъ паче,
„что добро, оказываемое имъ, оказывается са-
„мому Богу. Онъ сіе удовольствіе хочетъ еще
„усугубить вѣчною славою, и проч.“

Находимся также, во второй части слова
Фенелона на посвященіе Электора Колонскаго,
апострофъ исполненный чувствительности, и
такой, которой только опытъ сердца сего зна-
менистаго Іерарха могъ произойти.

„О пастыри! не смѣняйте сердецъ своихъ;
„разпространите, разпространите упробы
„ваши. Вы ничего не знаете, если знаете
„не только, какъ надлежитъ повелѣвать,
„какъ обличать, какъ исправлять, какъ пока-
„зывать письма Закона. Будьте опцами, но
„сего не довольно, будьте мамерями; сноси-
„те болѣзни чадорожденія, дондеже вообразится
„Христосъ въ сердцахъ чадъ вашихъ.“

О Страстяхъ въ особенности.

Средства, прогнать слушателя и порже-
стновать надъ его проповѣдью, не со-
стоятъ только въ томъ, чтобы живо вообра-
жать и разительнo писать; надобно Орактору

еще хорошо знать нашу спрасей, дабы вѣрно открывать опасности оныхъ, иѣ волненія души и угрызенія совѣсти, копорымъ подвержены невольники ихъ. Сіе глубокое познаніе сердца человѣческаго пребуеѣ оѣ проповѣдника такой примѣчательности, копорая бы свободна была оѣ всякаго предубѣжденія, копорая не была бы водима въ своихъ изслѣдываніяхъ огорчипельною ревностию, не дѣлала бы никакого принаровленія, и имѣла бы въ виду только благо общесѣва и спасеніе ближнихъ. Нѣкоторые изъ великихъ проповѣдниковъ совершенно успѣли въ сей важной части своего званія. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые мѣста изъ ихъ проповѣдей, опіюсящіяся къ сему члену: весьма бы продолжипельно было высѣавляѣ свойсѣва всѣхъ спрасей. Довольно показатѣ въ маломъ числѣ примѣровъ, сколь искусно и вѣрно предсѣавили они характеръ нѣкоторыхъ.

Воѣ какъ *Массильюнъ* изображаеѣ по непрестанное принужденіе, какое себѣ дѣлаеѣ честполюбивый, для вѣрнаго досѣиженія предпологаемой цѣли.

„Честполюбивый успрашаеѣ ли шѣхъ за-
„шрудненій, какія находиѣ на пупи своемъ?
„Онѣ себя перемѣняеѣ, преобразуеѣ, наси-
„луеѣ свое природное свойсѣво, и покаряеѣ
„оное своей спрасей. Родившисѣ гордымъ и
„надмѣннымъ, сѣ робкимъ и популленнымъ
„взоромъ переносиѣ онѣ спрошпивосѣ ка-
„кого нибудѣ служисѣля; разными подлосѣями
„снискиваеѣ покровипельсѣво подчиненнаго,
„пользующагося довѣренностию начальниковъ,

„и унижаетъ себя до того, что хочетъ быть
„обязанъ своимъ щастіемъ ищеславію какого-
„нибудь приспавника, или сребролюбію раба.
„Будучи живъ и весьма склоненъ къ удоволь-
„ствіямъ, онъ проводитъ съ скукою въ перед-
„нихъ между слугами вельможъ и въ минуны,
„которыя доставили бы ему въ другихъ мѣ-
„стахъ безчисленныя увеселенія : ненавидя
„трудъ и безпокойствіе, онъ проходитъ пяго-
„сныя должности, лишаетъ себя не поль-
„зо всякой нѣги и прохлады, но и сна и здо-
„ровья, дабы казаться достойнымъ свсего мѣ-
„ста: наконецъ, будучи скупъ, онъ дѣлается
„щедрымъ и даже распочительнымъ, всѣ при-
„емлютъ отъ него дары; учтивостъ, оказы-
„ваемую слугою, и знаки его уваженія цѣнятъ
„онъ дорого, и нѣтъ ничего такого, что бы
„не заслуживало его награды.“

Онъ же весьма живыми красками предста-
вляетъ спыдъ и угрызеніе совѣсти, всегда
почти слѣдующія за непопробною любовію.

„Во вторыхъ, несносна сія спрасъ по
„причинѣ досады, ревности, бѣшенства, при-
„нужденій, боязни, печальныхъ всегдашнихъ
„слѣдствіи оныя: всего ты спрашиваешься со
„стороны чести и славы: должно тебѣ доста-
„вать предосудительное удовольствіе способа-
„ми весьма пягоспными, и еспыли одного не
„доставишь, то все теряешь : надобно сно-
„сить публичныя переговоры и домашніе ро-
„поты, сносить своенравіе, неравенство, пре-
„зрѣніе, и, можетъ быть, невѣрность предме-
„ста, тебя плѣнившего; долженъ ты поддержи-
„вать свои должности, свои выгоды, всегда

„несовмѣстныя съ твоими удовольствіями,
„поддерживать самого себя противъ себя. Ахъ!
„начало сея страсти приносишь только весе-
„лія и пріятности, сперва путь беззаконія
„бываетъ усыпанъ цвѣтами, первыя неиспов-
„сѣва сего порока упоютъ разумъ, и не да-
„ютъ ему времени возчувствовать всего сво-
„его нещасія; тогда человѣкъ пинаетъ въ
„себѣ мысли о сей страсти еще благородныя
„и лестныя, языкъ соотвѣтствуетъ мыслямъ,
„происходитъ взаимное увѣреніе о возвышеніи
„чувствованій, о добротѣ сердца, о скромно-
„сти, о чести, о праводушіи, о сходствѣ
„природныхъ склонностей; все тогда еще
„льститъ суебности. Но слѣдствія всего того,
„глаголетъ Духъ Божій, горестны: но какъ
„страсть нѣсколько охладѣетъ, постыдное
„удовольствіе сдѣлается весьма обыкновен-
„нымъ, первые знаки нѣжности ослабѣютъ
„отъ долговременнаго знакомства и обраще-
„нія, разумъ выдѣтъ изъ заблужденія, увидѣв-
„ши все то, что страсть имѣетъ поноснѣй-
„шаго: тогда послѣдуютъ непріятныя слухи,
„публичныя сужденія, домашніе раздоры, раз-
„стройство дѣлъ, разныя потери и недоспа-
„лки, подозрѣнія, ревнованія, досады, невѣр-
„ность, бѣшенство. Что тогда оспается
„шебѣ, беззаконникъ? Ужасное обращеніе къ
„самому себѣ, несносная грусть сердца, внуш-
„ренній стыдъ своей слабости, сожалѣніе о
„помѣ, что ты не слушалъ благоразумнѣй-
„шихъ совѣтовъ, печальное размышленіе о
„спокойствіи, славѣ, благополучіи, которыми
„бы ты могъ наслаждаться, храмя должностъ

„и чистоту; и въ самомъ беззаконіи пвоемъ
„могъ ли ты бытъ спокойнымъ, имѣть мир-
„ную совѣсть?“

Бурдалу въ одномъ мѣстѣ своего слова о
богатствѣ, сильнымъ и мужественнымъ слогомъ
описываетъ по ослѣпленіе и рвеніе, съ какимъ
люди ищутъ благъ, никогда не насыщающихъ
сердца: здѣсь мы видимъ сребролюбца, прези-
рающаго правила умѣренности, не имѣющаго
любви къ покою, желанія славы, и удаляющаго-
ся отъ свѣта разума и вѣры.

„Гдѣ нынѣ такіе богачи, которые въ сво-
„ей прихотливости, держась правилъ благо-
„разумной умѣренности, полагали бы предѣлъ
„своему обилію? Есть ли изъ нихъ такіе, ко-
„торые, довольны будучи тѣмъ, что дов-
„лѣетъ, и возводя умъ свой выше, говорили бы:
„полно уже, больше мнѣ не надобно на земли;
„надобно искать небесныхъ сокровищъ, коихъ
„ни черви, ни пля не испребляютъ? Воище
„имъ представляють, что ограничивать себя
„такимъ образомъ, есть вѣрнѣйшій знакъ
„основательнаго и здраваго разсудка; воище
„имъ показываютъ безуміе того человѣка,
„которой, имѣя нужды ограниченныя, желанія
„имѣетъ безмѣрныя и безпредѣльныя... Воище
„говорятъ имъ съ Экклезіаспомъ, что великая
„жадность къ серебру, ничто иное есть, какъ
„суета и оскорбленіе духа; что оной, такъ какъ
„и всему другому, долженъ бытъ конецъ; и
„что самое явное наказаніе Божіе сребролюби-
„вымъ богачамъ есть то, что хотя они всѣмъ
„изобилуютъ, но все спрашиваютъ бѣдности, и
„чѣмъ больше они пріобрѣли, тѣмъ больше

„пріобрѣсть хопятъ. Воище ихъ увѣряють,
 „что они, всегда собирая кучи на кучи, не
 „заслуживають тѣмъ ни большей любви, ни
 „большаго почтенія; что по исполненіи ну-
 „жной мѣры, они не живутъ ни пріятнѣе опъ
 „излишеспва, ни спокойнѣе; и что дѣйствіе
 „великаго богатспва есть толькo зависть,
 „негодованіе и ненависть другихъ: все это не
 „прогаешь ихъ. Горя алчнымъ желаніемъ зла-
 „ща, они опвѣчаютъ сами въ себѣ, что все
 „нужно въ свѣтѣ; ничего, еспли судить по
 „справедливости, не довольно; никогда не лзя
 „имѣть излишняго; людей цѣнятъ толькo по
 „имѣнію; пріятно собирають при полной жап-
 „вѣ; боязливой толькo душѣ, или слабой со-
 „вѣсти прилично ограничивають свои желанія.“

Еспь также въ сочиненіяхъ Святыхъ
 Опець поразительныя карпины, предспавля-
 ющія пагубныя дѣйспвія владычспва нѣко-
 торыхъ спраспей надъ сердцемъ человѣка.
 Такъ Святой Григорій изображаетъ тѣ жес-
 топкія мученія, какія подъемлеть зависпливый,
 видя щаспливымъ другаго.

„О чемъ ты болѣзнуешь? О томъ, что
 „брають пвой или сродникъ, или сосѣдъ жи-
 „вешь въ спокойспвіи душевномъ. Сугубая
 „злоспъ! въ вину причипаешь другому то,
 „что онъ не бѣдспвуетъ; сожалѣешь, что онъ
 „щаспливъ; обижаешься не тѣмъ, что онъ на-
 „несъ тебѣ какой нибудь вредъ; но что безъ
 „обиды ближнимъ, живешь въ благосостояніи,
 „и пакъ какъ хочешь. Что ты претерпѣлъ
 „нешаспный? опъ какой обиды сохнешь, съ
 „прискорбіемъ взирая на щаспливые успѣхи

„сосѣда? Въ чемъ можешь на него жаловаться
„Богу, въ чемъ обвинять, есѣли онъ благо-
„образенъ, есѣли одаренъ краснорѣчіемъ,
„есѣли родомъ выше тебя, есѣли, пріавши
„какую нибудь власѣ, является блиспапель-
„нымъ и величественнымъ въ своемъ достоин-
„ствѣ, есѣли прибавилось ему нѣкоторое ко-
„личесѣво денегъ, есѣли по причинѣ его
„благоразумія, слова его уважаются, есѣли
„онъ за благодѣянія у многихъ въ почтеніи,
„есѣли упѣшается чадами, есѣли по своимъ
„доходамъ и прибыткамъ живетъ пышно и
„сіаетъ великолѣпиемъ? Почѣто все сіе, напо-
„добіе оспрія спрѣлъ, пронзаеѣтъ пвое сердце?
„Почѣто біеѣ въ длани, ломаеѣ перспы, му-
„чиѣшься мыслями, изпускаеѣ изъ глубины
„сердца вздохи, означающіе печаль? Почѣто
„непріятны тебѣ плоды его доходовъ и прибы-
„тковъ, горька для тебя его прапеза, невесель
„его домъ? Почѣто ты всегда гошовъ и скло-
„ненъ слушаѣ поносящихъ его? Есѣлижъ
„кто нибудъ его хвалиѣ и одобряеѣ, ты
„опивращаеѣ слухъ свой... И когда ты ша-
„ковъ внушренностію, для чего, припворяясь,
„скрываеѣ скорбъ свою? Какимъ образомъ
„пріемлешъ лице друга, являєѣ ложную лю-
„бовъ? Для чего присоединяеѣ гласъ свой къ
„желанію здравія и благополучія ему, сердцемъ
„желая проптивнаго?“

Изъ сихъ различныхъ, приведенныхъ нами
примѣровъ видно, какимъ образомъ Орапоръ
можеѣ возбуждаѣ и изображаѣ спраспи,
и сколь живое впечатлѣніе въ сердцѣ могутъ
дѣлаѣ таковыя изображенія, употребляемыя

съ искусствомъ, и обнаруживающія самыя тайности порока. Но чѣобы Орактору производить сіе дѣйствіе, не надобно ему забывать, что первая его должность есть, быть самому пронуту, что это есть дѣйствительнѣйшее средство прогнать другихъ: а дабы самому быть пронуту, надлежитъ ему углубляться въ свой предметъ, одѣвать себя, такъ сказать, спрасями тѣхъ людей, о которыхъ онъ печется, поставляя себя на ихъ мѣстѣ, и проч. Въ самой вещи, слушатели не возчувствуютъ ни страха, ни ненависти, ни негодованія, ни сожалѣнія, еслии онъ самъ не объявитъ тѣмъ огнемъ, которой хочетъ онъ возжечь въ душѣ ихъ. Никогда не извлечетъ онъ слезъ изъ нихъ, ежели самъ не начнетъ изливаться оныя. Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi. Искусство не можетъ изъясняя чувствованій природы, должно самой ей изъясняться. Не вида и не подражанія печали пребую я, говоритъ Цицеронъ, но печали дѣйствительной и прямой, воздыханій, производящихъ опъ сердца, подлинно пронутаго: Non simulacra, neque imitamenta, sed luctus verus, atque lamenta vera, et spirantia.

Къ симъ размышленіямъ присовокупимъ мы чепыре примѣчанія, которыми сей важный членъ окончится.

1. Оракторъ, при изображеніи какой нибудь спраси, долженъ стараться находить пермины и фигуры, приспойныя оной; ибо всякая спрасъ имѣетъ свой языкъ, свои выраженія, свои прилжности. Слово вычищенное, наполненное цвѣтами, періодическое не можетъ

пирогать; спраснь изъясняется иначе, она опмещеть все увеселяющее умъ, она идетъ прямо къ сердцу.

2. При изображеніи спрасней ничего не должно вмѣшивать посторонняго и несовмѣстнаго; это есть великая тайна,-- съ успѣхомъ возбуждать или уполять оныя. Душа хочетъ слѣдовать за своимъ предметомъ: естли въ то время, когда ты стараешься вдохнуть въ нее чувствованіе надежды, примѣшиваешь какую--нибудь причину страха, ужаса, то поршишь единство оныя спрасни, оспанавливаешь дѣйствіе ея, и тогда умъ слушающаго ослабляется, и уже не приемень того впечатлѣнія, какое ты въ немъ произвести желалъ бы, или приемень оное несовершенно.

3. Не надобно возбуждать движеній весьма часто, ни весьма долго производить оныя. Къ продолжительному всякой привыкаетъ, и перестаетъ быть поражаемъ онымъ. Тѣло твердѣетъ при повторяемыхъ ударахъ, душа при продолжаемыхъ возбужденіяхъ.

4. Наконецъ, при изображеніи спрасней, причиняющихъ человѣкамъ несчастія или стыдъ, любовь запрещаетъ Орактору дѣлать частныя выспавки, злобныя принаровленія, которыя доказываютъ пропивное Хрістіанству намѣреніе, подвергнувъ кого--нибудь публичному поношенію.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О

ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Заключеніе изъ всѣхъ частей слова есть самая важная и трудная часть. Здѣсь-то Орапоръ долженъ изливаетъ всю чувствительность, и дѣлать сильнѣйшіе удары: всѣ нравственные матеріи оканчиваются спрасными заключеніями. Поелику вниманіе слушателей всегда усугубляется при концѣ слова: то проповѣдникъ обязанъ увѣнчивать свои наставленія сильными и прогашельными изображеніями, которыя производили бы великое колебаніе въ совѣстяхъ, и оспавляли въ умахъ неизгладимое впечатлѣніе.

Посему я думаю, что краткое повтореніе главныхъ пунктовъ, разобранныхъ порознь и проспраніе въ срединѣ слова, не можетъ столько дѣйствовать на сердца вѣрующихъ, какъ спрасное увѣщаніе имъ, или нѣжная молитва верховному Владыкѣ сердець. Такъ знаменитые Орапоры оканчиваютъ большую часть своихъ проповѣдей. Слово *Массильона*, о употребленіи времени, оканчивается сильнымъ и убѣдительнымъ увѣщаніемъ.

„Размышляйте о сихъ святыхъ испинахъ, брагіе моя! время кратко, невозвратно; оно есть цѣна вѣчнаго вашего благополучія; оно дано вамъ только для того, чтобы вы содѣлались достойными небесныхъ благъ. Посему размѣрьте, сколько онаго должны вы

„давать въ жертву міру, удовольствію, по-
 „пребносіямъ своего сословія, своему спа-
 „сенію. *Братіе!* говоритъ Апостоль, *время пре-*
 „*кращенно есть*; спанемъ пользоваться міромъ,
 „такъ какъ бы мы онымъ не пользовались;
 „спанемъ обладать своими благами, своими до-
 „стоинствами, своими шиплами, такъ какъ бы
 „мы оными не обладали; спанемъ утѣшаться
 „благосклонностію нашихъ начальниковъ и по-
 „чтеніемъ людей, такъ какъ бы мы не имѣли
 „сея утѣхи: эпо ничто иное есть, какъ шѣнь,
 „опъ насъ убѣгающая, и не будемъ ничего
 „почитать существеннымъ во всей своей
 „жизни, какъ только шѣ минушы, копорыя
 „упопробимъ мы для неба.“

Шеліне, оканчивая свое слово о трудности
 спасенія, приносишь Богу сію прогашельную
 молитву:

„Къ Тебѣ, наипаче, Боже мой, должны мы
 „прибѣгать: *Господи! спаси ны, погибаемъ*; спаси
 „насъ, Господи, на семъ бурномъ океанѣ міра,
 „гдѣ шолікіе воспають въпыры, гдѣ шолікіе
 „скрывающіяся камни: буря намъ угрожаетъ,
 „волны насъ захватываютъ, искусство дѣлаетъ-
 „ся безполезнымъ и сила недѣйствительною;
 „*спаси ны*. Какъ! уже ли Твое всегда опверзшее,
 „недремлющее, бдящее надъ избранными око,
 „воздремлетъ, закроется надъ нами? *погиба-*
 „*емъ*. Міръ насъ увлекаетъ, спремленіе водное
 „насъ уноситъ, обычай нами властвуетъ, все
 „соединяется къ погубленію насъ, оставишь ли
 „насъ Ты? Ахъ, Господи! еслили воспоминаніе
 „прошедшаго преклоняетъ Тебя на милость,
 „помяни, что я иногда приспупалъ къ дѣламъ

„правды; были нѣкоторыя минуты въ жизни
 „моей, когда я подвизался; мало сего для Тебя
 „столь великаго Бога, но оно стоить чего
 „нибудь, относительно ко мнѣ, слабой и несо-
 „вершенной пвари. Чпо я говорю, о мой Бо-
 „же! и какая моя дерзость, чпо Твои дары
 „вмѣняю себѣ въ заслугу? Помяни, Господи,
 „чудеса сотворенныя Тобою для спасенія мо-
 „его, и соверши дѣло, столь дорого Тебѣ сто-
 „ившее. Наипаче, Боже мой, не удаляй опасно-
 „сти отъ очей моихъ, воззрѣніе на оную всег-
 „да поощряя меня будешь къ бодрствованію;
 „не попусти мнѣ уснуть въ ложной безопа-
 „сности. Святыя Твои, содѣявши великія дѣла,
 „препечали; даждь мнѣ, Господи, сей же
 „страхъ, и да не буду я въ ономъ празднѣ,
 „но да непрестанно побуждаетъ оцъ меня
 „прудиться до того дня, когда я вниду въ
 „блаженную вѣчность.“

Впрочемъ, если Орапоръ за нужное по-
 чищаетъ повпорить слушателямъ, въ заклю-
 ченіи, доказательства имъ приведенныя; то
 онъ долженъ пройти оныя скоро, не входя въ
 подробности, не дѣлая сухаго раздробле-
 нія (analysis), и поспѣшно вывести изъ всего
 сказаннаго заключеніе поразительное, которое
 довершило бы его торжество.

*Массильонъ съ успѣхомъ употребилъ сей
 образъ повпоренія при концѣ своего слова, о
 несомнѣнности будущаго.*

„Чпожь заключить изъ сего слова? Вотъ
 „что! нечестивый достоинъ сожалѣнія шѣмъ,
 „что въ ужасной сумнительности о испи-
 „нахъ вѣры ищетъ сладчайшей своей надежды;

„достоинъ сожалѣнiя, что не иначе можетъ
 „жить спокойно, какъ живя безъ вѣры, безъ
 „Богослуженiя, безъ Бога, безъ упованiя; до-
 „стоинъ сожалѣнiя, что Евангелiе для него
 „ничто иное есть, какъ баснь, вѣра всѣхъ вѣ-
 „ковъ—легковѣрiе, согласное мнѣнiе всѣхъ лю-
 „дей—проспонародное заблужденiе, первыя
 „начала природы и разума—предразсудки мла-
 „денчества, кровь мучениковъ, которыхъ чая-
 „нiе будущаго подкрѣпляло въ спраданiяхъ,
 „игра для прельщенiя челоѣковъ, обращенiе
 „вселенныя—предпрiятiе челоѣческое, испол-
 „ненiе пророчествъ—случайность; словомъ,
 „что все благоустроенное во вселенной—для
 „него ложь, дабы ему не было вѣчно неща-
 „счливымъ.“

„О челоѣкъ! я тебѣ покажу надежнѣйшее
 „средство къ успокоенiю себя. Спрашисъ сего
 „будущаго, которому не вѣришь принуждаешь
 „себя; не спрашивай насъ, что происходитъ
 „въ этой другой жизни, но вопрошай непре-
 „станно самаго себя, что ты дѣлаешь въ жи-
 „зни здѣшней. Успокой свою совѣсть непороч-
 „ностию нравовъ, а не нечестiемъ мнѣнiй. Уми-
 „ри свое сердце призыванiемъ Бога, а не су-
 „мнѣнiемъ, взираешь ли Онъ на тебя. Миръ не-
 „честиваго ничто иное есть, какъ бѣдствен-
 „ное отчаянiе. Ищи своего щастiя, не свергая
 „ига вѣры, но вкушая, сколь оно благо; испол-
 „няй правила, ею тебѣ предписываемыя, и ра-
 „зумъ твой не будетъ отвергать таинствъ,
 „которымъ вѣришь тебѣ повелѣваетъ. Будущ-
 „ность престанетъ казаться тебѣ неимовѣр-
 „ною, какъ только ты престанешь жить

„еобразно людямъ, заключающимъ свое бла-
„женство въ маломъ пространствѣ сея жизни.
„Тогда нисколько не боясь сего будущаго, спа-
„нешь стремиться къ оному своими желаніями,
„ми, спашешь воздыханіемъ о томъ щастливомъ
„днѣ, въ которой Сынъ Человѣческій, Отецъ
„будущаго вѣка, придетъ наказати невѣрую-
„щихъ, и привести въ царство Свое всѣхъ,
„живущихъ въ чаяніи блаженнаго вѣчности.“

Парафразическое объясненіе какого нибудь мѣста изъ Священнаго Писанія можетъ составлять цѣлое и припомъ проглаголаннѣйшее заключеніе. Примѣры:

„Граде Божій! услышалъ я о тебѣ неиз-
„глаголанное, и сердце мое възиграло отъ ра-
„дости. Когда несовершенное сказаніе о пво-
„ихъ чудныхъ добродѣтеляхъ наполняетъ меня
„шумливымъ веселіемъ; то сколь утѣшительно
„будетъ чувствованіе оныхъ! когда грубое мое
„понятіе объ оныхъ восхищаетъ меня, то
„какія дѣйствія производитъ будетъ во мнѣ
„самое видѣніе и вкушеніе ихъ? *Возвеселихся*
„о рекшихъ мнѣ, и проч.“ (Псалъ въ словѣ о небѣ.)

„Христе, Царю мира! ... погаси враждебный
„пламень, во утробахъ нашихъ горящій, и по-
„вели загорѣться другому чистѣйшему пламе-
„ню мира; или сердце наше премѣни, или его
„вновь преввори, якоже всѣ; *сердце чисто со-*
„зижди въ насъ, Боже! и проч.

(Изъ собранія поученій на всѣ Воскресныя и Праздничныя дни, гдѣ довольно примѣровъ и на предъидущія правила заключенія.)

Заключеніе панегирика должно быть еще возбуждательнѣе, нежели другія части. Оно,

къ удивленію слушапелей, представляешъ послѣднія минушны праведника, представляешъ имъ въ образецъ его проическое постоаянство, его живую вѣру, его душевное спокойствіе и все, что усугубляетъ блескъ его добродѣтелей. Изъ сего видно, чего ошъ Орашора пребуешъ сія споль прогашельная карпина, сколь черпты ея должны бышъ живы и разишельны.

Такого достоишства ешъ слѣдующее заключение:

„Приидите убо, Хрістіане, научишесь благо-
„чесшиво жишъ, дабы вамъ благодушно уме-
„решъ. Воззришъ съ уваженіемъ на сію вели-
„кую Жершву, сожженную любовію. Посмопри-
„ше, какая пишина на семъ умирающемъ ли-
„цѣ! какой величешвенный огнь въ его очахъ!
„какая прогашельность въ его словахъ! какая
„свѣшлость на челѣ его! какія черпты величій!
„какой испочникъ слезъ! какое спремленіе серд-
„ца къ Святому Іерусалиму! какіе нѣжныя воз-
„ры на распяшаго Іисуса! Сей Мужъ великій въ
„жизни, не является ли болѣе великимъ при
„смерши? Его послѣднія въздыханія не сущъ ли
„въздыханія Героя? и при семъ зрѣлищѣ не
„скажешъ ли вы со мною: индѣ смерть ешъ
„униженіе великихъ, здѣсь смерть—порже-
„ство Свяпыхъ?“ (Перюссо.)

Заключение надгробнаго слова должно бышъ ушѣшительно и вмѣстѣ поучительно, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Что скажу я вамъ, мои слушапели, при
„семъ плачевномъ и назидательномъ обрядѣ?
„Скажу вамъ, что образъ міра сего обманчивъ,
„онъ переходишъ, и ваши богатства, ваши

„удовольствія, ваши чеспи съ нимъ преходяпъ.
 „Естьли бы слава и добродѣтель могли уволь-
 „няпъ челоука опъ общаго закона, то бы
 „знаменипая и добродѣтельная *Юлія*, жила еще
 „съ своимъ супругомъ: малое количесво зем-
 „ли покрываепъ сіи великія имена и сіи вели-
 „кія достоинства. Какой гробъ когда нибудъ
 „заклучалъ въ себѣ столь драгоцѣнныя оштап-
 „ки? Смерпъ паки соединила то, чпо она
 „разлучила. Супругъ и супруга ничто болѣ,
 „какъ единъ прахъ; и между шѣмъ какъ ихъ
 „души, очищенныя кровію Іисуса Хріста, по-
 „коюпся въ нѣдрѣ мира, я смѣло полагаю шакъ,
 „уповая на милосердіе Божіе, смиренныя ко-
 „спи ихъ радуются, опочивая въ надеждѣ со-
 „вершеннаго соединенія и славнаго воскресенія.“

(*Флешьеръ въ надгр. словѣ госпожѣ де-Монпозьеръ.*)

Боссюэ соединяепъ высокое и папешиче-
 ское краснорѣчіе въ заключеніи надгробнаго
 слова Великому *Конде*. Онъ приглашаепъ всѣхъ
 присутствующихъ: Князей, народъ, воиновъ
 и особливо друзей сего героя, къ его гробницѣ,
 плакапъ на его прахъ.

„Успремипе сюда взоръ свой всѣ, со всѣхъ
 „споронъ, вопъ все то, чѣмъ пышноспъ и лю-
 „бовъ могла почпипъ героя! Вопъ тишпы, над-
 „писи, суешныя знаки того, чего уже нѣпъ!
 „Вопъ фигуры, предспавленныя плачушими
 „вокругъ гроба, и бренныя изображенія печали,
 „копорыя время испребипъ съ прочими ве-
 „щами! вопъ сполны, кои по видимому хотяпъ
 „вознеспи къ небу великолѣпное свидѣтель-
 „сво нашего ничпожесства! Нѣпъ никакого
 „недоспапка въ сихъ почеспахъ, нѣпъ только

„нтого, кому онѣ воздаются. Плачите убо
„на сихъ слабыхъ оспашкахъ жизни человѣ-
„ческой; плачите надъ симъ печальнымъ
„безсмертіемъ, которое мы даемъ героямъ.“

Наконецъ, онѣ присовокупляетъ сіи всѣмъ
извѣстныя и памятныя слова:

„Что касается до меня, естли позво-
„лительно мнѣ послѣ всѣхъ воздасть послѣдній
„долгъ сему гробу: о Князь, достойный пред-
„метъ нашихъ похвалъ и нашего сожалѣнія!
„ты вѣчно жить будешь въ моей памяти....
„Прими сіе послѣднее усиліе гласа, которой
„былъ тебѣ извѣстенъ; ты положишь конецъ
„всѣмъ моимъ словамъ. Вмѣсто оплакиванія
„смерти другихъ, великій Князь, я хочу опъ
„тебя научиться—содѣлать мою смерть свя-
„тою; блаженъ я, естли, будучи извѣщаемъ
„сими бѣлыми власами о томъ опчетѣ, копо-
„рой долженъ я дать Всевышнему въ моемъ
„званіи, соблюду для моего спада, кое обязанъ
„дѣлать словомъ жизни, оспашки гласа изне-
„могающаго и жара погасающаго.“

Въ семъ прогашельномъ заключеніи, прі-
ятно намъ видѣтъ Орапора, самаго себя пред-
ставляющаго на сцену: почтенный старецъ,
прославляющій великаго мужа, бѣлые власы,
ослабѣвающій гласъ, обращеніе къ прошедшему,
твердое и печальное воззрѣніе на будущее,—
все сіе производитъ въ душѣ глубокое чув-
ствованіе, которое имѣетъ нѣчто пріятное,
высокое, меланхолическое и нѣжное.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О

ОРАТОРСКОЙ БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ.

Если Орапоръ необходимо долженъ хорошо располагать свои доказательства, если ему нужно знать, сколько-то можно, сердце человеческое, для возбужденія или упокоенія, по своей воле, спросей: что не меньше важно для него знать и Орапорскую благопристойность.

Такъ называющіеся извѣстные предосторожности, копорыя онъ долженъ принимать, дабы не оскорблять чувствительности ихъ, предъ копорыми, или о копорыхъ онъ говоритъ, и ихъ искусные обороты, кои употребляетъ говоря то, что безъ оныхъ казалось бы грубымъ и оскорбительнымъ.

Хотя священное краснорѣчіе не должно ласкательствовать людямъ; однако сіи предосторожности непроницательны истинѣ, долженствующей царствовать въ ономъ. *Босюэтъ*, *Бурдалу*, *Массильонъ* и всѣ знаменитые Орапоры, копорыхъ ревность равнялась съ дарованіями, никогда не забывали должности вразсужденіи своихъ слушателей, и за сіе не обвиняли ихъ въ снисхожденіи слабостямъ и безпорядкамъ. Оспорожность, съ каковою они разсуждали о ихъ копорыхъ опасныхъ маперіяхъ, есть образецъ для всякаго служителя Евангелія; и примѣры, копорые мы представимъ, ясно покажутъ, съ какимъ искусствомъ соглашали они спросъ съ уваженіемъ, пристойность

съ истиною, когда обетовашельства, матеріи или лица того пребовали.

ПРИМЪРЫ БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ

Въ словахъ правоучительныхъ.

1. Есть въ нравственности такія мащери, кощорыя могутъ оскорблять спыдли-воспъ, и о коихъ впрочеъ проповѣдникъ гово-ришь обязаъ. Какія тогда долженъ онъ наблюдать предосторожности, чщобъ или при-крываешь нѣсколько шъ срамошы, кощорыя по своему званію осуждаешь долженствуетъ, или изображаешь шъ безпорядки, прошивъ коихъ надобно ему вооружаешь! Здѣсь нужно ему совершенное свѣденіе, заслуженное доброе имя, дознанная чешность, дабы онъ могъ входишь въ подробности, не соблазня слушателя. Ну-жище же шо, чщобы выраженія, имъ употреб-ляемыя, были мѣрны, и никакое его изъясненіе не могло досаждаешь благопристойности; чщо-бы онъ оставлялъ шолько угадываешь шо, чщо опасно обнаруживаешь, и извинялся бы въ томъ, чщо шоль далеко просшираешь.

Бурдалу, въ словѣ о раслутствѣ, сильно изо-бразилъ пагубныя слѣдствія сего порока, и необузданное безстыдство развратныхъ жен-щинъ. Онъ присовокупляетъ:

„Не огорчайтесь, дщери мои! Ежели есть „неразуміе въ томъ, чщо я шоль далеко про- „сшеръ мои обличенія; шо, по примѣру Свя- „таго *Паела*, заклинаю васъ оное снесши. О „да бысте мало потерпѣли безумію моему! но и по- „терпите мя. Богъ, свидѣтель моихъ намѣреній,

„знаешъ, съ какимъ уваженіемъ къ вашимъ особамъ, и съ какою ревностію по вашемъ спасеніи говорю я теперъ... Меня оскорбляешъ то, что на васъ возлагають, и можешъ бытъ справедливо, вину сего разпущенства нравовъ, которое день оъ дня возраспающимъ мы видимъ, и пр.“

2. Просвѣщеннѣйшіе и благоразумнѣйшіе Орапоры приводятъ иногда такія предложенія, кошорыя, при первомъ взглядѣ, кажутся пропивными вѣрѣ, благопріятствующими разврашноспи, или, напрошивъ, увеличивающими спрогоспъ Евангелія; шогда-то наипаче нужны поправленія и изъясненія. Но еще нужнѣ сїи предосшорожноспи шогда, когда предлагаются такія машерїи, кошорыя вольнодумцы могутъ принимашъ въ худую спорону, и злобно къ чему нибудъ принаравливашъ, прошивъ намѣренія Орапора. *Бурдаму*, говоря о ложномъ благочестїи, описываетъ злоупотребленія онаго съ такою оспорожноспию, что предупреждаетъ всѣ принаровленія, какія бы могъ кто нибудъ сдѣлашъ къ благочестїю истинному.

„Благочестивый сего свойспва, говоритъ онъ, позволше мнѣ упошребить сїе выраженіе; благочестивый, преданный корысполобію, способенъ ко всему... Хочешъ ли онъ учинишъ мщеніе? ничто ему не препяшсшвуешъ. Хочешъ ли онъ выпѣснишъ прошивника? онъ все можешъ. Хочешъ ли зашмить честъ ближняго и его опорочить? одно свѣдѣтельспво его обвинишъ самую невинноспъ. Не ложнымъ ли (я не приведу васъ въ замѣшашельспво сими словами, ибо говорю оня

„не для того, чтобы унижить благочестіе, — из-
 „бави Боже! но чтобы явно обличить злоупо-
 „требленія, могущія вкрадываться въ оное,
 „и давно уже вкравшіяся,) не ложнымъ ли
 „благочестіемъ многіе изъ самыхъ слабыхъ
 „подданныхъ взшли на высочайшія ступени,
 „многіе изъ самыхъ недостойныхъ уваженія
 „и похвалы, бывающъ наиболѣе одобряемы и
 „чтими, и не имѣя никакого опличія, ника-
 „кой заслуги, развѣ только нѣкоторой видъ
 „честности, другимъ предпочитающъ и за-
 „нимающъ первыя мѣста? ... Такъ, мои слу-
 „шатели, не скроемъ сего; сіе-то корысто-
 „любіе было во всѣ времена великимъ соблаз-
 „номъ благочестія; сіе-то зло, еслии могу
 „такъ сказать, дѣлаешъ оное презритель-
 „нымъ въ мірѣ.“

Хотя сіи истины подтверждаются опы-
 томъ, но могли бы не понравиться слушае-
 лямъ безъ сихъ поправленій, которыя Ора-
 торъ присоединилъ къ онымъ.

3. Еслии осторожность всегда прилична
 въ устахъ Хрістіанскаго Оратора, котораго
 ревность никогда не должна быть огорчипе-
 льна и досадна: то особливо надлежитъ ему
 употреблять оную тогда, когда онъ проспи-
 раетъ свое слово къ особамъ, почтеннымъ по
 своему достоинству и сословію. *Массиліонъ*
 подаетъ намъ удивительные примѣры сего
 наблюденія въ своихъ соборныхъ словахъ.

Въ 17-мъ словѣ, дабы нѣкоторыхъ священ-
 нослужителей своей Епархіи, съ жадностію
 требовавшихъ мзды за свои службы, побу-
 дить къ исправленію себя опъ споль гнуснаго

сребролюбѣ, употребляетъ онъ остроумнѣйшій оборотъ, не попускающій никому сдѣлать примѣненіе къ себѣ, говоря вообще всему собранію слѣдующимъ образомъ:

„Единственное средство къ прекращенію „сего поноснаго зла въ области нашей есть „то, чѣмъ вы, брашіе моя, которые съ нами „и съ Церковію раздѣляете соболѣзнованіе объ „ономъ, которые прославляете служеніе свое „среди людей, вѣренныя вашему попеченію, „кои есть слава наша, утѣшеніе наше, и въ „приходахъ своихъ достойные сотрудники „нашего Епископства, чѣмъ вы обнаружили „вали весь ужасъ, причиняемый вамъ соблаз- „номъ столь постыднымъ для священнослу- „женія, чѣмъ вы оставили всякое снисхо- „жденіе, всякую терпимостъ, всякое человѣче- „ское уваженіе къ тѣмъ изъ своихъ брашій, „о которыхъ знаете, что они заражены столь „опшрашительнымъ недугомъ, и проч.“

Въ 16-мъ словѣ, гдѣ онъ рассуждаетъ о обученіи и знаніи, нужномъ служителямъ церкви, оплакиваетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ слѣдствія ихъ непросвѣщенія и лѣности.

„Брашіе моя! я опятьощаюсь сказать то, „скажете вы сами вмѣсто меня, вы, которые „то всегда видите: какую жизнь ведутъ сіи „пасыри, ни въ чемъ неупражняющіеся, не- „свѣдущіе, праздные и недѣятельные въ сво- „ихъ селахъ? Жизнь столь же низкую, плош- „скую, какъ и тѣ, которыми они управляютъ, „или еще и худшую: нерадя о плодотворе- „ніи поля Іисусъ Хрістова, оставляютъ оное „безъ воздѣланія; пекутся только о томъ,

„чтобъ данныя имъ земли приносили имъ
„большой доходъ; праздность, алчность вво-
„дящъ ихъ въ ссоры съ тѣми, копорыхъ они
„должны бытъ попечителями и опцами, и
„среди коихъ Церковь поставила ихъ яко анге-
„ловъ мира. Когдажъ временныя заботы ихъ
„уже не занимающъ, то никакая книга, ника-
„кое полезное упражненіе не привязываетъ
„ихъ къ пашвъ: жилища ихъ спановаяща имъ
„ощъ того несносными, безпрестанно они
„бродящъ, либо для разсѣянiя своей скуки, либо
„для развлеченiя своихъ собраний, живущихъ
„въ такой же праздности, какъ и они. Естли
„какое-нибудь препятствіе удерживаетъ ихъ
„въ приходѣ; то ходящъ только изъ дома въ
„домъ безъ всякой пользы, и весьма часно по-
„казывающъ своимъ прихожанамъ, надѣясь
„ощъ нихъ бытъ когда--нибудь полезными.
„Какая эпо жизнь священника, занима-
„ющаго мѣсто Иисуса Хріста между Его на-
„родомъ, строителя Его таинъ, раздавателя
„Его милостей!

Потомъ Орашоръ оканчиваетъ свое слово
сими прогательными изъясненіями:

„И такъ я васъ заклинаю, братіе моя, из-
„пребишь сей, огорчающій насъ, соблазнъ; воз-
„вращите сей великой Епархіи ту славу, ко-
„торую она гремяла, когда всѣ исполняли по-
„лезное усановленіе. Мой подвигъ уже скон-
„чается; не попустиште мнѣ совершивъ о-
„ной съ печалію по упадающемъ благочести-
„вомъ обыкновеніи. Сохраниште спарость мою
„ощъ сея печали, паче же подкрѣпите оную
„сугубою радостію; возобновивши ревность

„къ своимъ должностямъ, и особливо къ учрежденнымъ Конференціямъ (*): исполните мою радость; съ оными возродилась любовь къ управленіямъ. Способствуйте, брашіе, желаніямъ, пасыря, кошорой васъ всегда любилъ, кошорой не иначе, какъ съ прискорбіемъ, употреблялъ свою власть, вразсужденіи своихъ сотрудниковъ, и кошорой по сему можешь надеяться, что одни его увѣщанія, безъ угрозъ, довольны васъ пронудь.“

Горячій и запальчивый Орашоръ упопребилъ бы здѣсь всѣ язвительныя, и слѣдовательно непристойныя укоризны. Это не есть гласъ мудраго, кошорой, нимало не ушайвая истины, умѣетъ содержать себя въ предѣлахъ умеренности.

О Благопристойности въ Панегирикахъ.

Въ похвалахъ Святымъ наблюдается также нѣкошорая благопристойность. Есть изъ Святыхъ такіе, кошорыхъ не лзя хвалишь, не упоминая о заблужденіяхъ ихъ юности. Поелику они съ удивительнымъ мужесствомъ воспоржесствовали надъ весьма сильными, очаровательными спраспиями, по надлежитъ Орашору, для возвеличенія важности ихъ побѣды, представлять поразительную картину того жалоспнаго состоянія, въ кошоромъ они находились. Выраженія самыя мѣрныя, чершы

(*) Священники нѣсколькихъ сосѣдственныхъ приходоѡ собираются каждую недѣлю къ одному изъ своихъ собратій, для сообщенія другъ другу разныхъ сомнительныхъ случаевъ, кошорые встрѣчаются имъ въ опправленіи священнической должности, и для ршенія оныхъ съ общаго согласія.

понкїя, размышленїя Хрістіанскїя должны сообщать симъ подробностямъ такую благоприспѣйность, копорая не ослабляла бы ни испины, ни прогашельности оныхъ.

*Примѣры благоприспѣйности въ словахъ
надгробныхъ.*

Надгробное слово есть данъ похвалы, плащимая Царямъ и великимъ Мужамъ. Религія позволяеть воздавать имъ оную; но сіи Монархи, сіи знаменитыя Особы при всемъ своемъ величїи были человеки; они имѣли свои недоспашки, свои слабости, и иногда съ блестящими добродѣтелями пороки нрава или состоянія. Умалчивають о сихъ несовершенствахъ, копорыя безъ сомнѣнія поражали глаза согражданъ, значить предашельствовать истину; но хотя не позволяется упавать оныхъ, однако должное уваженіе къ сану или заслугѣ сихъ людей, по видимому пребуешь, чшобъ Орапоръ нѣкопорымъ образомъ уменьшалъ, или извинялъ то, что дѣла ихъ при первомъ взглядѣ имѣють предосудительнаго, приписывая оное слабости возраста, опасностямъ случаевъ, несчастїямъ временъ, нуждѣ обстоятельствъ, или другимъ подобнымъ причинамъ, подлинно имѣвшимъ вліяніе на тѣ дѣйствїя, копорыя онъ хочеть предскавитъ въ выгодномъ видѣ. Нѣкопорые Орапоры удивительны въ сей часши искусства, какъ-то примѣчаешь Г. Ролленъ, и мы можемъ судить о томъ изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Во время междуусобныхъ браней, бывшихъ во Франціи при малолѣтствѣ Лудовика

XIV, *Тюринъ* и другіе славные мужи оказались, прошивъ своей должности, участниками возмущенія, и имѣли несчастіе воспашъ на своего Государя. Вошъ искусный оборонъ, которой употребляетъ *флешьеръ*, для прикрытія преступленія, учиненнаго *Тюринномъ* въ сихъ несчастныхъ обстоятельсвахъ!

„Вспомните, слушатели, сіи времена без-
„порядка и возмущенія, въ которыхъ мрачный
„вражды духъ смѣшивалъ долгъ съ приспра-
„сціемъ, право съ корыстію, справедливостъ
„съ неправдою; въ которыхъ самыя блистате-
„льныя звѣзды почти всѣ нѣкоторое прешер-
„пѣли зашмѣніе, и самыя вѣрныя подданные
„быстриною разномыслія прошивъ своего воли
„увлекаемы были, подобно шмѣ кормщикамъ,
„которые въ открытомъ морѣ, будучи захва-
„чены бурей, принуждены съ желаемаго пуши
„соврапиться, и на время опдашь себя на
„произволь вѣшровъ и вихрей. Таково право-
„судіе Господне, такова естественная немощъ
„человѣковъ! Но мудрый скоро въ себя обра-
„щаешся; какъ въ религіи, такъ и въ поли-
„стикѣ естъ нѣкое покаяніе, славнѣйшее самыя
„невинности и заглаждающее малую слабостъ
„чрезвычайными добродѣтелями и непрерыв-
„ною ревностію.“

Подобную мысль приводитъ *Боссюэтъ*, для отвращенія укоризны, которую всякой могъ бы дѣлать памяти великаго *Конде* за то, что онъ не только ушелъ къ непріятелямъ, но и управлялъ ихъ войскомъ прошивъ своего опечества. Орашоръ шомчасъ открываетъ сей случай, почти безъ всякой увершки.

„Поелику должно шеперь упомянушь о
„семь произшесшви, о кошоромъ желаль бы я
„вѣчно молчашь: шо скажу, что онъ до сей
„злощасшной шемницы не помышляль о из-
„мѣнѣ своему опечесшву, и, будучи въ силѣ,
„есшлы желаль снискашь милоспи, шо еще
„болѣе желаль оныя заслужишь. И посему - шо
„онъ говорилъ: я могу предсшавишь здѣсь
„предъ симъ олшаремъ слова, мною изъ усшъ
„его слышанныя, ибо они опкрываюшъ чув-
„сшва его сердца: онъ говорилъ, упоминая о
„сей злощасшной шемницѣ, что онъ вошелъ
„въ нее невиннѣйшимъ изъ всѣхъ людей, а вы-
„шелъ великимъ пресшупникомъ. Увы! про-
„должалъ онъ, я думаль шолько о службѣ Ко-
„ролю и о славѣ Королевсшва. Сш слова дока-
„зывали искреннее сожалѣнше его о шомъ, что
„онъ споль далеко увлеченъ былъ своими не-
„щасшями. Но не хошя извиняшь шого, что
„онъ самъ явно осуждалъ, скажемъ въ послѣ-
„днѣй разъ, что какъ прегрѣшенія Свѣшыхъ по-
„каявшихся, покрышы будучи свѣшомъ Боже-
„скаго милосердія и шѣмъ, что они содѣлали
„для заглажденія оныхъ, въ вѣчной славѣ не-
„видны: шакъ и въ просшупкахъ, споль иск-
„ренно признанныхъ и споль славно заглажен-
„ныхъ усердными подвигами, должно шолько
„взирашь на смиренное признаніе Князя, въ
„оныхъ раскаявшася, и на милосшъ великаго
„Короля, кошорой оные забылъ.“

Сказали мы, что Орашоры для сохраненія
чеспи своихъ героевъ приписываюшъ иногда
ихъ несовершенсшва внѣшнимъ причинами.

Сію-то предосторожностъ наблюдаетъ *Мас-*
силіонъ въ надгробномъ словѣ Дофину.

„Я не хочу вопреки истинѣ предста-
„влять здѣсь слабости его юныхъ лѣтъ въ
„видѣ доспыхвальныхъ поступковъ. Похвалимъ
„въ немъ только дары Божіи, и оплачимъ
„немощи человѣческія; не извинимъ того, что
„онъ осуждалъ, и когда Церковь приносилъ
„здѣсь умилолюбительную жертву, когда
„она сими печальными пѣснопѣніями молилъ
„Господа, да очистишь его отъ немощей еспе-
„свенныхъ; не убоимся говорить такъ, какъ
„она молилъ, и призналъ, что онъ подвер-
„женъ былъ онымъ. Увы! что есть юностъ
„Государей? и самыя щасливыя и похвальныя
„склонности что могушь прошивъ всего, ихъ
„окружающаго? Мы меньше, нежели они, видя
„искушеній, благочестивѣ ли ихъ? Наши про-
„сшупки скрываются во мракѣ; но что бы
„представляла наша жизнь очамъ общества,
„если бы она такъ видима была, какъ жизнь
„ихъ? Ахъ! нещасливы они въ своей сшепени
„пѣмъ, что, часто будучи невиннѣ насъ, ни-
„когда не могушь, подобно намъ, оспаваться
„безъ наказанія ни за одинъ порокъ. Ежели
„была какая нибудь непристойностъ въ юныхъ
„лѣтахъ сего Принца, то возрастъ болѣе по-
„му причиною, нежели сердце: случай могъ
„привести его въ слабостъ, но никогда не
„сдѣлалъ его порочнымъ, и прочіе дни его, про-
„веденные уже въ порядкѣ, ясно доказываютъ,
„что его заблужденіе происходило отъ забве-
„нія, и что онъ, возвратившись къ должному,
„возвратился къ себѣ самому.“

Никогда не позволяется превозносить одного человека съ умаленіемъ чести другаго, и дѣлать ему похвалу, унижая его предшественниковъ, особливо когда честь сихъ не заслуживается ни уменьшеніемъ, ни помраченіемъ. *Массиліонъ* для похваленія ревности, съ каковою *Г. Виллероа*, Архіепископъ Ліонскій, посѣщалъ свою Епархію, какъ-бы принужденъ былъ упомянуть о нерадѣніи нѣкоторыхъ его предшественниковъ, но сколь ошорожно представилъ оное!

„Долгое время сія церковь не видала своихъ пастырей, которые, яко священныя облага, приходили бы въ принадлежащія ей мѣста изливать на всѣхъ спасительную росу: старцы, имѣвшіе прежде удовольствіе видѣть ихъ въ своихъ селахъ, рассказывали о помѣхѣ своимъ внукамъ, какъ о чемъ-нибудь чрезвычайномъ. Но не думайте, чтобы я хотѣлъ помрачить ихъ память, для восхваленія Іерарха, нами оплакиваемаго. Я весьма уважаю священный прахъ сихъ великихъ мужей; я знаю, что они имѣли несчастіе жить въ худыя времена, что сіи неисправности были пороками ихъ вѣка, а не ихъ личными; и еслили они ничего не сдѣлали лучшаго, то по той причинѣ, что тогда лучше дѣлать не удобно было.“

Бываютъ такіе случаи, которыхъ Орашоръ для благоприсойности долженъ слегка касаться, а не входить въ подробное описаніе оныхъ. *Боссюэтъ*, на примѣръ, въ надгробномъ словѣ Англійской Королевы, не хотѣлъ прямо сказать, что *Карлъ I* умеръ на эшафотѣ, но

дабы вспомянушь о семь приключеніи, онъ дѣлаешъ искуснѣйшее примѣненіе; онъ только влагаешъ въ уста Королевы сіи слова Пророка *Иереміи*, которой одинъ, какъ онъ говоришь, можешъ равняшь плачь съ бѣдспвіемъ: „виждь, „Господи, смиреніе мое. Возможе врагъ, и по- „гибоша сынове мои; руку свою простре шу- „жаяй на вожделѣнная моя, и изби красная „очію моею, оскверни Царя своего, и князи „его изверже на землю. Многа сушь спенанія „моя, и сердце мое скорбишь, удалися ушѣ- „шай мя.“

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О

*ПРИВѢТСТВІЯХЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ
ВЪ ПРОПОВѢДІЯХЪ И ДРУГИХЪ СВЯЩЕН-
НЫХЪ РѢЧАХЪ.*

Принятое обыкновеніе, кажешся, не иначе уже позволяешъ служишелямъ Евангелія проповѣдашь слово Божіе въ присущствіи Владыкъ свѣша и знаменишыхъ особъ, какъ съ воскуреніемъ предъ ними еиміама. Чшо долженъ дѣлашь Хрістіанскій Орашоръ въ сихъ прудныхъ обшояшельстввахъ, въ которыхъ его молчаніе могушь толковашъ во вредъ ему? Никогда не пресшупашъ въ хваленіи границъ справедливоспи; ибо религія позволяешъ однѣ только похвалы, согласныя съ испиною: не унижашъ священнаго служенія хвалами увеличивашельными, которыя никогда не могушь

обманушь ни великаго мужа, презирающаго оныя, ни Орашора, произносящаго ихъ, ни слушащеля, кошорой имъ внемлеть, ни Бога, Кошорой ихъ судишь. *Хвалить Царей за добродѣтели, коихъ они не имѣютъ*, говоришь Рошефукольшь, *есть безстрашно поносить ихъ*; есть по крайней мѣрѣ забываешь должное къ нимъ уваженіе. Наконецъ, лучше ограничиваешь себя парафраспическимъ объясненіемъ шекспа изъ Священнаго Писанія, либо молишвою къ Богу, либо обращеніемъ (apostrophe) къ слушащелямъ, нежели упошребляешь спиль прямой, кошорой бы производилъ въ похвалѣ нѣкошорое единообразіе, и заспавлялъ бы краснѣшь шу особу, кошорую Орашоръ выхвалишь хочешь. Но какой бы оборотъ ни избралъ Орашоръ, долженъ онъ связывать привѣщивіе съ мащерию, избѣгаешь общихъ мѣсць, кошорыя ничьихъ свойствъ не изображають, вмѣшиваешь въ похвалу наспавленіе, или лучше выводишь оное изъ самой похвалы, представляешь малое число идей живыхъ и поразительныхъ, и спарашься оканчиваешь мыслію удачною и шакую, кошорую бы легко было удержавъ въ памяти. Сію-шо мешоду соблюлъ *Массильюнъ* въ превосходнѣйшемъ присшупѣ слова, говореннаго въ день всѣхъ Свяшыхъ. Привѣщивіе, въ ономъ содержащееся, есть образецъ и примѣръ, кошорой одинъ мы приведемъ.

Орашоръ начинаешь свою проповѣдь сими словами Евангелія: *Блажени платущіи, яко тѣи утѣшатся*; попомъ, обращаешь къ Лудовику XIV-му, продолжаешь слѣдующимъ образомъ: „Ежели бы міръ говорилъ здѣсь на мѣсцѣ

„Иисуса Христа, по безъ сомнѣнія иначе бы
 „началь онъ вѣщать Вашему Величеству.
 „Блаженъ Государь, сказалъ бы онъ Вамъ, ко-
 „порой въ сраженіяхъ всегда побѣждаетъ, ко-
 „порой, одолевая соединенныхъ прошивъ него
 „Царей, заключаетъ съ ними славнѣйшій миръ,
 „и кошораго духъ больше всякой опасности
 „и побѣды. Блаженъ Государь, копорой во
 „время продолжительнаго и благополучнаго
 „царствованія, утѣшается плодами своего сла-
 „вы, любовію своихъ народовъ, почтеніемъ
 „своихъ враговъ, удивленіемъ свѣта, пользою
 „своихъ завоеваній, великолѣпиемъ своихъ про-
 „изведеній, мудростию своихъ законовъ, буду-
 „щимъ щастіемъ своихъ потомковъ, и копо-
 „рому ничего болѣе не осмѣается желать, какъ
 „только наслаждаться долгое время шѣмъ,
 „чѣмъ онъ обладаетъ. Такъ сказалъ бы міръ.
 „Но, Ваше Величество, Иисусъ Христосъ не
 „говоритъ согласно съ міромъ. Блаженъ, глаго-
 „летъ Онъ, не тошъ, кто есть удивленіе сво-
 „его вѣка; но тошъ, чье первѣйшее занятіе
 „есть -- будущій вѣкъ, и кто живетъ прези-
 „рая самаго себя и все преходящее; ибо его
 „есть царствіе небесное: *Блаженіи платущіи, яко*
 „*тѣи утѣшатся*. Блаженъ не тошъ, кто новыми
 „завоеваніями разпространяетъ предѣлы сво-
 „его Государства; но тошъ, кто свои желанія
 „и свои спраси заключаетъ въ предѣлахъ
 „закона Божія; ибо онъ наслѣдитъ землю, ко-
 „торая долговѣчнѣе царствъ земныхъ. *Блаженіи*
 „*кротцыи, яко тѣи наслѣдятъ землю*. Блаженъ не
 „тошъ, кто, возносимъ будучи гласомъ народа
 „выше всѣхъ Монарховъ, предшествовавшихъ

„ему, наслаждается своимъ величешвомъ и
 „славою; но шопъ, кшо, на самомъ Пресполѣ
 „не находя ничего достойнаго любви, ищешъ
 „здѣсь совершеннаго благополучія въ одной
 „добродѣтели и правдѣ; ибо онъ насыпишся:
 „*Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи*
 „*насытятся.* Блаженъ не шопъ, кому люди да-
 „ли пышныя шишла великаго и непобѣдимаго;
 „но шопъ, кому нещасные предъ Іисусомъ
 „Хрістомъ дадутъ шишла опца и милосер-
 „даго; ибо ему оказано будетъ милосердіе:
 „*Блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ.*
 „Блаженъ наконецъ не шопъ, кшо, всегда имѣя
 „во власпи судьбу своихъ враговъ, многокраш-
 „но давалъ миръ землѣ; но шопъ, кшо могъ
 „дашь оной самому себѣ, и изгнашь изъ сво-
 „его сердца пороки и худыя склонности, на-
 „рушающія покой его; ибо онъ сыномъ Божі-
 „имъ наречешся: *Блажени миротворцы, яко тѣи*
 „*сынове Божіи нарекутся.* Вопъ, Ваше Величеш-
 „во, шѣ, коихъ Іисусъ Хрісось называешъ
 „блаженными, и Евангеліе не знаешъ инаго
 „блаженства на земли, кромѣ добродѣтели и
 „невинности!“

Хопя сія рѣчь долга, но превосходство ея
 должно предспавлять ее крашкою. Все, чего
 только можно претовашъ опъ священнаго
 Орашора для совершенства привѣпствія, на-
 ходишся въ оной. Кромѣ искуснаго оборота,
 придающаго ей оспрошу, похвала натурально
 печешъ изъ самыхъ словъ Евангелія. Она объ-
 емлетъ главныя должности Царскаго досто-
 инства. Наконецъ, истина въ ней наблюдаена,
 и Хрістіанскій Орашоръ не скрываетъ опъ

Государя, которому онъ говоритъ, какія сей вѣщеносецъ имѣешь причины плакать и рыдать предъ Богомъ, воспоминаая свою юность.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ОСОБЕННЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ НА СЛОВА ДОГМАТИЧЕСКІЯ И НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ, НА БЕСѢДЫ И ДРУГІЯ ПРОСТЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ.

Хотя изъ предложенныхъ правилъ довольно можно узнать вообще пошъ порядокъ, какой надлежитъ священному Орашору наблюдать въ сочиненіи, и шѣ разныя пособія, которыя онъ можетъ заимствовать опъ искуства, для доспигенія своей цѣли: но еспѣ особенныя правила, приличныя разнымъ предметамъ, о которыхъ онъ можетъ говорить, и другія, предписанныя самою пою формою, какую каждой родъ рѣчи принимаетъ можетъ; одинаково въ каждомъ родѣ расположеніе, но разныя подробности. Тѣ, которыя приличны въ словѣ нравоучительномъ, не имѣютъ мѣста въ догматическомъ, и метода, коей должно держаться въ крашкомъ поученіи, не вмѣстительна въ бесѣдѣ. И шакъ полезно здѣсь показать, хотя крашко, какимъ образомъ сіи различные роды наставленія могутъ быти сочиняемы, и представиши опличительное свойство каждаго изъ оныхъ.

О Словахъ догматическихкихъ.

Проповѣдуя о Таинствахъ, должно прежде

всего вдыхать въ слушателей уваженіе къ шемнопѣ оныхъ. Есѣли бы истины религіи были весьма ясны, то бы онѣ не были предметомъ вѣры; сія шемнопа Таинствъ есѣтъ, въ Священномъ Писаніи, родъ молчанія, котораго Богъ еще не прерываетъ. Пастырей долгъ есѣтъ, давая другимъ понятія объ оныхъ сполько, сколько можно: опѣ ихъ наученія спановишся простому Хрістіанину по вразумительнѣ, чему онъ прежде вѣрилъ смѣшенно.

Изъясненіе Таинствъ споль же полезно Хрістіанскому благочеспію, какъ и нравоучительное увѣщаніе, оно даже вящшую имѣетъ дѣйствительность. Не менѣе нужно вѣроваѣ и благоговѣѣтъ, какъ и жиѣтъ добродѣтельно и свято. Кто говоритъ о Воплощеніи шакъ, какъ свяшый Кириллъ Александрійскій и свяшый Левъ, того слушающіе спользуютъ.

Метода догматическихъ словъ состоитъ въ томъ, чѣтобъ изъясняя слушателямъ буквальный смыслъ Таинствъ, проникаѣтъ въ духовный, показывая имъ шѣ намѣренія, какія Богъ имѣлъ, повелѣвая почиѣтъ оныя благочестивыми обрядами, возбуждая въ нихъ благоговѣніе и вдыхая шѣ чувствія, которыми получается опѣ оныхъ душевная польза.

За изъясненіемъ таинства слѣдуютъ шѣ обязанности, какія оно возлагаетъ на вѣрующихъ. Ораѣоръ представляетъ, чѣто нравы должны быѣтъ сообразны вѣрѣ. Сія нравственность шѣмъ натуральнѣе и убѣдительнѣе, чѣто

шайнство служить ей доказательствомъ. Наученный разумъ склоняетъ сердце.

Въ семь родъ проповѣданія, шайнство должно быть главнымъ предметомъ слова, а нравоученіе есть предметъ придашочный и вшорый. Говорить слова нравоучительныя въ шо время, когда приличнѣе предлагать догматическія, есть лишать слушаателя шѣхъ свѣденій, кошорыхъ онъ имѣетъ право ожидать, и ославлять его въ незнаніи своей религіи. Когда вѣра во всѣхъ споль ослабѣла, шо нѣсколько просшранно проповѣдать о Таинствахъ, для священныхъ Орашоровъ есть необходимый долгъ. Такъ поступали *Бурдалу* и *Массиліонъ* въ изящныхъ сего рода словахъ, кошорыя они ославили намъ для подражанія. Догматическое ученіе открышо въ оныхъ споль же величественно, какъ и основательно, а нравственное выведено изъ онаго равно натуральнымъ и поразиштельнымъ образомъ.

Разсуждая о шайнствѣ Воскресенія Иисуса Хріста, *Бурдалу* видитъ въ оношъ съ *Августиномъ* великое чудо и великій примѣръ. Чудо Воскресенія Иисуса Хріста, -- неоспоримое доказательство Его Божества, и симъ Онъ укрѣпляетъ нашу вѣру; примѣръ Воскресенія Иисуса Хріста, и симъ Онъ оживляетъ нашу надежду. Изъ сихъ двухъ часшей, первая, кошорую *Бурдалу* объясняетъ и доказываетъ швердыми причинами, есть вся догматическая; вшорая гораздо нравоучительнѣе по обличеніямъ, кошорыя онъ дѣлаетъ вольнодумцамъ за шо, что они не вѣрятъ споль несомнѣнной и утѣшительной истинѣ, и Хрістіа-

нину вѣрующему оной, но живущему такъ, какъ-бы онъ не вѣровалъ.

Массильонъ, разсуждая о томъ же предметѣ, кажется, относитъ оной весь къ нравственности. Онъ показываетъ, 1-е, что Воскресеніе Иисуса Хріста *поощряетъ* насъ, пребывающаго твердо въ полученной благодати; 2-е, что оно *научаетъ* насъ, пребывающаго твердо въ оной, и слѣдовательно оно есть побужденіе и образецъ нашей твердости. Оно есть побужденіе, ибо подаетъ намъ сильныя предохранинія отъ ослабленія въ вѣрѣ и надеждѣ. Сіе таинство подкрѣпляетъ нашу вѣру, по тому что оно есть какъ-бы основаніе всея религіи. За симъ предложеніемъ слѣдуетъ доказательство истинны таинства, и связи онаго со всею системою Хрістіанства; оно подкрѣпляетъ нашу надежду будущія жизни, ободряя и утѣшая насъ въ горестяхъ и опасныхъ искушеніяхъ жизни настоящей, и показывая средства, дающія намъ право надѣяться славнаго воскресенія. Воскресеніе Иисуса Хріста есть образецъ нашей твердости; ибо оно заключаетъ въ себѣ всесовершенное обновленіе. Посему во время Пасхи не должны мы опять ослабѣвать и засыпать грѣховнымъ сномъ, но мужаться и бодрствовать; сіе Орашоръ доказываетъ различными причинами, взятыми изъ наставленія Церкви, и ихъ расположеній, какія вѣрующіе имѣютъ во дни сего торжества; и наконецъ онъ заключаетъ, что, поелику покаяніемъ паки получили мы благодать, то покаяніемъ же только сохранимъ оную можемъ.

Бурдалу въ таинствѣ Рождества Хрістова усматриваетъ весь порядокъ искупленія; онъ изъ имени Спасителя выводитъ самое удивительное нравоученіе и весьма высокія истины; въ таинствѣ Обрѣзанія показываетъ важность послушанія, и пользы, происходящія изъ повиновенія закону Божію. Сей Орашоръ, всегда столь же удивительный въ своей методѣ разсуждать о другихъ Таинствахъ, примѣчаетъ въ таинствѣ Божоявленія пуши Божіи, открывающіеся подъ спопами волхвовъ, пуши міра усяянныя бѣдами, пуши, кошорые онъ открываетъ въ обстоятельствахъ поступка Иродова, вразсужденіи воплощившагося Бога. Такимъ образомъ, вездѣ у него глубокія мысли, пространныя виды, высокое нравоученіе, почерпнутое изъ сущности предмета, и такое, кошорое, по удивительному расположенію, всегда влечетъ сердце человѣка къ сердцу Божію.

О Словахъ нравоучительныхъ.

Слова нравоучительныя суть другаго рода, пошому что догматъ входитъ въ оныя только случайно, и главная цѣль оныхъ есть чишпота или исправленіе нравовъ. Здѣсь обличенія неопредѣленныя и общія ни къ чему не служатъ, приводы слишкомъ частныя общихъ правилъ крайне уменьшаютъ пользу сихъ словъ. Почему должно дѣлать въ оныхъ начертанія сильныя, чувствительныя, и такія, кошорыя могли бы опноситься, естли не ко всѣмъ слушаателямъ, то по крайней мѣрѣ къ большому числу оныхъ. Орашоръ обыкновенно

предлагаетъ о сохраненіи какой-нибудь добродѣтели, или о удаленіи отъ какого --нибудь порока; здѣсь надлежитъ ему посрамлять предубѣжденія, шамъ опровергаетъ ложныя причины, испребляетъ неосновательныя мнѣнія: на священной кафедрѣ должно разить порока не шѣмъ, что въ ономъ есть смѣшнаго; но шѣмъ, что онъ имѣетъ ненавистнаго, пагубнаго обществу и противнаго Вѣрѣ. Для представленія онаго смѣшнымъ, потребны шонкія мысли; но чтобы изображать гнусность его и пагубныя слѣдствія, нужны мысли сильныя и важныя.

Вѣрнѣйшій способъ предлагать съ успѣхомъ нравоученіе на священной кафедрѣ, состоитъ въ томъ, чтобы избирать матеріи занимательныя, прямо выводя оныя изъ дневнаго Евангелія, если по можно; раздѣливши свою матерію ясно, полагаешь начала твердыя и несомнѣнныя; всшупаешь потомъ въ нравоученіе индукціями сильными, но благоразумными, изображеніями такими, въ которыхъ, не означая лицъ, надлежитъ представлять пороки ненавистными, и такимъ образомъ доводишь слушателя до назидательныхъ послѣдствій, и шѣхъ рѣшеній, которыя онъ долженъ принимать для исправленія своихъ нравовъ.

Нужнѣйшій предметъ нравоучительныхъ словъ есть покаяніе. Проповѣдали оное Пророки, проповѣдалъ Иисусъ Христосъ, и Священное Писаніе называетъ шѣхъ ложными учителями, кои возвѣщаютъ оное боясь. Орашоръ съ успѣхомъ побуждаетъ слушателей къ

покаянію, показывая имъ, колико суды Божіи страшны, и несогласны съ нашими предубъжденіями; сколь несчастлива душа, лишившаяся Бога своего, и какое будешь ея опчаяніе, когда она лишится Его на вѣки, сколь велико безуміе человѣка, презирающаго вѣчность, показывая гнусность грѣха, цѣну крови Богочеловѣка, и проч. За сими устрашительными изображеніями слѣдуютъ увѣщанія, въ коихъ Орапоръ представляеть грѣшнику, что добродѣшель, о коей онъ думаетъ, какъ о чемъ нибудь причиняющемъ зло, есть напрошивъ его щастіе, врачевство его золь, источникъ его радости.

Вообще, устрашающія матеріи, какъ-то: совѣсть, ложное щастіе нечестивыхъ, смерть, судъ, мученія будущей жизни, и проч. открываютъ краснорѣчію проспаннѣйшее поле; сколь бы многочисленно, сколь бы многообразно ни было собраніе слушающихъ, всѣхъ сердца воспребещууть.

Послѣ ужасающихъ матерій, Орапоръ долженъ приступать къ предметамъ не столь страшнымъ, но величественнымъ, и такимъ, въ которыхъ бы воображеніе могло находить себѣ обильную пищу, на примѣръ: къ подвигамъ Апостоловъ, разпространенію вѣры, славы Святыхъ, пользы уединенія, небесному блаженству, и проч.

Матеріи, пребудущія многихъ доказательствъ, должно оставлять конroversисамъ, сколько то можно. *Краснорѣчіе*, говоритъ Квинтилианъ, *небогато и невеликолюбно, если мнѣ обременяемъ оно множествомъ умозаключеній.*

О Бесѣдахъ.

Бесѣда есть простое и набожное изъясненіе каждой часпи дневнаго Евангелія или Апостола. Она должна содержать въ себѣ слѣдующее: 1. Смысль буквальный текста; 2. смыслъ духовный; 3. Нравоучительныя размышленія и наставленія, взятыя изъ обществельствъ; 4. Спрасное увѣщаніе. Такъ занимались оною святыя Отцы, а особливо *Іоаннъ Златоустъ*, коего бесѣды на *Маттея* всегда пребудутъ совершеннѣйшимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Въ припчлахъ, копорыя часпо бывають сущесвомъ бесѣды, буквальное изъясненіе не иначе, какъ по отношенію къ духовному. Не сполько должно привязываться къ историческимъ обстоятельсвамъ, сколько къ намѣренію припчи. Открывши цѣль оныя, письма уже презирають:

Полезно и пріятно для вѣрующихъ, изъясненіе имъ то, что они обыкновенно имѣють въ успахъ, хваля Бога, какъ-то: Молишву Господню, Символь Вѣры и нѣкоторыя Псалмы. Размышленія, копорыя надлежишь извлекать изъ оныхъ, будутъ предсавляться при чшеніи ихъ.

Въ Бесѣдѣ не надобно стараться испощать свою машерію; продолжительностъ того была бы скучна. Часпо, не повреждая смысла, относятъ все Евангеліе къ одной машеріи, и дѣлають правильное раздѣленіе.

Силь Бесѣды долженъ бытъ простъ; точностъ и ясностъ должны бытъ главными

украшеніями оныя. Кпо употребляетъ сей способъ къ наставленію вѣрующихъ, пошъ безъ сомнѣнія всегда будетъ успѣвашъ, естли онъ имѣетъ даръ, приспособляшъ свои изъясненія къ пониманію послѣдняго изъ своихъ слушащелей.

О Краткихъ Поученіяхъ.

Подъ Краткимъ Поученіемъ разумѣю я слово, предлагаемое людямъ присуществующимъ во время совершенія Таинствъ, какъ-шо, воспріемникамъ крещаемыхъ младенцевъ, бракосочетавающимся, и проч. (Смотри на оное примѣры въ 3-й часши собранія разныхъ Поученій на всѣ Воскресные и Праздничные дни, листы 141, 142, 143.)

Оно не должно бытъ шоль обширно, какъ совершенная проповѣдь; великія движенія краснорѣчія въ ономъ также не вмѣстительны. Служитель Таинствъ долженъ напоминать предстоящимъ особамъ существенныя ихъ должности, не упомяя ихъ вниманія, долженъ, примѣняясь къ нимъ, говорить имъ шакъ, какъ отецъ говоритъ своимъ дѣтямъ, и учитель своимъ ученикамъ. Пріятно шущъ слушають нѣкоторыя примѣры, нѣкоторыя просшыя сравненія, какія, можетъ бытъ, неприличны въ правильномъ словѣ. Умозаключенія могутъ бытъ не шоль важны и высоки, какъ въ проповѣдяхъ, но не менѣе должны бытъ сильны и основательны.

Хотя шиль Краткаго Поученія долженъ бытъ простой и натуральной, но не низкой

и небрежной. Спиль весьма обыкновенной и выражения простонародныя могутъ показаться операционными върующимъ Божественному Слову; простота, каковой требуетъ сей родъ наставленія, состоитъ въ томъ, чтобы говорить весьма ясно и вразумительно, дабы и невѣжды могли понимать: должно быть здѣсь краснорѣчіе простонародное, если можно такъ сказать, но всегда достойное священнаго храма. Часто попребно бываетъ большее искусство въ такомъ стилѣ, нежели въ красивомъ: ибо не имѣя пѣхъ пособій, какія доставляютъ родъ высокій, должно однако убѣждать, прогнать и нравиться.

О Капихизическомъ ученіи.

Есть наконецъ еще родъ наставленій, котораго важность дополняетъ то, что ему не достаетъ, можетъ быть, со стороны блеска, то есть, ученіе Капихизическое, которое можно считать первымъ проповѣданіемъ, пруднѣйшимъ, нежели какъ думаютъ, и часто полезнѣйшимъ самыхъ чистыхъ и блистательныхъ проповѣдей.

Капихизаторъ, обучающій дѣтей первымъ началамъ Религіи, не можетъ говорить имъ слишкомъ внятно о догматахъ и Тайнствахъ, яко въ понятіи еще слабымъ и несовершеннымъ;— никакая мысль, никакое выраженіе, превышающее умъ ихъ, не должно изходить изъ устъ его: все должно быть соразмѣрно ихъ силъ, или лучше сказать, ихъ слабости. Долженъ онъ говорить имъ не много, словами ясными, много разъ повторяя, произносить не

скоро, выговаривають явственно всѣ слоги, дѣлають имъ опредѣленія ясныя и краткія, и всегда одними и тѣми же термѣнами, давають имъ чувствованіе истины примѣрами извѣстными и сравненіями простыми; говорятъ имъ мало, но такъ, чтобы послѣ того они говорили много. Вотъ одна изъ существенныхъ должностей Капихизапоровъ! но многіе изъ нихъ презирають оную. Особенно надлежитъ помнить, что, какъ говорятъ *Квинтиліанъ*, разумъ дѣшеі подобенъ сосуду, имѣющему тѣсное отверстіе; куда нимало не входитъ воды, еспли кпо льетъ оныя много и весьма скоро, но потѣ же сосудъ непримѣнно наполняется, когда вливаетъ въ него воду не скоро и не немного. Опѣ первыхъ простыхъ наставленій, Капихизапоръ мало помалу и постепенно переходить къ вышшимъ и важнѣйшимъ, судя по успѣхамъ примѣчаемымъ въ дѣлахъ: но всегда онъ долженъ приспособляться къ ихъ понятію, къ ихъ слабости, долженъ *низходить* къ нимъ, потому что они не въ состояніи *возвышаться* до него.

Сія должностъ естѣ изъ числа важнѣйшихъ должностей въ церковномъ служеніи, но обыкновенно уважають ее не столько, сколько бы надлежало. Рѣдко приготавлиются къ ней съ тѣмъ раченіемъ, какое она заслуживаетъ; и поелику мало знаютъ прудностъ и цѣну ея, то часно пренебрегаютъ тѣ средства, которыми удобнѣе бы можно было получать успѣхъ въ оной. Оуправляющему сію должностъ надобно съ великимъ вниманіемъ читать прекрасное сочиненіе *Августина* о методѣ научать оглашенныхъ, сочиненіе, въ которомъ сей

великій мужъ, предложивши превосходныя правила на сію маперію, показываеиъ и образецъ, по которому должно учить другаго началамъ Религіи.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

О

ИЗРАЖЕНІИ.

Изобрѣшеніе доставляетъ Орашору причины и доводы, нужные для утвержденія маперіи, о которой онъ хочетъ говорить; расположеніе приводитъ оныя въ присвойный порядокъ, а *израженіе* (Elocutio) занимается украшеніями слова: оно для краснорѣчія поже, чѣмъ цвѣтъ краски для живописи. Дабы написать прекрасную картину, не довольно обдумать хорошо рисунокъ, не довольно въ точности соблюсти пропорціи, но потребно еще, чѣмъ краска одушевляла всю работу, и придавала предметамъ пошъ живой блескъ, по истинное и совершенное подражаніе природѣ, которыя плѣняютъ зрители и побуждаютъ ихъ къ похваламъ.

Равнымъ образомъ Орашоръ, сколь ни правильной и точной планъ дѣлаеиъ, сколь ни основательныя находятъ причины, долженствующія входить въ оной, и доставляетъ ихъ въ своемъ мѣстѣ; но естли онъ не умѣеиъ ихъ расписывать, украшать, представлять живыми красками, и одушевлять силою и пріятностію выраженія: по слово его уподобляется тѣлу,

неимѣющему огня и чувствованія. Почему Цицеронъ говоритъ, что находить мысли и приводить оныя въ порядокъ, есть дѣло разумнаго человѣка, а умъ выражать оныя, свойственно Орактору.

И такъ *израженіе* есть важная часть, которой не позволяется ему презирать. Сказали мы, что предметомъ онаго сущь украшенія слова: а чтобы украшать слово, и приводить оное въ совершенство, пріятное самому строгому вкусу, къ тому поспѣшно слѣдующее:

1. Числопопа слога.
2. Ясность.
3. Изящность.
4. Избраніе мыслей.
5. Избраніе сипля.
6. Разсудительное употребленіе фигуръ.

Разсмотримъ, что надлежитъ дѣлать, дабы съ успѣхомъ употреблялъ каждое изъ сихъ украшеній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ЧИСТОТѢ СЛОГА.

Числопопа слога состоитъ въ точномъ наблюденіи правилъ языка, впрочемъ не съ такою строгостію, чтобы не осмѣливаясь давать себѣ въ ономъ свободу тогда, когда живость слова того требуетъ: легкія погрѣшности въ то время сущь удачная вольность, которую

искусство позволяеть. Безъ сомнѣнія, предосудительно не соблюдать правильности, но и холодно выражать свои мысли, есть недоспашокъ.

Правильность въ словѣ зависитъ наипаче отъ щастливаго избранія выраженій.

1. Должно всегда употреблять термины самыя натуральныя и обыкновенныя, ежели въ нихъ нѣтъ ничего низкаго; предпочипать другимъ тѣ, копорыя выражаютъ мысль съ большею точностію и ясностію, и съ гармоніею соединяютъ силу.

2. Должно стараться, естли можно, полагать термины, имѣющіе болѣе двухъ слоговъ. Реченія весьма короткія какъ бы рубятъ спиль, и утруждаютъ слухъ частыми паденіями.

3. Выраженія спранныя, или принадлежащія къ наименованіямъ наукъ, не приличны въ словѣ нравоучительномъ.

4. Съ такою же оспорожностію должно употреблять термины, начинающіе спарфъ, копорыхъ употребленіе тогда только можетъ быть полезно, когда они придають мысли большее достоинство или силу.

5. Естли отваживаешься употребить новое слово, то потребно, чтобъ оно болѣе способствовало выраженію мысли, нежели слово, давно уже извѣстное; при равной ихъ силѣ, сіе надлежитъ предпочесть оному.

6. Наконецъ, должно рачительно избѣгать выраженій пустыхъ, и ничего опредѣленнаго не представляющихъ уму.

Впрочемъ, весьма благоразумныя правила, какія можно представить на числомъ слога,

содержащся въ слѣдующемъ, что говоришь Боало въ Спихопворной Наукѣ.

Наблюдай въ сочиненіяхъ чистоту языка, и въ самыхъ жаркихъ твоихъ изображеніяхъ да будетъ она для тебя священна: вообще ты поражаешь меня пріятнымъ звукомъ, естли термины твои неприспосойны, или выраженія неправильны: умъ мой опвергаетъ пышныя барбаризмы, и надменные солецизмы надупыхъ спиховъ; словомъ, превосходнѣйшій Авторъ, удаляющійся отъ правилъ языка, всегда естли худой писатель, какъ бы онъ ни сочинялъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

Я С Н О С Т И .

Ясность не менѣе нужна въ словѣ, какъ и правильность. Орапоръ говоритъ для того, чѣмъ его понимали; слѣдовательно надобно ему говоритъ такъ, чѣмъ его слова не могли быть непонятны. Сіе особливо долженъ наблюдать Орапоръ Священный, говорящій народу. Великую похвалу онъ заслуживаетъ, естли самый послѣдній изъ его слушателей легко понимаетъ его наставленія.

Порядокъ естли первый источникъ ясности въ рѣчи. Кто имѣетъ даръ хорошо распоряжаться свои мысли, тотъ всегда увѣренъ, чѣмъ слушатели его понимаютъ. Надлежитъ оныя такъ связывать, чѣмъ онѣ казались раздающимися одна изъ другой, и чѣмъ слова,

сочиняемыя и собираемыя непринужденно, показывали ощутительно постепенное возвышеніе оныхъ.

Другое весьма надежное средство для Орапора, бытъ удобно понимаему, естъ то, чѣмъ всегда употреблять одни только собственныя термины.

Собственность терминовъ состоитъ въ томъ, чѣмъ изъяснить мысль выраженіемъ, ей приличнымъ: симъ опличаются великіе писатели. Собственный терминъ изображаетъ всю идею, весьма общій едва даетъ ее усмащивать; несобственный не столько ее изъясняетъ, сколько обезображиваетъ.

Темноту же въ словѣ производитъ слѣдующее :

1. Неправильное перемѣшаніе реченій или словъ, то естъ, когда они такъ разбросаны, что не лѣзя безъ великаго напряженія ума найти взаимнаго отношенія оныхъ.

2. Выраженія и обороты словъ двузначнащельные, то естъ, копорые, вдругъ предпавляя двѣ различныя идеи, оспавляютъ слушателя въ незнаніи подлиннаго смысла.

3. Множество вносныхъ словъ (Parenthesis), развлекающихъ вниманіе.

4. Обороты эпиграмные, копорыхъ острооты не можеть чувствоваться народъ, и кои часто бывають замысловатыми понкосщями, несомѣстными съ важностію священныя каеодры, и пою цѣлю, какую Орапоръ предполагать долженъ.

Наконецъ, темнота въ словѣ заспавляетъ думать, что мысли Орапора неясны, или что

онъ не довольно обдумалъ свою матерію. Кто ясно вещь представляеть въ умѣ, тотъ вразумительно и пріятно объясняетъ оную другимъ.

Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.
(*Horat. in arte poëtica*)

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О

ИЗЯЩНОСТІИ.

Какъ потребны въ словѣ правильность и ясность: такъ желательна въ ономъ изящность, которая производитъ пріятное печеніе, какое только возможно.

Она состоитъ не только въ избраніи выражений, коего нужду мы уже показали, но и въ плавности и гармоніи періодовъ. Представимъ нѣкоторыя подробности на сіи различныя качества.

ЧЛЕНЪ I. О ПЕРІОДѢ.

Періодъ естъ собраніе мыслей, отдѣленныхъ одна отъ другой разстановками, искусно размѣренными, и такихъ, коихъ смыслъ совершенъ при послѣднемъ *отдыхѣ*, гдѣ умъ и слухъ другаго удовлетворяются. Каждая изъ сихъ мыслей, взятыхъ порознь, называется членомъ періода. Члены періода содержатъ иногда *вставныя* части. Такъ называются идеи *придаточныя*, коихъ можно совершенно отбрасывать, не повреждая смысла, и кои

употребляюся для того, чтобы открывать мысль, увеличивать периодъ, и придавать ему болѣе пріятности и силы, какъ видно въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Рано ли, поздно ли, возсіяетъ добродѣтель твоя, яко луча свѣта несконечнаго, и правда твоя предвидѣтъ предъ тобою.“

(Амвросій М. Новгородскій.)

Здѣсь сіи слова, *яко луча свѣта несконечнаго*, суть всавная часъ сего періода.

Есть періоды двухъ, трехъ и чепырехъ членовъ; совершеннѣйшій состоитъ изъ чепырехъ.

Вотъ образцы каждаго въ особенностях.

Періодъ двучленный.

„Когда мы располагаемся къ веселію и на-
дѣемся препровождать жизнь свою сладко;
тогда часо въспрѣчають насъ несчастіи, бо-
лѣзни, и наполняется сердце наше расшворе-
ніемъ горестей.“ (Онь же.)

Другой.

„Пусть добродѣтельные нѣсколько времени
питаются хлѣбомъ оскорбленія, и пѣютъ чашу
горести, но насыщаясь пошомъ опъ пра-
вды неопъемлемыя радости, и наслаждаясь
опъ источниковъ живопа вѣчнаго.“ (Онь же.)

Періодъ шрехчленный.

„Когда кпо всѣми силами и при всякомъ
случаѣ щитается доказать свое безпристрастіе,
вѣрность и справедливость; и когда на шако-
ваго мужа воззришь законная власъ, и назна-
чаешь ему присшойную должностъ: сіе есть
звание Божіе, сего призываетъ Богъ.“

(Пашонъ М. Московскій.)

Періодъ чешырехчленный.

„Раздѣльны между собою небо и земля; но совокупны шѣмъ, что единъ естъ Богъ и на небеси и на земли: совокупны же и шѣмъ, что на небеси прославляють Его Херувимы и прочіе Ангельскіе чины; а на земли мы удостоились также Его прославлять, и единъ сославлять ликъ съ Херувимами.“ (Онъ же.)

Періодъ долженъ оканчивашься вмѣстѣ съ смысломъ; есшлы онъ прерванъ, то часто заключаешъ въ себѣ шемной и двоякой смыслъ.

Пошребно, чтобъ періодъ былъ надлежащей величины; ежели онъ очень корошокъ, то мало въ немъ гармоніи, смыслъ не долго продолжается, и не довольно упражняешъ вниманіе чишашеля: есшлы онъ очень длиненъ, то прудно обяшъ оной весь умомъ, всѣ почти красомы его скрывающься опъ чишашеля.

Правильные и ясные періоды приличны особливо въ присшупѣ, разпроспраненіи и заключеніи. Соединеніе оныхъ сославляешъ спилъ періодическій, прошивный спилу опривисшому, кошорой присшойнѣ въ повѣспованіи. Первой благороднѣ, вишійсшвеннѣ, пріятнѣ, вшорой легче и живѣ. Искусшво Орашора сосшоишъ въ шомъ, чтобъ ихъ перемѣняшъ и подкрѣпляшъ одинъ другимъ, смощря, гдѣ нужно.

Изъ плавншши и гармоніи происпекають всѣ пріятншши и красомы періода. О сей важной части израженія удачно и весьма подробно написалъ Аббашъ Батте. Совѣшруемъ

прочитаешь четвертую книгу основаній Липшерауры, гл. 4 и пишешь, въ которой онъ практуешь о Орашорской конструкціи (*); а здѣсь представимъ мы на сію матерію нѣкошорыя общія и доспащочныя понятія.

ЧЛЕНЪ II о ОРАТОРСКОЙ ГАРМОНИИ.

Она состоишь въ нѣкошорой соразмѣрности между выраженіями и матерією, о которой Орашоръ разсуждаетъ: выраженія самыя пышныя и напряженныя набираешь не всегда пристойно, не всегда они дѣлають пріятное шеченіе въ словѣ. Чшобы всегда кшашаи оныя прибираешь, пошребенъ шворческій умъ, вкусъ, слухъ разборчивый и нѣжный.

„Для каданса имѣй строгое ухо, говоришь Боало. Должно замѣшишь оной во многихъ примѣрахъ, нами приведенныхъ.

Двѣ вещи наипаче способшвуютъ гармоніи въ рѣчи: звукъ и плавность, звукъ качествомъ словъ, а плавность порядочнымъ расположеніемъ оныхъ.

Важное дѣло избираешь слова благозвучныя. Избѣгай ненавистнаго шеченія худыхъ звуковъ. Самая благородная мысль не можешь понравиться уму, когда выражена прошивно слуху. (Стихотв. Наук.)

Излишняя была бы строгость, - отвергаешь нѣкошорыя слова по той причинѣ, чшо наше ухо къ нимъ не примѣняешь. Нужда заспазляетъ упошребляешь оныя такими, какія они

(*) Сіе сочиненіе еще не переведено на Россійской языкъ.

суть, ибо мы ихъ не изобрѣшаемъ. Но весьма великая шайна просодіи естъ, умѣряшь одинъ звукъ другимъ. Нѣшь споль грубаго слога, котораго бы не лзя было умягчишь, и нѣшь споль слабаго, которому бы не можно было придашь силы. Все сіе зависишь опъ слоговъ предъидущихъ, или послѣдствующихъ противнымъ слуху.

Что касается до распоряженія словъ, Орапорская гармонія состоишь въ томъ, чѣобъ не полагаешь великой неровности между членами изреченія, а особливо не дѣлаешь послѣднихъ членовъ онаго весьма короткими, въ отношеніи къ первымъ; избѣгаешь періодовъ слишкомъ длинныхъ, и изреченій очень спѣсненныхъ; умѣешь наконецъ перемѣшиваешь періоды круглые и выдержанные съ другими, которые не совсѣмъ шаковы, и кои какъ бы служатъ къ успокоенію слуха. Сцѣпленіе періодовъ весьма мѣрныхъ непріятно въ прозѣ. Почему кадансъ непрестанно должно перемѣняешь. Имѣешь единообразіе въ своей гармоніи, или не имѣешь оныя—вошь двѣ крайности, равно отвращительныя, какъ та, такъ и другая!

Гармонія должна бышь ощутишельна, особливо при концѣ изреченія, чѣобы въ ушахъ слушающаго оставалось пріятное впечатлѣніе, и при началѣ, для возбужденія въ немъ вниманія; середина должна бышь хорошо связана, имѣешь порядочное печеніе, безъ пропущеній, безъ двусмыслий, безъ вносныхъ словъ, безъ всякой наконецъ запущанности, которая ошягощаешь и ушомляешь вниманіе.

Не забудемъ замѣишь здѣсь, сколько

эпишешы и выраженія напряженныя могушь придавать изреченію гармоніи и пріятности.

Но дабы эпишешы производили сіе дѣйствіе, поспребно: 1-е, чшобъ они были ошборныя; 2-е, чшобы приличесшвовали собственному значенію словъ, къ кошорымъ прилагающся; 3-е, чшобъ были посшавляемы кшашаи; 4-е, чшобъ придавали болѣ ясношши, болѣ пріятношши, или болѣ благородшва мысли.

Примѣры:

„О брега Іордана! благословенныя поля!
„священныя горы, плодоносныя долины, озна-
„менованныя множесшвомъ чудесъ! уже ли мы
„навсегда изгнаны изъ любезной спраны на-
„шихъ праощцевъ?“

Ошними ошъ сего споль пріятнаго и прогашельнаго изреченія, всѣ сіи прилагашельныя, *благословенныя, священныя, плодоносныя* и проч.; оно никакого не будетъ имѣшь жара, никакой красошши, никакой силы.

Въ сочиненіяхъ ошца Россійскаго красно-рѣчія находимъ мы весьма много важныхъ эпишешовъ.

„И ты, говоришь онъ въ одномъ словѣ,
„знойная Персія! ни быспрыми рѣками, ни
„шопучими болошами, ни спремнинами горъ
„превысокихъ, ни раскаленными песками, ни
„набѣгами непосшоянныхъ народовъ, не мог-
„ла возпрепяшшшвовашъ нашесшвію нашего
„Героя?“

Такіе эпишешы много придають блеску словамъ предъидущимъ и послѣдующимъ.

Эпишешъ, хорошо избранный, шо особливо имѣетъ неоцѣненное досшоешшство, чшо онъ

возвышаесть слова самыя обыкновенныя. Такъ на примѣръ у Расина.

Я прихожу по древнему и торжественному обыкновению.

Слову *обыкновеніе*, сообщаютъ важность слова *древній и торжественный*.

Слово *склонность* поставлено будучи одно, мало имѣетъ пріятности: приложи съ *флешьеромъ* эпитетъ *погубительная*, и реченіе получишь пріятность и гармонію.

Напряженность (*Energia*) шерминовъ состоишь въ томъ, чѣмъ разсуждаешь о мадеріи весьма живо и сильно, дабы она сдѣлала въ умъ слушателя глубокое впечатлѣніе.

Примѣръ:

„Богъ всегда естъ пойжде и лѣта Его не „оскудѣють. Пошокъ временъ и вѣковъ шечетъ предъ Его очами, и Онъ взираетъ окомъ „мщенія и яроссти на слабыхъ смертныхъ, „влекомыхъ роковою быстриною, и между „шѣмъ ругающихся надъ Нимъ, пользующихся „сею минушою для поношенія Его имени, и „падающихъ, по испеченіи ея, въ руки Его „вѣчнаго гнѣва и правосудія.“ (Массильонъ.)

Окончимъ сей членъ двумя примѣрами, которые болѣе дадутъ почувствовать пріятность и важность гармоніи въ словѣ.

Первый изъ надгробнаго слова *Тюренну*, говореннаго *флешьеромъ*.

„Приведенный въ замѣшательство и разстроенный непріятель, уже шрепешалъ въ „своемъ шанѣ. Уже оный орелъ, кошораго „дерзкое пареніе сперва ушрашало наши обласши, направлялъ свой полетъ, чѣмъ уле-

„шѣшь въ горы и сокрышь себя. Мѣдьяные гро-
„мы оныя, ошъ ада на испребленіе челоѣковъ
„изобрѣшенныя, со всѣхъ гремѣли споронъ,
„дабы сему ошспуленію способствовашъ и
„ускоришь оное, и Франція въ нерѣшимости
„ожидала совершенія шакого предпріяшя, ко-
„шораго успѣхъ по всѣмъ воинскимъ правиламъ
„былъ непреложень. Увы! всѣ мы шо вѣдали,
„чего могли ожидать, но не помышляли о
„спрахѣ, намъ предстоявшемъ? О Боже спраш-
„ный, но праведный въ совѣщѣхъ Своихъ паче
„сыновъ челоѣческихъ! Ты и побѣдишелями
„и побѣдами управляеши... Великія жертвы
„посвящаешь Ты верховному Твоему величе-
„ству, и разишь, когда Тебѣ угодно, знаме-
„нишыя оныя главы, которыя вѣнчалъ Ты
„многокрапно.“

Боссюэтъ хотя не сполько заботишся о
словахъ, сколько *флешьеръ*, но во многихъ мѣ-
сцахъ соединяешь благоприспоиность гармо-
ніи съ благородствомъ и важностію идей. Изъ
числа оныхъ мѣстъ сіе изображеніе возвраще-
нія Англійской Королевы во Францію, случив-
шагося послѣ того, какъ Карлъ I. палъ въ руки
сообщниковъ Парламента.

„О путешествованіе, различествующее ошъ
„прежняго, кошорое она предпріяла по шо-
„му же морю, когда ошправилась возобладать
„Великобританскимъ Королевствомъ, когда ви-
„дѣла, что ярящіяся волны укрощаются предъ
„нею, и покаряють всю свою силу владычицѣ
„морей! Теперь изгнанная, преслѣдуемая непри-
„миримыми врагами своими, возымѣвшими
„дерзость оклевешать ее; теперь шо спасаюсь,

„що премѣняющейся каждый часъ форшунъ,
„почпи подвергаясь плѣну, и имѣя на своей
„споронѣ шолько Бога и непоколебимую швер-
„доспѣ, не имѣешь она ни довольнаго числа
„парусовъ, ни вѣспрѣ совершенно благопріят-
„сшвуешь ея скорому бѣгсшву!“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О

ИЗБРАНІИ МЫСЛЕЙ.

Все, что мысли могутъ имѣть пріятнаго въ словахъ, зависишь опъ выбора, какой Орашоры умѣють дѣлать между мыслями, имъ вѣспрѣчающимися, и опъ порядка, какой они умѣють давать онимъ.

Есть мысли, кошорыя ничто иное суть, какъ ложные блески, кошорыя не имѣють ничего сущесшвеннаго, на чемъ бы онѣ ушверждались; есть безполезныя, не имѣющія никакого отношенія къ шой машеріи, о кошорой Орашоръ говоритъ намѣреваешся; есть низкія, нимало не соопшвѣсшвующія важности машеріи; есть чрезъ мѣру высокія, превышающія машерію. Хорошій вкусъ ошмещепъ сіи разные роды мыслей.

Изъ шѣхъ, кошорыя надлежитъ упошреблять, вопервыхъ суть мысли общія, предсшвляющіяся всякому здравоумному человѣку, и легко раждающіяся изъ машеріи. За ними приходяшь мысли, служащія къ украшенію слова

своею живостію, силою, смѣлостью, высоко-
спію, либо нѣжностію и проч.

Мысль *живая* есть та, копорая предста-
вляетъ предметъ ясно и немногими чертами.
Таково сіе изреченіе Псаломника о нечести-
вомъ: *Видѣхъ нечестиваго превозносящася, и выся-
щася яко кедры Ливанскія, и мимо идохъ, и се не
бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.* Есть
ли что выше и живѣе сея черпы? Вижу на
земли сильнаго, копорой, кажешся, не боишся
всѣхъ переменъ щасія; прошелъ я мимо его,-
его ужъ нѣтъ, и слѣды его исчезли.

Находящъ подобное нѣсколько у *Масси-
ліона*.

„Богъ дунуль на кучу ихъ неправедныхъ
„спяжаній, и оную разсыпаль.“

Мысли *сильныя* представляющъ предметы
поразишельными красками, и могущими про-
изводить въ душѣ весьма скорое и долго-
временное впечатлѣніе.

„Въ исторіи, говоришь *Боссюэтъ*, сильнѣй-
„шіе Государи уже не инымъ чѣмъ велики,
„какъ шолько своими добродѣтелями, и на-
„всегда низведены будучи съ высоты рукою
„смерти, лишены всякаго великолѣпія и пыш-
„ноши, воспріемлющъ судъ всѣхъ народовъ и
„всѣхъ вѣковъ. Тамъ - то открываешся, что
„блескъ, придаваемый ласкашельствомъ, есть
„поверхностный, и что ложные цвѣты, сколь
„бы искусно они ни были наводимы, не при-
„стаютъ.“

„Эпо вопль народа, говоришь одинъ Епископъ
„Сенезскій въ надгробномъ словѣ Лудовику
„XV-му, эшо вопль народа восклицающаго:

„возлюбленный *Лудовикъ*! Увы! не лзя намъ не
„признапсья, колико свидѣтельствъ сея любви
„повидимому охладѣли между Французами опъ
„нешаснїя временъ. Тако народы, Богу попу-
„щающу, научающъ Царей, что какъ почщеніе
„и повиновеніе суть должности ненарушимыя,
„шакъ любовь есть чувствіе свободное, заслу-
„живаемое только благодѣянїями и добродѣте-
„лю. Тогда Государь, являясь своимъ поддан-
„нымъ, уже не слышитъ ихъ восклицанїй:
„хотя народъ не имѣетъ права ропшашъ, но
„безъ сомнѣнїя онъ имѣетъ право молчашъ,
„и его молчаніе есть урокъ Владыкамъ зем-
„нымъ.“

Высокими называющся тѣ мысли, которыя
представляющъ великіе предметы, и способные
возвышашъ душу размышленїями, какія они
подающъ оной. Такъ, на примѣръ, свяшый
Климентъ Александрійскїй подаепъ намъ вели-
чественную идею о могуществѣ Божіемъ, въ
слѣдующемъ изреченїи:

„Какая есть единая и всеобщая мѣра ве-
„щей? Богъ, Которой всегда равенъ и подобенъ
„самому Себѣ, Которой вѣситъ и измѣряетъ
„все, и держитъ природу въ шочномъ равно-
„вѣсїи.“

„Какое поле споль плодоносно, какъ благо-
„шворительность?“ сказалъ шощъ же свя-
шый Отець.

Боссюэтъ, въ надгробномъ словѣ Герцогинѣ
Орлеанской, опровергаепъ однимъ словомъ глу-
пое возраженіе шѣхъ людей, кошорые ушвер-
ждающъ, что нельзя вѣрить другой жизни, по-
шому что никто изъ оной не возвратился.

„Ожидашъ ли намъ, чѣмъ Богъ воскресилъ
„мершвыхъ для увѣренія насъ? Не нужно воз-
„вращеніе ихъ, не нужно, чѣмъ кто нибудь
„вышелъ изъ гроба. Тотъ, кто входитъ нынѣ
„во гробъ, довольно можешь увѣришь насъ въ
„безсмертіи.“

Съ какимъ благородствомъ изъясняешь
онъ въ рѣчи о *Всеобщей исторіи*, говоря о вре-
менахъ, бывшихъ прежде пришествія Мессіи!

„Все было Богомъ, кромѣ самаго Бога, и
„міръ, коимъ Богъ создалъ для явленія
„Своего могущества, представлялся храмомъ
„идоловъ.“

„Освавалось еще пять сотъ лѣтъ до при-
„шествія Мессіи. Богъ далъ величеству Сына
„Своего власъ повелѣшь Пророкамъ молчать
„во все сіе время, дабы Его народъ ожидалъ
„Того, Кто долженствовалъ бытъ исполне-
„ніемъ всѣхъ ихъ предвѣщаній.“

ГЛАВА ПЯТАЯ

О

СТИЛѢ.

Спишь есть порядокъ оборотовъ и выра-
женій, открывающихъ мысли и чувствованія
такъ, какъ требуетъ матерія, о которой кто
нибудь говоришь.

Полагаюшь три рода стилей: простой,
высокой и умѣренной.

ЧЛЕНЪ I о СТИЛѢ ПРОСТОМЪ.

Сей стилъ, котораго краснорѣчіе придерживается въ извѣстныхъ случаяхъ, и которой кажется столь легкимъ, пребудетъ однако, чѣмъ желавшій употреблять оной, имѣлъ довольно вѣрный вкусъ, и пошому бы зналъ подлинный характеръ онаго.

Краснорѣчивая простота столь же удалена отъ стили обыкновеннаго въ обращеніи, какъ и отъ аффектаціи, которая силилась все украшать. Хотя она, скромна будучи въ своемъ украшеніи, пренебрегаетъ весьма казистыя прикрасы, хотя имѣя свободное шествіе, не уважаетъ нѣкопорымъ образомъ правилъ гармоніи, но стѣмъ не менѣ производитъ вѣрное дѣйствіе, употребляя вмѣсто оной плѣнительности, тонъ приличный тому, что она хочетъ изобразить.

Простой стилъ, употребляемый особливо въ прислупѣ, повѣствованіи и умозаключеніи, долженъ быть чистъ, ясенъ, безъ очевидныхъ украшеній: впрочемъ не удалена отъ него величественность и благородство. Могутъ въ ономъ быть мысли весьма поразительныя и высокія, одѣныя обыкновенными выраженіями, что можно замѣтить въ слѣдующихъ примѣрахъ.

Аріане, покровительствуемые Императрицею *Иустиною*, мачерию *Валентиніана* младшаго, хотѣли насильно завладѣть соборною Медиоланскою Церковію, и въ оной дѣлали свои собранія; свяшій *Амвросій*, представивши о семъ прозбу Императору, удался въ свою

пасху, гдѣ народъ сперегъ его деннонощно, и началъ говорить сему правовѣрному народу рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Я вижу васъ въ необыкновенномъ смятеніи, и спрегущихъ меня. Удивляюсь, что бы сіе значило, развѣ можетъ быть, что вы чрезъ народныхъ прибуновъ извѣщены, что есть Императорское повелѣніе, дабы мнѣ со всѣми желающими за мною слѣдовать — опсюда удалишься, куда захочу. А посему вы боялись, чтобы я по причинѣ опасныхъ моихъ обстоятельствъ не оставилъ моего престола и васъ. Но вы могли догадаться, что и я съ своей стороны представлялъ Императору, что есть, что я далъ опъ того, чтобы желалъ оставить Церковь, ибо я болѣе повинуюсь Владыкѣ міра, нежели Императору, вѣка сего. Поистиннѣ, если бы меня насиліемъ отвлекали опъ Церкви, то бы могли ошдалишь, но шѣло, а не душу. Я готовъ на все, чего опъ меня требуетъ обыкновенное право священства, когда бы онъ вздумалъ поступить по обыкновенной царской власпи. — Чшожь вы смущаешься? Добровольно никогда не уступлю своихъ правъ, при случаѣ же насилія не знаю, чѣмъ сопротивляться; могу болѣзновать, плакать, рыдать, — прошивъ оружія и воиновъ могу вооружаться слезами. Таковы суть огражденія священниковъ. Инымъ образомъ прошивоборствовать не могу и не долженъ. Бѣгаешь же и оставляешь Церковь, не имѣю привычки, дабы не подумали, что я то сдѣлалъ, избѣгая лютейшей казни. Вы уже знаете, что я привыкъ доносить

„Императорамъ, а не уступашь, охотно под-
„вергаю себя казнямъ, и не спрашиваю
„приготовляемаго для меня.... О когда бы я
„не могъ опасаться, чѣмъ Церковію завладѣли
„еретики! Я бы съ охотою пошелъ въ Импе-
„раторскій дворецъ, естълибъ приспосойнѣ было
„священнику препираться во дворцѣ, нежели въ
„Церкви. Но въ духовномъ судилищѣ Христосъ
„ессть судія, а не подсудимый. Кѣмъ спанесть
„споришь, чѣмъ дѣло о вѣрѣ производишь дол-
„жно въ Церкви? Естъли кѣмъ на себя надѣеш-
„ся, пусть сюда придетъ, и ни приспраще-
„наго Императорскаго указомъ объявленнаго
„рѣшенія, прошивоборствующаго вѣрѣ, ни по-
„кушеній прошивниковъ пусть не уважаетъ.
„Я не поущу бытъ поругану Христу. Обшту-
„пившее насъ воинство, шумъ оружія окру-
„жающихъ Церковь, не утѣшаютъ моего
„вѣры, но смущаютъ мысль, дабы при моемъ
„смерщеніи не случилось какого нибудь вреда
„для вашего спасенія. Ибо я научился не бо-
„яшся, но объ васъ паче началъ беспокоиться
„и бояшся. Позвольте вашему священнику
„вступить въ сраженіе, -- имѣемъ наступаю-
„щаго на насъ супоспаша. Врагъ нашъ діа-
„воль, яко левъ рыкающій, ходишь искій кого
„поглотити, по словамъ Апостола. Получилъ
„онъ, безъ сомнѣнія получилъ (не обманыва-
„етъ насъ сіе, но къ наставленію нашему
„служишь,) шу власъ искушаешь, чѣмъ
„хотя язвами шѣла моего удалишь меня ошъ
„благовѣрія. Читаєте и вы, сколь многими
„напастями искушалъ діаволь святаго Іова,
„и напоследокъ испросилъ и получилъ власъ

„искусить шѣло его, кошорое покрылъ гноемъ.
„Когда мнѣ предложено было, чѣшобъ я опдаль
„церковные сосуды, шо я шакой даль опвѣшь:
„есшлы бы чего нибудь изъ собсшвенносши
„моей у меня пребовали, помѣсшья, или дома,
„или злапа, или сребра, на чшо я имѣю право,
„шо бы охотно опдаль. А опъ храма Божія
„ничего я възшь не могу, и опдашь въ чужія
„руки шо, чшо мнѣ въ храненіе поручено. При-
„шомъ и о спасеніи Имперашора надлежишь
„мнѣ пещися; ибо какъ мнѣ шо не послужило
„бы въ пользу, чѣшобъ опдашь, шакъ и ему
„приняшь. И шакъ да послушаешъ онъ гласа
„священника, непринужденно изъясняющагося,
„есшлы желаешъ спасенія, да не идешь про-
„швивъ Хріста. Сіе исполнено смиренія, и, какъ
„мнѣ кажешся, исполнено шѣхъ чувсшвій, ка-
„кія къ Имперашору имѣшь долженъ священ-
„никъ, и проч.“

Любовь къ отечеству, сей идолъ Респу-
бликанцевъ, вдохнула ли когда нибудь *Цицеро-
ну* и *Демосѣну* шакую простошу и вмѣсшъ
живосшь? Вся сія рѣчь весьма прогашельна;
но, по причинѣ обширносши ея, мы привели
шолько оное мѣсто.

„Пусшь міръ, говоришь *Массильіонъ*, осмѣ-
„иваешъ жизнь Хрістіанскую, какъ жизнь
„рабсшва и неволи, но царсшво правды есшь
„царсшво свободы. Душа вѣрная и покаряю-
„щаяся Богу спановишся владычицею всѣхъ
„шварей. Праведникъ есшь превыше всего, ибо
„онъ ни къ чему не привязанъ; онъ господишь
„міра, ибо презираешъ міръ. Онъ не зависишь
„ни опъ своихъ власшей, поелику служишь

„имъ только для Бога; ни оупъ своихъ друзей,
„поелику любипъ ихъ шакъ, какъ надлежиупъ
„любиупъ ближнихъ; ни оупъ своихъ подчинен-
„ныхъ, ибо не пребуепъ оупъ нихъ неправед-
„ныхъ угожденій; ни оупъ щаспія, ибо онаго
„боишся; ни оупъ людскихъ сужденій, ибо
„спрашишся только суда Божія; ни оупъ слу-
„чаевъ, ибо опиошипъ оные къ Промыслу; ни
„даже оупъ своихъ спраспей, ибо обипающая
„въ немъ любви, ешъ правило оныхъ и мѣра.
„И шакъ одинъ праведникъ наслаждается
„испинною и совершенною свободою: превыше
„будучи міра, себя самага, всѣхъ шварей,
„всѣхъ приключеній, онъ въ сей жизни на-
„чинаепъ царствовати со Иисусомъ Хрістомъ,
„все ему покорено, и онъ самъ покорень еди-
„ному только Богу.“

Орапоръ въ семъ мѣстѣ научаепъ слу-
шашеля ясно и методически, не позволяя себѣ
никакого украшенія въ стилѣ. Выраженія его
просты и приличны разсуждаемой матеріи.
Сія простота, которая всегда должна быть
въ умозаключеніи, не менѣе пріятна въ повѣ-
ствованіи. Вотъ примѣръ оныя.

Въ одномъ пастырскомъ посланіи, которе
флешьеръ писалъ къ монахинямъ своей Епархіи,
по случаю возмущеній, каковыя сумазбродство
ерешиковъ произвело въ Лангедокъ, при Лудо-
викѣ XIV-мъ, сей Епископъ изображаепъ, съ
какимъ мужесшвомъ вѣрные пригошворялись
къ гоненіямъ, коими они угрожаемы были. Сіе
повѣствование весьма прогашельно.

„Можно сказашъ, что изъ шмы без-
„законій и слабосшей человѣческихъ явились

„чудеса Божескаго могущества, и что Сынъ
„человѣческій обрѣлъ вѣру во Израили. Слабыя
„дѣвы возымѣли бодрость обличающъ нечеспи-
„выхъ въ ихъ нечеспіи, и самихъ себя под-
„вергающъ ихъ ярости, въ надеждѣ умягчающъ
„оную для другихъ. Мы узнали благочеспивую
„выдумку одной вдовы: мужъ ея, безчеловѣчно
„задавленный, оставилъ ей только свою ре-
„лигію и нѣсколько дѣшей малолѣпныхъ. Она
„ежедневно приносила ихъ Господу, яко жер-
„шву непорочную, и прилѣжно учила ихъ за-
„повѣдямъ Божиимъ. Исполнивъ разумъ ихъ и
„сердце упованія и вѣры, вдругъ объявила
„имъ, для испытанія ихъ бодрости, прише-
„ствіе изувѣровъ. Дѣши мои, говорила она
„имъ спавъ на колѣни, вы правовѣрные; воптъ
„здѣсь убійцы оныхъ: воззриште на небо, и ви-
„дите вѣнцы, кошорые Богъ вамъ гоповиптъ.
„Она, показывая имъ примѣръ собою, понуж-
„дала ихъ сдѣлать какъ-бы первый опытъ
„мученическаго. Сіе малое семейство Исповѣд-
„никовъ, преклоняя невинныя главы свои для
„принятія грознаго удара, и успроиваясь, яко
„Исаакъ на жертвенникѣ верьху дровъ, ожи-
„дало, еспьлибъ Богъ шо попустилъ, оконча-
„нія для него жизни, жизни, кошорая шоль-
„ко начиналась.“

ЧЛЕНЪ II о СТИЛѢ ВЫСОКОМЪ.

Стилъ высокій, величественный, обиль-
ный и великолѣпный соединяетъ въ себѣ
все, что Орапорское искусство имѣетъ силь-
нѣйшаго и мужественнѣйшаго; изображенія

живыя и блистательныя, чувствованія благородныя и возвышенныя, выраженія напряженныя и гармоническія,--вошъ чѣмъ онъ отличается! Вошъ что даетъ ему шу очаровательную прелестъ, которой душа прошивишъся не можетъ!

И пакъ изображенія и чувствованія, одѣшныя пристойными выраженіями, соепавають сей родъ спилъ. Войдемъ въ подрошность.

І. О ВЫСОКИХЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Всякое изображеніе, представляющее живыми и сильными красками великой предметъ, великое дѣйствіе, необходимо производитъ высокосшь.

„Рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть „свѣтъ.“

Вошъ великое дѣйствіе, изображенное великими чертами;--вошъ высокосшь! По праву удивляющіяся сей споль важной и точной картинѣ Всемогушества Божія. Сіе швореніе, которое спило Вѣчному единого шолько слова, сія скоросшь, съ каковою Его высочайшее повелѣніе исполнилось; сіе споль живое и поразительное изъясненіе, пакъ хорошо выражающее оныя великія идеи, подлинно заслуживающъ удивленіе всякаго, умѣющаго размышляшъ и чувствовашъ.

Таковыя изображенія часто встрѣчаются въ Священномъ Писаніи. Никогда человѣческое краснорѣчіе не произвело ничего споль благороднаго, споль величественнаго, споль разительнаго, каковы извѣстныя мѣста оной

неподражаемой книги. Прочпи, на примѣръ, сіе мѣсто *Іова*, гдѣ Богъ говоритъ человѣку.

Гдѣ былъ еси, егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велиимъ вси Ангели Мои? Заградихъ же море враты, егда изливашся изъ грѣва матери своей исходящее: положихъ же ему облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е: и положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата: рѣкъ же ему: до сего дойдеши и не прейдещи, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.

Не соединены ли здѣсь всѣ черты, изображающія высокосшь! Идеи величественны, выраженія благородны; и живосшь обороша словъ хорошо показываешь живосшь шого чувствованія, какое человѣкъ долженъ ощущать при видѣ своего ничтожества, и сравнивая оное съ безпредѣльнымъ могуществомъ Бога.

Смотри еще, какими чертами *Исайя* изображаетъ намъ Высочайшее Существо, въ гл. XL.

Кто измѣри горстїю воду, и небо лядїю, и всю землю горстїю? Кто постави горы въ мѣрилѣ, и холмы въ ефѣ?.... Аще вси языцы, аки капля отъ кади; и аки претяжаніе еѣса вѣѣнишася, и аки плуновеніе вѣѣнятся... Все языцы, яко ниттоже суть, и въ ниттоже вѣѣнишася.

Съ такимъ же жаромъ пророкъ *Наумъ* представляешь *Ниневїянамъ* Бога, сшрашнаго въ мщенїи. Гл. I.

Въ сконтанїи и трусь луть Его, и облацы прахъ ногъ Его: запрещаай морю, и изсушая е... Горы потрясошася отъ Него, и холми поколебашася, и

ужасея земля отъ лица Его, вселенная и вси живущіи на ней.

Сія величественная пѣснь, кошороу *Моисей* прославляешъ побѣду, Богомъ дарованную Евреямъ надъ Египтянами, избилуешъ высокими изображеніями.... Какое великолѣпіе! какая сила въ слѣдующихъ стихахъ! (*Исход. XV, 7, 8, 10, 12.*)

Множествомъ славы Твоея стерлъ еси сопротивныхъ, послалъ еси гнѣвъ Твой, пояде я, яко стебле.

И духомъ ярости Твоея разступися вода, огустѣша яко стѣна воды, огустѣша и волны посредѣ моря.

Послалъ еси Духа Твоего, покры я море, погрязоша яко олово въ водѣ зельѣй... Простерлъ еси десницу Твою, пожре я земля.

И все нижеслѣдующее споль же величественно.

Такія красоты безъ сомнѣнія несравненны, и нигдѣ шакъ много ихъ нѣтъ, какъ въ Священномъ Писаніи. Вотъ руда, копорую священный Стихошворецъ и священный Орашоръ непрестанно должны искапывашъ, естѣли копящъ доспигнуть высочайшей степени искуства. Тогда шолько въ сочиненіяхъ ихъ можешъ высокостъ бышъ, когда они, руководимые вкусомъ, умѣюшъ присвоивашъ себѣ богатства онаго источника сокровищъ. Самыя поразительныя черпшы *Боссюэта*, *Расина*, *Руссо* и другихъ ничшо иное сушъ, какъ удачныя подражанія Пророчествамъ или Псалмамъ.

На примѣръ, сколько каршинъ въ семь пророчествѣ *Годая*, и съ какою важностію

соблюденъ духъ Священнаго Писанія въ слѣдующихъ изреченіяхъ!

„Какъ чистое злато премѣнилось въ малодѣнный мешалль? какой это Архіерей закланъ въ семъ священномъ мѣстѣ? Восплачь, Иерусалимъ, восплачь, невѣрный градъ, нещастный убійца Божественныхъ Пророковъ! Богъ швой лишилъ тебя любви Своей, швое куреніе естъ мерзость предъ Его очами. Куда вы ведете сихъ дѣшей и женъ? Господь пошребилъ главу градовъ, Іереи Его плѣнники, Цари низвержены; не хочетъ уже Онъ, да празднуютъ Ему. Храмъ, разрушься! кедры, бросьте пламень огненный! Иерусалимъ, предъ мной моея печали, какая рука опѣяла опѣяла тебя всѣ швои красоты въ одинъ день? Кто премѣнитъ очи мои въ два источника слезъ, да плачу о швоемъ бѣдствіи?.....

„Какой новый, блистающій прелестями, Иерусалимъ выходитъ изъ нѣдръ пустыни, и являетъ на челѣ своемъ знакъ безсмертія? Народы земные, пойше, -- Иерусалимъ опять раждается съ вящими красами и добротою. Откуда приходятъ къ нему со всѣхъ сторонъ сіи чада, кошорыхъ онъ не носилъ въ своей упробѣ? Подъими, Иерусалимъ, подыми гордую главу швою, зри всѣхъ сихъ Царей, изумленныхъ швоею славою! Владыки спранъ, повергшись предъ побою, лобызають прахъ ногъ швоихъ. Народы со рвеніемъ шепчуть созерцають блескъ швой. Блаженъ шопъ, чье сердце воспламенился священою любовью къ Сіону. Небеса! низлейте свою росу, и да породитъ земля своего Спасителя.

(Расиндъ въ трагедіи Гоголя.)

Ода Г. *франка Помлинъна* на сотвореніе все-
ленныя представляеть великолѣпнѣйшую кар-
тину; и сочинилъ весьма высокими мыслями
оныя обязанъ также Священному Писанію. (*)

„Священными пѣсньми благослови душа
„моя Господа. Какими высокими хвалами? ка-
„кими гимнами воздамъ я чesнь Ему? Велико-
„лѣпное сіяніе Его пвореній опъ начала вѣковъ
„удивляеть смертныхъ: небесные огни увѣн-
„чавають Его, и пламена, Его окружающія,
„суть вѣчныя Его одѣянія.“

„Подобно завѣсь испѣканной изъ злата и
„шелку, обширная лазурь небесъ распрости-
„раеться подъ Его рукою; Онъ населяеть пу-
„стоты ихъ блестящими звѣздами: воды во-
„кругъ Его пребываютъ повѣшенны. Онъ по-
„пираеть ногами облака, и шesпвуетъ на
„вѣпрахъ.“

„Глаголетъ ли онъ? Небеса колеблутся,
„море спенеть, излетаетъ молнія, бурный
„носятся вихрь, земля въ молчаніи содрогаетъ-
„ся. Изъ вѣчныхъ врагъ легіоны вѣрныхъ ду-
„ховъ при гласъ Его мещутся въ воздухъ, пла-
„менная ревность руководсвуетъ ихъ, и ихъ
„пареніе быспрѣ молніи.“

„Онъ наполнилъ мрачныя бездны хаоса,
„Онъ ушвердилъ землю, и изгналъ тѣму; воды
„покрывали скады и горы, но при гласъ Его
„волны возмутились, и мгновенно ушекли въ
„свои глубокія пропасти.“

(*) Всѣ примѣры изъ Стихотворцевъ перевелъ я прозою,
дабы удержатъ красоты подлинниковъ, хотя не много.

„Границы, которыя Онъ предписалъ имъ,
 „всегда будутъ оспанавливать ихъ, перспъ
 „Его начерпалъ имъ предѣлы, гдѣ яростъ ихъ
 „должна исчезать. Вопще море въ сугубомъ
 „неисповспвъ своемъ порываеися на брегъ, и
 „успрашаеися его своимъ шумомъ, одна пес-
 „чинка удерживаеися оное, -- волна пѣниися,
 „разбиваеися, признаеися своего Господа, и
 „ушекаеися, и проч. (*)

II. О ВЫСОКИХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

Высокими называющіяся пѣ чувспвованія,
 которыя, основаны будучи на испинной доб-
 родѣтели, кажутся почпи превышающими
 человѣческую природу, и, какъ говоритъ Се-
 нека, являющъ въ слабости человѣческава швер-
 доспъ Божескую. Пусть вселенная падеися на
 главу праведника, -- душа его пребудеися спо-
 койна въ самый часъ сего паденія.

Justum et tenacem propositi virtum,
 Non civium ardor prava jubentium,
 Non vultus instantis tyranni
 Mente qvatit solida, nec avster
 Dux inqvieti turbidus Adriae,
 Nec fulminantis magna Jovis manus :
 Si fractus illabatur orbis,
 Impavidum ferient ruinae.
 (Horat. Lib. III, od. III.)

Идея сего спокойствія, представленная
 вмѣстѣ съ шрескомъ всего разрушающагося

(*) Есть въ словахъ *Боссюэта*, *Флешьера* и *Массиль-
 йона* высокія изображенія, которыя надлежало бы здѣсь
 представлять; но они приведены въ другихъ мѣстахъ.

міра, еспѣ высокое изображеніе, а спокойствіе праведника еспѣ чувствованіе высокое.

Вѣра наипаче сильна вдыхаетъ таковыя чувствованія; ею — по человѣкъ часпо возносится превыше самаго себя. Мысль о Богѣ покровишель вселяетъ въ него геройское благонадежіе среди самыхъ явныхъ опасностей.

Въ трагедіи *Гоолия*, *Абнеръ* со страхомъ объявляетъ *Иодаю* своему другу опасности, угрожающія сему первосвященнику. *Иодай* не смущаясь оповѣстивуетъ ему:

„Топѣ, кто укрощаетъ ярость волнъ, силень также разоритъ совѣсны нечестивыхъ.
„Я боюсь Бога, любезный *Абнеръ*, покаяясь съ „благоговѣніемъ Его святой волѣ, и другаго „страха не имѣю.“

Сія геройская неуспрашимость, сіе лвердое упованіе на помощь Божію, еспѣ совершенная высокоспѣ.

Топѣ же *Иодай* видя, что въ оградѣ храма остались только младыя дѣвы и слабые *Левиты*, возглашаетъ:

„Вопѣ какіе мспипели, — священники и „дѣпи вооружаются за Тебя, о превѣчная „мудроспѣ! Но, еспѣли Ты ихъ укрѣпишь, „кто можетъ одолѣти ихъ?“

Сіе изреченіе весьма хорошо изображаетъ чувствованія души истинно Израильской, коея мужество и вѣра не колеблутся при видѣ величайшихъ опасностей, и копорая въ безнадежномъ соспояніи надѣется, будучи увѣрена, что Богъ силъ направляетъ въ искуспѣ сраженія руки, вооружающіяся для защищенія Его правъ.

Нѣтъ ничего благороднѣе, выше, достойнѣе Хрістіанина, какъ сіи чувствованія *Алмара*, въ трагедіи *Алзира*.

„Ахъ, мой сынъ! сколь ненавистны для „меня сіи пиранскія люспоспи, сіи полипиче- „скія злодѣянія! Можешь ли ты любить онѣя, „ты, Хрістіанинъ, ты долженствующій нѣ- „когда царствовать надъ новыми Хрістіанами, „во славу Бога мира? Глаза твои не насыще- „ны ли грабежами, опустошающими берега „сихъ мѣстъ? Для того ли я пришелъ опъ „воспока въ идолопоклоннической міръ, неиз- „вѣстный Европѣ, для того ли, чѣмъ видѣшь „въ сихъ жаркихъ краяхъ омерзѣніе къ имени „Европы и къ имени правовѣрныхъ? Ахъ! Богъ „послалъ насъ сюда для другихъ дѣйствій, по- „слалъ проповѣдать Его имя, вдыхать въ здѣ- „шнихъ жителей любовь къ Его закону; но „мы неуполимые разорили сихъ мѣстъ, мы „ненасытные златолюбцы и кровопійцы, пре- „зрели Его законовъ, которые надлежало „бы возвѣщать, мы умерщвляемъ сей на- „родъ, вмѣсто того, чѣмъ привлекалъ его. „Опъ насъ вездѣ льется кровь, нами все пре- „вращается въ прахъ, мы не подражаемъ „небу, развѣ только мѣпаніемъ грома. Наше „имя производитъ ужасъ; страшны здѣсь Ис- „панцы, но всѣмъ и мерзостны: мы, будучи „бичами новаго міра, несправедливы, подлы, „любостяжательны, мы одни въ сихъ мѣ- „стахъ варвары, мы, Американецъ, дикій въ „проспопѣ своей, равенъ намъ въ бодрости, и „превосходитъ насъ челоуколюбіемъ. Увы! „еслибъ онъ былъ кровожаждущъ, такъ

„какъ мы, естѣли бы онъ не имѣлъ добродѣтели; не было бы уже у тебя опца. Развѣ ты забылъ, что они спасли мою жизнь? Развѣ ты забылъ, что сей народъ, сдѣлавшись наконецъ жестокимъ опъ нашего варварства, въ ярости окружилъ меня подлѣ сего жилища? Всѣ бывшіе со мною окончили свою жизнь предъ моими очами. Я оспался одинъ, безъ помощи, и ожидалъ смерти. Но, сынъ мой, я увидѣлъ, что убійцы повергли свое оружіе, услышавъ мое имя. Одинъ молодой Американецъ, котораго глаза оросились слезами, вмѣсто того, чтобы поразить меня, обнялъ мои колѣна. — Алваръ, сказалъ онъ, Алваръ! это ты? Живи, твоя добродѣтель весьма нужна для насъ: живи, будь долгое время опцемъ намъ несчастнымъ. По крайней мѣрѣ изъ сего примѣра пиранны, хопящіе наложить на насъ оковы, да научатся прощать. Спупай; великодушіе здѣсь нечуждо несчастному народу, которой они назвали звѣрскимъ. — Ахъ! ты рыдаешь; я чувствую, что при сей повѣсти сердце твое невольно прогаепся и умягчаепся. Человѣчество говоритъ тебѣ, какъ и я — твой отецъ, и проч.“

Окончимъ все, касающееся *высокаго* спилля, нѣкоторыми примѣчаніями, кошорыя мы почитаемъ полезными.

Высокій спиль не естъ шоже, что называепся *высокостію*. Высокость или высокое естъ все шо, что восхищаетъ нашу душу, поражаетъ, возмущаетъ вдругъ; она естъ минувшее сіяніе. Напрошивъ того спиль высокій

можешь продолжаться: онъ есть шонъ возвышенный, шествіе благородное и величественное, сообразное важности маперіи.

Видѣлъ я нечестиваго, обожаема на земли;
Яко кедръ, скрывалъ онъ въ небесахъ
гордое чело свое.

Онъ, казалось, повелѣвалъ грому,
Попиралъ ногами враговъ побѣжденныхъ;
Я прошелъ только мимо его,—онъ уже исчезъ.

Первые пять стиховъ сшила высокаго, но сами не высоки, а послѣдній высокъ, но написанъ не возвышеннымъ стилемъ.

Царствующій Пророкъ, отъ котораго *Расинъ* заимствовалъ сію черпу, говоритъ еще болѣе: *и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.*

Для высокаго сшила необходимо нужно слѣдующее: 1-е. Великая чувствительность и нѣкошорое возвышеніе ума, вдыхающее щастливныя мысли; 2-е. Величество и важность маперіи, о коей должно говорить; 3-е. Здравое сужденіе, которое бы управляло воспоргомъ, и преняшествовало подпашъ надупосши: ибо она есть злоупотребленіе высокаго сшила, такъ какъ низкость есть злоупотребленіе сшила проспаго.

ЧЛЕНЪ III о СТИЛѢ УМѢРЕННОМЪ.

Стиль умѣренный или цвѣтннй есть средній между проспымъ и высокимъ; онъ не споль силенъ и быспрошекущъ, какъ сей послѣдній, но обильнѣе и красивѣе перваго; его шихое и плавное шествіе имѣетъ удачную легкость сшила проспаго, и иногда благородство высокаго. Онъ получаетъ свое главное достоинство

опть богатствъ искусства, то есть, пріятності выраженій, многочисленные и періодическіе обороты, и, что еще болѣе, мысли тонкія, нѣжныя, острья, составляютъ его характеръ.

Впрочемъ не надобно думать, чтобы онъ позволялъ себѣ безъ разбора всѣ украшенія. Просвѣщенный Ораторъ употребляетъ оныя по выбору, и умѣетъ ихъ перемѣнять; они должны быть натуральны, и происходить изъ самаго свойства матеріи.

Умѣренный сшилъ особенно приличествуетъ панегирикамъ и надгробнымъ словамъ. Употребляющему оной въ словахъ нравоучительныхъ потребно знаніе умѣрять блескъ его; излишняя рачительность въ выборѣ выраженій и оборотовъ можетъ препятствовать нравоучителю достигать той цѣли, какую онъ предполагать себѣ долженъ.

Флешьеръ изъ знаменитыхъ Ораторовъ неоспоримо есть такой, котораго сшилъ самой красивой, гармонической и цвѣтистой. При недостаткѣ силы онъ имѣетъ правильность и пріятность. Ежели въ немъ не доспаетъ изумляющихъ быстрыхъ движеній, ослѣпляющихъ великихъ идей; то онъ плѣняетъ блистательнѣйшими мыслями, многочисленными и періодическими оборотами, услаждающими слухъ: но весьма очевидно, что сіе его достоинство есть плодъ искусства и упражненія, и чрезмѣрное обиліе украшеній очень часто производитъ въ словахъ его нѣкоторое скучное единообразіе. Впрочемъ сей недостатокъ не такъ ощущимеленъ въ его надгробномъ словѣ *Тюренью*. Кажется, что общая

печаль возродила въ душѣ его большія движенія, вѣщую дѣятельность. Мысли его возвышеннѣе, сшилъ имѣеть болѣе жара и порыванія, разнообразныя изображенія болѣе силы, и шемный цвѣтъ приличный матеріи. Словомъ, сіе сочиненіе есть совершеннѣйшій образецъ, какой можно представить на сей родъ сшила, о кошоромъ здѣсь говоримъ. (*)

Въ словахъ *Невидя* часто встрѣчаются блистательныя черты, равняющія его съ *Флешьеромъ*. Таково между прочими сіе мѣсто его надгробнаго слова Кардиналу *Флери*, гдѣ онъ представляетъ, что Лудовикъ XIV избралъ сего мужа въ учителя Лудовику XV-му.

„Приближалось то время, когда сіи споль
„скромныя дарованія должны были обнаружиться
„ся предъ очами вселенной, и всѣми заслугами,
„какія подданный можешь оказашъ своему Госу-
„дарю, удостоиться всего, что только Госу-
„дарь можешь сдѣлать для своего подданнаго.

„Лудовикъ XIV, сей Монархъ, слава своего
„народа и своего вѣка, слава Церкви и Госу-
„дарства, герой паче въ преклонности лѣтъ
„и щастія, нежели въ блескѣ юности и по-
„бѣдъ; герой, кошораго добродѣтель, искушен-
„ная злоключеніями, принудила наконецъ фор-
„суну устыдиться своего непостоянства, дала
„ей возчувствовать свою слабость, научи-
„ла ее, что не свойственно ей ни давать, ни
„ошнимать истиннаго величества. Лудовикъ

(*) Оно давно переведено на Россійской языкъ. Смотри здѣсь въ разныхъ мѣстахъ примѣры изъ онаго. Аббатъ *Батте*, въ IV книгѣ основаній литературы, сдѣлалъ анализъ сего слова, гл. IX, стр. 172.

„видѣлъ, что его многочисленное племя исче-
 „заешь подобно тѣни; одинъ въ своихъ про-
 „спранныхъ черпогахъ;—ему кажется, что
 „онъ переживаетъ самого себя; глаза его, го-
 „повящіеся закрышья на вѣки, видяшъ на
 „мѣстѣ многихъ цвѣтовъ пожавыхъ во время
 „ихъ весны, видяшъ одинъ щолько цвѣтъ едва
 „разцвѣтшій, слабый, колеблющійся, почши
 „пояденный шѣмъ бурнымъ дыханіемъ, кошо-
 „рое попребило, изсушило сполько цвѣтоно-
 „сныхъ маслинъ. Се другой *Іоась*, единствен-
 „ная ошрасль *Давида*, сохранившаяся при па-
 „деніи Августѣйшаго дома, едва могшая выд-
 „ши изъ-подъ развалинь, подъ кошорыми она
 „казалась погребенною! Въ семъ младенцѣ сое-
 „диняются чувства сердца и черпы ума его
 „дѣда, нѣжноспъ опца и намѣренія Государя.
 „О естѣлибъ *Лудовикъ* по крайней мѣрѣ воз-
 „могъ своими наспавленіями и примѣрами на-
 „учишь его великому искусству царствовать!
 „Но время прошекаетъ, гробъ разверзается
 „предъ Монархомъ, гробъ ожидаешь его, шре-
 „буешь его, и онъ мыслишь о томъ, чшобъ
 „вмѣсто себя кому нибудъ другому поручишь
 „своего преемника. На когожь падешь выборъ
 „сего Государя, сосшарѣвшагося въ замѣчаніи
 „и знаніи людей, сего Государя, кошорой до-
 „казаль и прославиль свое просвѣщеніе избра-
 „ніемъ *Боссюэтовъ* и *Фенелоновъ*? Онъ призываетъ
 „Епископа Фрейскаго, и ввѣряетъ ему судьбу
 „своей Крови и своего Королевспва.“

Никшо, можетъ бышь, въ изящности
 спилиа не доспигъ вышшей спепени совершен-
 ешва, нежели какъ *Массильюнъ*. Выраженія кра-

сивыя, опшорныя, высокія, пріятныя, карпинны блистательныя и напуральныя, колорисъ искусной и поразительной; вопшъ характеръ его слога! Мы приведемъ два примѣра, въ кошорыхъ видны нѣкошорыя изъ сихъ качествъ.

Въ первомъ примѣрѣ онъ говоритъ о снисходительности Людовика IX.

„Всѣ имѣли досшупъ къ нему, онъ самаго „послѣдняго изъ подданныхъ не лишаль удо- „вольствія видѣшь своего Государя, всегда по- „казываль имъ лице веселое, умѣрляль велико- „лѣпіе прона благопривѣшливостію, возлагаль, „яко *Моисей*, покрывало крошоспи на сіяніе „своея особы и достоинства, дабы безбоязнен- „но взирали на него всѣ приближавшіеся къ „нему, и сполько удаляль опъ себя всякую „пышность сродную величеству, чшо подходя „къ нему почши не видѣли въ немъ Монарха, „развѣ когда изливаль онъ милоспи. Снис- „сходительность и челошкшлюбіе были бы „естественными добродѣтелями Самодержцевъ, „если бы они помнили, чшо они опцы сво- „ихъ народовъ; презрѣніе и гордость не шоль- „ко не преимущества ихъ сана, но и злоупотре- „бленіе и безчестіе онаго; и они недо- „стойны бышь владыками своихъ подданныхъ, „когда забывающъ, чшо они ихъ опцы. Сіе „правило касается всѣхъ шѣхъ, кошорые по „своимъ достоинствамъ могущественны въ „народѣ. Увы! суціе во власпи часшо прини- „мающъ шакую суровость, и споль шрудень „бываешъ досшупъ къ нимъ, чшо огорченные „почишающъ большимъ нещасіемъ необходи- „мость подойши къ шому, опъ кого они ожи-

„дають облегченія. И однакожь мѣста, возвышающія насъ предъ народомъ, уставлены только для него. Однѣ общественныя нужды, ввели общественныя достоинства, и ежели, власть есть шягоспное иго, то она должна, бытъ игомъ для носящихъ ее, а не для шѣхъ, копорые прибѣгають къ ней съ прошеніями, и ищущъ у нея убѣжища.“

Вшорой примѣръ взявъ изъ слова о *маломъ числѣ избранныхъ*.

„Въ сіи щасливыя времена, когда вся Церковь была ничто иное, какъ собраніе свя- шыхъ, рѣдко открывались изъ вѣрныхъ шакіе, копорые бы, по полученіи даровъ Духа Свя- шаго и по исповѣданіи Іисуса Хріста въ шаинствѣ насъ возраждающемъ, опяшь пре- давались разпушству прежнихъ нравовъ. Въ Іерусалимской церкви только *Ананія* и *Салфи- ра* оказались вѣроломными; церковь Корин- ская видѣла одного только кровосмѣшника: на- родное предъ всѣми покаяніе было тогда рѣд- кимъ врачевствомъ, и едва между сими ис- шинными Израильшянами находился одинъ, прокаженный, кошораго надлежало оплучить, ошъ Олшаря, и ошъ сообщенія съ его братами.

„Но послѣ, какъ вѣра, начавши распростра- няться, начала и ослабѣвать, число правед- ныхъ сшало уменьшаться по мѣрѣ умноженія, числа вѣрныхъ; успѣхъ Евангелія, кажешся, осшановиль преспѣяніе благочестія, и весь, міръ, сшавъ Хрістіанскимъ, принесъ наконецъ, съ собою въ Церковь свое поврежденіе и свои, правила. Увы! мы заблуждаемъ почти всѣ ошъ, ложеснѣ машерей нашихъ: первое дѣлаемое

„нами употребленіе нашего сердца есть без-
„законіе, наши первыя наклонности суть спра-
„сши, и нашъ разумъ развертывается и воз-
„распаептъ на расплѣнии нашея невинности.
„Земля, говоришь одинъ Пророкъ, расплѣнна
„неправдами живущихъ на ней; всѣ нарушили
„законы, перемѣнили устави, прервали пошъ
„союзъ, кошорому надлежало бытъ вѣчнымъ;
„всѣ дѣлають зло, и едва ли сыщется одинъ,
„творящій добро: несправедливосшь, клевета,
„ложь, вѣроломство, прелюбодѣяніе, гнуснѣйшіе
„пороки покрыли землю. Братъ спроишь ковы
„брату, отецъ ошдѣленъ ошъ своихъ дѣшей, же-
„на ошъ своего мужа; нѣшь союза, кошораго бы
„подлое корыстолюбіе не разрывало, вѣрносшь
„уже ничшо иное есть, какъ добродѣшель про-
„сшихъ; ненависти вѣчны, примиренія лице-
„мѣрны, никогда не взирають на врага своего,
„шакъ какъ на брата; одинъ другаго шерзаетъ,
„снѣдаептъ; собранія ничшо иное суть, какъ
„публичныя порицанія; совершеннѣйшая добро-
„дѣшель не въ безопасности ошъ злыхъ язы-
„ковъ; игры содѣлались или шоргами, или обма-
„нами, или бѣшенствами; пирь, сіи невинныя
„связи общесства, излишесствами, о кошорыхъ
„не лзя смѣшь говоришь; народныя удоволь-
„сшвія, школами безсшѣдства; нашъ вѣкъ ви-
„дишь пакія непошребства, кошорыхъ наши
„ошцы не знали; городъ есть Ниневія грѣш-
„ница; Дворъ есть средошочіе всѣхъ спрасшей
„человѣческихъ, и добродѣшель, возвышаемая
„примѣромъ Монарха, уважаемая его благоволе-
„ніемъ, ободряемая его благодѣянiami, дѣлаептъ
„шамъ порокъ болѣе ошошришельнымъ; но

„можетъ быть не ослабляетъ его; всѣ званія,
„всѣ состоянія развратились въ пущахъ сво-
„ихъ; нищіе ропщутъ на руку, наказующую
„ихъ, богашыя забываютъ виновника ихъ изо-
„білія; вельможи предспавляются рожденными
„только для самихъ себя, и своевольство по
„видимому есть единственное право ихъ зна-
„менити; самая соль земли обуяла, свѣпильники
„Іакова угасли, камни свяпилища постыдно вла-
„чались въ грязи общенародныхъ мѣстъ, и свя-
„щенникъ подобенъ простолудиму. О Боже! что
„ли Твоя церковь и собраніе свяпыхъ? что ли
„Твое любезное достояніе, Твоя лоза возлюб-
„ленная, предметъ Твоихъ попеченій и мило-
„стей? и виновны ли предъ очами Твоими были
„Іерусалимъ, когда Ты поразилъ его вѣчнымъ
„проклятіемъ?“

О Различныхъ качествахъ стила.

Между качествами, которыхъ соединеніе
составляетъ хороший стиль, есть совершенно
нужныя, какъ—то правильность, ясность и
совокупность, о коихъ мы уже говорили.

Есть и другія болѣе или менѣе нужныя,
по свойству предлагаемыхъ матерій, или изо-
бражаемыхъ предметовъ.

Сии качества суть: сила, изящность и
гармонія; должно присовокупить къ нимъ
краскостъ, жаръ, угрюмость и легкостъ, на
кои мы сдѣлаемъ нѣкоторыя примѣчанія.

Краскостъ есть искусство никогда не го-
ворить болѣе или менѣе того, что въ виду
имѣешь. Сіе качество особливо должно быть

наблюдаемо въ матеріяхъ, требующихъ раз-
бирагельства; оно также нужно оратору по-
слѣ присшупа, когда онъ объявляетъ, о чемъ
онъ хочетъ говорить, и въ тѣхъ случаяхъ,
когда ему надобно дѣлать какіе нибудь приво-
ды для подтвержденія того, что онъ предла-
гаетъ въ своемъ словѣ. Должно остерегаться,
чтобы краткость не вредила ясности и вѣр-
ности. Иногда желая сказать много кратко-
ми словами, слишкомъ натягивающъ мысль и
дѣлающъ ее ложною. Краткость не состоятъ
въ опущеніи нужныхъ идей, но въ поставле-
ніи каждой идеи на своемъ мѣстѣ и выраже-
ніи оной приспосойнымъ шерминомъ.—Симъ-то
средствомъ спилъ получаешь двоякую пользу,
то есть, онъ кратокъ, но не скученъ, раз-
крытъ, но не слабъ.

Жаръ спила есть такое качество, кото-
рое переносятъ въ душу слушателя пошъ
огонь, коимъ одушевленъ самъ ораторъ. Онъ
наипаче нуженъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочешь
пронуть и убѣдить, но можетъ изходить
только изъ души, сильно занятой своимъ пред-
метомъ. Дабы писать съ жаромъ, не довольно
объявлять, что ты исполненъ огня, надле-
житъ имѣть оной дѣйствительно, и изливашъ
его кспашу.

Угрюмость въ спилѣ происходитъ отъ
глубокаго впечатлѣнія, которое дѣлаетъ въ
душѣ оратора матерія, имъ разсуждаемая.
Тогда онъ болѣе занятъ своимъ предметомъ,
нежели тѣмъ, какъ бы изобразить оной. Онъ
уважая мысль, пренебрегаетъ выраженіе, то
есть, если она вѣрна, то мало онъ пщится

о томъ, чѣмъ она поражала слухъ пріятнымъ звукомъ. Сей спилъ, являющій среди своихъ неисправностей другія поразительныя, изумляющія красоты, совершенно противоположенъ спилу цвѣтному. Таковъ его характеръ.

Въ важномъ и угрюмомъ спилѣ всѣ слова какъ бы утверждены на пространномъ и твердомъ основаніи, на мысли, и какъ бы опредѣлены одно отъ другаго для того, чѣмъ были виднѣе, подобно скаламъ, копорыхъ вершины въ дали примѣчаются. Гласныя и согласныя часто спираются другъ съ другомъ и другъ друга отражаютъ. Онъ идетъ большими стопами, употребляетъ реченія длинныя, и ничего столько не боится, какъ легкихъ слоговъ, кои употребляетъ только при недоспажкѣ другихъ. Такой же системѣ слѣдуетъ онъ и въ разсужденіи фразовъ, принимаетъ только сильныя и полныя мѣры, никогда не заботясь о томъ, чѣмъ онъ были равны или одинаковы, либо поспешенны, если только онъ натуральны и свободны, и способнѣе сильно поражать, нежели нравиться. Мало заботясь о размѣрномъ шествіи періодовъ, употребляетъ оныя только случайно, и потому что они сами собою представляются; не прибавляетъ онъ словъ для круглости выраженія и для полного числа, нѣтъ въ немъ блестящихъ паденій, привлекающихъ похвалы, нѣтъ выдержанныхъ фигуръ, нѣтъ обдуманыхъ переходовъ, мало связей, нѣтъ цвѣтовъ.

Легкость спила, о которой сказать намъ остается, есть простое качество, не занимающееся никакою выправкою, и приличное

наипаче въ пѣхъ мѣстахъ слова, гдѣ орапоръ долженъ думать только о наученіи слушагелей. Спиль легкій, свободный, плавный долженъ быть главнымъ свойствомъ дружескихъ наспавленій, крапкихъ поученій и кашихизисовъ. Хопя онъ подходитъ къ спилу обыкновенному въ обращеніи, однако долженъ имѣть большее достоинство, и употреблять въ немъ весьма небрежныя выраженія, еспъ не знашь его свойства.

Какихъ погрѣшностей должно избѣгать въ стилѣ?

Когда въ стилѣ еспъ погрѣшности прошивныя вкусу и нѣкопорымъ образомъ ослабляющія важность разсуждаемыхъ матерій, то онъ не дѣйствуетъ такъ на слушагеля, какъ спиль чистый, правильный, красивый, гармоническій. Изъ всѣхъ погрѣшностей, могущихъ имѣть сіе худое слѣдствие, орапоръ съ наибольшимъ пищаніемъ долженъ избѣгать слѣдующихъ: надупости, холодноспи, принужденности и многословія.

Надупость, сей порокъ прошивный вѣрности, происходитъ отъ того, что хопя предспавивъ великими мысли, не имѣющія сами по себѣ ничего возвышеннаго. Нѣтъ ничего смѣшнѣе того орапора, который пишеть съ надупою важностию, показываеть холодную спрасъ, который одушевляетъ и разгорячаетъ себя помощью одѣхъ метафоръ, апоспрофовъ, восклицаній, коихъ вся сила состоитъ въ томъ, что они слишкомъ увеличивають самыя малыя мысли, самымъ простымъ идеямъ придають ложный видъ высокости,

весьма посредственные предметы чрезмерно осыпая их украшениями. Нѣтъ ничего изящнѣе истины. Каждую вещь должно убирать цвѣтами, ей свойственными, и излишняя пышность въ стилѣ есть почти вѣрное доказательство скудости.

Стиль холодный, гдѣ все въ движеніи, столь же непріятенъ, какъ и надутый. Различныя причины производятъ сію холодность: 1. Когда выраженія не одушевлены тѣмъ, гдѣ потребенъ жаръ; 2. Когда быстрыя движенія спрасей одерживаются мѣлочными подробностями, или смѣшнымъ хвастовствомъ знанія; 3. Во всякое время, когда говорящій несоотвѣтственно обеспокоиваетъ времени. Однимъ словомъ, холодный стиль происходитъ по отъ недосытка, по отъ излишества идей; часто отъ выраженій, весьма обыкновенныхъ; иногда отъ выраженій, слишкомъ оппорныхъ, всегда же отъ того, что ораторъ сочиняетъ безъ метода, безъ вкуса, безъ восхищенія.

Принужденность (*assectatio*) ничто иное есть, какъ желаніе блистать избранными мыслями, острыми словами и фигурами, разсыпанными безъ разбора. Весьма ощутительно, сколь сіи слабыя средства нравятся, сіи способы присваивать себѣ остроуміе, удалены отъ здраваго краснорѣчія, и смѣшны наипаче въ Хрістіанскомъ ораторѣ, который долженъ открывать вѣрующимъ высокія истины Религіи съ благороднѣйшею простотою.

Многословіе (*diffusio*) есть повтореніе одной идеи разными перминами, или скопленіе идей безполезныхъ для ясности той,

которую хопяпъ представипъ. Это погрѣшность воображенія плодовишаго, не умѣющаго оспанавливаться. Все, что не можетъ придавать слову ни большей пріятности, ни большей чистоты, ни силы, все то должно выбрасывать изъ онаго.

О разнообразіи и пристойности стила.

Стиль слишкомъ ровный и все одинаковый напрасно блещетъ предъ глазами нашими, онъ усыпипъ насъ. (Стихотвор. наук.)

Въ самой вещи, ничто не дѣлаетъ слова такъ скучнымъ, какъ, естли одни и тѣ же выраженія, тѣ же фигуры и тѣ же переходы часно встрѣчающся въ ономъ. Посему ораторъ, желающій нравипся, долженъ щцательно избѣгать сего скучнаго единообразія; но великое есть знаніе—умѣть дѣлать искусное смѣшеніе разныхъ стилей. Надобно умѣть перемѣнять оныя кшапи, различать пристойное каждой вещи, употреблять мысли, выраженія и обороты приличные матеріямъ, мѣстамъ, обстоятельствомъ, лицамъ (*).

Великій ораторъ, по мнѣнію Цицерона, есть тотъ, котораго слова суть вѣрное и натуральное изображеніе матеріи, разсуждаемой имъ, который малыя вещи представляетъ стилемъ простымъ, посредственнымъ цвѣтнымъ, великія высокимъ и сильнымъ. Нравипся ли онъ хочетъ? Онъ говоритъ пріятно, сладко, плѣнительно. Изумипъ ли онъ хочетъ слушаателей и изторгнувъ ихъ изъ рукъ спраспей?

(*) Variare orationem magnopere oportebit, nam omnibus in rebus similitudo satietatis est mater. (Cicer. de inv. libr. 1.)

Онъ употребляетъ все, что краснорѣчіе имѣетъ сильнаго, пвердаго, убѣдительнаго. Слово его украшено одними ясными испинами, одни живыми карпинами и выраженіями, приспойными его маперіи; крашко сказать, онъ никогда ни выше, ни ниже своего предмета, и въ семь-то соспойтъ совершенное искусство; напрошивъ того декламаторъ, выдающій себя за оспраго, никогда не доспигаетъ цѣли. Пусть онъ употребляетъ слова модныя, фразы блиспапельные, обороты замысловатыя, рѣчь его не имѣетъ ни силы, ни пріятности; ибо все въ оной не у мѣста, все прошивъ правиль благоприспойности.

Вотъ общія, полезнѣйшія знаменитыхъ орапоровъ примѣчанія на спилъ! Присовокупимъ къ онымъ, для окончанія сего члена, важное мѣсто изъ Г. *Бюффона*, копорый о помъ же пракшуеетъ сколь основательно, споль и краснорѣчиво въ своей превосходной рѣчи при принятіи его во Французскую Академію.

„Хорошо писать, говоришь онъ, есть вмѣ-
„спѣ хорошо мыслишь, хорошо чувспивовашъ
„и хорошо выражаешь. Есть имѣетъ въ поже
„время умъ, сердце и вкусъ; спилъ предпола-
„гаеетъ соединеніе и упражненіе всѣхъ душев-
„ныхъ способностей; однѣ идеи составляютъ
„сущность спила, гармонія есть полько слу-
„чайность онаго, и зависить онъ понокоспи
„слуха... Тонъ есть приличность спила свой-
„спиву маперіи, онъ никогда не долженъ быть
„принужденнымъ, онъ обыкновенно раждаеися
„изъ самой маперіи, и много зависить онъ
„пой обширности, какую мы даемъ своимъ

„мыслямъ. Ежели ты возвысился къ идеямъ, „весьма обширнымъ, и еспли предметъ самъ „въ себѣ великъ, и понъ будетъ также великъ, „и ежели держа оной на семъ возвышеніи, умъ „пвой сообщаетъ каждому предмету довольно „сильный свѣтъ; еспли ты можешь къ силѣ „чертежа присоединяя красочу цвѣтовъ ; „еспили, однимъ словомъ, можешь представ- „ляя каждую идею изображеніемъ живымъ и „хорошо обработаннымъ, и соспавляя изъ „каждаго собранія идей гармоническую и про- „гашельную каршину, понъ не только будетъ „возвышеннымъ, но и *высокимъ*.“

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О

ФИГУРАХЪ ВООБЩЕ. (*)

Подъ именемъ *фигуръ* разумѣются извѣ-
стные обороты краснорѣчія, кои, удаляясь
нѣкопорымъ образомъ отъ простѣйшаго сло-
га, выражаютъ чувствованія, мысли и движе-
нія души съ большею пріятностію, силою, бла-
городствомъ и живостію.

Фигуры раздѣляются на фигуры *мнѣній* и
фигуры *речей*. Различіе между ими еспь слѣ-
дующее: какъ мысли зависятъ единствен-
но отъ оборота воображенія, то фигуры мнѣній
состоятъ только въ особливомъ образѣ мыслей,

(*) Мы представимъ здѣсь только самые главные
тропы и фигуры блистательнѣйшія.

или чувствованій, такъ что, хотя пере-
мѣнялся слова, но фигура все будетъ таже.
Напрошивъ того фигуры реченій таковы, что
естьли перемѣнишь выраженіе, то фигура из-
чезнетъ.

Есть много фигуръ реченій; но мы будемъ
говорить только о нѣхъ, которыя назы-
ваются *тролами*; ибо мы считаемъ ихъ
важнѣйшими.

ЧЛЕНЪ I. О ТРОПАХЪ.

О ихъ употребленіи и дѣйстви въ рѣчи.

Тропы суть фигуры, коими даютъ како-
му нибудь слову такое значеніе, которое пря-
мо не есть собственное значеніе сего слова.
Посему—то они называются *тролами* отъ
греческаго глагола *τρέπω*, значущаго *превращаю*;
въ самой вещи слово, такъ сказать, превра-
щаютъ, дабы оно означало то, чего не озна-
чаетъ въ собственномъ смыслѣ. Такимъ обра-
зомъ *сто головъ*, означаютъ *сто теловѣкъ*, и *сто*
парусовъ, *сто кораблей*: одну часть полагаютъ
вмѣсто цѣлаго.

1. Самое обыкновенное употребленіе про-
повъ состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать
главную идею посредствомъ какой нибудь спо-
ронней идеи, какъ видно въ двухъ вышеполо-
женныхъ примѣрахъ.

2. Тропы придаютъ большую силу выра-
женіямъ. Когда мы живо поражены какою ни-
будь мыслию, то рѣдко изъясняемъ просто;
отсюда происходятъ оныя роды выраженія,
быть *воспламенену мѣломъ*, *пожрагитъ славу*,
и проч.

3. Они украшаютъ рѣчь. Вотъ какъ *флешерь* изъясняется, намѣреваясь сказать, что служители Христовы научили Г. Монтозера догматамъ религіи, и открыли ему заблужденія ереси.

„Падите, падите злосчастныя завѣсы, скрывающія отъ него истину нашихъ таинствъ. И вы, Священники Иисуса Христа, возьмите мечъ слова, и мудро постѣките, даже до корня, заблужденіе, которое отъ рожденія, и воспитанія возросло въ душѣ его; но какими узами удерживаемъ онъ былъ?“

Кромѣ апострофа, фигуры мнѣнія, замѣтимъ сіи слова, *падите завѣсы скрывающія, возьмите мечъ, постѣките до корня, возросло, узами удерживаемъ былъ*. Все это тропы, составляющіе тѣ карпины, какими воображеніе съ удовольствіемъ занимается.

4. Тропы дѣлаютъ рѣчь благороднѣйшею. Общія идеи, къ которымъ мы привыкли, не производятъ въ насъ удивленія и изумленія, сего чувствованія, возвышающаго душу, и для того ораторы прибѣгаютъ къ идеямъ спороннымъ. *Всѣ люди равно умираютъ*; вотъ общая мысль! *Малербъ*, подражая *Горацию*, парадоксически объясняетъ оную и дѣлаетъ важнѣйшею.

„Никакая злость не можетъ сравниться съ лютою смертію, какъ ни умоляй ее, она жестокая зажимаетъ свои уши, и презираетъ вопль нашъ. Нищій въ своей хижинѣ, покрытой соломой, подчиненъ ея законамъ, и спржа, стоящая у Дворца, не защищаетъ отъ нея нашихъ Королей.“

5. Наконецъ пропы въ великомъ употребленіи для преобразованія идей грубыхъ, непріятныхъ, скучныхъ и прошивныхъ скромности. Они должны бытъ ясны, легки, входивъ въ сочиненіе натурально, въ свое время, и спановивъ на своемъ мѣстѣ; ибо во всемъ нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ погрѣшавъ прошивъ пристойности.

Главные пропы суть: *Метафора*, *Аллегорія*, *Илербола* и *Перифразъ*.

1. О *Метафорѣ*.

Метафора изъ всѣхъ проповъ есть такій, который заслуживаетъ подробнѣйшее изслѣдованіе. Она состоитъ въ томъ, что слово отъ естественнаго значенія переносится къ другому значенію, которое пристойно ему только по воображаемому подобію. Такимъ образомъ говоря о младенцѣ, *это младое растѣніе*, относително къ легкости, съ какою преклоняющъ его ко всему, къ чему хопятъ, такъ какъ растѣніе.

Метафора, неоспоримо, изъ всѣхъ фигуръ есть прекраснѣйшая. Она болѣе всякой другой помогаетъ придавать силу слову; но для сего дѣйствія попребно, чтобы изображенія, служащія къ составленію ея, были избираемы съ раченіемъ, чтобы они были оцущипельны, и натурально относились къ тѣмъ вещамъ, которыхъ мѣсто закупающъ.

Сія споль выразипельная фигура часто вспрѣчается въ Священномъ Писаніи. Самыя духовныя и умспвенныя вещи предспавлены

памъ живыми и оцупипельными изображеніями, какъ видно въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Разслабленія наполниши; гаша же потребленія и погубленія, гаша сестры твоя Самаріи. И испіеши ю, и истощиши, и трель ея ядущи потребиши, и сосца твоя отторгнеши. (Іезек. гл. 23. сп. 33-34... Вопь, безъ сомнѣнія, ужаснѣйшее изображеніе опчаянія беззаконныхъ, представленное сею метафорою!

Въ слѣдующей, щедрость Божія къ избраннымъ Его представляеть утѣшительнѣйшую каршину. *Уліются отъ тука дому твоего, и потокомъ сладости твоя наполниши я.*

Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте, говоритъ Святыи Павелъ Коринѣянамъ, (1. гл. 3, сп. 9.)

Священное краснорѣчіе своими блистательнѣйшими черпами обязано бываеть метафорѣ. Великіе орапоры обогатили оными большую часпъ своихъ проповѣдей.

Босюеть, говоря о Герцогинѣ Орлеанской, сказалъ: „Она желала пысящекрашно погрузишься въ кровь агнчу.“

„Душа наша, говоритъ Террассонъ, послѣ грѣха клонится къ смерти; огонь похотѣнія повреждаеть ее, спраши ее изнурають, „раны, получаемыя ею, обезсильвають, разслабляютъ ее; часпо, послѣ ужасныхъ пресупленій, оспаются съ нею пакія „немощи, отъ копорыхъ она не излѣчивається; она имѣеть только легкое дыханіе жизни, которое малѣйшій вѣпръ искушенія можеть попребити; и однако, не взирая на всѣ „сіи слабости, надобно ей шеспвовать по „скорбному пуну заповѣдей Божіихъ, надобно

„ей пропивуспояпъ попоку, увлекающему ее, „упомляпъ себя рапованіемъ со врагами, на- „падающими на ее со всѣхъ споронъ, испо- „щапъ себя опраженіемъ ударовъ, наносимыхъ „ей, и проч.“

„Руки его яко желѣзны, мышцы мѣдяны, „грудь адамантова, а душа геройская.“

(Платонъ М. Московскій.)

Всѣ сіи мѣтафоры прекрасны, и не имѣ- ютъ ничего неправильнаго и непристойнаго. Онѣ придають мысли, которую орапоръ хо- тѣлъ выразитъ, большій блескъ и возвышеніе, и особливо достойны замѣчанія по нѣкоторой смѣлости, которая не обезобразила бы и спи- ля спихопворческаго.

Пріяпность мѣтафоры всегда почпи со- держится въ эпитетѣ, которой даетъ мыс- лямъ пѣло, и являетъ черпу Творческаго ума или воображенія. *Океанъ изумленный*, говоритъ Боссюэпъ, *гордая петаль*, *возмутительное сновидѣ- ніе*, *злощастная ногъ*, и проч.

Когда мѣтафора, которую хочешь упо- пребитъ, кажется слишкомъ смѣлою, то мо- жно умягчитъ ее сею реторическою пре- доспорожностію, *нѣкоторыи образомъ*, такъ сказать, и проч.

Мѣтафора имѣетъ большую пріяпность и блескъ тогда, когда она вѣрна и удачно упо- преблена; но пропивна и недоспапчна бы- ваетъ, когда 1. взяпа опъ низкихъ предме- товъ; 2. когда принужденна, взяпа издалека, и когда ни опношеніе довольно напурально, ни сравненіе довольно ощушительнo; 3. когда

приложенъ эпитетъ къ изображенію, поставленному на мѣсто натуральнаго слова, и естъ ли сей эпитетъ возбуждаетъ такія идеи, которыя не могутъ быть соединены вмѣстѣ, на примѣръ: дымящаяся буря, горящая волна, загарающійся попокъ, и проч.

Замѣтимъ наконецъ, что въ употребленіи метафоры, которое должно быть управляемо вкусомъ; и слѣдовательно должно быть не частымъ, надлежитъ смотрѣть на приспособленность спила. Естъ метафоры, приличныя спилу стихотворческому, но несовмѣстныя спилу ораторскому.

II. О Аллегоріи.

Аллегорія естъ рѣчь, представляющая смыслъ буквальный, различествующій отъ того, какой мы намѣреваемся дать уразумѣть, но содержаніе сего смысла удобно открываемъ помощію спороннихъ идей и обстоятельствъ; сіе опредѣленіе, согласное съ истиною, довольно утверждается самымъ именемъ. Аллегорія происходитъ отъ *αλλος* (другій, иной, различный) и отъ *αἰνῶς* (рѣчь, сказаніе;) изъ самаго слова явствуетъ, что она естъ рѣчь, дающая разумѣть другое.

Сія фигура состоитъ въ томъ, что ораторъ вмѣсто подлиннаго предмета, о которомъ хочетъ говорить, полагаетъ предметъ иной, но подобный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и потомъ распоряжаетъ всѣ выраженія приспособительно къ вымышленному предмету, какъ будто бы онъ не говорилъ о главномъ

предметъ, который представляеть доразумѣваемымъ подобіемъ.

Аллегорія есть средство, давно уже изобрѣшенное, и часто употребляемое съ успѣхомъ для наставленія, которое бы могли опровергнуть или слушать безъ пользы, если бы оно предлагаемо было безъ закрѣпѣнія и предосторожности. Поучительное изъясненіе правилъ нравственности бываетъ холодно; убѣжденія часто вмѣсто исправленія раздражаютъ; аллегорія же есть способъ представлять истину съ бережностію, есть совѣтъ, подаваемый опосредованно, и котораго примѣненія шлохъ, кого онъ касается, не можетъ не чувствоваться при каждой чертѣ.

Мы видимъ въ Священномъ Писаніи, что нисхождение Святаго Духа къ человѣческой слабости не пренебрегло сего способа представлять строгую истину великимъ земли. Пророкъ *Наванъ* не изобличаетъ съ горячностью *Давида* въ прелюбодѣіаніи съ *Вирсавіею* и въ несправедливой смерти *Урїи*, мужа ея; онъ обманываетъ нѣкоторымъ образомъ щекотливое самолюбіе Царя, извлекая изъ него негодованіе на вымышленнаго человѣка, котораго мнимое преслупленіе ничто иное было, какъ аллегорія. Но лишь только Пророкъ довелъ *Давида* до той точки, гдѣ онъ ожидалъ его, то раздирая завѣсу аллегоріи, рекъ ему: Ты еси мужъ сотворившій сіе; сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ; Азъ есмь помазавшій тя въ царя надъ Израилемъ, и Азъ есмь избавившій тя отъ руки Сауловы; и дахъ ти домъ господина твоего, и жены господина твоего на лоно твое, и дахъ ти домъ Израилевъ

и Иудинъ: и аще мало ти есть, приложу тебѣ къ симъ. И то яко презрѣлъ еси слово Господне, еже сотворити лукавое предъ очима Его? (2 Цар. гл. 12. сп. 7. 9. и проч.)

Пророкъ Исаія влагааетъ во уста Господа слѣдующую папешическую аллегорію: Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тугнѣ, и огражденіемъ оградихъ, и околахъ, и насадихъ лозу избранну, и создахъ столъ посреда его, и предточили искочахъ въ немъ, и ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе. И нынѣ живущіи во Іерусалимѣ, и теловѣте Иудинъ, судите между мною и виноградомъ моимъ. Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему? занеже ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе. Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что азъ сотворю винограду моему: отъиму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе, и разорю стѣну его, и будетъ въ полраніе; и оставлю виноградъ мой, и ктому не обрежется, ниже поколается, и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе: и облакомъ заловѣмъ, еже не одождити на него дождя. (Исаіи гл. 5. сп. 1.)

Примѣненіе церковію сея аллегоріи къ нынѣшнему сословію Іудеевъ, не соопвѣпствовавшихъ благодати своего званія, не взирая на всѣ милости, какія сей неблагодарный народъ съ изобиліемъ получалъ отъ Бога опцевъ своихъ, не естъ толкованіе произвольное или принужденное. Виноградъ бо, глаголетъ пошже Пророкъ, Господа Саваога, домъ Израилевъ есть, и теловѣкъ Иудинъ, новый садъ возлюбленный: ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но волю. (сп. 7.)

Въ слѣдующихъ снѣхахъ искупленіе чело-

вѣковъ изображено аллегорією славной побѣды. Иисусъ Хрісѡсъ представляется обагреннымъ кровію враговъ рода человѣческаго, кои суть діаволь, смерть и грѣхъ, прообразованные Идумеянами, вѣчными врагами народа Божія.

Кто сей, пришедшій отъ Едома, терлены ризы его отъ Восора, сей красенъ во утвари, зѣло съ крѣпостію? азъ глаголю правду, и судъ спасенія. Потто терлены ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истолтанія тогилъ? Исполненъ истолтанія, и отъ языкъ нѣсть мужа со мною: и попрахъ я яростію моею, и сотрохъ я яко персть, и сведохъ кровь ихъ въ землю, и вся ризы моя омотихъ. День бо воздаянія пріиде на нихъ, и лѣто избавленія пріислѣ. (Гл. 63. сп. 1.) и проч.

Въ словахъ новѣйшихъ проповѣдниковъ естъ нѣсколько аллегорій, хорошо выдержанныхъ и красивыхъ.

„Тогда-то, сказалъ Маскаронъ, нечеспивые „Салмоней дерзають подражать грому Божію, „и земною молнією опѣвчатъ молніи небесной.“

„Вспомните начало и послѣдствія сей вой- „ны, копорая, бывъ сперва шокмо искра, ны- „нѣ всю Европу объемлетъ своимъ пламенемъ.“

„Добродѣтели сдѣлали его извѣстнымъ об- „ществу, и произраспили первый цвѣтъ сла- „вы, копорый разлилъ свое благовоніе, пріят- „нѣйшее ѡиміама, на всѣ дни житія его.“

„На свѣтлое чело его не восходила никогда „и никакая изъ пѣхъ пучь, копорыхъ при- „чиною бываетъ досадованіе или недовѣр- „чивость.“ (Флешьеръ)

Употребляя аллегорію, надобно держатъ- ся все одного подобія, и не перебѣгаютъ съ борзостью опъ одного изображенія къ дру-

тому, ни начавши, на примѣръ, съ бури оканчивають пожаромъ. *Id in primis est custodiendum, ut quo ex genere coeperis translationis, hoc desinas. Multi enim cum initium a tempestate sumserunt, incendio aut ruina finiunt: quae est inconseguentia rerum faedissima.* (*Qvintil. Lib. VIII. Cap. 6.*)

III. О Иперболѣ.

Ипербола есть фигура, въ которой ораторъ употребляетъ такіа слова, кои взяты будучи лингвально, гораздо выше истины, но слушатели удобно приводятъ оныя въ точной ихъ смыслъ.

Ипербола есть одна изъ главныхъ пружинокъ краснорѣчія; она производитъ по высокое волшебство, которое невольно влечетъ слушателя, обладаетъ его разсудкомъ, упоенъ его тѣми же справами, какими упоенъ ораторъ. Но не есть ли это обманывать? Нѣтъ, отвѣтствуютъ Цицеронъ и Квинтиліанъ; ораторы принуждены дѣлать увеличиванія, и сіе не есть предательствовать истину. Такова природа чловѣка, воображеніе любитъ выходить изъ своихъ границъ, и попадаетъ въ каждомъ изъ насъ ту мечту, какую производитъ ораторъ. Философъ попадаетъ въ сіи невинныя сны, такъ какъ и самый непросвѣщенный слушатель; ибо минута удивленія не позволяетъ разбирать идей. Практическія истины должно разсматривать не по метафизической точности, но въ нравственномъ порядкѣ, котораго предѣлы не столь тѣсны. Истины Евангельскія должны проникать въ сокровенность совѣсти, и сколь бы глубокую бездну въ оной краснорѣчіе ни

представляло, спрашпи, еще болѣе углубившіяся въ ней, оправдывающъ увеличиваніе. Сія фигура очень приличеспвуеиъ Священному краснорѣчію; догматы другой жизни имѣюиъ такую обширность, коиорая дѣлаеиъ увеличеніе самою испиною. И какая нужда слушашелю въ томъ, какъ сія испина показываеиъся въ устахъ проповѣдника, еспли она, доспигши его сердца, представляеиъся только тѣмъ, чѣмъ она быиъ должна?

Мы за долгъ почли написати здѣсь сіи благоразумныя размышленія, дабы вывеспи изъ заблужденія тѣхъ, кои думающъ, что важность Апоспольскаго званія не позволяеиъ употребляиъ иперболы.

Вопиъ два примѣра оной! *Молнизеръ* съ пользою употребляеиъ ее въ чемъ мѣспиъ своея бесѣды о немилосердомъ богачѣ.

„И такъ пренещи ты, о коиоромъ говориашъ: эио богачъ; спреси самага себя, спреси старшихъ изъ народа, послушай гласа его, поройся въ своихъ грамопахъ, покопайся въ основаніяхъ своего дома, подави свое злато и сребро, свои драгоцѣнныя одежды, подави свои великолѣпныя снаряды, подави свои пышные уборы, чшобы тебѣ увидѣиъ, не пощепъ ли изъ нихъ кровь народа, кровь нещаспныхъ и сирыхъ, и не выдеиъ ли изъ оныхъ— только попъ тввой и предковъ твоихъ.“

Впорый примѣръ.

„Прячься, сколько хочешь, запирайся, удаляйся, безмолвспвуй въ жилищѣ своемъ, убѣгай и въ пустыню на уединеніе; доспанишь тебя и шамъ глаза зависпливаго, и

„увидяишь, что ты дѣлаешь. Имѣешь у себя „зависпливый нѣкопорыя зрипельныя пруб- „ки, въ кои онъ глядя, видишь очень далеко.“
(Изъ Собранія поученій на всѣ воскресные и праз-
дничные дни.)

Есть много ипербола въ Священномъ Пи-
саніи. На примѣръ: *Изведу васъ въ землю кипящую*
млекою и медомъ; то есть, въ землю плодоно-
сную; Исх. гл. 3.

И въ книгѣ Бытія сказано: *Сотворю сѣмя*
твое, яко песокъ земный. Гл. 13.

Святой Іоаннъ на концѣ своего Евангелія
говоритъ: *Суть же и ина многа, яже сотвори Иисусъ,*
яже аще бы по единому писана быша, ни самому мно
всему міру вмѣстити лишемыхъ книгъ. (Гл. 21.)

Естьли ипербола слишкомъ сильна, то
надобно приготоуишь къ ней слушаателя, или
умагчишь ее, безъ чего онъ будетъ смѣяться,
или досадовать. Ежели какое нибудь ипербо-
лическое выраженіе не упогребипельно, то
никогда не должно опваживаться на оное
безъ предосторожности: сія предосторож-
ность служишь ему какъ бы паспортъ, онъ
выправляетъ мысль, и даетъ понимаешь оную
въ надлежащемъ смыслѣ.

Таинства споль велики, вѣра споль свя-
щенна, Богъ спoliko вознесенъ превыше насъ,
что никогда не опасно дѣлать увеличиванія,
говоря о сихъ великихъ предметахъ. Здѣсь
великолѣпнѣйшія фигуры не доспигають
существенности.

IV. О Перифразѣ.

Перифразъ или Околичнословіе есть
фигура, изъясняющая многими словами то,

что можно сказать немногими, а иногда однимъ словомъ.

Упопребляють оную, 1. Для возвышенія обыкновенныхъ вещей.

„Уже оный орель, котораго дерзкое пареніе сперва успрашало наши обласпи, направляль свой полеть, чпобъ улеть въ горы, и сокрышь себя.“ (То есть нѣмецкая армія.)

„Мѣдяные громы оные, опъ ада на испребленіе чловѣковъ озобрѣпенные, со всѣхъ, грѣмли споронъ.“ (то есть пушки.)

(Флешъеръ.)

2. Для украшенія.

„Король, дабы оказаль безсмерпный знакъ, своего почпенія и любви къ сему великому, полководцу, (*Тюренну*) даль славному праху, его знаменипое мѣсто между сими земными, владыками, которые въ великолѣпіи своихъ, гробовъ сохраняють еще образъ великолѣпія, своихъ проновъ.“ (*Мискаронд.*)

3. Для умягченія предложеній грубыхъ и непріятныхъ. (Смотри разные примѣры, приведенные въ главѣ о благоприспоспности орапорской.)

4. Наконецъ, чпобы съ большею приспоспностію выражать нѣкоторыя маперіи, о коихъ орапоръ не можетъ говорить съ крайнею оспорожностію, и которыя впрочемъ ошкрывать онъ обязанъ.

Должно избѣгать перифразовъ, не представляющихъ ничего новаго, и не придающихъ никакой споронней идеи; они только слабымъ дѣлають слово. Должно также избѣгать перифразовъ шемныхъ и весьма надупыхъ,

наконецъ, нѣтъ пользы и пріятности въ перифразѣ, положенномъ послѣ мысли живой, ясной, основательной и благородной. Умъ, пораженный мыслию, хорошо выраженною, не любитъ опять находить оную подъ другими не столь пріятными видами, ничего не представляющими ему новаго или занимательнаго.

ЧЛЕНЪ II. О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ.

Ораторъ, предполагающій то, чѣмъ поучать, нравиться и прогать, долженъ употреблять обороты, присвойные каждой изъ сихъ должностей. И такъ есть фигуры, служащія къ доказательству, другія служащія къ украшенію, а иныя къ возбужденію спраспей. Разсмотримъ оныя подъ сими разными отношеніями.

О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ.

I. О Сообщеніи.

Сообщеніе (Communicatio) есть такая фигура, чрезъ которую ораторъ, увѣренный въ своей справедливости, обращаетъ слово къ своимъ слушателямъ, и какъ бы перебуетъ у нихъ мнѣнія, и дѣлаетъ ихъ судіями самихъ себя.

Такъ Господь вѣщаетъ Своему народу устами Пророка.

Людіе Мои, что сотворихъ вамъ? или тѣмъ оскорбихъ васъ? или тѣмъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми. Зане изведохъ васъ отъ земли Египетскія, и изъ дому работы избавихъ васъ, и послахъ предъ вами Моисея, и Аарона, и Маріамъ? (Мих. гл. 6.)

Святый Павелъ употребляетъ сообщеніе въ шестой главѣ своего посланія къ Римлянамъ, гдѣ возвѣспивши имъ пользы благодати, и бѣдствія слѣдующія за грѣхомъ, убѣждаетъ ихъ сдѣлать сравненіе соспоянія, въ какомъ они находились, живши во тьмѣ идолопоклонства, съ соспояніемъ, въ которомъ поставило ихъ званіе къ вѣрѣ во Іисуса Христа.

Кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитесь? контина бо онѣхъ, смерть. Нынѣ же свободшеся отъ грѣха, порабоцшеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню: контину же, жизнь вѣчную. (Рим. гл. 6.)

Святый Іоаннъ Златоустъ въ одной своей бесѣдѣ употребляетъ сію фигуру для показанія, что чудесное утвержденіе Христіанской Религіи доказываетъ истинность оныя.

„Естьли бы двѣнадцать человекъ, ни мало, „не знающихъ искусства сражаться, и не „только безоружныхъ, но и слабыхъ и немощныхъ „напало на великую армію воиновъ, хорошо „наученныхъ брани, и естьли бы они не „только не погибли, но и побѣдили бы сіе „множество одними голыми руками; сказали „ли бы вы, что сіе дѣйствіе, и сія побѣда „есть только человѣческое дѣло? и однакожъ „то, что сдѣлали Апостолы, несравненно „удивительнѣе и славнѣе. Скажите, не чудо „ли то, что невѣжда и рыбарь побѣдилъ „краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ и знаменитѣйшихъ „философовъ, не бывши возпрепятствованъ „ни своею нищетою, ни малымъ числомъ „сопослужителей, ни страхомъ опасностей, ни „обыкновеніями, дополь господствовавшими,

„ни трудностію правилъ своего ученія, ни
„умерщвленіемъ многихъ вѣрныхъ, ни множе-
„ствомъ и важностію ложныхъ учителей,
„обманывавшихъ народъ; скажите: не есть ли
„это чудо паче непонятное, нежели когдабъ
„одинъ человекъ безоружный не могъ быть
„уязвленъ среди великаго числа вооружен-
„ныхъ?“

Удивительное дѣйствіе, какое можетъ
производить сія фигура, еще ощущительнѣе
въ слѣдующемъ примѣрѣ. Все здѣсь поражаетъ,
необходимо возбуждаетъ и влечетъ вниманіе
тѣхъ, къ которымъ Орапоръ обращается.

„Что бы вы сказали, если бы здѣсь си-
„лою слова, мною проповѣдуемаго, одинъ изъ
„нечестивыхъ, котораго вы не надѣялись у-
„видѣть когда нибудь обратившимся, обра-
„тился въ присутствіи вашемъ, такъ что,
„вдругъ опречисъ своего вольнодумства, гро-
„могласно объявилъ бы себя хрістіаниномъ, и
„дѣйствительно началъ бы жить по хрісті-
„ански? что бы вы сказали, если бы онъ,
„бывши долгое время непреклоннымъ, вышелъ
„теперь изъ сего храма съ сокрушеннымъ
„сердцемъ, рѣшившись загладить свое нече-
„стіе Святымъ покаяніемъ? какое бы другое
„чудо могло васъ болѣе пронуть? но я вамъ
„скажу: вопъ чудо, которое бы еще болѣе
„васъ изумило, нежели пронуло, чудо, безчи-
„сленными опытами въ хрістіанствѣ засвидѣ-
„тельствованное! Самое обыкновенное порже-
„ство нашей вѣры было побѣждать умы осп-
„рые, умы твердые и упорные, приводить ихъ
„къ пущи Божію, дѣлать ихъ покорными и

„послушными, какъ дѣтей; такъ она начала
„поржеспивовать, такъ и нынѣ, не взирая на
„всѣ усилія тѣмы, поржеспивуетъ, что мы
„всегда видимъ изъ ясныхъ примѣровъ.“

(Бурдалу.)

II. О Ответствованіи.

Отвѣспивованіе (Subjectio) есть фигура, копорю Орапоръ вопрошаетъ самого себя, или вопрошаетъ слушаателя, и беретъ на себя должность отвѣспивовать.

Нѣтъ ничего искуснѣ сего образа умспивованія. Орапоръ, упопребляющій оной, пѣспитъ противника, разрушаетъ его сомнѣнія, преслѣдуетъ его во всѣхъ околичностяхъ, и при-
нуждаетъ покориться; что можно видѣть въ слѣдующемъ примѣрѣ.

„Для чего нечестивый полагаетъ, что изъ
„сихъ двухъ склонностей та, копорая вле-
„четъ насъ къ чувствственности, сообразнѣ съ
„природою человѣка? потому ли, что она
„весьма насильственна? Но одно ея насиліе до-
„казываетъ ея превращеніе; что происхо-
„дитъ отъ природы, то должно быть умѣрен-
„нѣе. Потому ли, что она всегда весьма
„могущественна? Но есть такіа праведныя и
„вѣрныя души, въ копорыхъ она всегда поко-
„рена разуму. Потому ли, что она весьма
„пріятна? Но вопъ доказательство, что сіе
„удовольствіе не способствуетъ щаслію чело-
„вѣка!—за нимъ вдругъ послѣдуетъ омерзѣ-
„ніе, и сверхъ того для честнаго человѣка
„добродѣтель имѣетъ въ тысячу разъ боль-
„ше пріятностей, нежели порокъ. Потому ли

„наконецъ, чпо она достойнѣе челоѣка? Вы не „дерзните сказать сего; ибо симъ-по чело- „вѣкъ равняется со скопомъ.“

Кромѣ сей пользы, опѣѣспивованіе имѣетъ еще ту, чпо оно производитъ въ словѣ много жару и разнообразія. Родъ разговора, какой оно вводитъ, занимаетъ слушателя, и под- держиваетъ его вниманіе. *флешеръ* употреб- ляетъ оное въ разныхъ случаяхъ съ великимъ успѣхомъ. На примѣръ, въ надгробномъ словѣ первому президенту *Ламоаньону*, онъ такъ изъясняется:

„Какими, думаете вы, пупами сей зна- „менитый мужъ достигъ столь важной цѣли? „благосклонностію Двора? Онъ не имѣлъ оп- „ношенія къ нему, какъ только по своимъ дѣ- „ламъ или должностямъ. Случаемъ? Всѣ долгое „время разсуждали о семъ, и увѣрились, чпо „въ столь трудномъ дѣлѣ надлежитъ все при- „писывать благоразумію, и ничего фортунѣ. „Хипростію? Онъ былъ изъ числа людей, по- „ступающихъ соопѣѣспвенно своей обязан- „ности.“

Съ такимъ же успѣхомъ употреблено и слѣдующее опѣѣспивованіе въ одномъ право- учительномъ словѣ.

„Извѣстно, чпо челоѣкъ для благополучія „созданъ. Но чпожъ основаніемъ для хранины „благополучія сего положить можно? богат- „ство ли міра сего? Но оно само по себѣ прахъ „и пепель; и попому, или скоро исчезаетъ „или опъ одного переходитъ къ другому, или „дѣлаетъ иногда челоѣка невольникомъ. Весе- „лости ли и забавы? Но сіи часто раждаютъ

„скуку и досаду. Чины ли и достоинства?
„Но сихъ безъ особливаго предлога и нѣтъ.
„Чтожь? Единая добродѣтель есть осно-
„ващельница благополучія нашего.“

(*Амвросій* М. Новгородскій.)

Святые Отцы часто въ своихъ сочиненіяхъ полагали сію Фигуру, какъ наилучшее средство къ убѣжденію. Святый *Иеронимъ* употребилъ оную, чтобы вдохнулъ одной особѣ любовь къ уединенію, и побудилъ ее къ великодушному перенесенію всѣхъ недоспавковъ, соединенныхъ съ симъ родомъ жизни.

„Почто ты, друже, такъ размышляешь,
„ты, который въ мірѣ могущественнѣе? боишь-
„ся ты нищеты? Но Христосъ называетъ
„нищихъ блаженными; беспокоится спраша-
„юшь тебя? Но ни одинъ рабникъ не полу-
„чаетъ вѣнца безъ поща; заблудишься о пищѣ?
„Но вѣра не боится глада; спрашишься испе-
„реть на голой землѣ изнуренные постомъ
„члены? Но Господь съ побою опочиваетъ;
„ужасаетъ тебя нечистота грязной главы?
„Христосъ есть своя глава; спрашишь тебя
„чрезмѣрная обширность пустыни? Но ты
„мысленно обтекай райское жилище; неосно-
„ващеленъ ты, когда и съ міромъ хочешь ра-
„доваться, и со Христомъ царствовать.“

Святый *Килріанъ* объ оной же матеріи по-
чти также разсуждаетъ.

„Тѣлу нашему нѣжный покой не мягкіе
„пуховики, но холодъ и утѣшеніе Иисуса
„Христа. Изнеможенная трудами плоть ле-
„житъ на землѣ; но лежитъ со Христомъ не
„есть наказаніе. Грязными и безобразными

„кажущся члены безъ бани; но то внутри
„духовно омывается, что снаружи плоско
„обезображивается. Мало для нихъ хлѣба; но
„не о хлѣбѣ единомъ живетъ человекъ. Нѣтъ
„для нихъ хладѣющихъ одѣянія; но кто во
„Хріста облекся, тотъ и одѣяніемъ изоби-
„луется, и чистотою сіяетъ.“

III. О Уступленіи.

Уступленіе есть фигура, которою Ора-
поръ по видимому соглашается на что ни-
будь, дабы потомъ извлечь изъ того пользу.
Такъ Святой *Килріанъ* употребляетъ оную
относительно къ одной дѣвицѣ, надѣявшейся
на свое богатство.

„Ты называешь себя богатою, и думаешь,
„что ты должна пользоваться тѣмъ, чѣмъ
„тебѣ Богъ владѣть опредѣлилъ; пользуйся,
„употребляй, но на спасительное; употреб-
„ляй, но на изящныя науки; употребляй, но
„на то, что Богъ узаконилъ, что Господь
„предписалъ. Докажи нищимъ, что ты бога-
„та, дай почувствовать неимущимъ, что ты
„имѣешь многое. Спяжанія твои опдай въ
„лихву Богу, насыщай Хріста, умоляй Господа
„прошеніями многихъ, да возможешь соблюсти
„честъ дѣвства, да сподобишься мзды на
„небесѣхъ. Опдавай сокровища свои въ по-
„мѣсто, гдѣ никакой папѣ не копаешь, куда
„никакой коварный не вкрадывается. Собирай
„богатство, но болѣе небесное, вѣчное, къ ко-
„торому ни злоба мірская можетъ прико-
„снуться, котораго ни плѣ исплишь, ни

„градъ погребеть, ни солнце сожжеть, ни дождь повредитъ.“

На священной каедрѣ часто употребляютъ Уступленіе. Хрістіанскій Орапоръ вмѣсто того, чѣмъ занялся оспариваніемъ чего нибудь маловажнаго, допускаетъ оное, и выводитъ изъ того послѣдствіе, проотивное тому, какое слушатели хотѣли вывести противъ него.

„Я согласенъ на то, что прегрѣшенія твоего брата легки; чѣмъ они легче, тѣмъ ты несправедливѣе, что выставляешь оныя; чѣмъ большее онъ заслуживаетъ снисхожденіе, тѣмъ злобѣе ты примѣчаешь за нимъ, и опъ взора твоего ничто не скрывается, тѣмъ ты жесточе, и ничего извинить не хочешь. Если бы согрѣшенія твоего ближняго были важны, ты бы щадилъ его, ты бы почиталъ его достойнымъ твоего снисхожденія; благопристойность и Религія обязывали бы тебя молчать. Ахъ! поелику онъ имѣетъ только легкія слабости, для того ты почитаешь его недостойнымъ твоего уваженія; что должно вдохнуть въ тебя почитеніе къ нему, то ожесточаетъ тебя, и ты осуждаешь его. Не судія ли ты въ себѣ, глаголетъ Апостоль, помышленій злыхъ? и не лукаво ли око твое, яко братъ твой, благъ есть?“

„Положимъ, говоритъ тотъ же Орапоръ грѣшникамъ, опкладывающимъ покаяніе, положимъ, что вамъ дано будетъ время, и слушайте Хрістовъ успѣть придти къ вамъ, и сказать, какъ нѣкогда Пророкъ сказалъ

„Царю Іудейскому: устрой о дому твоємъ, уми-
раеши бо ты, и не будеши живъ; но помлєніе,
въ какомъ вы тогда будете, попустишь ли
вамъ искашь Іисуса Хріста?“

Одно должно наблюдать въ употребленіи
сея фигуры, то есть, ни на что не согла-
шались такое, изъ чего противникъ можетъ
извлечь пользу.

IV. О Предупрежденіи.

Сія фигура состоитъ въ томъ, что Ора-
пюръ предупреждаетъ какое нибудь возраже-
ніе, дѣлая оное самому себѣ, и отвѣтствуя.

„Вы мнѣ скажете, что независимо отъ
Религіи есть любовь къ добру, которую влі-
яла въ насъ природа, и которой довольно,
чтобы по крайней мѣрѣ имѣть характеръ
честнаго человѣка въ свѣтѣ. Я знаю, хрістіане,
что многіе такъ говорятъ, и что это благо-
видный предлогъ, который весьма употреблен-
ное вольнодумство употребляетъ, дабы не
совсѣмъ потерять уваженіе между людьми.
Но это такій предлогъ, которымъ обманы-
вались только простые, и котораго ложь
примѣнить легко. Ибо не изслѣдывая, какая
бы это была любовь къ добру, оставленная
на судъ доброй или худой совѣсти каждого,
я вопрошаю васъ, хрістіане, гдѣ бы въ мірѣ
нашлись такіе люди, которые бы пылали
горячею ревностію къ добру, если бы они
были увѣрены, что нѣтъ ни Бога, ни Рели-
гіи. Много ли бы ихъ было? Сіе понятіе о
добрѣ, отдѣленное отъ познанія Бога, могло
ли бы сильно прогнать гордаго, похотливого,

„сребролюбиваго? и сіи мнимые честные люди
„міра сего какъ бы упопреляли оное? Еспь-
„ли бы не было Религіи, и я не имѣлъ бы
„предъ очами моими сего верховнаго Суще-
„ства, надъ мною владычествующаго и мною
„управляющаго, то бы я почиалъ себя кон-
„цемъ своимъ, и по превращеніи ума, копо-
„рая впрочемъ была бы тогда для меня спра-
„ведливостию, я бы все относилъ къ себѣ; моя
„корысть, мое удовольствіе, моя слава были
„бы моими божествами, и я бы мнилъ имѣть
„право жертвовать имъ--всѣмъ. Почему же?
„Потому что я ничего превыше себя, ни виѣ
„себя не видѣлъ бы лучше себя. И не такъ
„ли живутъ безбожники, ни мало не вѣрящіе
„бытію Бога? они нѣкопорымъ образомъ по-
„спавляютъ себя на мѣстѣ Бога, и живутъ
„только себѣ; ибо не имѣютъ иного Бога,
„кромя самихъ себя. Скажишь мнѣ, можешь
„ли шунъ быть какая нибудь честность?
„что можешь побудить предубѣжденнаго симъ
„правиломъ любить ближняго? какъ можно
„ему почиать за добродѣтель послушаніе и
„покорность, и повиноваться власи не изъ
„принужденія, не по низости души?“

(*Бурдалу въ словѣ о Религіи и честности.*)

„Но мнѣ лучше, скажешь ты, быть оже-
„споченнымъ въ своемъ навикѣ, и никогда не
„дѣлать усилія оспавить оной; то есть,
„чтобы избѣгнувъ оскорбленія святыхъ, ты
„хочешь сдѣлаться нечестивымъ. Ахъ! безъ
„сомнѣнія лучше жить грѣшникомъ, нежели
„приспунать къ причащенію Крови Іисуса
„Хріста съ презрѣніемъ. Но не имѣешь ли

„ты другаго средства избѣгнушь оскорбленія
„святыни? не можешь ли ты, послѣ чисто-
„сердечнаго покаянія, приступить достойно
„къ олтарю?“ (*Массиліонъ въ словѣ о причащеніи.*)

„Но скажетъ кто, что склонности къ
„худому въ человѣкѣ еще сильнѣе, нежели къ
„доброму. Скажетъ кто сіе, да и сошлется на
„Павла, который тоже почти говоритъ: Хо-
„тѣти доброе прилѣжитъ ми, а еже содѣлати оное,
„не обрѣтаю. То есть: я чувствую въ себѣ же-
„ланіе къ добру, но чтобы исполнилъ оное,
„сколько силъ въ себѣ не ощущаю. На сіе я
„имѣю сказать первое: надобно изыскавъ, от-
„куда такая слаость происходитъ. Ибо
„никакъ не вѣроятно, чтобы Творецъ насъ
„такими слабыми создалъ, дабы мы не могли
„дѣлать добро, преодолевая зло. Сія слаость
„происходитъ отъ насъ... Внимай болѣе въ
„превосходнѣйшую духа твоего часть, раз-
„смапривай съ прилѣжаніемъ его преимуще-
„ство и удовольствія добродѣтели, тогда
„почувствуешь въ себѣ благодатную перемѣну,
„тогда склонности къ худому окажутся
„безсильными, и владычеству разума и совѣ-
„сти покорными.

„Но хотябы, второе, и подлинно склон-
„ности ко злу сколько въ человѣкѣ были силь-
„ны, что онъ не могъ бы ихъ преодолѣть:
„однако сіе можно сказать о человѣкѣ есте-
„ственно поврежденномъ, и погруженномъ въ
„своемъ расплѣтѣ. Но не можно сего сказать
„о человѣкѣ Хрістіанинѣ, и проч.

(*Платонъ М. Московскій.*)

Орапоръ, имѣющій дарованіе, знаетъ какъ пользоваться сею фигурою. Онъ спарается такъ представлять свои возраженія, чѣмбы слушатели не подозрѣвали его въ ослабленіи оныхъ, и берегаетъ себѣ средства опровергнуть оныя. Сей родъ поржества усугубляетъ силы его, и подаетъ ему нѣкоторое благонадежіе, покоряющее умы.

У. О Поправленіи.

Поправленіе состоитъ въ томъ, что Орапоръ оиѣняетъ, ограничиваетъ или изъясняетъ предложенную мысль, которую слушатели могли бы взять въ худую сторону; а иногда употребляетъ сію фигуру для того, чѣмбы припвориться, будто онъ опустилъ что нибудь существенное, или по неоспорожности выговорилъ что нибудь на удачу, хотя въ самой вещи онъ точно измѣрилъ свои мысли и выраженія, и сія мнимая ошибка есть хитрость, выдуманная для разнообразія въ словѣ, и для возбужденія вниманія слушателей.

Боссюэтъ употребляетъ оную въ семъ мѣстѣ своего надгробнаго слова Герцогинѣ Орлеанской.

„Нѣтъ, послѣ сего, что мы видимъ, здравіе есть только имя, жизнь сонъ, слава мечта, пріятности и удовольствія опасное увеселеніе. Все суешно въ насъ, исключая искренное признаніе въ суешности нашей, которое мы дѣлаемъ предъ Богомъ... Но истину ли я говорю? Человѣкъ, сотворенный по образу Божію, ничто иное, какъ тѣнь? существо, для котораго Иисусъ Христосъ

„сошелъ съ небесъ на землю, которое Онъ благоволилъ, не уничиживъ Себя, купивъ всею Своею кровію, есть ничто? Признаемъ свою погрѣшность... Не надобно позволять чело-вѣку совершенно презиратьъ себя, дабы онъ не возмнилъ съ нечестивыми, что жизнь наша есть игра, управляемая случаемъ, и не проводилъ бы оную разпущено по своимъ слѣ-пымъ желаніямъ.“

Массиліонъ весьма удачно помѣщаетъ сію фигуру въ одномъ своемъ словѣ, чтобы придать силу сказанному.

„Надобно положить, что служеніе міру тогоже стоить, чего служеніе Іисусу Христу. Спанемъ сносить для Бога то, что мы сносимъ для міра; пруды одинаковы, а на-грады весьма различны. Но что я говорю, брагіе моя, пруды одинаковы? Господь облегчаетъ иго носимое для Него, а иго мірское есть тяжостное, оно мертвитъ и удручаетъ. Скорби креста соединены съ безчисленными утѣхами, а скорби похоти награждаются новыми скорбями: жертвы благодати успокоиваются сердце, жертвы же страстей раздражаютъ оное: святое волненіе покаянія оставляетъ душу въ радости и мирѣ, а волненіе порока возмущаютъ оную и пожираютъ: тернія добродѣтели имѣютъ свою пріятность и врачевство, тернія же неправды оставляютъ въ совѣсти остріе и ѣдкій неумирающій червь; словомъ, горести Евангелія дѣлаютъ щастливыми, а мірскія доселѣ ничего не произвели, кромѣ бѣдствій.“

Поелыку упопреленіе сел фігуры опно-
сится шакже къ ораторской благопрстойности,
по мы болѣе здѣсь не приведемъ примѣровъ
на оную. Большая часть представленныхъ
шамъ можешъ сюда принадлежатъ.

VI. О Вычищеніи.

Вычищеніе (Exprolito) бываетъ тогда, когда
Ораторъ доказывая наспомнѣ на важныя и
иногда слишкомъ высокія истины, чпобы сдѣ-
лашь онныя понятными и извѣстными слуша-
телямъ. А иногда упопрелаетъ онъ сію фигу-
ру для того, чпобы проникнуть нѣкопорымъ
образомъ въ душу грѣшниковъ, узнать всѣ тай-
ныя склонности ослѣпляющія ихъ, и тѣмъ ихъ
принудить спыдипсья онныхъ и исправипсья.

„Положимъ, что состояніе ваше такое,
„какъ вы по своему высокомѣрію воображаете,
„говоришь *Бурдалу*, посмотришь только, что
„въ ономъ естъ или нужнаго для васъ, или из-
„лишняго. Излишнимъ же называю я все, что
„вамъ, не говорю, совершенно бесполезно, но
„явно вредно; ибо, дабы ничего не увеличить,
„беру изъ сего состоянія только то, что
„служишь пищею разпусшству, неумѣренности,
„беззаконію, и сего для меня довольно, чпобъ
„наипи въ ономъ излишнее. Называю излиш-
„нимъ то, что вы вседневно испощаете на
„свои непопрелства, на свои поспыдныя удо-
„вольствія. Опрекипесь сего обожаемаго вами
„идола, и будете имѣшь излишнее. Я называю
„излишнимъ то, что вы, міру работающія же-
„ны, иждиваете, скажемъ лучше, распочаете
„на свои бездѣльные наряды, копорые питають

„вашу роскошь, и кои можете быть будущъ
 „нѣкогда виною вашего осужденія. Бросьте
 „часть сихъ суеиносней, и будете имѣть из-
 „лишнее. Называю излишнимъ то, что вы не
 „боитесь поперять при игрѣ, которая васъ
 „уже не увеселяетъ, но васъ къ себѣ припаги-
 „ваетъ, разгорячаетъ, распроиваетъ, и особ-
 „ливо причиняетъ вамъ паденіе и гибель.
 „Пожертвуйте сею игрою, оставьте ее, и бу-
 „дете имѣть излишнее.“ (въ словѣ о милостынѣ.)

Иногда Вычищеніе служишь только къ
 открытію смысла, въ какомъ Орапоръ намѣ-
 рень предложитъ свою мысль, какъ видно въ
 слѣдующемъ примѣрѣ:

„Когда хочу я предложитъ нѣкое разсуж-
 „деніе о неосужденіи, не разумѣю осужденіе
 „общее, которое бываетъ или по обыкновен-
 „нымъ законамъ, или по святымъ Церкви у-
 „ставамъ, которое тоже есть, что и на-
 „казаніе за пресупленіе. Сіе осужденіе не
 „шюкмо не предосудительно, но и полезно; ибо
 „оно основано на благоразуміи и уставахъ, по-
 „ложенныхъ самимъ правосуднымъ Сущесвомъ.
 „Въ силу чего, ежели оно не будетъ довольно
 „послужитъ ко исправленію и къ оправданію
 „осуждаемаго, то по малой мѣрѣ или пресѣ-
 „кается шѣмъ безобразіе поступокъ, или дѣ-
 „лается удовлетвореніе упѣсненнымъ, или
 „преграждается путь ко прешыканію и соблаз-
 „намъ, или наконецъ подается случай инымъ
 „ко исправленію, другимъ же къ предохране-
 „нію себя отъ шакowychъ и подобныхъ осужде-
 „ніе заслуживающихъ дѣйствій. О шаковомъ
 „осужденіи я не говорю, разумѣю же осужденіе

„часное, которое бываетъ ни по успа-
 „вамъ, ни по долгу, которое имѣетъ основа-
 „ніемъ дерзость, безразсудокъ, злобу и безче-
 „ловѣчіе, яко не живыхъ токмо касающееся,
 „но и преспавльшихся, о которыхъ самые
 „язычники разсудили: или всегда говорить хо-
 „рошее, или ничего.“

(*Амвросій М. Новгородскій.*)

VI. О Прохожденіи.

Прохожденіе (*Præteritio*) есть фигура, ко-
 порою Орапоръ припворяется, будно онъ
 проходитъ молчаніемъ, или по крайней мѣрѣ
 слегка касается какихъ нибудь дѣйствій либо
 обстоятельствъ, на которыя однако онъ на-
 сиюетъ. Въ семъ—по сосиюетъ искусство сей
 фигуры.

Массиліонъ, доказавши, что злословія, назы-
 ваемыя легкими, законопреступны по своимъ
 побудительнымъ причинамъ, присовокупляетъ,
 что они не менѣе предосудительны по своимъ
 обстоятельствомъ, и начинаетъ доказывать
 это слѣдующимъ образомъ:

„Я бы могъ показати вамъ, что міръ при-
 „лѣпившійся ко грѣху, міръ видящій злѣйшіе
 „пороки, содѣлавшіеся пороками общими, уже
 „почти не прогаеся оными, называетъ лег-
 „кими тѣ злословія, которыя касаются слабо-
 „стей самыхъ грѣховныхъ и постыдныхъ: по-
 „дозрѣвать кого нибудь въ невѣрности въ свя-
 „щенномъ союзѣ супружества, не есть подлин-
 „ное руганіе и существенное поношеніе, это
 „издѣвки и шулки: обвинять придворнаго въ
 „вѣроломствѣ и криводушіи, не есть нападать

„на честь его, это значить поднимаешь на
„смѣхъ увѣренія къ искренности, которыми
„онъ забавляетъ насъ; дѣлаешь подозритель-
„нымъ въ лицемѣріи самое чистосердечное бла-
„гочестіе, не еси оскорбляешь Бога въ Свя-
„тыхъ Его, это насмѣшки, сдѣлавшіяся опъ
„упопробленія общими: однимъ словомъ, кромѣ
„пороковъ наказываемыхъ гражданскою вла-
„стію, и навлекающихъ намъ либо немилость
„Государя, либо поперю имѣнія и чиновъ, всѣ
„другіе кажутся легкими, и спановящаяся обык-
„новенною матеріею публичныхъ разговоровъ
„и пересужденій. Но не распроспранимъ болѣе
„сего размышленія, и проч.“

Въ надгробныхъ словахъ *флешьера* есиъ
два примѣра сея фигуры, достойные при-
мѣчанія.

„Не ожидайте, слушатели, чѣмъ я пред-
„ставилъ здѣсь плачевное явленіе, чѣмъ из-
„образилъ онаго великаго мужа распросперша
„на собспвенныхъ своихъ профеяхъ, чѣмъ
„открылъ я то блѣдное и окровавленное тѣло,
„подлѣ котораго дымится еще поразившая его
„молнія, чѣмъ въ крови его, яко въ Авелевой,
„возбудилъ я вопль, и обратилъ взоры ваши
„на горестныя изображенія рыдающей Вѣры
„съ Опечесивомъ.“

(Въ надгробномъ словѣ *Тюренну*.)

„Я бы могъ вамъ представишь ее въ сихъ
„печальныхъ жилищахъ, гдѣ скрываются бѣд-
„ность и нищета, гдѣ видны многіе образы
„смерпей и различныхъ болѣзней, приемиющую
„воздыханія однихъ, поощряющую другихъ къ
„терпѣнію, оставляющую всѣмъ обильные

„плоды своего благочестія; могъ бы я вамъ опи-
 „сать ее въ сихъ мрачныхъ и удаленныхъ мѣ-
 „стахъ, гдѣ спыдъ скрываетъ много немощей
 „и нуждъ, изливающую тайныя благословенія
 „на опчаанныя семейства; копорыя она по
 „благочестивому любопытству узнавала для
 „утѣшенія ихъ; могъ бы я изобразить вамъ ту
 „ревность, съ какою она побуждала самыхъ
 „хладнокровныхъ людей къ спомоществованію
 „ближнему во время общихъ бѣдствій, и воз-
 „жигала любовь въ помъ вѣкъ, въ копоромъ
 „она не только охладѣла, но почти и погасла.
 „Это бы было маперією Панегирика другой
 „особѣ, но для нея это самая малая похвала.“

(Въ надгр. словъ Г. Эгильонб.)

Исчисленіе часпей, о копоромъ мы говори-
 ли въ главѣ о репорическихъ мѣстахъ, есть
 весьма важная фигура доказательства. Тамъ
 можно видѣть опредѣленіе и примѣры оной.

VIII. О Напряженіи.

Напряженіе (Congeries) состоить въ помъ,
 что Орапоръ вмѣсто простой идеи полагаетъ
 скорое исчисленіе либо различныхъ свойствъ
 опличающихъ оную, либо часпей составляю-
 щихъ ее, либо дѣйствій производимыхъ ею, и
 проч.

Сія фигура есть одна изъ тѣхъ, копорыя
 имѣютъ наибольшее дѣйствіе въ краснорѣчїи
 и спихотворствѣ: подробность, въ копорую
 она входитъ, есть какъ бы великій свѣтъ, осія-
 вающій самыя мрачныя вещи; быспроша, ка-
 кую она вводитъ въ Израженіе, разликаетъ въ
 ономъ и жаръ сообщаемый слушаателямъ; и

понъ благонадѣжя, раждающійся опть сего быспрошы, и опть того, что Ораноръ кажется спѣсняемымъ и уносимымъ обильностію набираемыхъ матерій, производитъ увѣреніе въ душахъ, не могущихъ прошивустоять попоку. Еспьли *Напряженіе* предполагаетъ только изобразить, не хопя дѣлать никакихъ убѣжденій, то кисть его имѣетъ такую силу, копорая, по видимому придаетъ предметамъ величество, живоспъ, высокоспъ.

Какъ *Абнеръ* опкрылъ Первосвященнику *Иодаю*, что онъ унываетъ, думая, что Богъ оставилъ Свой народъ, и уже не пворитъ чудесъ въ его пользу, то *Иодай* дѣлаетъ ему важный опвѣтъ *Напряженіемъ*, предспавляя новыя дѣиспвія всемогущеспва Божія.

„Какое время было споль обильно чудесами? когда Богъ множайшими дѣлами явилъ Свое могущеспво? Неблагодарный народъ! для того ли ты имѣешь очи, чтобъ не видѣшь? Какъ! величайшія чудеса всегда поражаютъ будупъ одинъ пвой слухъ, не прогая сердца? надобно ли, *Абнеръ*, напомянуть тебѣ печеніе славныхъ знаменій, совершившихся въ наше время? ужасныя паденія пиранновъ *Израиля*, и вѣрноспъ Бога въ исполненіи всѣхъ своихъ угрозъ? нечеспиваго *Ахаа* низпроверженнаго, и его кровію обагренное поле, копорое онъ убивспвомъ неправедно присвоилъ, близъ сего роковаго поля умерщвленную *Царицу*, *Иезавель* ногами конскими распоппанную, псовъ уполившихъ свою жажду варварскою ея кровію, и разпсрзанные члены безобразнаго ея пѣла? Посрамленныхъ лживыхъ

„пророковъ, и огонь спешій съ неба на жер-
„пвенникъ? Илію повелѣвающаго спихіямъ, не-
„беса имъ заключившіяся и сдѣлавшіяся мѣдя-
„ными, и землю бывшую при лѣпа безъ дож-
„дя и росы? мерзвыхъ воспающихъ на гласъ
„Елисея? Признай, Абнеръ, по симъ яснымъ
„чертамъ Бога такимъ нынѣ, какимъ Онъ былъ
„во всѣ времена. Онъ можетъ, когда Ему угод-
„но, открывать Свою славу, и всегда памя-
„зуетъ Свой народъ.“ (Говол. дѣйс. 1, явлен. 1.)

Флешьеръ въ надгробномъ словѣ Тюринну
опредѣляетъ мужество, предсавляя свойсва
онаго.

„Не разумѣйте, слушатели, подѣ симъ на-
„званіемъ напрасную, неоспорожную, спреми-
„тельную смѣлость, ищущую опасности, под-
„вергающуюся оной бесполезно, и не имѣющую
„иныхъ цѣли, кромѣ славы и суешныхъ похвалъ
„людскихъ. Я говорю о мудрой и благонаправ-
„ленной смѣлости, о такой, которая при
„вспрѣчѣ съ непріятелями воспаляется,
„которая и въ самой крайности на все успѣ-
„ваетъ, принявъ нужные мѣры, и пользуется
„всѣми своими выгодами, соразмѣряясь одна-
„кожь своимъ силамъ; предприимлетъ дѣла пруд-
„ныя, но не покушается на невозможныя; ни-
„чего того не осавляетъ на случай, что си-
„лою искусства въ дѣйство произведено бытъ
„можетъ, которая наконецъ на все можетъ
„дерзнуть безъ совѣта, когда онъ бесполезенъ,
„и гошова умеретъ при побѣдѣ, или пережитъ
„нечасіе свое, исполняя свои обязанности.“

Есть въ книгѣ, подѣ названіемъ: *Увѣщаніе*
французскаго Духовенства, изданиой въ 1770 году,

прекрасный примѣръ, въ копоромъ истина Ошкровенія неоспоримо ушверждена многими доказательспвами, а эшо еспъ *Напряженіе*.

„Истина Ошкровенія, кажешся, являешъ себя всѣмъ чувспвамъ челоѡка и всѣмъ спсобноспямъ его души. Чрезвычайныя и чудесныя дѣйспвія, предреченія, оправданныя событіемъ, исполнившіяся обѣшованія Вешаго Завѣша, Божеспвенный харакшеръ Мессіи, поколебаніе природы въ часъ его смерши, несошнптельныя свидѣтельспва о Его воскресеніи, избраніе Апостолоѡ, славное обращеніе вселенныя, ожеспоченное невѣріе Іудееѡ, непоколебимое посшоянспво мученикоѡ, высокая связь ученія, превосходспво правилъ, присносушность законоположенія; нѣшъ такихъ доказательспѡ, копорыхъ бы Релігія не обращала въ свою пользу, нѣшъ такого ума, копорый бы не могъ чувспшванъ хоща одного изъ оныхъ; всѣ они непреоборимы сами по себѣ, всѣ взаимно одно другое подкрѣплюшъ, и шоліка сила ихъ, чшо не лъзя прошпившсь оной, не вводя пирронизма, и не разрушая всякаго начала истинности; и когда эшо одно неоспоримо, когда челоѡкъ увѣренъ, чшо Богъ глаголаъ, шо чего еще желашъ ему оспаешся?“

О ФИГУРАХЪ МНѢНІЙ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ УКРАШЕНІЮ СЛОВА.

І. О Описаніи.

Описаніе (*Descriptio*) еспъ изъ числа прекраснѣйшихъ фигуръ, какія краснорѣчіе упошребляшъ можешъ. Оно повѣспвуешъ

съ поликимъ жаромъ, изображаешъ споль живыми красками, представляешъ карпины споль натуральныя, что всякой мнишь себя не слушающимъ Орапора, ни читающимъ сочиненіе, но видящимъ предметъ, преспавленный въ самой вещи. Здѣсь—по различающъ краснорѣчиваго и чувспвипельнаго Писапеля опъ обыкновеннаго Авпора; обыкновенный умѣешъ сполько говоришь о вещахъ, а великій описываетъ оныя. *Расинъ, Боссюэтъ, Флешьеръ, Мильтонъ*, даютъ видѣть всѣ предметы; малѣйшія подробности ихъ всегда почти супъ карпины.

Есть разные роды описаній: Просопографія, Топографія, Демонспрація, Иеопія и Инопипозъ. Одни описаны къ дѣйспвіямъ и поступкамъ; другіе къ мѣсту и времени, иные наконецъ къ лицамъ, копорыхъ характеръ изобразишь Орапоръ хочешъ. Мы здѣсь скажемъ сполько о Демонспраціи, Иеопіи и Инопипозѣ.

О Демонстраціи.

Демонспрація есть показаніе какого нибудь особеннаго дѣйспвія, извѣщеніе о какомъ нибудь произшествіи, изображеніе бури, сраженія, картина нравовъ и обыкновеній какого нибудь вѣка и проч. Орапоръ долженъ представлять сіи разныя предметы занимательнымъ образомъ; спиль его долженъ бытъ скоръ и выше, нежели въ простомъ повѣспвованіи. Вотъ разные примѣры на это:

Не лзя лучше представить несчастій идолопоклонства, какъ изображеніемъ того пагубнаго состоянія, въ какомъ люди находились, прежде нежели они получили познаніе

испіннаго Бога. Такъ дѣлаешъ *Массиліонъ* въ слѣдующемъ мѣстѣ своего слова на Рождество Хрістово. Всѣ черпы сея карпины порази-пельны и одушевленны.

„Какихъ непошребспвъ идолопоклонство, не ввело въ свое нечеспвное богослуженіе? „Смерпъ любимой особы пошчасъ дѣлала оную „божеспвомъ, и презрѣнный прахъ ея, на ко- „поромъ неизгладимыми черпами написано „было ея ничпожеспво, спановился шипломъ „ея славы и безсмертія: супружеская любовь „сдѣлала себѣ боговъ; любовь порочная восхо- „шѣла подражапъ ей, и имѣпъ свои жерпвен- „ники: жена и наложница, мужъ и беззаконный „наложникъ возымѣли храмы, жрецовъ и жер- „швы. Всеобщее буйспво или поврежденіе при- „няло сіе споль спранное и мерзоспное бого- „служеніе, и вся вселенная заразилась онымъ; „важноспъ государспвенныхъ законовъ ушвер- „дила оное; великолѣпіе храмовъ, пышноспъ „жерпвоприношеній, безмѣрное богатспство ку- „мировъ содѣлали сіе безуміе почпеннымъ; ка- „ждый народъ захошѣлъ имѣпъ своихъ боговъ; „не имѣя челоука, онъ принесъ куреніе ско- „шу; гнусныя чеспнованія сдѣлались служені- „емъ гнуснымъ божеспвамъ; грады, горы, пу- „спыни осквернились оными, и увидѣли огром- „ныя зданія, посвященныя гордоспи, сладо- „спраспю, мщению; множеспво боговъ равно „спало множеспву спраспей; число ихъ „сполько же почпи увеличилось, сколько было „людей; все сдѣчалось богомъ для челоука, и „единого испіннаго Бога челоукъ не по- „зналъ.“

Описаніе опшествія *Лудовика Девятого* въ свяшую землю, сочиненное Аббапомъ *Сегі*, хошя другаго рода, но не менѣе важно.

„Онъ отправляется сопровождаемый пла-
„чемъ и благословленіями своего народа. Уже
„спонупъ воды подъ тяжестію его могуще-
„спвеннаго Флопа; уже представляются очамъ
„его берега Африки, уже безчисленные войска
„Срациновъ спали въ боевой порядокъ... Онъ
„быспро устремляется въ волны съ своею
„армією, ободряемою его примѣромъ, не взирая
„на ужасные крики ярошнаго непріятеля, на
„возвышающіеся валы и градъ мепаемыхъ,
„покрывающихъ его копьевъ; онъ яко испо-
„линъ приближается плуда, куда призываетъ
„его побѣда... И покрывшій невидимымъ щи-
„помъ Бога, держащаго въ десницѣ Своей жизнь
„и смерть, поражая крѣпкою мышцею на обѣ-
„ихъ споронахъ, удаляя опъ себя смерть и
„опшылая ее ко врагу, онъ видипъ еще са-
„мага себя въ каждомъ своемъ воинѣ.“

Къ важности Демонстраціи весьма ощу-
пшительно способствуютъ употребленіе по-
дражапельныхъ поновъ, по еспъ, пакихъ
словъ и выраженій, копорыя своею нѣжностію
или жестокостію, своею медленностію или
скоростію представляють самую каршину, и
подражапельное изображеніе того предмета,
какой хочешь описать; сіе можно замѣшпшъ
въ слѣдующемъ прекрасномъ мѣспѣ надгроб-
наго слова *Тюренну*, говореннаго *флешьеромъ*.

„Сей мужъ, зашпшпель градовъ *Іудей-*
„скихъ, укрощавшій гордыню дѣшей *Аммоно-*
„выхъ и *Исавосыхъ*, и по сожженіи кумирь

„народовъ чуждыхъ на собспвенныхъ ихъ ол-
 „паряхъ, возвращавшійся опятченный добы-
 „чею Самарійскою, сей мужъ, коего Богъ по-
 „спавиль окрестъ Израиля яко стѣну крѣп-
 „кую, о нея же всѣ силы Азійскія многократ-
 „но сокрушались, и копорый, поразивъ много-
 „численныя воинства, низложивъ намѣренія
 „искуснѣйшихъ и славнѣйшихъ полководцевъ
 „Царей Сирскихъ, ежегодно приходилъ, подоб-
 „но послѣднему Израильянину, исправлять
 „побѣдоносными своими руками развалины
 „жертвенника, и за услуги опечестиву не же-
 „лалъ инаго воздаянія, кромѣ чести служенія
 „ему, сей храбрый мужъ, гоня наконецъ съ
 „непобѣдимымъ мужествомъ непріятелей, въ
 „поспѣдное бѣгство имъ обращенныхъ, полу-
 „чилъ смертельный ударъ, и якобы въ шор-
 „жествѣ своемъ погребенъ былъ. При первомъ
 „слухѣ о семъ бѣдспвенномъ приключеніи, под-
 „виглися всѣ грады Іудейскіе, токи слезъ по-
 „лились изъ очей всѣхъ ихъ жителей. Нѣсколь-
 „ко времени были они объяпы ужасомъ, без-
 „молвны, неподвижны. Наконецъ, когда усиліе
 „скорби нарушило сіе унывное молчаніе, возо-
 „пили они гласомъ, прерывавшимся опъ ры-
 „даній въ сердцахъ ихъ, печалію, жалостію,
 „спрахомъ волнуемыхъ: *Како ладе сильный сла-
 „саяй Израиля?* При семъ вопль Іерусалимъ
 „усугубилъ плачь свой, потряслися своды
 „храма, Іорданъ возмутился, и по всѣмъ бре-
 „гамъ его раздался звукъ оныхъ плачевныхъ
 „изреченій: *Како ладе сильный спасаяй Израиля?*“

Есть въ древнихъ и новѣйшихъ спихо-
 птворцахъ примѣры описаній, копорые можно

бы было представитъ здѣсь какъ образцы въ семь родѣ, есѣли бы свойство и краткость сего сочиненія по позволяли. Святые Описи упопребляли также съ успѣхомъ сію фигуру въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ. *Иеронимъ*, напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ *Марцеллѣ*, Римлянинѣ, копорую онъ побуждаетъ оспавитъ Римъ и придти къ нему въ Виелеемъ, пріятно описываетъ красоту сего мѣста и родъ своей жизни.

„И щакъ, поелику мы уже много поприщъ
 „жизни преплыли по волнамъ, и корабль нашъ
 „по силою бурь, по нашеспвіемъ на мѣли по-
 „вреждаемъ бываеиъ; мы, какъ въ нѣкоторую
 „приспанъ, входимъ во внуиренность деревни,
 „когда можно. Тамъ проспій хлѣбъ, овощъ, ру-
 „ками нашими поливаемый и молоко, удоволь-
 „спіія деревенскія, хопя маловажныя, но не-
 „винныя, соспавляютъ нашу пищу. Такъ насъ
 „живущихъ ни сонъ опвлекаеиъ опъ молипп-
 „вы, ни сышость опъ чпенія. Лѣпомъ, пѣни
 „деревиъ доспавляютъ уединеніе: осенью, самое
 „благораспвореніе воздуха и разоспланныя по
 „землѣ листьа даюиъ мѣспо покоя: весною
 „поле украшаеиъ цвѣтами, и вездѣ раздаеиъ
 „сладоспнѣйшее пѣніе ппищъ. Когда случаеиъ-
 „ся морозъ, и падаюиъ снѣги, дровъ не по-
 „купаю, въ теплоиъ и бодрспвую и сплю, ни-
 „когда не зябну. Не завидуемъ мы шуму Рима,
 „звуку его оружіи, неисповспву зрѣлищъ и
 „пышности шеапровъ: и у насъ Сенаиъ доб-
 „родѣшельныхъ женъ ежедневно посѣщаеиъ.
 „Намъ прилѣпляиъ благо еспѣ, и проч.“

Топъ же Свяшый Опець въ другомъ письмѣ дѣлаесть краснорѣчивое изображеніе борьбы, какую онъ имѣлъ съ своими спраспя-ми въ пуспынѣ.

О Иѳопіи.

Иѳопія естъ изображеніе характера какого нибудь человѣка, съ пѣмъ, чтобы слушатели легко узнавали его по пѣмъ примѣтамъ, по какимъ Орапоръ его описываетъ.

Сія фигура пребуесть великаго искуссва и оспорожноспи. Во первыхъ, еспли карпинъ, Орапоромъ изображаемый, супъ плодъ воображенія, то онъ всегда должны бытъ основаны на правдоподобіи, еспли взяпы съ натуръ, то должны имѣтъ основаніемъ истину; во вторыхъ, поелику сіи описанія дѣлаются на щепъ другаго, то слушатель обыкновенно судитъ ихъ спрого, и онъ не будепъ съ охопю слушать оныхъ, еспли удачная крапкоспъ щопчасъ не впечатлѣваетъ ихъ въ его памяти, еспли каждое прикосновеніе кисти не дѣлаесть великой черпы, еспли судимый человѣкъ уже не знаепъ, ежели наконецъ Орапоръ не собираесть множесва идей въ весьма малое проспранство.

Сіи изображенія разныхъ родовъ. Въ однихъ Орапоръ не означаесть никого въ особенности, но только соединяесть въ одной картинѣ пороки, либо добродѣтели, относящіяся къ тому или другому характеру.

Свяшый *Килріанъ* весьма справедливо описываетъ безпокойный характеръ скупаго, всегда бѣднаго среди своихъ богатствъ:

„Воображаемые побою богачи, провожда-
„ющие время въ непреспанныхъ плясаніяхъ,
„и по выпѣсненіи нищихъ изъ сосѣдствен-
„ныхъ округовъ, расширяющіе далѣе безпре-
„дѣльность своихъ селъ, обладающіе великимъ
„множествомъ злапа, серебра и денегъ, пос-
„проившіе огромныя зданія, или въ землѣ за-
„копавшіе кучи разныхъ вещей,—они и при
„богатствѣ своемъ мучатся безпокойными
„мыслями, сумнѣніями, спрахомъ; боятся,
„чтобы разбойникъ не разграбилъ имуществъ
„ихъ, чтобы убійца не нанесъ имъ вреда,
„чтобы враждебная зависть какого нибудь
„сильнѣйшаго богача не вздумала безпокойтъ
„ихъ клеветами и тяжбами. Не вкушаетъ
„богачъ пищи въ беспрашіи, не засыпаетъ
„въ беззаботности. Воздыхаетъ онъ въ пиру,
„пьетъ хопя драгоцѣннѣйшіе напитки, хопя
„сухое его тѣло по яденіи спряпывается въ
„самой мягкой постелѣ, но онъ не спитъ въ
„своихъ пуховикахъ, и не понимаетъ бѣдный,
„что благовидное наказаніе ему есть быть
„привязану къ злапу, быть обладаему паче
„богатствомъ, нежели обладать. О мерзосп-
„ная слѣпопа ума, и безмѣрный мракъ несмы-
„сленной прихоти! могъ бы онъ облегчить и
„избавить себя отъ тяжести, но нѣтъ! про-
„должаетъ прилѣпляться къ умножающемуся
„имѣнію, не престааетъ упорно прилѣпаясь
„мучительнымъ избыткамъ. Никакой не ока-
„зываетъ щедрости подчиненнымъ, ничего не
„удѣляетъ убогимъ, и называетъ своими тѣ
„деньги, копорыя какъ чужія съ скорбію сте-
„режетъ запорыми. Не даетъ изъ оныхъ

„ничего ни друзьямъ, ни дѣтямъ, ни себѣ самому. Владѣеть ими для того только, чтобы другой владѣть не могъ.“ (1 Письмо къ Дон.)

Часто въ проповѣдяхъ встрѣчаются описанія сего рода. Они производятъ въ оныхъ хорошее дѣйствіе, когда начерпываетъ ихъ вѣрная рука, и когда они имѣютъ натуральное отношеніе къ матеріи. Таково изображеніе ласкашеля, въ одномъ словѣ Г. Лаффито, Епископа Сисперонскаго.

„Что есть ласкашель? Человѣкъ уклончивый и раболовный, который при каждомъ своемъ взглядѣ рабски улыбается, на каждое слово восклицаетъ изъ удивленія, каждое свое дѣйствіе выхваляетъ; человѣкъ ловкій и вкрадчивый, который старается узнать свои склонности, дабы имъ пользоваться, свои связи, дабы имъ пособствовать, даже слабости, дабы имъ воспользоваться; человѣкъ хитрый и припворный, который себя хвалитъ и обманывается, одобряетъ предъ публикою, и осуждаетъ вътай, который наружно приверженъ къ своей слабости для того только, чтобы удобнѣе привлечь себя къ своей; человѣкъ иногда ревнивый и завистливый, который по видимому радуется своему возвышенію, а въ сердцѣ чувствуетъ мученіе отъ своего благополучія; человѣкъ часто неистовый, врагъ скрытный, но неумягчимый, который мыслитъ о своей гибели, и скрываетъ свою ненависть подъ величайшими хвалами, потому что всего опасается отъ своей

„власти; человекъ всегда подлый и пресмыка-
„ющійся, который всего ожидаетъ отъ своей
„униженности, и чптобы прикрасить спыдъ
„раболѣпства, называетъ свою непопретную
„привычку дѣлать подлости, дарованіемъ и
„искусствомъ.“

Когда Орапоръ намѣревается изобразить
какого нибудь славнаго человека, котораго
онъ именуетъ, то попребно, чптобы истина,
изящность и краскость водили его къспью,
какъ видно въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ:
Первый естъ изображение *Кромвеля*.

„Нашелся человекъ, имѣющій невѣроятную
„глубину ума, лицемѣръ препонкій, и искус-
„ный полиптикъ, способный все предпринимать
„и все скрывать, дѣятельный и неупомимый
„какъ во время мира, такъ и во время войны;
„человекъ, который ничего того не оставлялъ
„щасію, чпто онъ могъ опнимать у него со-
„вѣтомъ или предвидѣніемъ, но впрочемъ
„спокоенъ и на все готовый, чпто
„никогда не опускалъ пѣхъ случаевъ, какіе
„оно ему подавало; наконецъ одинъ изъ пѣхъ
„дерзкихъ и возмущительныхъ людей, копо-
„рые, кажется, для того родились, чптобы
„перемѣнить свѣтъ.“

(*Воссюэтъ въ надгр. словъ Англійской Королевы.*)

Вспорый естъ изображение Кардинала *Реца*,
игравшаго великую роль въ междуусобныхъ
войнахъ, бывшихъ во время малолѣпства Лу-
довика XIV-го. Сіе изображение, можетъ быть,
лучше перваго.

„Но могу ли я забыть того человека,
„котораго вездѣ нахожу въ описаніи нашихъ

„бѣдствій, который былъ споль вѣренъ часп-
„нымъ людямъ, и споль спрашенъ государ-
„ству, споль высокаго характера, что не
„льзя было его ни уважать, ни любить, ни
„даже ненавидѣть? Сего пвердаго генія, кото-
„рый, предъ очами нашими, попрысая вселен-
„ную, достигъ высокаго достоинства, и нако-
„нецъ восхотѣлъ оставить оное, какъ досто-
„инство весьма дорого купленное? Сполько-то
„позналъ онъ свое заблужденіе, и суешность
„величія человѣческаго! Но между тѣмъ, какъ
„онъ хотѣлъ приобрѣсти то, что долженсп-
„вовалъ нѣкогда презрѣть, все поколебалъ
„спайными и сильными пружинами, и когда
„всѣ сообщники его были повержены, онъ
„одинъ казался пвердо споящимъ, и еще угро-
„жающимъ побѣдоносному наперснику своими
„печальными и неуспрашиваемыми взорами.“

(Въ надгр. словъ Канцлеру *Теллеру*.)

Сія послѣдняя черта возбудила бы зависпъ
въ *Тацитѣ*, который бы не могъ съ большею
силою представить ту неушолимую нена-
виспъ, какую Кардиналь *Рецъ* обнаруживалъ
всегда, даже и по уходѣ своемъ, прошивъ *Ма-
зарина*, сидѣвшаго на спупеняхъ прона. И
пакъ *Боссюэтъ* нѣсколькими чертами могъ оп-
крывать великой характеръ съ оспроуміемъ
Моралиста, съ пылкостью Орапора и спочно-
спію Испорика.

О *Ипотипозѣ*.

Ипотипозъ еспъ описаніе вещей споль
живое и поразительное, что всякой мнитъ
себя болѣе видящимъ оныя, нежели слуша-

ющимъ повѣспивованіе объ нихъ. Удивительное дѣйствіе сего пышнаго фигуры естъ по, что она живоспію своихъ изображеній оспавляетъ въ душѣ впечатлѣнія страха, ужаса или удивленія. Естъ примѣры оной у Спихотворцевъ, Орапоровъ, и нѣсколько въ Священномъ Писаніи, особливо въ книгахъ пророческихъ. Таково между прочими сіе мѣсто Исайи:

Се имя Господне идетъ временемъ многимъ, горящая ярость Его: со славою слово устенъ Его, слово гнѣва полно, и гнѣвъ ярости яко огонь посятъ: И духъ Его аки вода въ дебри влекущая, придетъ даже до выи, и раздѣлится, еже смутити языки о прельщеніи суетномъ, и поженетъ я прелесть тща, и возметъ я предъ лицемъ ихъ. Гл. 30, сп. 27, 28.

И слѣдующее мѣсто, гдѣ Аввакумъ представляетъ Господа ведущимъ чадъ Израиля въ землю обѣщанную.

Богъ отъ юга придетъ, и Святыи изъ горы приосѣненныхъ тщи. Покры небеса добродѣтель Его, и хваленія Его исполнь земля. И сіяніе Его яко свѣтъ будетъ: рози въ рукахъ Его, и положи любовь державну крѣпости своея. Предъ лицемъ Его предъидетъ слово, и изыдетъ на поле при ногу Его. Ста, и подвижеся земля: призрѣ, и растаяша языцы: стрышася горы нуждею, и растаяша холми вѣтнѣи, шестейя вѣтняя Его. Гл. 3, сп. 3.

Не лзя весьма принуждать хрістіанскаго Орапора подражать симъ великолѣпнымъ описаніямъ, соединяющимъ съ важностію мыслей скоростъ спилиа. Невиль дѣлаетъ по съ успѣхомъ, въ приспунъ своего слова о всеобщемъ судѣ, представляя приближающагося Исуса

Хріста, несущимъ въ рукахъ огонь, имѣющій поясъ земли.

„Небо попрясаеся, море бѣжитъ; вселенная поколебавшись въ своихъ основаніяхъ, зыблется, угрожаетъ паденіемъ и погребается подъ своими развалинами: изъ всего, что было, оспается только Богъ, человекъ и служители небеснаго мщенія.“

И въ другомъ мѣсѣ:

„Гласъ Его (Исуса Хріста) раздаеся, опять востока къ западу, опять полудня къ сѣверу. Онъ призываетъ то, чего нѣтъ; все, что было, слышитъ Его и оповѣщаетъ Ему. „Прахи шолікихъ милліоновъ людей, сіи прахи, смѣсившіеся, рассыпавшіеся на многія мѣста, мгновенно оживошворяются, восстаютъ изъ нѣдръ земли; изъ глубокихъ безднъ моря исходятъ языцы: одна минута соединяетъ то, что разспояніемъ временъ раздѣлено было; всѣ вѣки собираются въ одинъ день; всѣ народы сославляются одинъ народъ.“

Аббатъ Пуль упопреляетъ Ипохипозъ съ великимъ искусствомъ въ одномъ мѣсѣ своего слова о *Милостынѣ*, для возбужденія въ слушающихъ любви къ нищимъ. Всѣмъ извѣстно, что древніе предсавляли иногда судьямъ защищаемыхъ ими людей одѣными въ погребальное платье и съ распущенными волосами. Вѣроятно, что сія историческая черта подала идею сего мѣста, которое мы хотимъ привести здѣсь, и что Оранпоръ весьма удачно примѣнилъ оную къ своей матеріи.

„Мы бы всего надѣялись опять чувствительности вашего сердца, если бы могли

„представишь вашимъ очамъ крайнюю и под-
„линную нищету, едва прикрытую какимъ
„нибудь раздраннѣмъ и опшрашпелѣннѣмъ
„рубищемъ, сопровождаемую всѣми ужасами и
„несчастіями, какія она влачитъ за собою.
„Какого бы успѣха ожидали мы отъ своего
„проповѣданія, естли бы намъ можно было
„вдругъ поставишь среди сего собранія, спы-
„дящихся нищихъ, принужденныхъ въ семь раз-
„вращенномъ вѣкѣ скрывать свое убожество
„съ великимъ усиленіемъ, какъ будто бы оно
„было порокъ или безчестіе? Нищихъ, прези-
„раемыхъ, естли они извѣстны; погиба-
„ющихъ, естли они непознаваемы: сихъ пе-
„чальныхъ наслѣдниковъ покаянія Адамова,
„носящихъ пятопу дневнаго вара; споль нуж-
„ныхъ обществу, копорого они супъ основа-
„нія, и однакожь всегда упѣсняемыхъ, безчело-
„вѣчно разоряемыхъ, незнающихъ, куда имъ
„возносишь свои жалобы; нищихъ, у копорыхъ
„въ крайнихъ ихъ нуждахъ опнимають даже
„малѣйшую часть земли, упучненной ихъ по-
„помъ и прудами? Сіи бродящія привидѣнія,
„сіи оспанки челоѣчества, съ усиленіемъ вла-
„чащіяся въ общенародныхъ мѣспахъ, и къ
„дверямъ нашихъ храмовъ, дабы своею внѣш-
„ностію предспавлять зрѣлище ужаса и вмѣ-
„стѣ состраданія; и вокругъ сихъ несчаст-
„ныхъ, плачущія ихъ семейства, составляю-
„щія какъ бы нѣкоторый погребальнѣй сонмъ,
„поражающія воздухъ своими рыданіями и воп-
„лями, упоающія въ слезахъ, припадающія къ
„колѣнамъ вашимъ, усиленно умоляющія васъ о
„дарованіи жизни или свободы сыну, опцу,

„супругу и пропитанія себѣ. Вопрошаю васъ,
„Хріспоиименитые слушатели, какое бы же-
„спокое сердце могло снести сіе нечаянное
„явленіе?“

Живоспѣ, какую Ипохипозъ придаетъ по-
вѣспованію, весьма ощушительна въ слѣду-
ющемъ примѣрѣ.

Иосабетъ въ трагедіи *Говолія* рассказы-
ваетъ, какимъ образомъ она спасла *Иоса*
отъ убіенія.

„Увы! ужасное положеніе, въ которомъ
„Небо представило его очамъ моимъ, каждую
„минуцу приходилъ мнѣ на мысль и успра-
„шаетъ мою душу. Чертогъ наполненъ былъ
„убишыми Князьями: неукротимая *Говолія*,
„держа кинжалъ въ рукѣ, поощряла своихъ
„безчеловѣчныхъ воиновъ къ кровопролитію, и
„продолжала свои смертоубивства. *Иоса*, ое-
„мленный на смерть, вдругъ поразилъ мой
„взоръ, я еще воображаю кормилицу его, ко-
„торая безъ памяти—пѣщивно повергалась къ
„ногамъ тиранновъ, и ослабѣвши держала его
„прижавъ къ своей груди. Я взяла его всего
„облагреннаго кровію; слезы мои, омывая его
„лице, возвращали ему чувствіе, и онъ спреха
„ли еще, или для лобызанія, онъ прижималъ
„меня къ себѣ своими невинными руками.“

Сіи различные примѣры, безъ сомнѣнія,
довольно показываютъ съ какимъ искусствомъ
творческій умъ употребляетъ Ипохипозъ,
чтобы придавать описанію больше жару и
прогнательности. Но самая живоспѣ сея фи-
гуры, говоритъ *Квинтиліанъ*, пребуетъ, чтобы
Ораторъ употреблялъ оную оосторожно. Душа

не можетъ долго сноситьъ насилія пѣхъ движеній, какія она въ ней производитъ.

II. О Подобіи.

Сія фигура служишь къ украшенію и ясности слова, но надобно употреблять ее кспаци. Подобія не только должны быть вѣрны, благородны и величественны, но и представлять только извѣстные предметы.

Въ стихомъ повѣспованіи позволяется полагать оныя часпо, открыто, и брать издалека. По мѣрѣ своего оживленія, оно пребуешь ихъ меньше, пребуешь крапчайшихъ и ближайшихъ. Въ повѣспованіи памепическомъ подобія должно показывать скорою черпою; и еспли какія нибудь изъ нихъ вспрѣчаются въ жару спраси, то однимъ словомъ надлежитъ оныя выражать.

Подобія, заимспвваемые изъ Священнаго Писанія, весьма приличны проповѣдямъ, не только попому, что они освящены благочеспіемъ, но и попому, что въ нихъ почти всегда соединяется смѣлостъ съ проспопою. Правда, что они не всѣ имѣють сіе преимущество, но для того вкусъ долженъ опредѣлять выборъ оныхъ. Вопъ нѣсколько ихъ, копорыя по нашему мнѣнію могутъ служить образцами!

Давидъ сравниваетъ гнѣвъ Божій съ волнами, все поглощающими. Псал. 87, сп. 8, 18.

Исайя, предсказывая успѣхъ Евангелія проповѣданнаго по всей земли, употребляетъ слѣдующее сравненіе:

Якоже снидетъ дождь или снѣгъ съ небесе, и не возвратится, дондеже налочитъ землю, и родить, и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдъ: тако будетъ глаголь Мой, иже аще изыдетъ изъ устъ Моихъ, не возвратится ко Мнѣ тощъ, дондеже совершитъ вся, елика восхотѣхъ, и послѣшу пути Моя, и заповѣди Моя. Гл. 55, сп. 10. и 11.

И въ другомъ пророчесствѣ, касающемся пришествія Мессіи.

Се Царь праведный воцарится, и Князи съ судомъ владѣти нагнутъ. И будетъ теловѣкъ сокрывалъ словеса своя, и скрывается, аки отъ воды носимыя; и явится въ Сіонѣ яко рѣка текущая славная въ земли жаждущей. Гл. 32, сп. 1. и 2.

Въ молиствѣ Езекии много весьма вѣрныхъ подобій.

Остахъ отъ сродства моего, оставихъ протее живота моего, изыде и отыде отъ мене аки разрушай кущу поткнувый. Аки платно духъ мой во мнѣ бысть, ткагельницѣ приближающейся отрѣзати. Въ той день преданъ быхъ до завтра аки лъву, тако сокруши вся кости моя... Яко ластовица, тако возолію, и яко голубъ, тако лугуся... Исаи гл. 38, сп. 12. 12 и 14.

Руссо сдѣлалъ совершенное подражаніе сему мѣсту въ одной своей одѣ на шу же маперію.

„Твое дуновеніе восхищаетъ меня опъ
„земли живыхъ; пакъ засохшій, изпадшій изъ
своего спелбля листъ спановится игралищемъ
вѣпровъ.“

„Зло сокрушило мои кости, какъ неукро-
„пимый пигръ и неуполимая ярость его не
„даетъ мнѣ покоя. Будучи въ семь кровавомъ
„вмѣдѣ слабая и шрепещущая жерпва, въздыхаю

„день и ночь, и въ моемъ смерпелномъ
„спрахъ подобенъ ласповицѣ, попавшейся въ
„кохпи яспреба.“ (Кн. г, Ода х.)

„Богапспво, говоришь Свяпый Климентъ
„Александрійскій, подобно зми, копорую
„мудрый обаяпель можетъ взять за хвостъ,
„и не бытъ угрызень ею; но кпо не знаешь
„искурспва очарованъ ее, того она, согнувъ
„шись, смерпелно уязвишь.“

„Сонъ, говоришь попъ же Свяпый Опець,
„есъ алчный мыпнаръ, принуждающій насъ
„раздѣлять съ нимъ половину нашей жизни.“

„Безъ солнца, сказалъ онъ еще, ночь по-
„крывала бы вселенную, хопя были бы другія
„свѣшила; и еспьли бы мы не были просвѣ-
„щены словомъ Божимъ, то бы ничѣмъ не раз-
„личествовали опъ пѣхъ ппицъ, копорыхъ
„опкармливають во пѣмъ, для смерпи.“

Сказали мы, что подобія, почерпаемыя изъ
Священнаго Писанія, приличнѣ проповѣдямъ,
нежели всѣ другія. *Массильюнъ* полагаетъ оныя
въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ два примѣра!

Такъ начинаешь онъ первую часть своего
слова о смерти грѣшника, и проч.

„Пусть мы удаляемъ опъ себя образъ
„смерпи, но она каждый день приближается
„къ намъ, Юность исчезаетъ, лѣта спремь-
„пелно проходятъ, и мы подобны будучи, по
„Писанію, водамъ, текущимъ въ море, и не воз-
„вращающимся къ своему источнику, быспро
„увлекаемся въ бездну вѣчности, гдѣ пограз-
„ши на вѣки, не приходимъ опять на пупи
„свой, не являемся паки на земли: Смертію

„умремъ и яко вода низходящая на землю, аже не
„соберется.

Боссюэтъ весьма благородно выразилъ ту же мысль въ надгробномъ словѣ Генріэттѣ Английской, и сравненія его, кажется, почерпнушы изъ того же источника.

„Всѣ мы умремъ, сказала она, жена, ко-
рой благоразуміе похваляется во впорой
„книгѣ Царствъ; мы непрестанно идемъ во
„гробъ, какъ воды перяющіяся невозвратно.
„Подлинно, всѣ мы подобны водамъ текущимъ.
„Какимъ бы высокимъ опличіемъ ни напыща-
„лись люди, всѣ они имѣютъ одинакое на-
„чало, и сіе начало естъ низкое: лѣпа ихъ
„идутъ одно за другимъ, какъ волна гонитъ
„другую волну; они не преспаютъ утекавъ,
„и наконецъ, сдѣлавши нѣсколько болѣе шуму, и
„преплывши далѣе, всѣ смѣшиваются въ одной
„безднѣ, гдѣ уже не признаютъ ни Князей, ни
„Царей, ни другихъ пышныхъ пипуловъ, раз-
„дѣляющихъ человѣковъ, такъ какъ славныя
„рѣки перяютъ свое имя и славу, смѣшавшись
„въ Океанъ съ рѣками неизвѣстнѣйшими.“

Невилъ въ Одномъ мѣстѣ своего слова о все-
общемъ судѣ, приводитъ разныя подобія изъ
Священнаго Писанія, для изображенія повсюд-
наго разрушенія природы, имѣющаго бытъ въ
ту мину, какъ Иисусъ Хрісѣосъ явился су-
дити человѣковъ.

„Онъ говоритъ; звѣзды угасають на пвер-
„ди, солнце меркнетъ, вокругъ ихъ все низ-
„падаетъ, все мгновенно исчезаетъ, такъ какъ
„волны быспраго попока спремипельно низ-
„вергаются въ дебри. Онъ бѣжитъ съ шумомъ,

„Вскорѣ не видно даже и слѣда его печенія:
„Яко же потокъ оскудѣвая, или якоже волны пре-
„идоша. Небо вдругъ исчезаетъ, такъ какъ из-
„ображенія на полошнѣ скрываются опъ очей,
„когда искусная и легкая рука поспѣшно сви-
„ваетъ оное: *Небо отлугися яко свитокъ свиваемо.*
„Земля препещетъ, одно дуновеніе похищаетъ
„ее, и мѣсто, на которомъ она спояла, вопро-
„шаетъ, была ли она? *Мѣсто не обрѣтется имъ.*“

Аббаши Пуль въ одномъ своемъ словѣ
употребляетъ подобіе, котораго примѣненіе
поразиительно.

„Какъ только явился благочестивый мужъ
„въ семь кругу людей, оживляемомъ весело-
„стію, злорѣчіемъ, клеветаніемъ и нечестіемъ;
„попчасъ начатые разговоры прерываются,
„скромность заснуаетъ мѣсто своевольства,
„усыпленные совѣсти пробуждаются, сердца
„самыя ожесточенныя исполняются страха
„Хрістіанскаго, самые беззаконники спановяп-
„ся лицемѣрами; смущенный порокъ принуж-
„денъ уснувши высокой власи добродѣте-
„ли осуждающей его, и всѣ взирають на раба
„Божія, какъ пресупники на Судію, котораго
„присущствіе приводитъ ихъ въ препенъ и
„ужась. Такъ Израильяне по опшесствіи *Мо-*
„*сея* неисповсвуютъ рошпаніями на своего
„вождя, они забываютъ Бога, Которому покла-
„нялись опцы ихъ, они шребуютъ боговъ чу-
„ждыхъ, злшой пелець естъ предметъ ихъ
„поклоненія, они совершаютъ поржесство сво-
„ей невѣрности мятежными пѣснями и безум-
„нымъ плясаніемъ. *Моисей* является, вдругъ всѣ
„объемлются ужасомъ; въ смущенныхъ Евреяхъ

„произошло угрюмое молчаніе, они спыдятся
„самихъ себя и своего идола, и сіи дерзоспные
„опспунники, не убоявшіеся раздражипъ Все-
„могущаго, не могутъ снести приближенія и
„взоровъ служителя Его.“

Упопреленіе подобій, кажется, приспой-
но спилу надгробнаго слова, который долженъ
быть красивѣе и обработаннѣе спила другихъ
родовъ рѣчи; но попрелно, чпобъ они были
благородны и поразительны, и придавали боль-
шій блескъ повѣспованію Орапора. Таковы
спѣдующія подобія:

„Какъ спвердый и великій сполпъ еспъ
„незыблемая подпора вешхаго храма, и когда
„сіе огромное зданіе поддерживаемое имъ па-
„даепъ на него, онъ спойпъ неподвижно: спакъ
„Королева спредспвляется спвердою подпорою
„Государспва, спакъ она носивши долгое время
„спяжеспъ свою не подспгласъ, не пала вмпспъ
„спъ оною.“

(*Босспзтѣ* въ надгр. словѣ Королевѣ Английской.)

„Какъ орель,—лепппъ ли онъ по просп-
„ранспву воздуха, или садипся на вершинѣ
„горы, всегда на всѣ сппороны бросаепъ споль
„пронсппельные взоры, и споль вѣрно низпус-
„каепся на свою добычу, чпо не лъзя избѣг-
„нупъ когспей его: спакъ живы были взоры,
„спакъ быспры и спспемсппельны были напа-
„денія, спакъ спльны и неизбѣжны были руки
„и Принца де Конде.“ (онъ же.)

Окончипъ сей членъ двумя весьма изобра-
зительными подобіями, которыми *Расинъ* укра-
„силъ хоры трагедій *Геоолія* и *Эсперъ*.

„Какъ тихій ручей повинуется рукѣ оп-
„водящей печеніе его въ другую сторону, и
„попуская оной раздѣлять пишательность
„своихъ водъ, печенъ содѣлать всю ниву
„плодоносною: такъ сердца Царей въ Твоей
„десницѣ, Боже, верховный власпишель
„человѣческой воли!“ (*Эсфирь* дѣйст. II, явл. IX.)

„Какъ на неизвѣстной долинѣ между хол-
„мами, при попокахъ чистой воды, въ безопас-
„ности отъ сильнаго вѣтра, расцвѣтъ нѣжная
„лилія, любовь природы: такъ онъ воспитанъ
„въ удаленіи отъ міра, украшенъ отъ своего
„рожденія всѣми дарами небесъ, нечестивый
„не имѣетъ доступа къ нему, и не нару-
„шаетъ его невинности.“

(*Говол.* дѣйст. II, явл. IX.)

Сочинитель разумѣетъ здѣсь младенчество
Иоса.

III. О Параллели.

Параллель есть сравненіе двухъ знамени-
тыхъ особъ, копорыхъ добродѣтели и заслуги
Ораторъ взвѣшиваетъ на вѣрныхъ вѣсахъ,
чтобы дать слушающему оцѣнить по сход-
ство, или нѣтъ противности, какія показываютъ
се сношеніе.

Сія фигура, которую можно употреблять
только въ панегирикахъ и надгробныхъ сло-
вахъ, пребуетъ великаго дарованія въ Ораторѣ.

1. Погрѣшительно бы было—думать, что
надобно представлять параллель со всѣми ея
подробностями; надлежитъ разбирать только
великія черты, и нѣтъ, копорыя имѣютъ бли-
жайшее соотношеніе.

2. Неискусства есть знакъ доводитьъ параллель до той точки, гдѣ надлежитъ даватьъ цѣну предмету, непривлекающему главнаго вниманія.

3. Для каршинъ сего рода попребна кисть блистательная и черны легкія, но вѣрныя и такія, которыя хорошо бы изображали свойства пѣхъ особъ, коихъ Орапоръ описанъ намѣреваются.

4. Наконецъ попребно, чѣобы обстоятельство натурально производили параллель, дабы ходъ повѣствованія не былъ медлѣннѣе, и слушатель не отвращалъ вниманія.

Мы приведемъ малое число примѣровъ сей фигуры, опъ которой большая часть Орапоровъ упадаетъ, и которую самые славные Випи не иначе упопребляютъ, какъ съ осторожностію.

Массильіонъ въ одномъ надгробномъ словѣ удачно сравниваетъ Герцога *Монтозьера* съ *Боссюэтомъ*.

„Одинъ славился высокою и строюю добродѣтелию; правдою, казавшеюся выше нашихъ нравовъ; честностію непоколебимою при Дворѣ; Философъ безъ тщеславія; Хрістіанинъ безъ слабости; царедворецъ безъ спращи; судія хорошаго вкуса и благоприспособленности; врагъ лжи; другъ и покровитель заслугъ; ревнитель славы опечесства; обличитель повсюднаго своевольства; наконецъ, одинъ изъ пѣхъ людей, которые кажутся оспашками древнихъ временъ, и которые одни не нашего вѣка.

„Въ другомъ обширный и щасливый разумъ, искренность, которою всегда опличаются великія души и первые умы; украшеніе „Епископскаго сана! Французское Духовенство „хвалилось имъ будешь во вся вѣки; Епископъ „среди царедворцевъ; мужъ украшенный всѣми „талантами и знаніями; учитель всѣхъ церквей; ужасъ всѣхъ сектъ; опецъ 17 вѣка; мужъ, „которому не доставало только того, чтобы „родиться въ первенствующія времена, дабы „быть свѣтиломъ Соборовъ, душою собирающихся Опцевъ, установителемъ церковныхъ „правиль, предсѣдателемъ въ Никеи и Ефесѣ!“

Въ слѣдующемъ Боссюэповомъ сравненіи *Тюренна* съ *Принцомъ Конде*, вѣрность мыслей соединена съ скоростію и благородствомъ слога.

„Видны ли были когда нибудь въ двухъ „человѣкахъ однѣ добродѣтели съ характеристиками, не скажу, споль проповѣдными, но различными? Одинъ, кажется, дѣйствуетъ по „глубокимъ размышленіямъ, а другой по внезапнымъ вдохновеніямъ: сей слѣдовательно „живѣе, но пылкость его не имѣетъ излишней „спремительности; похъ холоднѣе, но безъ „всякой медленности, смѣлѣе въ дѣлахъ, нежели въ словахъ, рѣшителенъ и опваженъ въ „духъ, когда даже по наружности онъ казался бы въ замѣшательствѣ. Одинъ, какъ „только является войскамъ, подаетъ высокую „идею о своемъ мужествѣ, и заспавляетъ „ожиданъ чего нибудь чрезвычайнаго; но однажды онъ идетъ по обыкновенному порядку,

„и шествуетъ какъ бы поспешенно къ чуде-
 „самъ, оканчивающимъ его жизнь: другой,
 „какъ мужъ вдохновенный, на первой бипвѣ
 „равняеся съ совершеннѣйшими воинами.
 „Одинъ сильною и непрерывною дѣятельностью
 „удивляетъ мѣръ, и заграждаетъ уста зави-
 „спии: другой при первомъ дѣйствіи бросаетъ
 „споль яркій свѣтъ, что она не смѣетъ во-
 „спать на него. Одинъ наконецъ, глубиною
 „своего разума и невѣроятными способами
 „своего мужества возносится выше вели-
 „чайшихъ опасностей, и даже всѣ превраще-
 „спии щастія умѣетъ обращать въ свою поль-
 „зу: другой и по преимуществу своей высо-
 „кой породы, и по великимъ мыслямъ, низпо-
 „сылаемымъ свыше, и по нѣкому природному
 „побужденію, котораго тайны не познаютъ
 „люди, кажется рожденнымъ на то, чтобы
 „влачить за собою форшуну во всѣхъ своихъ
 „намѣреніяхъ, и нудитъ судьбы. И какъ мы
 „въ сихъ двухъ мужахъ всегда видѣли великіе,
 „но разные характеры, одинъ похищенъ у
 „насъ нечаяннымъ ударомъ, умираетъ за свое
 „опечесство подобно *Маккавею*: воинство опла-
 „киваетъ его, какъ своего опца, Дворъ и весь
 „народъ рыдаетъ; благочестіе его прославляет-
 „ся, какъ и мужество, и память его не бу-
 „детъ испреблена временемъ: другой, достиг-
 „ши оружіемъ высочайшей славы, какъ *Давидъ*,
 „умираетъ подобно ему на своемъ ложѣ, въ-
 „щая хвалы Богу и поученія своему семейству,
 „и ославляетъ всѣхъ сердца исполненными
 „уваженіемъ къ славной своей жизни, и соболѣз-
 „нованіемъ о своей смерти.“

Флешъеръ, въ надгробномъ словѣ Тюрениу, сравниваетъ сего великаго полководца съ племянникомъ его, Кардиналомъ Бульйономъ.

„Какая была для него радость, когда онъ „самъ одолѣвалъ грады, а знаменитаго племянника своего, блистающаго добродѣтелями „паче, нежели багряницею, видѣлъ возспано- „вляюща и примиряюща церкви подъ управле- „ніемъ Короля споль же благочестиваго, какъ „и могущественнаго! Одинъ распроспиралъ „успѣхи оружія; другой распроспранялъ вѣру: „одинъ сокрушалъ сѣѣны; другой возобновлялъ „жертвенники: одинъ опускашалъ земли Фили- „спимскія; другой носилъ кивотъ окрестъ „Израильскаго спана: попомъ, совокупя свои „молишвенныя желанія, такъ какъ сердца ихъ „соединены были, племянникъ участвовалъ въ „заслугахъ, копорыя дядя оказывалъ государ- „спву, а дядя участвовалъ въ пѣхъ, копо- „рыя племянникъ приносилъ Церкви.“

IV. О Противоположеніи.

Противоположеніе (Antitheton) есть такая фигура, копорая проптивупоспавляетъ слова словамъ, и мысли мыслямъ. Она чрезмѣрно привлекательна своимъ блескомъ и проптивностію своихъ членовъ, и пѣмъ прельщаетъ людей самыхъ спрогихъ, и дѣлаетъ ихъ спсходительными.

Надобно полагать сію фигуру не часто, и даже весьма ограничивать употребленіе ея; ибо она ослѣпляетъ своимъ сильнымъ свѣтомъ, и производитъ въ словѣ спайкойже недоспашокъ, какой кистъ на полспнѣ, когда

предметы, слишкомъ будучи свѣпмы; препятсвующь глазу оспановившся на нихъ.

Особливо, Хрістіанскій Орапоръ долженъ упопрелять ее рѣдко. Она означаепъ желаніе блиспапъ, желаніе несогласное съ важноспію его званія. Впрочемъ бывающъ случаи, когда приспойно упопрелять оную, шо еспъ, когда она служишъ къ показанію прошиворѣчія, находящагоса между Евангельскими правилами и поведеніемъ большей часпи людей. Тогда она спановившся изобличеніемъ сильнымъ, весьма приспойнымъ въ устахъ служителя олшаря.

Массильюнъ упопреляепъ прошивоположеніе въ одномъ мѣспѣ своего слова *о ловиновѣи волъ Божіей*, для показанія тѣхъ прошивностей, какія человекъ испытываепъ въ разныхъ состояніяхъ сея жизни.

„Вспорый испочникъ нашихъ безпокойспвъ „супъ наспоющія произшеспвія, и случающееся вседневно предъ нашими очами. Ничшо и „никогда почпи не дѣлаепся по нашимъ желаніямъ; чшо мы любимъ, шо опъ насъ ухощипъ; чего мы хощимъ, шо бѣжипъ опъ насъ; „чего боимся, шо вспрѣчаепся съ нами; ни „когда мы не бываемъ щаспливы во всемъ. „Еспшли щаспіе благопріятспвуепъ намъ, шо „не доспаепъ намъ здоровья; еспшли благоволеніе Государя возвышаепъ насъ, шо зависпъ „придворнаго поносишъ насъ и унижаепъ; „еспшли зависпъ щадишъ насъ, и мы можемъ „надѣяпъся на одобренія публики, шо верховный правитель насъ презираепъ. Въ какомъ „бы положеніи мы ни были, всегда не доспаепъ

„чего нибудь къ нашему благополучію, и, что
„горестнѣе для человѣка, одна печаль для него
„превышаетъ тысящу удовольствій, и чего
„ему не доспаетъ, но сколь бы маловажно ни
„было, всегда дѣлаетъ непріятнымъ то, чѣмъ
„онъ обладаетъ.“

Флешьеръ, котораго укоряютъ весьма частымъ употребленіемъ сея фигуры, съ пріятностію полагаетъ оную въ изображеніи должностей великаго Государя.

„Какіе шѣ цари, говоритъ онъ, которыхъ
„образуетъ вѣра, которые, будучи щасливы,
„дѣлаютъ и подданныхъ своихъ щасливыми?
„Они суть шѣ, глаголетъ Блаженный *Августинъ*,
„которые, царствуя праведно, почидаютъ
„Бога, дающаго имъ царство, которые покоря-
„ютъ сему верховному Величеству свое вели-
„чіе и могущество; которые любятъ паче
„царство небесное, ими чаемое, нежели царст-
„во земное, ими обладаемое; которые удаляютъ
„отъ себя ложь и щеславіе, и уважаютъ бо-
„лѣе истину, нежели лезъ; которые счи-
„туютъ себя паче опцами, нежели владыками
„своихъ подданныхъ; которые наказываютъ
„противъ желанія, и прощаютъ по склонно-
„сти; которые ведутъ войну по нуждѣ и въ
„намѣреніи возстановить швердый миръ; ко-
„торые любятъ болѣе владычествованіе надъ
„своими спрасями, нежели надъ своими на-
„родами; которые шѣмъ умѣреннѣе и оспорож-
„нѣе, чѣмъ они свободнѣе и независимѣе, и ко-
„торые все сіе дѣлаютъ не по суешному же-
„ланію славы, но по желанію вѣчнаго блажен-
„ства.“

Слѣдующее пропивоположеніе достойно также замѣчанія.

„Смущають еще и упоминають духъ нашъ „спрасни и пороки. Я говорю о той внушрен- „ной войнѣ, которую мы сами въ себѣ чувст- „вуемъ, гдѣ духъ восстаепъ на плоть, и плоть „на духъ, то есть, склонности плотскія вос- „пають на разумъ, и пропивъ его совѣта у- „спремляются. Духъ возводиетъ къ горнему; „но плоть низвлекаетъ къ землѣ: тогдѣ улов- „ляетъ красою духовныхъ незыблемыхъ „вещей, сія прельщаетъ пріятностями наруж- „ными плѣнныхъ красотъ: тогдѣ опворяетъ „дорогу къ добродѣтели, но постигаетъ ее „шерніями, сія проспранный къ порокамъ оп- „воряетъ путь, но цвѣтами оной успиляетъ. „Ахъ, въ какой пѣсногдѣ находится человекъ! „себя самага на двѣ часни раздираемаго чув- „спвуемъ. Понимаетъ самъ въ себѣ, что без- „опаснѣ послѣдовать руководспву разума, и „какъ возможно выше вещества возноситься: „но опягдѣ самъ въ себѣ находитъ нѣчто па- „кое, которое добрыя мыслей расположенія „разрушаетъ. Соусплаждаюся закону Божію, гово- „риетъ Святой Павелъ, по внутреннему теловѣку: „но сижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу сою- „ющъ закону ума моего. Духомъ моимъ непороч- „ное житіе лобызаю; но нѣчто пиранниче- „ское въ себѣ нахожу, что доброе мое желаніе „въ печеніи своемъ оспановляетъ.“

(Изъ собранія поученій на всѣ воскресные и праздничные дни.)

Въ Священномъ Писаніи и въ сочиненіяхъ Свяшыхъ Отецъ есть довольно поразитель- ные пропивоположенія, на примѣръ:

Мы буи Хріста ради, вы же мудри о Хрістѣ: мы немощни, вы же крѣпцы: вы славни, мы же безтестни ... Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими, утѣшаемъ. (1. Коринѣ. гл. 4, сп. 10, 12 и 13.)

И въ другомъ мѣстѣ:

Время прекращенно есть протее, да и имущи жены, якоже не имущи будутъ: и платущи, якоже неплатущи: и радующіися, якоже не радующеся: и кулующи, яко не содержаще: и требующи міра сего, яко не требующе. (гл. 7, сп. 29, 30 и 31.)

Свяшый Килріанъ съ важностію упопребляетъ сію фигуру въ своемъ словѣ о милостынѣ. Онъ представляетъ вѣрующимъ, что Богъ сдѣлалъ для челоѣковъ.

„Сынъ Божій восхошѣлъ бытъ и сыномъ „челоѣческимъ, дабы насъ сдѣлалъ сынами „Божіими; смирилъ Себя, да насъ падшихъ воз- „ставилъ; язвенъ былъ, да наши язвы исцѣ- „лилъ; послужилъ, дабы насъ опъ рабства „привесилъ къ свободѣ; вкусилъ смертъ дабы „намъ смертныиъ даровалъ безсмертіе.“

И въ другомъ словѣ:

„Мы Философы не словами, но дѣлами; не „говоримъ, но дѣлаемъ великое, и проч.“

Замѣтимъ, оканчивая сей членъ, что про- пивоположеніе никогда не должно бытъ въ мѣстамъ папешическихъ, развѣ только когда предлагаемыя истины еспешивенно пропиво- положны одна другой. Поелику крапчайшій и простѣйшій способъ представлятъ оныя естъ— показывають пропивноств ихъ; то аныишеш- понъ тогда натураленъ, и дѣлаетъ подлин- ную красоту, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ

Поэмы о Религии, сочиненной Расиномъ младшимъ.

„Я нечиспый червь земли, и царь все-
„ленныя, богатъ и нищъ, свободень и опяг-
„ченъ узами; я ничто иное, какъ ложь, заблу-
„жденіе, неизвѣспность, и единое мое упраж-
„неніе еспъ испина; иногда весь міръ громо-
„гласно возвѣщаепъ мнѣ верьховнаго Владыку,
„Котораго я ищу, и я уже Его вижу; и иног-
„да, въ глубокомъ молчаніи, предъ моимъ блу-
„ждающимъ взоромъ Онъ ничто другое еспъ,
„какъ неизмѣримая пустопа,—сколько гордо-
„спи! И такимъ образомъ пропивень будучи
„самому себѣ, я чудовище суепности, ужась
„бѣдности, я вмѣспъ ничтожеспво и величіе.“

О ФИГУРАХЪ МНѢИИ, СЛУЖАЩИХЪ КЪ ВОЗБУЖДЕНІЮ СТРАСТЕЙ.

1. О Обращеніи.

Обращеніе, (*Apostrophe*) еспъ фигура, ко-
торою Орапоръ вдругъ прерываепъ порядокъ
своего слова, дабы обрапипсь къ живымъ,
или мерпвымъ, къ присупспвующимъ, или
опсупспвующимъ и даже къ вещамъ не-
одушевленнымъ.

Обращеніе, будучи живо и убѣдипельно,
происходя опъ воспорга, печали или негодо-
ванія, еспъ изліяніе души, сильно заняшой
своимъ предметомъ, и поспѣшающей сооб-
щипъ другимъ чувспвованія, волнующія оную.

Примѣры :

*Давидъ въ-93 псалмѣ оплакиваепъ ушѣс-
неніе праведниковъ подъ игомъ сильныхъ*

Я

гонимелей, копорые, убивая слабаго, увѣря-
ютъ себя, что нѣтъ мстителя, котораго бы
имъ надлежало бояться. Сіе злочесливое ослѣп-
леніе раздражаеиъ ревностъ его, онъ вос-
пиаеиъ на сихъ безумцевъ, и обращаеиъ къ
нимъ свое слово съ жаркимъ негодованіемъ,
копорое прогаеиъ и изумляеиъ.

*Разумѣйте же безумиѣ въ людехъ, и буѣи нѣ-
когда умудритесь: Насаждеи ухо, не слышитъ ли?
или создави око, не сматрѣаетъ ли? наказуѣи языки,
не облиститъ ли, угаи теловѣка разуму?*

Онъ же въ 51-мъ псалмѣ проспираеиъ къ
нечесливымъ весьма жестокиа обличенія.

*Что хвалишиа въ злобѣ, сильне? Беззаконіе весь
день, неправду умысли языкъ твой: яко бритву
изошренну сотвориѣ еси лесть, и проч.*

У Святаго Матѣеа:

*О роде невѣрный и развращенный! доколѣ буду
съ вами? доколѣ терлю вамъ? Гл. 17, ст. 17.*

Свяиый Килріанъ вооружаеиъ проповѣ
грѣшниковъ, ожесточившихся въ своемъ без-
законіи, слѣдующимъ устрашииельнымъ Апо-
сτροφомъ.

„Нещасный! ты погубилъ свою душу,
„ты духовно умерши, началъ переживаиъ
„здѣсь себя, ходя носишь гробъ свой, и не
„плачешъ горько, не съиуеиъ болѣзненно!
„Вопъ еще тягчайшія раны грѣховныа; вопъ
„вящія пресупленія: согрѣшивши не удов-
„леиворяиъ; заблудившись, не оплакиваиъ
„своего заблужденія!“

Свяиый Климентъ Александрійскій, обра-
щаеиъ къ язычникамъ, говорииъ:

„Да приидутъ обожатели вашихъ идоловъ,
и художники, сдѣлавшіе оныхъ, вашъ *Фидій*,
вашъ *Поликлетъ*, *Пракситель* и *Апеллесъ*, и я
скажу имъ, что ихъ художество есть низ-
кое, и что они только грубые и земные дѣ-
латели земнаго и грубаго вещества. Ни
одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ живой статуи,
или изъ безчувственной глины одушевлен-
наго плъа. Кто изъ нихъ составилъ кости,
способныя возрастанъ, и имѣющія мозгъ?
кто пропаянулъ нервы? кто расширилъ кров-
ныя жилы? кто просперъ кожу? кто сдѣ-
лалъ глаза, могущіе видѣть? Кто вдохнулъ
своему творенію душу и жизнь? Единъ Богъ
сочинилъ сіи чудеса; ибо Его искусство пре-
вышаетъ всѣ искусства. Онъ единъ могъ
сдѣлать живую и одушевленную статую—
человѣка.“

Вотъ громкій и поразительный Апострофъ!
Ораторъ, изобразивши невинность убиен-
наго Іерарха, вдругъ обращается къ убійцамъ
для обвиненія ихъ.

„О вы, недостойные имени человѣческаго
злѣдѣи! не уже ли и утверждаетесь въ томъ,
что убиеніемъ сего, только опечесству по-
служившаго мужа, пріятную Богу принесли
службу? Не убиваетъ ли паче васъ, обличая
въ неслыханномъ почти беззаконіи, самая
совѣсть ваша? Раны сіи и заушенія не про-
бодаютъ ли звѣрскаго сердца вашего? Земля,
обогрѣнная отъ рукъ вашихъ кровію, не сви-
дѣтельствуетъ ли и предъ Ангелы и предъ
человѣки, что сія пролила невинно, и что
она достойна была всякаго вашего охраненія?“

„Лишенные добраго своего Пастыря благо-
„вѣрныхъ души, и вся Россійская Церковь,
„не видя уже болѣе перваго и ревностнаго въ
„правипельствѣ своемъ служителя, не испу-
„скають ли сердечнаго вопля, проникающаго
„своды небесныя и достигаяющаго до престола
„правосудія? Разграбленіе не особеннаго покло-
„но и общаго имѣнія, опустошеніе обители,
„раздробленіе святыхъ иконъ, и похищеніе
„самыхъ освященнѣйшихъ даровъ, да гдѣ? во
„своемъ опечесствѣ, во градѣ единыя вѣры и
„единого исповѣданія, не проповѣдають ли
„васъ худшими язычниковъ и самыхъ варва-
„ровъ, яко николиже починая собою за
„свято тако попиравшихъ? Угрожающее на-
„конецъ казню правипельство, или и безъ
„того бывшее на васъ довольное за злодѣй-
„ство ваше праведнаго гнѣва послѣженіе, вся,
„говорю, сія не доказываютъ ли, что посту-
„покъ вашъ есть пребеззаконный, безчеловѣч-
„ный и достойный имени діавольскаго, а не
„Христіанскаго?“ (*Алгерсій М. Новгородскій.*)

Сказали мы, что въ минуты ужаса, него-
дованія или печали обращаются и къ вещамъ
неодушевленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не
льзя лучше сего выражать великія спрасни.
Вопль нѣсколько примѣровъ тому!

*Доколѣ сѣщи будещи, о мсту Божій! вопіетъ
Іереміа, доколѣ не улокоишися! Види въ ножны
твоя, погій и вознесися.*

Дасидъ въ 23 псалмѣ поетъ:

*Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата
вѣстная, и увидетъ Царь славы.*

Онъ же въ 136 Псалмѣ представляеть
Іерусалимлянина, опвѣденнаго въ Вавилонъ, си-
дящаго съ скорбію на берегу рѣки, орошающей
сей городъ, испускающаго сненанія, при обра-
щеніи очей къ своему опечесиву, пронзенный
печалію онъ говоритъ:

*Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвѣна буди де-
сница моя: прильпни языкъ мой гортани моему,
аще не помяну тебе.*

Тотъ же Пророкъ такъ еще изъясняея
въ слѣдующей прекрасной плачевной пѣсни на
смерть Саула и Іоанаана:

*Горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже
дождь на васъ, яко тамо поверженъ бысть щитъ
сильныхъ: щитъ Сауловъ не бысть помазанъ елеемъ.
Како ладоша сильніи посреде брани? Іоанаане, до
смерти на высокихъ твоихъ язвѣхъ еси: Саулъ и Іо-
анаанъ возлюбленіи и прекрасніи неразлучни,
благолѣдни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не
разлучишася. 2 Цар. 1, 21.*

Боссюэтъ въ надгробномъ словѣ Герцогинѣ
Орлеанской:

„Увы! мы не можемъ ни на одну минушу
„оспаноуишь своего взора на славѣ Государы-
„ни, пакъ чпобъ въ поже время не примѣши-
„валась пунъ смертъ, дабы все заслонялъ
„своею тѣнію. О смертъ! удались отъ нашей
„мысли, и дай намъ обмануть на одну мину-
„шу жестокость нашей печали воспомина-
„ніемъ нашей радости.“

Онъ же въ другомъ мѣстѣ:

„Мрачныя жилища, въ которыхъ спыдъ
„содержитъ нищету! коликокрашно она из-
„ливала и на васъ упѣхи и благоспыни,

„безпокоюсь о вашихъ нуждахъ и печаляхъ, и
„съ большимъ щиріемъ скрывая свои благо-
„творенія, нежели съ какимъ вы скрывали
„свою бѣдность?... Мечу Господень! какой
„ударъ ты нанесъ!“

Обращеніе, какъ уже видно, есть движеніе
насиловственное и непредвидимое, поражающее,
объемлющее, изумляющее, и весьма приличное
спрашывъ пылкимъ и возмущительнымъ, ко-
торыя всегда неперпѣливы и опкрывающіяся
вдругъ сильнымъ восхищеніемъ. Впрочемъ дол-
жно съ искусствомъ приводить сію фигуру:
надобно приготавливать къ ней слушателя дви-
женіями тихими, попомъ, какъ онъ нечувств-
вительно привлеченъ будетъ, вдругъ восхи-
щаясь его съ насиліемъ, и не давая ему време-
ни опомниться.

II. О Восклиданіи.

Восклиданіе (Exclamatio) довольно походитъ
на обращеніе. Оно состоитъ въ томъ, что
говорящій вдругъ возвышаетъ свой голосъ въ
нѣкоторомъ сильномъ движеніи сопраннаго,
желанія, удивленія, печали или негодованія.

Святой *Павелъ*, долго представлявши Га-
лаатамъ безконечную благость Іисуса Хріста,
умершаго за нихъ, возглашаетъ:

*О немыслимый Галаате! кто вы прельстилъ
есть не покорится истинѣ? имже предъ очима
Іисусъ Христосъ предназначенъ бысть, съ вами рас-
плать? Гл. 3, ст. 1.*

Пророкъ *Іеремія*, изобразивши несчастіе
Израильскаго народа, вопіетъ:

Вси, иже проходящии путемъ, обратителся, и видите, аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя!

Массильонъ, представивши ужасную картину смерти нераскаяннаго грѣшника, восклицаетъ:

„Великій Боже! въ какое состояніе приходишь сія душа? Чѣмъ обрѣпаетъ она исходя изъ своего земнаго жилища и падая въ вѣчныя руки Твоего мщенія? Какой ужасъ, увидѣвъ себя какъ бы по пробужденіи у подножія спрашнаго судища, узрѣвъ предъ собою опверзшую пропасть! и проч.“

Боссюэтъ, говоря о смерти Герцогини Орлеанской, послѣдовавшей вскорѣ за смертью ея матери:

„О суеца! о ничтожество! о смертные, незнающіе своея судьбы!“

Онъ же въ одномъ словѣ:

„О смерть! я благодарю тебя за то, что ты просвѣщаешь насъ.“

Въ другомъ мѣстѣ, сдѣлавши великое описаніе слабостей человѣка, онъ возносился превыше самаго себя, восклицая торжественно: „Ахъ! сколь мы ничтожны!“

Какъ восклицаніе есть послѣднее усиліе весьма живой спрашки, то должно рѣдко употреблять оное въ словѣ. Если Орапоръ полагаетъ его часто, то оно служитъ только къ охлажденію и пресѣченію слова. Это прибіжище посредственныхъ Орапоровъ, которые, не въ состояніи будучи вести непрерывную связь, наполняютъ всѣ пустыя мѣста симъ средствомъ.

III. О Вопросеніи.

Вопрошеніе (Interrogatio) не требуетъ опредѣленія, изъ имени его довольно узнать оное можно. Оно служишь къ изъясненію живыхъ спрасшей, и дѣлаетъ впечатлѣніе въ слушателей, который болѣе убѣждается сею фигурою, нежели другими. Она своею живою многю придаетъ движенія слову; но надобно умѣть употреблять ее къспашу.

Пророки часто употребляютъ сію фигуру.

Такъ изъясняется *Авакумъ* въ изумленіи, въ какое приводятъ его *Иудейскіе* безпорядки, которыхъ онъ свидѣтель:

Доколѣ, Господи, воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? Вскую мнѣ показаль еси труды и болѣзни, смотрити страсть и негестіе? противу мене бысть судъ, и судія вземлетъ. (Гл. 1, ст. 2 и 3.)

Езекиа, успрашенный угрозами *Сеннахирима*, послалъ испробовать совѣта у *Исаи*. Вопъ опивѣтъ Пророка; онъ говоритъ самому *Сеннахириму*:

Кого укорилъ и разгнѣвалъ еси? или къ кому возвысилъ еси гласъ твой, и не воздвигль еси на высоту отесъ твоихъ къ Святому Израилеву? и проч. (Гл. 37, ст. 23.)

Начало *Массильіонова* слова о немилосердіи богатѣ, есть цепь вопрошеній, которыя кажутся проспymi вопросами, сдѣланными *Орапоромъ* для того, чпобъ ему узнать истину, но они своимъ жаромъ и живою объявляють важность и занимательность предмета.

Изъ сего лекста: *стражду во пламени селъ,*
проповѣдь начинается слѣдующимъ образомъ:

„Какія ужасныя беззаконія ископали сему
„несчастному бездну мученій, въ копорой онъ
„погребенъ, и возжгли огнь мщенія, пожира-
„ющій его? былъ ли онъ сквернишель своего
„плѣла? обогриль ли онъ свои руки кровію не-
„повиннаго? ограбилъ ли онъ вдовицу и сироту?
„былъ ли онъ невѣрнымъ, злыхъ нравовъ,
„худыхъ качествъ, чудовищемъ неправды?
„и проч.“

Иногда Орапоръ спрашиваетъ самаго себя
для возбужденія вниманія слушателей и для
того, чѣмъбы успремить ихъ умъ къ отвѣту,
слѣдующему за вопросомъ. *Бурдалу* часно упо-
требляетъ сей оборотъ.

„Изъ всего сего что заключить должно?“
вопрошаетъ онъ самаго себя.

Вопъ отвѣтъ:

„Ахъ! Хрістіане, не спанемъ уже гово-
„рить въ нашемъ грѣховномъ соспоянїи, что
„мы слабы, и что слабость наша есть непре-
„оборимое препятствіе къ обращенію.“

И ниже, въ томъ же словѣ:

„Обратившіеся грѣшники паче всѣхъ дол-
„жны быть пронужды симъ важнымъ долгомъ.
„Почему же?“

Сіе вопрошеніе не позволяетъ слушателю
скоро забыть предложеніе, оно заставляетъ
его приложитъ вниманіе къ отвѣту, копорый
тотчасъ и слѣдуетъ:

„Поелику ихъ обязываетъ къ тому и благо-
„дарность, и справедливость, и любовь къ ближ-
„нему, и польза собспвенная.“ (Въ словѣ о благодати.)

Аббатъ Пуль въ одномъ мѣспѣ своего слова о милостынѣ сказавши, что нищіе вездѣ находятъ только очи опивращающіяся опять на нихъ, заборы оспанавливающіе ихъ, руки опрѣвшающія ихъ; насупаеетъ на слушаателя живоспїю и напряженностїю своихъ вопрошеній.

„Уже ли убожество есть проклятіе, изглаживающее въ нихъ начерпаніе челоуѣка, шипло Хрістіанина и самую печать Божесїва? И для чего такимъ образомъ изключаетъ ихъ изъ общества? для чего изгоняетъ ихъ изъ своего опечесїва? что они сдѣлали? безчестные ли они злодѣи? Увы! можетъ бытъ они опять того единспвенно нищї, что добродѣтельны. Любые ли они враги, посягающіе на жизнь вашу? Они не имѣютъ другаго оружія противъ васъ, какъ только слезы: они мыслятъ о томъ, чтобы пронуть васъ, а не вредить вамъ. Ненавистные ли они грабители, похищающіе у васъ богатство? какую алчность они имъ показываютъ, малѣйшая милостыня удовольствуетъ ихъ... Наконецъ, мерзостны ли они чудовища, дѣлающіе ужасъ природѣ? Они суть все то, что должно прогнать благородныя души: они челоуѣки, они должны бытъ вамъ любезны; они несчастны, они должны бытъ для васъ почтены. Несчастливымъ же пристойно бѣгать ихъ, но вы, вы можете вспомошествовать имъ, и вы спрашиваете ихъ видѣть!“

Дѣйствіе, какое можетъ производить въ душѣ слушаателя вопрошеніе, должно бытъ ощутительно въ слѣдующемъ сильномъ

Апострофъ, который *Массильюнъ* дѣлаетъ къ людямъ, опкладывающимъ свое обращеніе до смертнаго часа. Какой жаръ! какая сила въ семь мѣсѣ!

„Опвѣспивуйте вмѣсто меня вы, братіе мои, вы, которыхъ рука Господня приближала нѣсколько разъ къ дверямъ гроба, и паки опводила опъ оныхъ. Когда вы, проспертые на одрѣ болѣзни, сражались между жизнію и смертію, тогда занимались ли вы еще попеченіями о вѣчности? гдѣ вы тогда были? какое вы имѣли употребленіе разума? что происходило въ душѣ вашей, какъ небивчивыя и несвязныя воображенія, которыхъ предметомъ были паче спраданія ваши, нежели спасеніе? чѣмъ для васъ были послѣднія умирающихъ врачевства, которыя Церковь вамъ предлагала? Сновидѣніями, которыхъ вы почти не помните. Были ли вы, гошповы предспаиъ Иисусу Хрісту, еспыли бы болѣзнь прекрапила дни ваши? Какую бы душу предспавили вы спрашному судищу? что вы сами послѣ говорили о томъ, сдѣлавшись здоровыми? Безумно оплагатиъ покаяніе до смертнаго часа — тогда человекъ ни къ чему не способенъ — должно очиспилиъ со-вѣспъ при совершенномъ здоровіи. Вы говорили это, но исполнили ли? не попустили ли вы смерти въ другой разъ заспатиъ васъ въ неготовности? и какой будетъ вамъ плодъ опъ долговременности вашей жизни, кромѣ множайшихъ пресупленій?“

Окончимъ касающееся *Волрошенія* истинными и вѣрными примѣчаніями, которыхъ

находяпся въ превосходной рѣчи Аббата *Мори* о церковномъ краснорѣчіи.

„Изъ всѣхъ реторическихъ фигуръ, гори-
„вори-иъ сей разумный Писатель, самая убѣ-
„дительная и порывистая естъ *Вопрошеніе*;
„но естъли упоиребляюиъ ее разкрывая на-
„чала, на которыхъ основывается слово, то
„она необходимо производи-иъ въ ономъ шем-
„ноту и нѣкоторую надупосиъ, пропивную
„хорошимъ умамъ. Уже послѣ яснаго показа-
„нiя хрiстіанскихъ обязанноспей, подробноспи
„нравоученiя, одушевляемыя симъ спремипель-
„нымъ движеніемъ, сильно поражаютъ слуша-
„телей, съ убѣжденіемъ соединяюиъ укореніе,
„и, пакъ сказаиъ, вооружаютъ законъ про-
„пивъ совѣспи. Часпыми и усугубляемыми
„вопрошенiями Орапориъ доказываетъ и опро-
„вергаетъ, обвиняетъ и защищаетъ, сомнѣ-
„вается и уитверждаетъ, прогаетъ и на-
„учаетъ.“

„Естъли въ краснорѣчіи способъ къ воз-
„мущенію сердца человѣческаго надежиѣ сего
„скопленiя вопросовъ, на которыя нѣтъ нуж-
„ды ожидать опвѣта, поелику онъ неминуемъ
„и единообразенъ? Можно ли лучше снисхо-
„дитъ гордоспи виноватаго, какъ не приводя
„его въ спыдъ прямымъ обличеніемъ въ ту
„самую минушу, когда ему представляюпся
„его слабоспи или пороки? Чѣмъ можно при-
„давать! большую силу испинѣ, большую
„важноспъ суду, какъ довольспвуютъ проспымъ
„правомъ вопрошати преспуиника? Какъ мо-
„жетъ онъ ушатиъся опъ Орапориа, который
„заграждаетъ ему всѣ выходы, въ коихъ онъ

„ищеть укрытія отъ себя самаго; Орапора,
„который дѣлаеть его судією, и судією един-
„ственнымъ, судією тайнымъ, во глубинѣ
„только его сердца, которое онъ не можетъ
„обмануть? Чѣмъ онъ противоположилъ, естѣ-
„ли общіе вопросы, изъ коихъ онъ самъ себѣ
„дѣлаеть столько же обвиненій, съ спремле-
„ніемъ пекутъ, усиливаются, и естѣли за
„сими показаніями пятгоспными для грѣшника
„слѣдуетъ великое и благородное начертаніе,
„которое, опровергая его мысли, устрашаетъ
„его воображеніе, и походитъ на поржесствен-
„ный приговоръ, который произносятъ вино-
„вадному, посрамивши его такимъ образомъ?“

„Таково сіе высокое и славное обращеніе
„Массильона къ Верховному Существу въ его
„словѣ о маломъ числѣ предопредѣленныхъ: о
„Боже! гдѣ Твои избранные? Сіе столько простое
„изреченіе производитъ ужасъ: каждый слу-
„шатель помѣщаетъ себя въ изчисленіе осуж-
„денныхъ, предшествовавшее сему вопросу,
„онъ не смѣетъ отвѣчать Орапору, не одно-
„кратно его вопрошавшему, изъ числа ли онъ
„праведныхъ, коихъ однихъ имена будутъ
„написаны въ книгахъ живопа, и входя съ
„ужасомъ въ свое сердце, которое довольно
„изъясняется угрызениями, мнитъ себя слы-
„шащимъ непремѣняемое опредѣленіе своего
„осужденія.“

IV. О Повтореніи.

Повтореніе (Repetitio) состоитъ въ томъ,
что Орапоръ начинаетъ многія выраженія,
или разные члены періода однимъ и тѣмъ же

словомъ. Сія фигура естъ изъясненіе живою спрасни, копорая долго занимается своимъ предметомъ, и его только видить. Она еще въ великомъ упопребленіи бываесть погда, когда насноятъ на какую нибудь испину, копорую хотятъ доказать. Примѣры:

Иеремія предспавляетъ Вавилону спраснныя угрозы Всемогущаго. *И падеть гордыня твоя, и разрушится, и не будетъ возставляяи ю: и возжигу огнь въ дубравѣ его, и поястъ вся окрестная его.* Гл: 50, стр. 32.

Союзъ и, много разъ здѣсь повпоренный, какъ бы означаесть сполькожъ ударовъ гнѣва Божія.

И ниже, въ той же главѣ:

Метъ на Халдеевъ, глаголетъ Господь, и на жители Вавилонскія, и на князи, и на мудрыя его: Метъ на обаятели его, и буи будутъ; и метъ на сильныя его, и ослабѣютъ. Метъ на кони его... Метъ на сокровища его, и расхитятся. Метъ на воды его, и постыдятся.

Нынѣ воскресну, глаголетъ Господь, нынѣ прославлюся, нынѣ вознесуся. Исаи 33, 10.

Бурдалу упопребляетъ сію фигуру, чпобы доказать съ *Тертулліаномъ*, чпо хрістіанская вѣра полезна обществу и споспѣшеспвуеетъ благу онаго.

„Сія—по вѣра повелѣваесть намъ возсылашь по вся дни моленія нашему Богу о „благоденспвіи вашихъ Кесарей, даже когда „они гонятъ насъ, и приносишь о нихъ жерпву и въ то время, когда они жерпвуютъ „кровію нашихъ браній, жеспокоси своихъ

„указовъ. Сія-по вѣра повелѣваетъ намъ слу-
„жити въ вашихъ войскахъ съ безпримѣрною
„вѣрностію, такъ что вы принуждены при-
„знавались, что не имѣете такихъ воиновъ,
„которые бы были лучше хрістіанъ. Сія-по
„вѣра повелѣваетъ намъ плащити почто и
„безъ обмана государственныхъ подати и на-
„логи, такъ что ваши казначеи благодарятъ,
„что естъ въ свѣтъ хрістіане; ибо хрісті-
„анинъ исполняетъ сей долгъ по совѣсти и
„благочестию.“ (Въ словѣ о вѣрѣ и честности.)

Вопъ еще прекрасный примѣръ!

„Но какія же тайны открываетъ Богъ
„избраннымъ Своимъ? Открываетъ Онъ имъ въ
„настоящемъ и естественномъ видѣ красоту
„добродѣтели, и потому они споль сильно ею
„плѣняются. Открываетъ Онъ имъ таинст-
„венные пути провидѣнія Своего, которыми
„управляетъ Онъ родъ человѣческій и міръ весь,
„и потому они споль великодушны въ неща-
„стїи, и споль умѣренны въ благополучїи міра
„сего. Открываетъ Онъ имъ величество Боже-
„ственныхъ совершенствъ Своихъ, и потому
„они споль оспорожны во всѣхъ поступкахъ
„своихъ, чтобы не обезобразить имъ въ себѣ
„образа и подобія Божїя. Открываетъ Онъ имъ
„превосходство оныя любви, которую оказалъ
„Онъ въ искупленїи человѣческаго рода чрезъ
„единороднаго Сына Своего, и потому они съ
„шолїкою вѣрою приносятъ Ему жертву благо-
„даренїя и хваленїя. Открываетъ Онъ имъ
„цѣну награжденїй и вѣнцовъ, которые имъ
„на небеси угошованы, и потому они споль
„мало къ сему міру себя привязываютъ, а

„успрямляюпся всѣми желаніями къ блажен-
„ной вѣчноти. Вошъ какія пайны отккры-
„ваешъ Богъ избраннымъ Своимъ, пайны вели-
„кія, пайны блаженспво наше соспавляющія!“

(Изъ Собранія поученій на всѣ воскресные и праз-
дничные дни.)

Изъ сихъ двухъ примѣровъ видно, какую
силу и разительность можетъ придавать до-
казательспву повпореніе. Не менѣ способ-
спвуешъ оно усугубленію животи повѣспво-
ванія. *Молиньеръ* употребляетъ оное для пока-
занія, что былъ тогда Римъ, когда Апостолы
предпріяли проповѣдать въ немъ хрістіан-
скую вѣру.

„И въ Римѣ хотяпъ насадитъ хрістіан-
„скую вѣру, въ Римѣ во время Нерона! Время,
„когда Римъ уже не зналъ Рима, бывшаго во
„дни республики, и когда Римъ споль развра-
„щенный вседневно силился превзойти самага
„себя. Во время Нерона! Во время, когда все,
„что видимо было, спребовало отпращенія о-
„чей, все, что было слышно, заслуживало заб-
„веніе; когда никто, не подвергаясь безчестію,
„не могъ говорить того, чего онъ не думалъ,
„ни безопасно говорить то, что онъ думалъ.
„Въ Римѣ во время Нерона! Во время посвя-
„щенное удовольспвіямъ, и когда удовольспвія
„были ужасами, ибо ужасы были вкусомъ царя.
„Во время Нерона! Во время, когда спрахъ
„казалъсь добродѣтельнымъ, препяпспвовалъ
„былъ добродѣтельнымъ, когда добродѣтели
„древнихъ Римлянъ вовлекали въ пропасть бѣд-
„спвій, а напропивъ пороки Рима, падшаго съ

„высопы своей славы возводили на степенн
„всѣхъ чesпей.“

Повиореніе часто означаешъ ревностъ и
негодование. Въ *Говелли*, *Годай* негодую на вѣро-
ломныхъ Іудеевъ, говоришь:

„Прервише, прервише всякой союзъ съ не-
„честіемъ.“

И въ другомъ мѣстѣ:

„Благоволи, Боже мой! благоволи излить
„на Маана и на нее духъ неразумія и заблуж-
„денія, пагубнаго предпечу паденія Царей.“

У. О Умолчаніи.

Умолчаніе (*Reticentia*) естѣ фигура, ко-
торою Орапоръ дѣлаешъ перерывъ въ срединѣ
своего слова; и не продолжая начатаго, пере-
ходишь нечаянно къ другому, впрочемъ такъ,
что сказанное имъ довольно даешъ угадать
то, о чемъ онъ припворно умалчиваетъ.

Сія весьма выразительная Фигура должна
быть употребляема только въ важныхъ слу-
чаяхъ. Должно полагать ее только въ ту ми-
нуту, когда искусство дошедши до высочай-
шей своей степени, и чувствованія достигши
послѣдняго своего предѣла ославляющъ, вмѣ-
сто убѣжища, одно молчаніе и все, что оно
внушаетъ можетъ.

Такъ *флешьеръ* въ похвальномъ словѣ *Вомъ*
Канпорберійскому, повѣствуя о убіеніи сего
мужа, дѣлаешъ видъ, будто хочешъ умолчать
подробности онаго.

„Сего довольно было для подлыхъ и коры-
„столюбивыхъ царедворцевъ; они намѣреваюшъ
„ся пролить кровь праведника; они думаютъ

„о наградахъ, копорыхъ надѣются, а не о зло-
„дѣйствѣ, копорое предприѣмлютъ. *Вола* Свя-
„щенникъ, но онъ врагъ Царя: онъ невиненъ,
„но Царь хочеть, чпобъ онъ былъ пшновенъ.
„Они опѣзжаютъ опѣ Двора, переправляющ-
„ся чрезъ море, входящъ въ церковь, гдѣ бла-
„женный совершалъ службу, и приближаются
„къ нему, въ сердцахъ ихъ яроспъ, въ глазахъ
„огонь, въ рукахъ оружіе, не уважающъ они
„ни олшаря, ни свяпилища Иисуса Хріста, ни
„служителей Его Прочее извѣстно вамъ,
„слушатели, и я бы желалъ, еспьлибъ шо мо-
„жно было, удержавъ себя опѣ представленія
„вамъ споль жалостнаго позорища.“

Упопреляющъ также умолчаніе въ ми-
нупу гнѣва или угрозы. *Говолія* говоритъ *Ю-*
даю, пребывая у него *Еліакима* и сокровищъ
скрипыхъ, по ея мнѣнію, въ храмъ.

..... „Вопъ пш разврапитель, на-
„чальникъ заговоровъ и пагубныхъ умысловъ,
„копорый полагалъ надежду на одинъ бунтъ,
„вѣчный врагъ горнихъ силъ! Ты уповалъ на
„помощь швоего Бога, оставилъ ли пш свою
„суешную надежду? Онъ опдаеть въ мою
„власть и храмъ свой и жизнь швою. Мнѣ бы
„надлежало на шомъ жершвенникѣ, гдѣ рука
„швоя закалаеть живошныхъ, тебя Но я
„должна бытъ довольна мздою, мнѣ предлагае-
„мую; помысли о исполненіи того, чпо пш
„обѣщаль мнѣ.“

IV. О Нарашеніи.

Нарашеніе (*Incrementum* sev *Gradatio*) естъ
одна изъ прекраснѣйшихъ фигуръ, какія могутъ
родиться подъ перомъ Орапора, производящая

удивленіе или смущеніе въ слушапеляхъ: Она соспоишь въ непрестанномъ приращеніи идей или чувствованій, изъ копорыхъ одни важнѣе другихъ. Сіе Приращеніе держишь слушапеля въ недоумѣніи, и увеличиваетъ до нѣкоторой степени по чувство, какое Орапоръ хочешь вдохнуть въ него.

Свяпый *Килріанъ* весьма разпшельно укоряя *Деметріана* врага и гонипеля Хрістіанъ, говоришь ему между прочимъ слѣдующее:

„Мало того, что жизнь ваша оскверняетъ, различными неисповыми пороками, гнусносію звѣрскихъ злодѣяній, множествомъ кровавыхъ хищеній, что истинная Вѣра колеблется опъ суевѣрій, что вы совсѣмъ не ищете и не боитесь Бога: еще и рабовъ Божіихъ, преданныхъ имени и величеству Его, поминете неправедными гоненіями. Не доволь,но того, что самъ ты не почитаешь Бога; еще и члущихъ Его гонишь съ нечеспивою злобою.“

Слѣдующая крапкая рѣчь есть примѣръ Повпоренія и Наращенія.

„Опець Опечеспва! исполняя волю dospойнаго Твоего Преемника, **АЛЕКСАНДРА** Перваго, возложеніемъ на гробъ пвой сего памяпника, въ знаменіе Его къ Тебѣ благоговѣнія, умоляемъ Бога, упокояющаго душу Твою въ Своихъ селеніяхъ, да опкрыешь Тебѣ съ онимъ и нашу признапельность къ Твоимъ благодѣяніямъ, признапельность всего сего Правипельспвующаго Сословія, Тобою первоначально созваннаго; признапельность всего царспвующаго града, Тобою основаннаго ;

„признательность вся Россіи, Тобою возрожденной, просвѣщенной, прославленной, и чпипи имя Твое во вѣки вѣковъ обязанной.“

(*Амвросій М. Новгородскій.*)

У Массильона:

„Увы! чпо сущь человѣки на земли? Театральныя лица; все здѣсь ложь, вездѣ одни предспавленія, все, чпо мы видимъ весьма великолѣпнаго и наилучшимъ образомъ устроеннаго, естѣ дѣло одного только явленія. Кпо не говоришь сего каждый день въ семь вѣкѣ? Роковый переворотъ, быспропа, копорой ничпо не оспанавливаешь, увлекаешь все въ бездну вѣчности; вѣки, племена, имперіи, все перьяется въ оной, все шамъ оспаешься, ничпо опшпуда не выходитъ; наши предки проложили намъ шуда дорогу, и мы мгновенно проложимъ оную тѣмъ, кои послѣ насъ приходятъ. Тако вѣки возобновляются, образъ міра непрестанно перемѣняется, мершвые и живые безпрерывно себя смѣняютъ и перемѣщаютъ. Все не прочно, все испощаваешь, все оканчивается.“

Наращеніе производитъ удивительное дѣйствіе въ тѣ минушы, когда говорящій, сильно будучи пронупъ, принимаетъ нѣкоторымъ образомъ понъ молящагося, и испощаешь всѣ средства, какими надѣешься получить просимое. Такова слѣдующая молитва, копорою *Флешьеръ* оканчиваешь надгробное слово *Тюренну*.

„Господи, Иже проникаешь свѣпомъ Своимъ, во мрачнѣйшіе изгибы нашея совѣсти, и въ самыхъ пощаенныхъ нашихъ помыслахъ не

„сущее еще зриши, якоже сущее! Воспріими
 „въ нѣдро славы Твоея душу сію, копорая
 „вскорѣ бы наполнилась однимъ помышленіемъ
 „о вѣчности Твоей; пріими оныя желанія, То-
 „бою самимъ ей внушенныя. Времени, а не бо-
 „дрости духа не доспавало ему на совершеніе
 „оныхъ. Ежели купно съ его желаніями и дѣль
 „хощеши, се благоспыни имъ сотворенныя,
 „или угошованныя на опраду своимъ брані-
 „ямъ и для спасенія ихъ; се души заблудшія,
 „копорыхъ онъ обрашилъ къ Тебѣ вспоможе-
 „ніями, совѣтами, примѣромъ своимъ; се кровь
 „людей Твоихъ многокрапно имъ сохраненная;
 „се кровь споль великодушно за Тебя имъ
 „пролитая; и еще паче рещи, се кровь Иису-
 „сомъ Хрістомъ за него проліянная!“

VII. О Умоленіи.

Умоленіе (Deprecatio) естъ фигура, копо-
 рою Орапоръ просишь Бога, чпобъ Онъ про-
 нулъ сердца его слушапелей. Иногда онъ про-
 спираетъ оное къ самимъ слушапелямъ; но
 въ помъ и другомъ случаѣ дѣйспвіе, какое мо-
 жетъ производить сія важная фигура, зави-
 ситъ опъ искуспва, съ каковымъ онъ соби-
 раетъ средспва преклонишь или пронупъ.

Пророкъ *Исаія*, опечаленный жребіемъ, уго-
 шованнымъ граду Іерусалиму, приносипъ Гос-
 споду сію прогашельную и горячую молишву:

Обратися, Гослоди! отъ небесе, и виждь отъ
 дому святаго Твоего и славы Твоея: гдѣ естъ рев-
 ность Твоя и крѣлость Твоя? гдѣ естъ множество
 милости Твоея, и щедрость Твоихъ, яко терпѣль
 еси намъ? ... И нынѣ, Гослоди, Отецъ нашъ еси

Ты, мы же брѣніе, дѣла руку Твоею вси ... И нынѣ призри, яко людѣ Твои вси мы. Градъ святилища Твоего бысть пустъ, Сїонъ якоже пустыня бысть, Иерусалимъ на проклятіе. Домъ святой нашъ и слава, юже благословиша отцы наши, бысть огнемъ поженъ, и вся славная наша кутно ладоша. И о всѣхъ сихъ терпѣлъ еси, Господи! и молчалъ, и смирилъ еси ны зѣло. (Ис. гл. 63 и 64.)

Большая часть проповѣдей оканчиваются прогашельную моливою, возсылаемою Богу, какъ мы уже о томъ упомянули въ главѣ о заключеніи. Таковъ слѣдующій примѣръ:

„Воспани, великій Боже! Твоя слава пре-
„буешь того: мы возвращаемъ Тебѣ нашу дол-
„жностъ проповѣданія, она почти безсильна
„во успахъ нашихъ. Мы возвѣщаемъ слово
„Твое, но не имѣемъ Твоего гласа. Самъ Ты
„созвори по, чего мы совершить не можемъ.
„Вопъ нарушили Твоего закона! они нако-
„нецъ вышли изъ своихъ окоповъ и крѣпостей;
„побуждаемые любопытствомъ, они вошли въ
„Твой храмъ и въ немъ зашворились. Не про-
„симъ мы, чпобъ Ты послалъ Ангела губише-
„ли для погребленія ихъ, они наши брація.
„Не просимъ мы, чпобъ Ты вооружилъ про-
„шивъ нихъ священныя руки Твоихъ Леви-
„товъ, чпо нѣкогда учинилъ Ты прошивъ не-
„чесливой и жестокой Гоголи; Ты Богъ мира,
„Ты самое милосердіе, Ты имѣешь кропкія,
„благодѣтельныя мщенія. Обращи, а не попи-
„реби ихъ. Уже ли слово Твое поперяло всю
„свою силу? Оно извлекло міръ изъ ничтоже-
„ства, оно изъ камней воздвигло чада Аврааму.
„оно воззвало Лазаря къ жизни, оно гонителя

„премѣнило въ Апостола: пакъ не можетъ ли
 „враговъ Твоихъ (они уже Хрістіане) сдѣ-
 „лашь поклонниками духовными и испинными?
 „Воище Ты ожидаешь сего чуда опъ нашего
 „служенія, которое непреспанно приходипть
 „въ безсиліе. Мы насильно удерживаемъ сихъ
 „грѣшниковъ; скоро можетъ быпъ они скро-
 „юпся опъ насъ . . . Не давай имъ времени къ
 „шому. Да повергнешъ ихъ гласъ Твой на пу-
 „пи въ Дамаскъ, и да воспанупъ они съ *Лав-*
 „*ломъ* для того только, чпобъ имъ найпи
 „другаго *Ананію*, который бы привелъ ихъ на
 „пупъ покаянія; да ихъ скорое, искренное,
 „твердое обращеніе докажетъ, чпо подлинно
 „Твое мы проповѣдуемъ имъ слово; да любяпъ
 „они всегда сіе слово жизни, и наипаче да
 „исполняюпъ оное; оно будетъ для нихъ
 „вѣрнымъ руководителемъ къ блаженной вѣч-
 „носпи.“ (Аббать *Цулль* о словѣ Воіемъ.)

VIII. О Желаніи.

Сія фигура соспоипъ въ помъ, чпо Ора-
 торъ желаепъ либо отпвращенія какого нибудъ
 нещастія, которое предвидипъ, либо того,
 чпо можетъ споспѣшествовать благополучію
 особы, занимающей его. Примѣры:

Кто дастъ главѣ моей воду, и отесемъ моимъ
 истогникъ слезъ? и платуся день и ноцъ о любіен-
 ныхъ дщере людей моихъ? Кто дастъ мнѣ въ пу-
 стыни виталище послѣднее, и оставлю люди моя, и
 отыиду отъ нихъ? Понеже вси любодѣйствуютъ, со-
 борище преступниковъ. (Іерем. гл. 9.)

Кто дастъ ми крилъ яко голубинѣ, и полещу,
 и лотію? (Псал. 54, сп. 7.)

Сія прогапельная фигура весьма часто употребляется въ словахъ, тамъ наипаче, гдѣ Орасторъ сильно занятый шѣмъ, что онъ говоритъ, не имѣетъ по видимому иного руководителя, кромѣ ревности или воспора.

„Кпо намъ дастъ, да цѣлуемъ сію Боже-
„спвенную главу, копорая за слово Божіе у-
„сѣчена была? кпо дастъ, да облобызаемъ яз-
„ву пу, изъ копороя испочникъ крови иски-
„пѣлъ за проповѣданную испину?“

(Изъ собранія поученій . . .)

„О блаженная минуша, говоритъ *Боссюэтъ*,
„когда мы выдемъ изъ шѣней и увидимъ испи-
„ну! Попечемъ шуда съ жаромъ, братіе моя;
„поспѣшимъ очистиши свои сердца, да узримъ
„Бога по Евангельскому обѣщованію. Тамъ пре-
„дѣлъ спранспивованія, тамъ оканчиваюпся ры-
„данія, тамъ пресчанешъ прудъ вѣры, когда
„она родитъ жизнь. Блаженная минуша, паки
„реку! кпо не желаетъ тебя, пошъ не Хрі-
„спіанинъ.“

(Въ надгр. словъ *Тельсеру*.)

Массильюнъ въ одномъ своемъ словѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что таинспва, спасительное убѣжище для другихъ грѣшниковъ, спановляпся камнемъ претпыканія для души непоспоянной и легкомысленной, восклицаетъ:

„Ахъ! что бы мы дѣлали, дая тебѣ про-
„щеніе, копорого Богъ не подаетъ тебѣ? Ум-
„ножали бы пвои беззаконія, и обременяли бы
„тебя новымъ проклятіемъ. О! дай Богъ, чтобъ
„ты, невѣрная душа, слушающая меня, нахо-
„дила всѣ священные судища заключенными
„для пвогого постыднаго непоспоянспва, и

„чтобъ твои прешыканія, много разъ исповѣданныя и многократно же возобновленные, не обрѣшали убѣжища въ самомъ снисхожденіи олшаря! Ты бы уже, и проч.“

Аббашъ *Пулль* въ словѣ о небѣ.

„О! естли бы Ты восхопѣлъ, Господи! Ты бы сокращилъ время, Ты бы опверзъ небеса, и горы уравнились бы предъ Тобою. Озари насъ только нѣкопорыми предварительными лучами Твоея славы, и всякое другое величіе исчезнетъ, всякой другой свѣтъ помрачится, всякая другая красота зашмихнется, и проч.“

И въ заключеніи погоже слова, гдѣ онъ парафраспически объясняетъ псаломъ: *Возселихся*.

„Іерусалимъ, котораго именованіе не можетъ упоминъ меня, ибо памятованіе о тебѣ всегда живешь въ моей душѣ... Долго ли еще мы пребудемъ въ удаленіи отъ тебя? Когда мы будемъ присущспивоватъ на твоихъ великолѣпныхъ шоржеспвахъ? Когда мы соединимся съ тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, который есть основаніе, сила, мѣсто и красота твоего зданія? Когда мы ближе приобщимся къ нашей Божественной главѣ, дабы ею только жительспивоватъ, и проч.“

IX. О проклинаніи.

Проклинаніе (*Imprecatio*) есть такая фигура, которою Орапоръ желаетъ несчастій тѣмъ людямъ, коимъ онъ говоритъ. Иногда внушаетъ ее ужасъ къ беззаконію и къ беззаконникамъ, а иногда она бываетъ дѣйствіемъ негодованія, но чаще происходитъ отъ

А а

изумленія и опчаянія. Таковъ слѣдующій примѣръ:

„Богъ Іудеевъ! Ты избавляешь его. Такъ,
 „эпо *Іоасъ*, напрасно я силюсь обмануть себя:
 „я помню то мѣсто, гдѣ я велѣла убить его.
 „Я вижу осанку и плѣдженіе *Охозіи*, все
 „предспавляетъ мнѣ ту кровь, копорой я гну-
 „шаюсь. *Давидъ*, *Давидъ* поржесивуй! одинъ
 „*Ахавъ* погубленъ. Неуполимый Богъ! Ты упра-
 „влялъ всѣмъ, Ты, лаская меня удобнымъ мще-
 „ніемъ, въ одинъ день далъ мнѣ почувство-
 „ванъ многія сопротивленія, то раждалъ угры-
 „зеніе совѣсти при мысли о младомъ *Іоасѣ*, то
 „ослѣплялъ меня богатыми сокровищами, ко-
 „порыя я убоялась предать огню и разграбле-
 „нію. И такъ пусть царствуетъ сей юнецъ,
 „предметъ Твоего попеченія и Твоя шварь!
 „и чпобы ему ознаменованъ чѣмъ нибудь
 „начало своего царствованія, да научатъ
 „его вонзивъ ножъ въ мою грудь! Вопъ чего
 „желаетъ ему умирающая его мать! Чпо я
 „говорю, желаетъ? Я льщусь, я надѣюсь, чпо
 „сей гнусный наслѣдникъ *Давида*, будучи не-
 „покоренъ Твоему игу, ушрудившись шяго-
 „спію Твоего закона, будучи вѣренъ крови
 „*Ахава*, полученной имъ опъ меня, подо-
 „бенъ своему дѣду, своему опцу, уничижитъ
 „Твои почести, осквернитъ Твой жерпвен-
 „никъ, и опшспитъ за *Гооолію*, *Ахава* и *Іезавель*.“

(Траг. Гооол. дѣйс. V. явл. VI.)

Проклинаніе весьма рѣдко употребляется на священной каѳедрѣ, гдѣ Орапоръ долженъ бытъ исполненъ духа любви. Впрочемъ, еспъ-ли случится ему употребить сію фигуру, то

онъ долженъ поспѣшъ прибавить умягченіе,
какъ видно въ слѣдующихъ шрехъ примѣрахъ:

„Безсмертный Боже! да поспѣгаютъ всег-
да нещасія пворящихъ беззаконіе. Почпо
„Ты злѣ не погубляеши ихъ? Ахъ помощи имъ
„паче возврапшися опъ порока къ добро-
„дѣтели.“

„Погибнете на вѣки вы, безумные, дерза-
„ющіе оскорблять Святыхъ Святейшаго сво-
„ими хуленіями. Но что я говорю? Прибѣгни-
„те паче къ милосердію Божию и покайтесь.“

(*Массильонъ.*)

„О Ты, Судитель праведенъ и крѣпокъ,
„по *Давиду*, и Олимпитель жестокъ злово-
„рящимъ, по *Павлу*! какимъ образомъ столько
„времени терпишь симъ людемъ пияжеснымъ
„самой земли? гдѣ Твои молніи, гдѣ громы
„бывають, когда въ слезахъ своихъ валяются
„при ногахъ ихъ обиженные, и никакой мило-
„спии не получаютъ? почпо не тогда же по-
„ражаютъ, и разбивають въ прахъ окаменен-
„ныя сердца ихъ? Но, ахъ! кто мы, которые
„въ семь спязались съ Богомъ дерзаемъ? Онъ
„вся мѣрю, и числомъ и вѣсомъ распредѣ-
„ляетъ, и проч.“ (Изъ собранія поученій . . .)

Х. О Сомнѣніи.

Сомнѣніе (*Dubitatio*) есть фигура, копо-
рою Орапоръ припворяется не знающимъ,
что ему должно говорить, или дѣлать. При-
мѣры:

„Боже мой! что мнѣ прежде дѣлать? оп-
„лакиваніе челоѣческую ли слѣпопу, или

„самую добродѣтель, которая въ мнѣнїи чело-
вѣческомъ споль низка и поверженна?“

(Платонъ М. Московскій.)

„Я проповѣдую Спасителя смиреннаго и
„убогаго, но проповѣдую Его великимъ и бо-
„гатымъ міра сего Чпожь скажу я имъ,
„Господи! и какія слова упопреблю для пред-
„ставленія имъ таинства Твоего смиренія и
„убожества? Сказашъ ли имъ: не бойтесе?
„Эпо бы значило обманывать ихъ въ помя-
„состояніи, въ какомъ я ихъ воображаю. Ска-
„зашъ ли имъ: бойтесе? Удаюсь опъ духа
„Тайны, прославляемой днесъ нами, и опъ
„пѣхъ утѣшительныхъ мыслей, какія она
„вдыхаетъ и должна вдыхать величайшимъ
„грѣшникамъ. Сказашъ ли имъ: съпуйте? Те-
„перь всѣ Хрістіане радуются. Сказашъ ли:
„утѣшитесь? При созерцаніи Спасителя, осуж-
„дающаго всѣ ихъ правила, они имѣютъ мно-
„гія причины сътовать. Скажу имъ, Боже
„мой! и шо и другое; и пѣмъ исполню долж-
„ность, которую Ты возлагаешь на меня:
„скажу имъ: скорбите, утѣшайтесь; ибо я
„провозглашаю вамъ вѣсть, которая для васъ
„причиною спраха и вмѣстѣ радости.“

(Бурдалу въ словѣ на день Р. Х.)

Свяшій Амвросій, говоря одной дѣвицѣ,
впавшей въ распущство, живо изображаетъ,
колико онъ скорбитъ объ ономъ—не доумывая,
что прежде надлежитъ ему описатьъ.

„Съ чего мнѣ начать? что сказашъ преж-
„де? что послѣ? представитъ ли пѣ блага,
„которыхъ пы лишилась? или; оплакашъ пѣ
„нещасія, какимъ пы подверглась? Была

„ты лоза въ раю Божіємъ, слѣдовательно ме-
жду цвѣтами Церкви; была невѣстою Хрісто-
вою, была жилищемъ Святаго Духа, и сколь-
ко разъ скажу я, была, сполько разъ должна
бы возрыданъ; ибо ты уже не то, чпо
была, и проч.“

Сомнѣніе производить весьма хорошее дѣй-
ствіе въ словѣ, когда Орапоръ, влекомый сво-
ею матеріею, принужденъ бываетъ дѣлать
изобличенія своимъ слушаателямъ. Поелику ну-
жно ему внушить имъ, чпо вообще о ихъ
чувствованіяхъ онъ думаетъ хорошо, то не
иначе долженъ укорять ихъ просупки, какъ
полько сомнѣніемъ.

Не меньшую пользу приносятъ сія фигура
и тогда, когда Орапоръ въ извѣстныхъ об-
стоятельстввахъ изъясляетъ, чпо величество
священнаго мѣста, высокость матеріи, собра-
ніе просвѣщенныхъ слушаателей вселяютъ въ
него страхъ и едва позволяютъ ему говорить.
Сія благоговѣйная боязнь, сія скромность, мо-
гутъ производить къ его добру весьма выгод-
ныя мнѣнія, которыя онъ въ пользу свою об-
ращать долженъ.

Можно замѣтить, чпо сомнѣніе не мало
походитъ на сообщеніе шѣмъ, чпо Орапоръ
въ нерѣшимости по видимому пребуетъ со-
вѣта у своихъ слушаателей, которую сторону
принять онъ долженъ, и проситъ ихъ утвер-
дить на какомъ нибудь предметѣ бродящее
его воображеніе.

XI. О Заимословіи.

Заимословіе (Prosopopoeia) опровергаетъ

гробы, воскрешають мертвыхъ, заставляють говорить небо, землю, всё существа дѣйствительныя, опвлеченныя, мнимыя. Оно есть блистательнѣйшее украшеніе краснорѣчія. Но сія споль живая, споль великолѣпная фигура можетъ употребляема быть только въ великихъ спрасняхъ, по есть, когда матерія пребуетъ того, чпобъ Орапоръ показаль пылкость и страстность. Она находится въ премногихъ мѣстахъ книгъ пророческихъ. Вотъ одинъ прекрасный примѣръ!

Пророкъ *Исайя*, предсказавшій *Иудеямъ* возвращеніе ихъ изъ *Вавилона* и казнъ побѣдителя, державшаго ихъ въ плѣну, вдругъ дѣлають ихъ самихъ говорящими, и влагають имъ во уста слѣдующія слова, копорыя въ воспоргѣ радости и удивленія будутъ они пѣть пропѣвъ Царя *Вавилонскаго*, коего паденіе увидяють:

Вся земля воіетъ съ веселіемъ, и древа Ливанова возвеселишася о Тебѣ, и кедръ Ливанскій: отнелѣже ты уснулъ еси, не взыде посѣкай насъ.

Адъ долѣ огорчися, срътъ тѣя, восташа съ тобою вси исполины, обладавшіи землею, подвизавшіи отъ престоловъ своихъ всѣхъ царей языческихъ.

Вси отвѣщаютъ, и рекутъ тебѣ: и ты плѣненъ еси, якоже и мы; и въ насъ влѣненъ еси.

Сниде слава твоя во адъ, многое веселіе твое: подъ тобою постеляють гнилость, и покровъ твой гервь.

Како сладе съ небесе денница, восходящая завтра? сокрушися на земли посылая ко всѣмъ языкомъ.

Ты же рекъ еси во умѣ твоємъ: на небо възыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, аже къ сѣверу.

Взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему.

Нынѣ же во адъ спидеши, и во основанія земли.

Видѣвши Тя, удивятся о тебѣ, и рекутъ: сей человекъ раздражая землю, потрясая Цари.

Положивый вселенную всю пусту, и грады ея разсыла, лѣнныхъ не разрѣши.

Вси Царіе языковъ услоша въ тѣсти, кійждо въ дому своемъ:

Ты же поверженъ будеши въ горахъ, яко мертвецъ мерзскій со многими мертвецы, изсѣченными метелью, сходящими во адъ.

Якоже риза въ крови намотена не будетъ тиста, такожде и ты не будеши тистъ: зане землю мою погубилъ еси, и люди моя избилъ еси: не пребудеши въ вѣчное время, сѣмля злое.

Угоди тада твоя на убіеніе грѣхами отца твоего, да не востанутъ, и наслѣдять землю, и наполнять землю ратьми. (Гл. 14.)

Сколько здѣсь изображеній! сколько фигуръ! Здѣсь слышны поочередно говорящіе кедръ Ливанскій, пѣни мерпвыхъ, Іудеи и Царь Вавилонскій.

Не лзя безъ удовольствія чипанъ слѣдующихъ прогапельныхъ заимословій, копорыми оканчиваются надгробныя слова знаменитыхъ Орапоровъ.

„О когда бы сія успшая раба Господня
„могла сама подашь вамъ увѣщаніе! Она бы
„вамъ сказала: не плачьте о мнѣ. Богъ изба-
„вилъ меня по Своей милости отъ несчастій

„смертной жизни. Плачите о себѣ вы живущіе
„въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ вседневно ви-
„дятъ, сносятъ и дѣлаютъ много зла. Поз-
„найте во мнѣ плѣнность величія человѣче-
„скаго. Пусть украшаютъ васъ цвѣтами,
„пусть соплещутъ вамъ вѣнки, сіи цвѣты
„покажутъ свою доброту изсыхая на вашемъ
„гробѣ. Пусть имя ваше написано будетъ во
„всѣхъ сочиненіяхъ, которыми щеславіе чело-
„вѣческаго ума хочетъ содѣлать безсмерт-
„ными: какъ я сожалею о васъ, если оно не
„написано въ книгѣ живописи! Пусть Цари зем-
„ные уважаютъ васъ, для васъ нужно только
„то, чтобы Богъ принялъ васъ въ вѣчные Свои
„кровы. Пусть всѣхъ людей языки хвалятъ
„васъ, горе вамъ, если вы на небесахъ не
„будете хвалить Бога со Ангелами Его! Не
„перейдете сихъ минутъ жизни, которыми мо-
„гутъ сподобить васъ блаженной вѣчности.“

(*Флешъеръ въ надгр. словъ Герцогинѣ Монтозеръ.*)

„Блаженная *Наталія* пришла въ жилище
„радостей.... Она днесъ, осіянная славою свѣ-
„та немерцающаго, се глаголетъ къ намъ:
„преспаните опть слезъ: не плачемъ, но со-
„радованіемъ и привѣспіемъ почтете мой
„покой. Прославьте вѣру вашу несумнитель-
„нымъ увѣреніемъ о блаженствѣ моемъ: мнѣ
„открыты уже книги вѣчныхъ судебъ; въ
„нихъ созерцаю, яко и плѣнное сіе плѣло мое
„лаки со мною соединится неплѣнное и про-
„славленное. Дражайшій супругъ! будь столько
„щасливъ на земли, сколько я блаженна на
„небеси.“

(*Платонъ М. Московскій.*)

Слѣдующее послѣднее заимословіе состо-
итъ изъ пріятнѣйшаго противоположенія.

„Убойпеся спрахъ Господня, послушайше
„гласа вашего паспыря, изъ гроба сего со у-
„миленіемъ къ вамъ вопіющаго: Людіе, вопіенъ
„онъ, паспывы моея! чпо сотворихъ вамъ, яко
„пако ожеспочиспе на мя сердца ваша? сего
„ли я опъ васъ ожидалъ воздаянія? людіе пас-
„пывы моея! чпо сотворихъ вамъ? Я васъ лю-
„билъ, а вы мнѣ опвѣспсповали ненавистію
„и злобою. Я полагалъ за васъ свою душу, а
„вы сочли меня своимъ недоброжелателемъ и
„злodeмъ. Я спарался освобождаѣъ васъ опъ
„оковъ заблужденій, паче же суевѣрія, а вы
„поспавили меня невѣрнымъ. Я всевозможную
„ревностъ оказывалъ въ созиданіи храмовъ
„Божіихъ, по въ возобновленіи, по въ на-
„писаніи иконъ свяпыхъ, а вы назвали меня
„иконоборцемъ. Я общеспву и Самодержавной
„Власпи, сколько силъ моихъ на по доста-
„вало, усердспсывалъ и служилъ, а вы, о пра-
„восудный Боже! вы признали меня измѣнни-
„комъ. Я прилагалъ попеченіе предохраняѣъ
„вашу жизнь опъ видимыя опасностп, а вы
„мою опняли у меня мучипельски. Я вoвсемъ
„со благодушіемъ васъ прощаю, а вы кленете
„и осуждаете меня на вѣки. Людіе паспывы
„моея, чпо сотворихъ вамъ? Пуспъ я и по-
„грѣшилъ, можещъ быѣъ, въ чемъ ни еспъ
„предъ вами, но мы всѣ люди, подпвержены
„немощамъ.“

(*Амеросій* М. Новгородскій.)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О

ПОДРАЖАНІИ.

Подражаніе соспоишь въ помъ, что Ора-торъ или другій кто почерпаетъ изъ сочине-ній какого нибудь Автора изображенія, мыс-ли, чувствованія, которыя употребляетъ либо приближаясь къ подлиннику, либо превъшая оный. Польза сея меподы давно доказана опы-помъ. Великіе мужи, копорыхъ швореніамъ мы удивляемся нынѣ, не спыдились подра-жають своимъ предшесшвенникамъ; всѣ образо-вались въ школѣ древнихъ. Боало обязанъ Гора-цію, Квинтилиану, Цицерону, основательнымъ и вѣрымъ вкусомъ, копорый его самага содѣ-лалъ образцемъ. Расинъ изъ пѣхъ же испочни-ковъ почерпнулъ часъ пріятностей удиви-тельного спила, копорыхъ, кажется, нашель онъ всю шайну. Эврилидъ и Софокль были его руководишелями. Наконецъ, вопъ примѣръ не менѣ знаменитый, но можетъ бышь dospой-нѣйшій замѣчанія! Увѣряють, что Боссюэтъ чипаль Гомера на Греческомъ языкѣ всякой разъ, когда ему надобно было писать надгроб-ное слово. Сіе чпеніе равняло спиль его съ высокостію маперіи, и сіе-то ешь, какъ онъ самъ называль, зажигають свой свѣшильникъ опъ лучей солнца.

Но не довольно знать пользу подражанія, надлежитъ еще вѣдають, какія должно наблю-дають правила, чшобы получають опъ онаго пѣ-выгоды, кои оно dospавляють можетъ.

Вопервыхъ, надобно избиратьъ для себя хорошій образецъ. Весьма легко обмануться опасными руководителями ; нужна проницательность, чтобы опъ оныхъ различать пѣхъ, копорымъ должно вѣряться.

Не надобно такъ привязываться къ превосходному образцу, чтобы онъ одинъ руководствовалъ насъ, и отвратилъ бы опъ всѣхъ другихъ писателей. Должно по примѣру трудолюбивой пчелы лепать во всѣ мѣста, и пользоваться сокомъ со всѣхъ цвѣтовъ.

Не менѣе также нужна разборчивость для того, чтобы изъ выбранныхъ образцовъ заимствовать то, чему должно подражать. Въ самыхъ лучшихъ писателяхъ не все въ равномъ степеніи хорошо, и все хорошее не во всякое время и не во всякомъ мѣстѣ равно приспойно.

Наконецъ, что важнѣе, не довольно хорошо избиратьъ, должно дѣлать подражаніе важно, благородно и вольно. Хорошее подражаніе всегда есть изобрѣненіе. Надобно, такъ сказать, претворяться въ свой образецъ, украшая его мысли, и своимъ оборотомъ себѣ присваивать оныя, обогащая заимствуемое опъ него, и оставляя ему то, чего украсить не лзя. *Малербъ*, на примѣръ, научаетъ насъ, какъ можно обогащать мысль другаго, слѣдующимъ изображеніемъ, подъ которымъ онъ представляетъ извѣстный стихъ *Горація*:
*Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
regumque turres.*

„Нищій въ своей хижинѣ, покрытой соломою, подчиненъ законамъ ея; и спража,

„стоящая у ограды Дворца, не защищаесть
„опть нея нашихъ Королей.“

Массильюнъ въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ
своего слова о *теловѣколюбіи великихъ людей* пока-
зываетъ, какъ должно подражать, когда пи-
шешь въ родѣ различномъ опть своего образца.

„Ахъ! естли бы позволялось бытъ иногда
„мрачнымъ, своенравнымъ, печальнымъ, въ пя-
„госпѣ другимъ и себѣ самому, то надлежало
„бы оптносить эпю къ пѣмъ несчастнымъ,
„копорыхъ окружають бѣдноспѣ, несчастія,
„домашнія нужды и всѣ скучнѣйшія заботы.
„Они извинишельнѣе, естли уже въ самомъ
„сердцѣ, нося печаль, гореспѣ и часпо опчая-
„ніе, обнаруживають по нѣкопорыми зна-
„ками. Но приспкойно ли великимъ людямъ, ща-
„спливцамъ міра сего, копорымъ все благо-
„пріятспсвуесть, и копорыхъ повсюду сопро-
„вождають радости и удовольспвія, приспкой-
„но ли имъ находишь въ самомъ своемъ благо-
„получіи нѣкое право, копорое бы извиняло
„спранныя ихъ печали и прихоты? Позволи-
„шельно ли имъ бытъ скучными, безпокой-
„ными и неприспупными, попомоу чпо они
„щаспливы? Должно ли имъ почишашъ какъ
„бы правомъ присвоеннымъ щасптію по, чпобъ
„еще обременяшь пягосптію своего своенравія
„несчастпныхъ, копорые уже спонупъ подъ
„игомъ ихъ власпи и могущеспва?“

Пусшь всякой сравнишь сіе прогашельное
мѣсто съ пѣмъ, чпо говоришь *Юнія* въ *Раси-
новой* прагедіи *Британникъ*, и увидишь, чпо
Массильюнъ пораженъ былъ чпеніемъ словъ ея.
Сущноспѣ мысли шаже, но *Орапоръ* сдѣлался

Авторомъ оныя. Обороты и выраженія его. Вотъ упомянутое мѣсто изъ *Расина*!

„Все, что ты видишь, споспѣшествуетъ
„твоимъ желаніямъ. Твои дни всегда свѣтлы,
„пекутъ въ удовольствіяхъ; царствованіе
„есть для тебя неизчерпаемый источникъ
„онихъ. Еслили какая нибудь печаль пресѣ-
„каетъ печеніе ихъ, то вся вселенная, пеку-
„щаяся о непрерывности ихъ, щипится изгла-
„дитъ оную изъ твоей памяти. *Британникъ*
„одинъ. Какая бы скорбь ни угнетала его,
„онъ въ своемъ положеніи видитъ меня столь-
„ко участвующую въ оной, и вмѣсто всякаго
„удовольствія, Государь, имѣетъ однѣ слезы,
„которыя иногда дають ему забыть свои не-
„щастія.“

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что по-
дражаніе, происходящее отъ непрестаннаго
чтенія хорошихъ подлинниковъ, развиваетъ
воображеніе, даетъ вкусъ, распространяетъ
умъ и усовершенствуетъ дарованія; что мы не
должны стыдиться совѣшываться съ искус-
ными руководителями, слѣдовать складу ихъ,
присваивать себѣ, нѣкоторымъ образомъ, ихъ
богатства, лишь бы только мы дѣлали это
съ довольнымъ умѣніемъ, дабы насъ не обви-
няли въ выписываніи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О

ОРАТОРСКОМЪ ДѢЙСТВОВАНІИ.

Вообще Орапоръ получилъ онъ природы щасливый даръ убѣждать и прогашъ; вообще усовершилъ онъ свой талантъ изученіемъ правилъ, естли онъ не умѣетъ привлекать вниманіе слушателя сказываніемъ непринужденнымъ, произношеніемъ чистымъ, тономъ голоса выразиельнымъ, пѣлодвиженіемъ надлежащимъ и благоприспойнымъ, рѣчи его не споль дѣйствительны, слушатель не споль живо можетъ чувсвовать достоинство оныхъ. Съ холодностію и разсѣяніемъ мыслей слушающъ то, что произносится непріятно и съ нѣкопрымъ трудомъ или принужденностію.

Итакъ Орапоръ, желающій совершать съ похвалою подвигъ красноречія и не лишаться плода своихъ трудовъ, долженъ не только съ раченіемъ учить то, что онъ обязанъ говорить предъ публикою, но еще особенно знать и то, что можетъ благоприспойно управлять его голосомъ и пѣлодвиженіемъ. Постараемся представить здѣсь важнѣйшія славныхъ Вишій примѣчанія на сіи различныя задачи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О

ПАМЯТИ.

Для успѣха рѣчи, которую надлежитъ произнести предъ публикою, нѣтъ ничего нужнѣе памяти. Слово швердо выученное кажется хорошимъ, хотя оно посредственно, и если оно хорошо, то кажется превосходнымъ.

Нѣтъ недоспадка, который бы болѣе поражалъ и болѣе упомлялъ слушающаго, какъ недоспадокъ памяти. Онъ терпитъ все по безпокойству, какое проповѣдникъ своимъ нерадѣніемъ себѣ причиняетъ.

Проповѣдникъ, полѣнившійся выучить слово наизусть, весьма дорого платитъ за удовольствіе своей лѣности. Жалостна участь Орапора запинающагося. Принужденъ будучи думать все о томъ, что надобно говорить; онъ никогда не думаетъ о томъ, что говоритъ.

Измѣняющая память прерываетъ дѣйствованію, и опинимаетъ гибкость голоса. Вольность судебного Орапора посрамляетъ шакую связанность Орапора священнаго. Щастливъ тотъ, кто предаваясь жару своей ревности, можетъ говорить всегда съ похвалою!

По многимъ причинамъ опасно полагаться на свою способность. Можно придти въ такое безсиліе, что воображеніе разгорячится. Всякой зависитъ отъ своего нрава, отъ своего

здоровья, опъ времени. Естли все эпо не благопріятспвуепъ, то не лзя удовольспво-
вапъ самага себя, колыми паче другихъ.

И такъ, чпобы говоришь правильно и ров-
но, надобно учипъ наизуспъ. Сей прудъ слу-
жишь къ пользѣ рѣчи: Орапоръ при каждомъ
повпореніи оной придаепъ ей какое нибудь
новое совершенспво. Есплижъ онъ уволь-
няепъ себя опъ эпой птягоспи, то подвер-
гаепся многимъ погрѣшноспиямъ, а особливо
неровноспи.

Выучиваніе наизуспъ имѣепъ еще ту
пользу, чпо память наполняепся выраженіа-
ми, оборопами, выраженными мыслями, копо-
рыа удобно приходяпъ, когда надобно гово-
ришь скоро.

Несправедливо думаютъ, чпо сіа необхо-
димоспъ ослабляепъ резноспъ; чѣмъ лучше
Орапоръ знаепъ свою маперію, тѣмъ легче
ему оживляпъ оную. Онъ говоришь сокращен-
нѣе, вѣриѣе, убѣдипельнѣе. Произношеніе сло-
ва хорошо выученнаго плѣняепъ слушашелей;
оно болѣе скрываетъ искуспво сочиненія,
копное попому кажепся натуральнѣе.

Орапоръ, уча наизуспъ свое слово, нахо-
дипъ приличныа выраженія, копорыа рѣдко
попадаются въ жару дѣйспованія. Сверхъ
того нѣтъ времени видѣпъ слабыа мѣспа
того, чпо говоришь на удачу съ поспѣш-
носпью, и получапъ опвращеніе къ онымъ. (*)

(*) При чтеніи сихъ правилъ надобно вспомнишь, чпо
Французскіе проповѣдники никогда не читаютъ проповѣ-
дей своихъ по тетрадкамъ, и даже не кладутъ оныхъ на
каедряхъ.

Естьли слово почно и совершенно, то оно шверже впечатлѣвается въ памяти. Удобно бытъ довольну своимъ сочиненіемъ, чѣмъ рѣшишься выучить оное. Умъ чело-вѣка опвращается того, чѣмъ не удовлетвори-яетъ ему, и весьма неохотно опять къ тому приспущаетъ.

Особливо должно хорошо учить подроб-ности: они не такъ удобно приходятъ на память, какъ основанія, и всякой можетъ судить о нихъ. Все то, чѣмъ мы знаемъ со-вершенно, говоримъ съ важною вольностію; и кто владеетъ своимъ умомъ, тотъ плѣ-няетъ умы и другихъ.

Когда говорящему слово приходитъ заб-веніе, то лучше ему вспавлять какія нибудь хошя неправильныя выраженія, нежели оспа-навливаться. Сія оспановка производить весь-ма непріятное дѣйствіе, и непременно сму-щаетъ Орашора. Ему кажется, чѣмъ непер-пѣливый слушатель пребуетъ у него опчепя въ его молчаніи; онъ спыдится и краснѣетъ; но естьли онъ продолжаетъ махинально, то ищетъ въ сіе время прервавшейся нити, и удобно опять ее связываетъ. Наибольшая часть слушателей того не примѣчаютъ. При-мѣчающіе же то, будучи просвѣщенны и снисходительны, не только ему прощаютъ, но еще весьма благодарятъ, чѣмъ онъ симъ невин-нымъ средствомъ перешелъ споль шрудную спезю.

Память есть такой даръ природы, въ кошоромъ искусство мало имѣетъ участія. Къ усовершенію ея нѣтъ инаго средства,

кромѣ упражненія. Но какую меподу принять тогда должно ?

По моему мнѣнію , лучший способъ хорошо выучить свое слово есть поить , чѣмъ каждый день выпверживать двѣ страницы онаго въ четвертку, читая ихъ громко, и поступая съ собою споль спрога, чѣмъ не позволяя себѣ ни перестановки словъ, ни другаго оборопа выраженій, нежели какой написанъ на тетрадкаѣ. Посредствомъ сего вниманія приучаютъ память бытъ мѣспною. Воистъ чѣмъ еще можетъ принести ей сію пользу! Надобно лучше учить съ той бумаги, на которой сочинено слово, и на коей есть помарки, нежели съ бѣлой, гдѣ оно написано начисно. Но какимъ образомъ, скажетъ кто нибудь, память лучше можетъ оживляться среди множества неудоборазбираемыхъ мѣспъ, нежели на бумагѣ чистой и невычерненной? Посредствомъ сихъ-то самыхъ неудоборазбираемыхъ мѣспъ: они подкрѣпляютъ память и оспряютъ ее. Воспоминаніе помарокъ усиливаетъ внимательность, онѣ служатъ поощреніемъ, когда она ослабѣваетъ; и пакъ наши погрѣшности обращаются въ пользу нашему таланту. Тетрадь вездѣ исправная представляетъ памяти опасное единообразіе, по причинѣ котораго она можетъ смѣшивать спроки одной страницы съ спроками страницы слѣдующей, и часто на одномъ листѣ.

Надобно ли учить опъ слова до слова? Совѣтую: иначе жаръ пвой ослабѣетъ весьма скоро, и всю рѣчь выучишь очень худо. Но сильнѣйшее побужденіе къ исполненію сего

закона, хотя весьма строгого, есть то, что многие во время сказыванія, опуская нѣкоторыя слова, заблуждаются, и не могутъ опять наййти своей дороги; гармонія прерывается, и раздраженный слухъ производитъ недосыпкъ голоса.

Наконецъ, я думаю, что, дабы хорошо выучить свое слово, голова должна быть свободна отъ дѣлъ и заботъ; иначе Ораторъ напрасно упоминаетъ себя; память пребудетъ присуществію другихъ способностей, которыя впрочемъ она, кажется, мало употребляетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

Г О Л О С Ъ.

Благородная, ровная и приличная разсуждаемой маперіи декламация приноситъ слѣдующія пользы: она дѣлаетъ видными красоты слова, скрываетъ недосыпки онаго, и привлекаетъ вниманіе слушающаго. Но чтобы производить сіи важныя дѣйствія, двѣ вещи необходимо нужны: хорошо произносить, и умѣть кстапи перемѣнять разные тоны голоса.

Произношеніе есть столь важное качество Ораора, что Демосѣенъ не сумѣвалъ называть оное первою, второю и претпьею частію краснорѣчія.

Требуется и е. чтобы оно было чистое. Для сего должно говорить не громко, раздѣлять

тоны, выдерживать послѣдніе слоги, отдѣлять реченія, склады, а иногда и нѣкоторыя буквы, кои могутъ смѣшаться, либо произвѣсти удареніемъ дурный звукъ: останавливаясь на почкахъ и запятыяхъ, и вездѣ, гдѣ смыслъ и чистота того пребудутъ. 2 е. Произношеніе должно быть свободно и плавно. Если Орапору тяжело, то и слушатель опягощается. 3 е. Оно должно быть величественно, безъ напряженія: почный выговоръ и пріятный тонъ голоса производятъ сіе величество.

Но не довольно того, чтобъ произношеніе было чисто, раздѣльно и легко; надобно еще приниматьъ тонъ приличный маперіи. А сего нѣтъ ничего легче для Орапора, если онъ живо то чувствуютъ, что долженъ говорить. Голосъ натурально принимаетъ измѣненія, служащія къ изображенію предмета, когда сердце занято онымъ (*).

Не только каждая часть слова, но и спраши въ ономъ изображаемыя, фигуры употребляемыя Орапоромъ имѣютъ свой собственный языкъ и тонъ приличный своимъ изображеніямъ. Разберемъ сіе подробно.

Приступъ пребудетъ тона простаго, ровнаго, всегда учиваго, а иногда и боязливаго. Причина тому весьма извѣстна: тогда Орапоръ надлежитъ приготавливать умъ слушателя къ маперіи, о которой онъ говоритъ хочетъ, и привлекать его благосклонность и вниманіе.

(*) *Vox est mentis index et velut exemplar, ac totidem quot illa, mutationes habet. Quintilianus.*

Предложеніе и Раздѣленіе должно произно-
ситься пономъ яснымъ , смѣлымъ , безъ движе-
нія, съ нѣкоторою даже медленностію, чпобы
слушатель могъ раздѣльно видѣть и какбы
схватывавъ шѣ предметы, на которыхъ Ора-
поръ хочеть утвердить его вниманіе , и ко-
шорые соспавляютъ маперію слова.

Повѣствованіе естъ либо простое , либо
спраспное. Въ одномъ Орапоръ только оп-
крываетъ какое нибудь дѣйствіе ; въ другомъ
предполагаетъ пронуть слушателя. Въ обо-
ихъ сихъ случаяхъ свойство маперіи должно
учреждать благоприспоспность поновъ. Естъ-
ли повѣствованіе простое, то оно пребуетъ
нѣсколько большей возвышенности голоса ,
нежели домашній разговоръ, но всегда пона
ровнаго , перемѣняемаго только нѣкоторыми
пихими извищіями, служащими къ раздѣленію
временъ , мѣспъ, лицъ, и проч. Естъли оно
спраспное, поны должны бытъ сообразны
изъясняемымъ чувспвованіямъ, попребна боль-
шая или меньшая скоросп въ произношеніи,
большее или меньшее возвышеніе голоса, по
свойспву шѣхъ спраспей, какія Орапоръ воз-
буждаетъ пщия.

Доказательство пребуетъ важности въ
изъясненіи началъ, служащихъ ему основані-
емъ, силы и возвышенія голоса для примѣненія
сихъ началъ къ индукціямъ, изъ оныхъ выво-
димымъ, или къ гипотезамъ, къ нимъ прила-
гаемымъ.

Изображенія и подробности пребуотъ
живоспи и даже скороспи. Естъли Ора-
пору надобно дѣлатъ въ оныхъ нѣкоторыя

опспупленія, по сіи по большой части долженъ онъ произносишь медленно, тихо и плавно.

Заключеніе состоишь либо въ краткомъ повпореніи всего того, что Орапоръ приводилъ и доказывалъ въ словѣ, либо въ шомъ; что онъ предполагаетъ въ сію минушу увлечь, покорить умы слушапелей какими нибудь поразительными черпами. Въ первомъ случаѣ, думаю я съ *Квинтилианомъ*, произношеніе должно быть скорое и непрерываемое. Epilogus si enumerationem habet rerum, desiderat quamdam concisorum continuationem. Во второмъ, Орапоръ долженъ употреблять шоны свойспвенные папешпическимъ изображеніямъ, и соразмѣрные шѣмъ спраснямъ, какія возбудишь ему нужно или желательпо.

Каждая спрасшь имѣетъ свой особенный выговоръ, шакъ какъ особенный образъ поражаешь душу. Напримѣръ:

Тонъ нѣсколько глухій, помный, прерываемый вздохами и спенаніями, означаетъ *уныніе, пегаль*. Крайняя печаль перебуетъ шона удрученнаго, голоса пресѣкающагося, по живаго, по умирающаго. Разспройспво, смяшеніе души опкрывающа произношеніемъ.

Въ *Негодованіи* произношеніе должно быть одушевленное, голосъ сильный и иногда шонъ ироническій.

Тонъ мужеспвенный, произношеніе поспѣшное сопровождающъ *гнѣвъ*.

Въ *Удивленіи* бываетъ шонъ швердый и величеспвенный, голосъ пріятный и важный, произношеніе благородное и безъ всякой надутности, а иногда протное и нѣжное.

Изумленіе и Ужасъ изъясняются громкимъ возгласеніемъ. Это вопль природы, долженствующій быть переменнымъ, попому что различны причины производящія оной. По-требно великое искусство, чтобы онъ былъ весьма дѣйствителенъ, не преспавая быть натуральнымъ. Аббапъ Пуль, приводя въ одномъ словѣ 35 й стихъ 36 го псалма, произнесъ пономъ удивленія: *Видѣхъ нетестиваго превозносящася и высащася, яко кедръ Ливанскіе; сему слову, и мимоидохъ далъ тонъ простиый; далѣ съ нѣкопормымъ хладнокровіемъ сказалъ, и се не бѣ; и вдругъ съ тѣлодвиженіемъ и пономъ величайшаго изумленія вскричалъ: и се не бѣ!* Сія противоположность чрезвычайно поразила слушапелей.

Поелику *фигуры* сущъ извѣстные обороты выражений и мыслей, копорые не употребляются какъ что нибудь обыкновенное, то также надлежитъ произносить оныя различнымъ образомъ, для сохраненія того, что онѣ имѣютъ высокаго, сильнаго или пріятнаго.

Какъ *Антитетонъ* состоитъ въ противоположеніи мыслей, или членовъ какого нибудь изреченія, то произношеніе должно давать чувствоватъ сію противоположность, требующую непременно двухъ разныхъ тоновъ, изъ копорыхъ одинъ долженъ быть, возвышеннѣе другаго. Напримѣръ, въ семъ изреченіи Святаго Павла:

„Укоряеми, благословляемъ; гоними, терпимъ; хулими, утѣшаемся:

Должно возвышатъ голосъ произнося, *укоряеми*, и унижатъ выговаривая, *благословляемъ*.

Тонъ *Ироніи* споль же, можетъ бытъ, прудно дѣлать хорошо, какъ и самую сію фигуру хорошо сочинять, ибо онъ долженъ бытъ натуральнымъ изображеніемъ вещи, и припомъ шакъ, чпобъ сквозь прозрачный цвѣтъ его можно было проникать и усматривать расположеніе души. Она пребуетъ голоса швердаго, съ пономъ презрипельнымъ и насмѣшливымъ.

Вопрошенія, одно за другимъ слѣдующія, пребуютъ произношенія усиливающегося, пона высокаго, но не гремящаго, шакого, копорый бы по малу возвышался при началѣ каждой мысли, какъ на примѣръ, въ слѣдующей моливѣ Сына Божія ко Отцу, у *Мильтона*.

„О Отче мой! возможно ли человѣку погибнуть невозвратно? Послѣднее и любезнѣйшее изъ Твоихъ созданій, погибнетъ ли прельщенно злобою поспороннею, хопя пому помогло и собшвенное его безуміе? Да не будетъ въ Тебѣ, Отче мой! шакое произволеніе. Ты Судія Твоихъ шварей, и всегда правильно судишь. Не уже ли врагъ Твой получишь шакимъ образомъ умышленный свой конецъ, и опровержетъ Твой намѣренія? не уже ли уполишь злобу свою, и уничпожитъ Твою благость? возвратишься ли съ великою корыстію опъ человѣка, и гордяся своимъ шщеніемъ? повлечетъ ли за собою во адъ все племя Адамово, поврежденное хипроспю его? восхощешь ли пы шспребити Свое швореніе, и сокрушишь, по ненависти къ своему пропшвнику, шю, чпо создалъ Ты для самаго

„себя? Сіе прошивно Твоему величеству и
„благоспи. „

Въ *Отвѣтствованіи* одинъ шонъ надлежитъ даванъ вопросу, а другой опвѣту, и обыкновенно шонъ вопроса возвышеннѣе нежели шонъ опвѣта. Примѣръ:

*Чесо изыдосте видѣти? телосѣка ли въ мяки
ризы облетенна? Се, иже мягкая носящія, въ до-
мѣхъ царскихъ суть. Но тесо изыдосте видѣти?
Пророка ли? Ей глаголю вамъ, и лишше пророка.
Маше. гл. II, ст. 8 и 9.*

Увѣщаніе, кажется, пребуеиъ голоса сильнаго, мужеспвеннаго и одушевленнаго, дабы папешпческія мысли, содержащіяся въ ономъ. были дѣйспвивельнѣе.

Въ *Умоленіи* голосъ долженъ бытъ живъ, но нѣженъ и прогашелень.

Въ *Наращеніи* шонъ постепенно възвышаеися, и надобно спарашься произносишь сильнѣе первое слово каждаго члена изреченія.

Въ *Повтореніи* слова повпоряемыя произносящяся съ большею силою, нежели другія.

Вопъ примѣчанія, какія вообще можно дѣлать на образъ произношенія разныхъ часпей, соспавляющихъ слово! Впрочемъ правила супъ ничпо, еспьли Орапоръ имѣеиъ недоспапокъ во вкусѣ, и еспьли онъ слабо по чувспвуеиъ, чпо говоришь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О

ТѢЛОДВИЖЕНІИ.

Не довольно того, чтобы Ораторъ хорошо выучивалъ свои рѣчи, чтобы вѣрная память вдыхала въ него смѣлость, чтобы его чистое, пріятное и благоразумно перемѣняемое произношеніе услаждало уши слушателей; потребно еще, чтобы тѣлодвиженіе (*gestus*) натуральное, выразительное и приспосойное сопровождало слова его, и представляло очамъ разныя чувствованія его сердца.

Дабы успѣть въ сей важной части, о трехъ наипаче вещахъ долженъ онъ особенно разсуждать: 1 е. Какой видъ и осанку имѣть ему прилично; 2 е. Какъ надобно дѣйствовать глазами и руками. 3 е. Какія погрѣшности могутъ дѣлать тѣлодвиженіе бесполезнымъ и смѣшнымъ.

І. О видѣ и осанкѣ приличныхъ Оратору.

Наружность приличнѣйшая священному Оратору есть та, которая даетъ другимъ чувствовать высокость Евангельскаго служенія. Видъ простой и постоянный, позиція благоприспосойная, нѣкоторый благочестивый страхъ, изображающійся во всей его осанкѣ, напоминающъ важность его должности, и привлекающъ къ нему слушателей.

Наружность весьма казисная можетъ вредить священнослуженію; она болѣе удивляетъ, нежели прогаситъ. Еслили слушатель

пораженъ ею, но онъ забываетъ пославшаго, и занимается только посланнымъ. Слово Божіе должно слушать, не смотря на то, что есть человеческое.

Приспойно Орашору бытъ нѣсколько боязливомъ: боязливость не бываетъ безъ скромности, а скромность возвышаетъ блескъ дарованія. Лучше, по моему мнѣнію, пренешать предъ слушателемъ, нежели гордиться предъ нимъ. Славнѣйшіе Випіи всегда говорили предъ публикою съ нѣкоторымъ страхомъ.

Не неприлична впрочемъ и умѣренная смѣлость, когда она въ продолженіи слова неприлично возрастаетъ, съ приумноженіемъ ревности и жара дѣйствованія.

На священной кафедрѣ видъ пріятный не имѣетъ мѣста, а особливо подъ одеждою смиренія и покаянія. Припворная крошечность также на оной не приспойна. Важность или по крайней мѣрѣ степенность должна бытъ первымъ характеромъ проповѣдника, такъ какъ крестъ есть первое украшеніе храма.

Неподвижность всего тѣла дѣлаетъ проповѣданіе холоднымъ и скучнымъ, а весьма великая подвижность не приспойна; должно искать середины между сими двумя крайностями.

Голову не должно ни слишкомъ поднимать, и какъ бы закидывать назадъ, ни держать ее небрежно далѣе своего спана, ни повѣшивать на одну сторону, но она прямо и учтиво должна обращена бытъ къ слушателю. Ея разныя движенія, сопровождаемыя движеніемъ рукъ, удивительно способствуютъ изображенію различныхъ спраспей, естли

только они не излишны, и не походятъ на непрестанное качаніе. Будучи возвышаема, она удивляется; обращается на лѣвую сторону, боится, или негодуешь; на правую, при движеніи лѣвой руки, опвергается, опрѣвается и презираешь; нѣсколько наклоняема, соболѣзнуешь, просишь, заклинаешь, умоляешь; шверда и неподвижна, утверждаешь, увѣщаешь, поспыждаешь.

II. О Дѣйствованіи глазами и руками.

Глаза весьма живо, сильно и скоро опкрываютъ движенія души. Такъ устроила природа! Чпо вѣрнѣе и прогашельнѣе изъясняютъ сердечныя чувствія? Въ печали они потуплены или орошены слезами; въ радости блистаютъ или одушевлены усмѣшкою; въ изумленіи неподвижны и сморщатъ приспально; въ удивленіи подняты; въ спыдѣ также потуплены и какъ бы помрачены; въ спрахѣ и ужасѣ блуждаются; во гнѣвѣ горятъ и пламенѣютъ; въ негодованіи быспры; въ спокойствіи тихи, однимъ словомъ, споль же перемѣнчивы въ своемъ положеніи, какъ и спраспы въ своей напурѣ или въ своихъ дѣйствіяхъ, они часто дѣлаютъ нѣмое изображеніе оныхъ безъ помощи словъ. Но для сего глазъ никогда не долженъ прошиворѣчитьъ мысли, онъ долженъ имѣть движеніе согласное съ чувствованіями души. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ важность манеріи пребуешь, чпобъ глазъ говорилъ прежде успъ, и чпобъ онъ своими взорами возвыщаль шо, чпо успа произносишь хоняшь.

По общему почти обыкновенію, Орапору а особливо Орапору священному надлежитъ не много помолчавъ предъ началомъ слова. Это должно быть не для того, говоритъ *Рик-бокони*, чтобы дать время слушающимъ собраться съ мыслями и приготовить ихъ къ слушанію: слушатели, такъ думающіе, и Орапоры, дѣлающіе это съ симъ намѣреніемъ, заблуждаются. Сію минушу собиранія мыслей, въ которую Орапоръ закрываетъ глаза, присовокупляетъ пошъ же Писатель, долженъ онъ посвятивъ на то, чтобы забыть всю природу, и занявшись только своимъ предметомъ.

Признаюсь, что я не совсѣмъ согласенъ на сіе мнѣніе. Проповѣдникъ, закрывающій прежде глаза и стоящій нѣмымъ нѣсколько времени, оспавляетъ меня въ величайшемъ безспрастїи, и можетъ привести въ неперпѣніе. Я лучше хочу видѣть въ глазахъ его и чинанъ на его лицѣ качество той матерїи, о которой онъ хочетъ говорить.

Глаза, какъ сказали мы, суть зеркало души; они имѣютъ свой языкъ, должны имѣть свою декламацию: чело есть престолъ всѣхъ спрастей, оно не можетъ быть нѣмымъ. Надобно ли глазамъ и челу ожидать конца прехъ или чешырехъ періодовъ, и послѣ оныхъ соединяетъ свои изъясненія съ гласомъ успѣ? Но, скажутъ мнѣ, начало слова должно быть скромно; Орапоръ въ шѣлдвиженіи, такъ какъ и въ сочиненіи, долженъ оживляться постепенно. Безъ сомнѣнія, но уже ли посему онъ долженъ произносить все начало своего слова съ величайшею холодностію, сложивъ руки и

глаза попутивши? Есть середина между боязливостію и смѣлостію, то есть, видъ благоприспособности, разлитый по всей наружности честнаго мужа, и нимало не походящій на видъ замѣшательства.

Дѣйствованіе мышцами и руками спольнапурально соединено съ дѣйствованіемъ глазами и лицомъ, и должно быть спольнеразлучно съ произношеніемъ, что оно-то у насъ и называется *тѣлодвиженіемъ* (*gestus*), и въ семъ мы подражаемъ древнимъ.

Сіе движеніе мышцевъ и рукъ должно быть напурально, важно и благородно, должно соопвѣтствовать качеству матерій или обстоятельствевъ. Изъ чего слѣдуетъ, что въ присупѣ оно почти не имѣетъ мѣста, то есть, оно не такъ видно, не такъ чисто и не такъ живо, какъ въ другихъ частяхъ слова; въ предложеніи оно весьма просто и соспоинъ въ одномъ движеніи руки; въ показаніи основаній умѣренно; въ примѣненіи оныхъ нѣсколько живѣе, въ мѣстахъ шепотическихъ напряженно и сильно, но не нагло и буйно; благоприспособность не позволяетъ ни въ чемъ удаляться отъ нея. Слово, исполненное чувствованій и огня, никому не понравится, еслили руки дѣйствовать будутъ слабо и вяло; но не менѣ ли оно противно, ежели дѣйствованіе руками обращается въ непрерыванное маханіе?

Сверхъ сихъ главныхъ правилъ есть для руководженія механизмъ, всѣми принятый и употребляемый. 1. Правая рука ходитъ съ лѣвой спороны, и оспанавливается на правой;

2. Лѣвая рука должна сопровождать правую, а еспльи Орапоръ дѣйсвиуетъ ею одною, по дѣлаетъ это для изображенія презрѣнія, отказа, отвращенія, обращая голову къ другой сторонѣ. 3. Руку никогда не должно поднимать выше плечъ или глазъ, ни опускать ниже пояса. 4. Мышца вся протягивается только при концѣ періода, либо въ жару чувствованія, и потомъ рука полагается на груди, или на краю каедръ. 5. Жесту надобно начинаться отъ локтя, а не отъ плечъ; запястье должно давать ему надлежащее качество, по возвышеніемъ руки, по опущеніемъ, по горизонтальнымъ обращеніемъ на правую или на лѣвую сторону, по держаную вровень съ собою. Рука приглашаетъ или опрѣваетъ, принимаетъ или опвергаетъ, уверяетъ и утверждаетъ, грозитъ или проситъ, измѣряетъ пространство, высоту, глубину, показываетъ мѣста, раздѣляетъ времена, лица, дѣйсвія и проч. 6. Правая рука, прилагаема будучи къ желудку, дѣлаетъ движеніе благоприспое, когда Орапоръ говоритъ о себѣ самомъ, или объявляетъ какое нибудь чувство сердца. 7. Жестъ долженъ, такъ сказать, идти въ слѣдъ за мыслию и голосомъ, по еспль, долженъ начинаться, продолжаться и оканчиваться вмѣстѣ съ ними, не предупреждая ихъ, ни оставаясь назади. Потребно также, чпобъ онъ имѣлъ для глазъ свои приращенія и опдохновенія, такъ какъ мысль имѣетъ онныя для ума, и голосъ для уха. И какъ промежутки между каждымъ періодомъ или мыслию, хотя оощущительны, не составляютъ

впрочемъ виднаго разстоянія, такъ не должно оно бытъ и въ жеспахъ, но надобно, чѣмъ жескъ начинающійся былъ какъ бы слѣдствіемъ предшествовавшаго, и рожденіемъ имѣющаго за нимъ слѣдовать. Они должны хранишь между собою такое же соотношеніе и такую же связь, какая находилась между мыслями.

8. Наконецъ, хотя слово имѣетъ единство, но какъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ есть разнообразіе, такъ равно должно оно бытъ и въ жеспахъ, кошорые не надобно дѣлать ни весьма рѣдко, ни слишкомъ часто, ни слабо, ни превосходя надлежащую мѣру, они должны бытъ согласны съ голосомъ и мыслию, дабы Орапоръ въ глазахъ, ушахъ и душѣ слушателей дѣлалъ одинаковыя впечатлѣнія.

*III. О Погрѣшностяхъ, могущихъ дѣлать тѣло-
движеніе безполезнымъ и смѣшнымъ.*

Слушать природу, послѣдовать ей и украшать ее, вопиѣ искусство тѣлодвиженія! Все описуемое опъ нея, все принужденное, все, что не въ своемъ мѣстѣ, препяшствуетъ успѣху Орапорскаго дѣйствованія, и разрушаетъ оный.

Важнѣйшія погрѣшности, опносительно къ глазамъ, суть слѣдующія: говоришь закрывши оные, что означаетъ стягостное усиліе нешвердой памяти, или робость; весьма пристально успремляешь ихъ на своихъ слушателей, либо оспанавливаешься ими неподвижно на одномъ предметѣ, это наглость или изспупленіе. Не должно также показывать ихъ бѣглыми, мигать, поворачивать ихъ,

дѣлая свирѣпый видъ, а особливо изпускатъ изъ нихъ слезы принужденно; сіе принужденіе произведетъ смѣшныя кривлянья. Но еспли слезы текутъ сами собою, то должно позволять имъ печь. Онъ супъ почти неложные знаки твердой и подлинной сердечной увѣренности, которая скоро въ другихъ произведетъ пѣже впечатлѣнія, какія ощущаетъ Орапоръ. Елазъ долженъ слѣдовать за движеніемъ руки, и, такъ сказать, издали сопровождать оную: еспли, между пѣмъ какъ рука движется или протягивается на одной споронѣ, онъ отправляетъ свое дѣйствіе съ противоположной спороны, то, исключая время опказа, ужаса и презрѣнія, нѣтъ согласія между сими двумя часпями, которыя должны соединяться, чптобы дѣлать одно изъясненіе.

Вопъ еще погрѣшность нѣкоторыхъ Орапоровъ, — морщитъ лобъ, и нахмуривать брови каждую минуцу и безъ причины. Правда, иногда сіи движенія нужны въ декламациі: бывають такія обстоятельство, въ копорыхъ душа пребуетъ оныхъ, какъ — то въ жару ревности и негодованія; въ другихъ же случаяхъ употребляетъ оныя, значить брать на себя видъ мрачный и челоѣконенавистный, который не дѣлаетъ истину любезнѣе. Еще Орапоръ въ осанкѣ своей ничего не долженъ являть забавнаго и непостояннаго, что можетъ лишить его довѣренности другихъ. Припомъ это еспъ унижать самого себя, и не имѣть уваженія къ публикѣ. Цицеронъ и Квинтилианъ не совѣщаютъ судебному Орапору

видомъ и жестами уподобляться комедіанту. Сколь сильнѣйшую причину имѣетъ удаляться отъ Священный Орапоръ! Его краснорѣчіе важнѣе несравненно всякаго другаго, и слѣдовательно преуспѣетъ въ высшей благоприспособленности.

Не надобно ударять въ руки, считаясь по пальцамъ, и ихъ или кривить, или одинъ опъ другаго чрезмѣрно опдѣлять, или очень сжимать.

Не приспособно указывать на кого нибудь или на какую либо вещь пальцомъ, и показывать слушающимъ сжатые кулаки.

Есть пѣлодвиженія *подражательныя*, которыхъ не надобно позволять себѣ, потому, что ими можно являть непристойность, и показывать себя болѣе панномимомъ, нежели Орапоромъ.

Наконецъ, ничто столь не противно на священной кафедрѣ, какъ пѣлодвиженіе безчинное. Нѣкоторые Орапоры имѣютъ всегда видъ негодованія, кричатъ, горячась, кидаясь. Такое движеніе ревности весьма не кспаша. Все излишнее въ дѣйствованіи Орапора опвращаетъ ту пользу, какую онъ производитъ долженъ. Духъ Божій спокоинѣ. Запальчивый Орапоръ прерываетъ то величественное молчаніе, которое должно царствовать у ногъ Олшаря, и которое только прилично священнодѣйствію. Блаженный *Августинъ* говоритъ, что для самой важности краснорѣчія, наружность должна быть проста. А сему славному Училищу надлежитъ вѣрить, когда долгъ великихъ Орапоровъ есть предлагать правила слова.

ИЗБРАННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

Священномъ Ораторѣ, яко Служителѣ Евангелія.

Проповѣдникъ долженъ писатъ вразумительно, дабы охотно и съ покорностію слушали его, но въ семъ дѣлѣ можетъ онъ успѣвать болѣе теплыми молитвами, нежели своимъ искусствомъ. Всегда надлежитъ ему за себя и за тѣхъ, коимъ намѣренъ предложить слово, прежде помолиться, а потомъ учить, и въ самый пошъ часъ, когда приступаетъ къ проповѣданію, долженъ прежде, нежели опровергнетъ уста свои, возвыситъ къ Богу жаждущую душу, да испочитъ Своимъ слушаемымъ то, чѣмъ она напоится, или да изліетъ на нихъ то, чего она исполнился.

(Август. о Хрістіансколѣ чтеніи.)

Проповѣдники закономъ обязаны подтверждать жизнию то, что они словами другимъ совѣщаютъ; ибо слова перяютъ свою важность, когда дѣла имъ не соотвѣтствуютъ. *Св. Григор. въ Нравоут.*

Слушатели охотно пріемлютъ то слово, которое съ горячестію духа Проповѣдникъ произноситъ. Тотъ умѣетъ истинно говорить, кто прежде научился хорошо дѣлать, и сѣмя слова тогда прозябаетъ, когда оно въ сердцѣ слушающаго увлажняется благочестіемъ проповѣдующаго. *Св. Григ. во 2 Бес. на Іезек.*

Уста, сердце и руки Священника Хрістова должны быть согласны. *Св. Герон. въ Пис.*

Все, что не назидаетъ слушателей, во вредъ имъ обращается. *Онъ же.*

Кто гоповинся проповѣдать слово истины, тотъ долженъ заимствовать главныя причины изъ Священнаго Писанія, долженъ всему полагать въ основаніе Божественное Опкровеніе, и на ономъ утверждать свои глаголы. *Св. Григ.*

Благочестивые Проповѣдники и бѣгаютъ чести, чтобы міръ не ласкапелспивоваль имъ, и желаютъ быть почитаемы, дабы имъ подражали. *Онъ же съ Бес.*

Учащій долженъ весьма остерегаться, чтобы не говорить больше, нежели сколько слушатель понимаетъ. Долженъ онъ проповѣдать, примѣняясь къ немощи слушающихъ, снисходить оной, ограничивая себя самаго; еслили онъ говорить малымъ высокое, и потому бесполезное, то щипится болѣе показать себя слушателямъ, нежели принести имъ пользу. (*Онъ же въ правоцт.*)

Проповѣдникъ долженъ надѣяться не на пышность своихъ словъ, но на честность дѣлъ; долженъ восхищаться не похвальными гласами народа, но плачемъ, ниже ожидать отъ него рукоплесканія. Еслили онъ хочетъ, чтобы его слушатели выпускали слезы и сипенаніе, самъ прежде да плачетъ, и тако сокрушеніемъ своего сердца да воспламеняетъ ихъ. *Просперъ.*

Должно распредѣлять проповѣданіе по мѣсту и времени, и качеству мѣста; еслили оно будетъ рѣдко, то будетъ неудовлетворительно,

естьли непрерывно, то придется въ неуваженіе. С. Гр. Бесѣдѣ.

Цицеронъ сдѣлалъ изображеніе совершеннаго судебного Орапора. Смѣю ли я представить здѣсь начертаніе служителя Божественнаго слова? — Вообрази человѣка, который вознесенъ будучи превыше другихъ, долженъ показывать пономъ своего голоса, огнемъ своихъ очей, величественными черпами своего чела, что онъ говорящій — не проспый смерпный, что небо опверсно надъ главою его, что земля неизмѣримо опдалена отъ него; человѣка, котораго уста суть свяпилище вѣчныхъ испинъ, котораго душа и сердце въ рукѣ Всевышняго; котораго слова суть покъ пламени; человѣка, который носитъ громъ Бога, мещетъ или удерживаетъ оный по своему произволению; который на спрашныхъ вѣсахъ взвѣшиваетъ судьбы и совѣсти, снимаетъ завѣсу съ глазъ грѣшника, изпоргаетъ слезы изъ кающихся, держитъ ключи неба и ада; наконецъ, человѣка, который распочаетъ тьму и производитъ свѣтъ. Вотъ священный Орапоръ!

Никогда почти не входящъ въ спроее разсужденіе о томъ, какого расположенія духа пребуетъ святость служенія слову Божию, и важность споль высокія должности. Потребно не только великое прилѣжаніе и долговременное упражненіе, чтобы исполнилъ свой умъ великихъ мыслей, образующихъ характеръ священнаго краснорѣчія, но нужно и долговременное уединеніе, дабы онымъ приготовить свое сердце къ полученію Святаго

Духа, Котораго Проповѣдникъ дѣлается исполковашелемъ. Онъ Него — по непосредственно долженъ онъ принимать свое посольство исполненіемъ правилъ духовной жизни, для очищенія своей души добродѣтелию, дабы она содѣлалась способною получить небесное просвѣщеніе, и по твердое благочестіе, которыя Богъ даетъ только душамъ смиреннымъ и чистымъ; и для расположенія себя къ принятію по помъ священной должности онъ мужей посланныхъ на вышнемъ достоинствѣ, и получившихъ сію власть для сообщенія оной другимъ. И такъ онъ долженъ осперегаться полагать излишнюю надежду на себя и на свой умъ, дабы не забыть, что въ семъ споль святомъ служеніи надлежитъ прежде получать помощь небеснаго просвѣщенія частыми размышленіями и молитвами. Безъ сея помощи, не лзя поспигать надлежащимъ образомъ Евангельскія истины, дабы хорошо проповѣдать оныя (*).

Весьма многіе не разсуждаютъ довольно о помъ, что, когда проповѣдуютъ, говорятъ со спороны Божіей: такимъ образомъ опничаютъ у своего слова важность его и цѣну. Большая часть Проповѣдниковъ говорятъ онъ самихъ себя, они себя самихъ высказываютъ, и не даютъ мѣста Духу Божію, дабы все оставили своему уму. Не такъ поступали Пророки, Проповѣдники Вѣрнаго Завѣша; они

(*) Большая часть сихъ размышленій взята изъ сочиненія Рапина о церковномъ краснорѣчїи, изъ Гешье, изъ Опыта о священномъ краснорѣчїи, сочиненнаго Аббатомъ Бепласомъ, и проч.

никогда не говорили народу, какъ чашные люди, они учили, какъ посланники Божіи, и величество того Владыки, ошъ Копораго они говорили, привлекало имъ уваженіе народовъ и Царей... Какую бы важность всѣ придавали Слову Божію, еспль бы знали искусство проповѣданъ оное, яко Слово Божіе, а не яко истое изобрѣшеніе ума человѣческаго! Дабы оно имѣло успѣхъ, надлежитъ предлагать его, по примѣру Святаго Павла, *оружіи правды, въ словеса истины, въ силѣ Божіи.*

Не довольно для Проповѣдника качества честнаго человѣка, надлежитъ ему имѣть и благочестіе, оно еспль сила обучающая. Оно происходитъ изъ внушеніяго чувствованія дѣлъ Божіихъ. Изъ холоднаго сердца исходятъ слова мерзвыя, не имѣющія духа жизни.

Проповѣдникъ долженъ живо чувствовать и испины, въ которыхъ хочетъ онъ увѣрить другихъ. Еспль сердце не одушевляетъ голоса, то онъ еспль мѣдъ звенящая. Благое должно говорить съ чувствіемъ, и тошъ ничего не скажетъ протопельнаго, кпо самъ не протопеть.

Мало того, чптобъ имѣть въ своемъ собраніи разныхъ сочиненій высокія чувствованія Богодухновенныхъ Писателей и Святыхъ Опець, надобно имѣть оныя въ своемъ сердцѣ. Просвѣщенный умъ только начинаетъ исправленіе другихъ; живое и нѣжное благочестіе совершаетъ оное.

Міръ не доволенъ посредственною добродѣтелию Проповѣдника, онъ хочетъ, чптобъ

сей, будучи беззазоренъ, могъ говорить какъ Апостоль: *Подражатели мнѣ бывайте.*

Примѣръ яснѣйшій даесть понятія о добрѣ, нежели слово. Жизнь проповѣдника обличаетъ не оскорбляя, убѣждаетъ не говоря.

Проповѣдникъ есть обличитель вѣка сего; непрощительно бы ему было послѣдовать правиламъ и подражать поступкамъ онаго.

Худо тошъ проповѣдуетъ умерщвленіе плоти, кпо живетъ въ нѣгѣ.

Чѣмъ сильнѣе проповѣдникъ доказываетъ, что человекъ долженъ быть благонравнымъ, тѣмъ болѣе онъ осуждаетъ себя самаго, еспли его нравы безчестны: всякой опсылаетъ ему назадъ тѣ спрѣлы, кошорыя онъ мещетъ. Предувѣренный слушатель негодуетъ на того, кпо дѣлаетъ не то, что говоритъ.

Цѣль проповѣданія должна быть непорочна. Какое злоупотребленіе при семъ споль святомъ дѣйствіи имѣтъ въ виду мірское, славу, честь, подлую корысть! Не другой какой конецъ онаго долженъ быть, какъ сполько слава Божія и спасеніе человекъ.

Въ семъ званіи, копорымъ заслуживается титулъ Учителья, надлежитъ блюстися гордости, не полагаться на свой умъ, на свои дарованія, на свои намѣренія, на свой прудъ; но надобно возлагать всю надежду на Того, Кпо дѣйствуетъ на сердца.

Проповѣдникъ не на кафедрѣ сполько есть служитель Евангелія; сіе достоинство слѣдуетъ за нимъ всюду, вездѣ долженъ онъ исполнять обязанности онаго. Дѣла любви суть

его оподохновеніе. Удаляясь опть міра уединеніемъ, отвергаясь самаго себя смиреніемъ и умерщвленіемъ плѣши, возносяся горѣ молитвою и умозрѣніемъ, долженъ онъ упѣшаться испытаніемъ и дѣланіемъ закона Божія.

Проповѣдникъ, занимающійся слишкомъ подробнымъ изображеніемъ нравовъ, опиимаесть у священной кафедрѣ шопъ характеръ важности, который придаесть великую силу проповѣданію: онъ сообщаетъ приманки пороку, подражая пѣмъ опаснымъ школамъ, въ которыхъ слиясь дѣласть спраси ненавистными посредствомъ описаній, вдыхающихъ любовь къ онимъ. Кромѣ сего подробное и продолжительное нравоописаніе опасно потому, что оно заспавляетъ слушателей подозрѣвать проповѣдника въ томъ, что онъ человекъ Божій довольно знаетъ свѣтъ. Іоаннъ въ пустынѣ, Павелъ во узахъ, Іисусъ Хрісѣсъ на Голгоѣ, вопъ каршины, которыя представляютъ должно!

Пусть другіе любятъ подобныхъ себя, какъ человекъ. Служитель Евангелія долженъ носить въ своемъ сердцѣ всю любовь Хрістіанскую, и любить, нѣкоторымъ образомъ, какъ самъ Богъ любитъ.

Богъ награждаетъ Проповѣдника не потому, что всѣ одобряютъ его, и слова его имѣютъ успѣхъ, но взирая на его прудъ и недовѣрчивость къ своимъ дарованіямъ и силамъ. Предъ Богомъ всѣ дарованія равны; числѣна ревности даесть имъ различіе.

Ревностный Проповѣдникъ всегда пворитъ плодъ. Миръ, отвергаемый слушателемъ,

возвращается къ тому, кто возвѣщаетъ оный; онъ спорицею плодоноситъ въ его сердцѣ. Если грѣшники обращаются, то они суть его вѣнецъ, его слава; еслилиже ожесточаются, Богъ уважаетъ желанія его; истинная ревность никогда не бываетъ безплодна.

Проповѣдникъ долженъ стараться хорошо поступать, и не искать того, чтобы другіе говорили о его добрыхъ поступкахъ. Онъ лишается той награды, какую Богъ назначаетъ ему, если желаетъ хвалы человѣческой. Спѣшно тому подвергнуться тщеславію, кто въ другихъ укоряетъ оное.

Проповѣдникъ сошедши съ кафедры, возблагодаривши Бога и смирившись предъ Нимъ, не долженъ занявшись своимъ успѣхомъ, дабы не возчувствовать опъ того чрезмѣрной радости или печали.

Если слава слѣдуетъ за нимъ, да бѣжитъ онъ ея, да скрывается во смиреніи, да уничижается въ молитвѣ. Онъ долженъ удивляться въ своемъ дѣланіи могуществу Божію, и силѣ Его благодати, которая тѣмъ паче сіяетъ, чѣмъ орудіе слабѣе.

Если повсюду распространяется слухъ о успѣхѣ проповѣди, горе Проповѣднику, который также распространяетъ свою знашь въ мірѣ. Слава устрасаетъ вѣрнаго служителя Хрістова. Удостоверенъ ли онъ, что проповѣдуя инымъ о спасеніи, самъ осужденъ не будетъ?

О СОЧИНЕНІЯХЪ,

Которыхъ чтеніе можетъ принести пользу Хрістіанскому Оратору.

Сказали мы выше, что главнымъ упражненіемъ Проповѣдника должно быть чтеніе Священнаго Писанія и священныхъ Опецъ. Необходимо нужно ему, для успѣха своего званія, присвоивать себѣ высокія наставленія и красоты всякаго рода, разлипыя въ сихъ драгоценныхъ книгахъ: но естъ и другія книги, копорыхъ онъ не долженъ презиратьъ. Онъ супъ пѣ, кои могутъ оживить его воображеніе и содѣлать оное плодовицымъ, возвысить его умъ, укрѣпить его умозаключеніе, образовывать его вкусъ, и копорыхъ благоразумныя правила послужатъ ему руководствомъ въ поприщѣ, которое онъ пройши намѣревается. Изъ числа сихъ книгъ супъ слѣдующія (*):

Трактатъ блаженнаго Августина о Хрістіанскомъ ученіи, гдѣ естъ, а особливо въ четвертой книгѣ, превосходныя правила на родъ краснорѣчія, приличный священной кафедрѣ.

Церковная Риторика Лудовика Гренада, переведенная на Французской языкъ Г. Бинетомъ, въ 1698 году. Сія Риторика естъ прекраснѣйшее сочиненіе, и по справедливости всѣ хвалятъ ее. Она сперва показала въ Лиссабонѣ, въ 1576 году, и потомъ много изданій ея вышло. Гренадъ практикуетъ въ ней о изображеніи, о расположеніи, о изразеніи и

(*) Желательно, чтобъ всѣ онѣ переведены были на Руской языкъ.

произношеніи слова. Все тамъ объяснено примѣрами изъ Священнаго Писанія и священныхъ Опецъ, споль хорошо избранными, и исполненными вѣрныхъ и основательныхъ мыслей, что они, не смотря на изящный порядокъ, въ какомъ поставлены, сами по себѣ кажутся неоцѣненными.

Искусство проповѣдать слово Божіе, съ правилами Хрістіанскаго краснорѣчія, сочиненіе Марка Антонія Фоаксъ Іезуита, изданное въ Парижѣ въ 1687 году. Аббатъ Гугетъ сдѣлалъ анализъ сего глубокомысленнаго и основательнаго сочиненія, во вѣпорой книгѣ Французской Библіотеки, стр. 153.

Трактатъ о сочиненіи слова, написанный Клавдіемъ въ 1688 году, томъ 2, страница 245, пвореній изданныхъ по смерти его. Сіе сочиненіе полезно, исполнено важныхъ подробностей, и содержитъ въ себѣ великій порядокъ.

Размышленія о краснорѣчії Проповѣдниковъ, написанныя Антоніемъ Арнольдомъ въ 1695. Вотъ одно изъ наилучшихъ сочиненій, какія на краснорѣчіе Проповѣдниковъ изданы были!

Разговоры о краснорѣчії вообще, и въ особенності о краснорѣчії церковномъ, Г. Фенелона; сочиненіе исполненное полезныхъ примѣчаній, изъ котораго научаемся мы уважать правила, предпочитавъ натуральное замысловатому, сущестивенныя и пвердыя красоты ложному блеску, краснорѣчіе всѣхъ временъ краснорѣчію минувшему.

Разсужденіе о проповѣданіи; сочиненіе изданное по смерти Авшора, Аббата Флери, написавшаго церковную Исторію. Правда, что оно

есть только рисунокъ, но доказываетъ великаго Писателя, привыкшаго дѣлать размышленія благоразумныя, полезныя и основательныя.

Размышленія о краснорѣчїи церковномъ и Разсужденіе о Священномъ Писанїи, Г. Роллена. Сїи размышленія находятся на концѣ вѣпорой книги *Трактата о Наукахъ* (*). Авѣпоръ разбираетъ, по примѣру Блаженнаго *Августина*, въ Хрістіанскомъ Ораѣорѣ двѣ вещи, что онъ говоритъ, и какъ говоритъ, сущность самыхъ манерїй, и образъ проповѣданїя оныхъ. 1. Онъ показываетъ, что должность Проповѣдника есть научать, и для сего надобно ему говорить ясно; нравиться, и поѣтому слово его должно быть красиво и чисто. Но надлежитъ, по его наставленїю, избѣгать двухъ погрѣшностей, не слишкомъ гонаться за украшенїями, и не слишкомъ презирать оныя. Поѣтомъ онъ доходитъ къ препїей Проповѣдника должности, прогачъ и возбуждаетъ слушателей. Каждое правило доказываетъ онъ ученїемъ *Цицерона* и *Августина* и примѣромъ краснорѣчивѣйшихъ Святыхъ Оѣцевъ, изъ коѣорыхъ приводитъ прекраснѣйшія мѣста. 2. Онъ пишетъ, что Хрістіанскїй Ораѣоръ долженъ почерпнуть знанїе наипаче изъ Священнаго Писанїа и сочиненїй Святыхъ Оѣцевъ. По связи написалъ онъ особенный трактатъ о краснорѣчїи Священнаго Писанїа, гдѣ говоритъ о

(*) Онъ весь изданъ на Россїйскомъ языкѣ въ 1789 года, подъ назначенїемъ: *Способъ, коѣорымъ можно учиться и обучаться словеснымъ наукамъ.*

простотѣ и величествѣ онаго, о описаніяхъ и фигурахъ, какія находимъ въ ономъ, о мѣстахъ высокихъ, нѣжныхъ и прогательныхъ, часто въ немъ встрѣчающихся, о спрасяхъ, какія оно изображаетъ. Сей прахтанъ коропокъ, но превосходенъ (*).

Предисловіе къ Цицероновой книгѣ о Ораторѣ, прекрасно переведенной на Французской языкъ Аббатомъ Колленемъ. Сіе предисловіе естъ рѣчь исполненная размышленій, крипики и вкуса, и какъ можесть подасть точное понятіе о древнихъ Орапорахъ, такъ научить новѣйшихъ.

Правила на проловѣданіе Гешье. Сіе сочиненіе шомчасъ приписали *Массильону*, но онъ, хваля оное, не призналъ своимъ. Книга драгоценная какъ по основательности наставленій, такъ и по пріятности слога. Она написана крашко, точно и красиво. Мы нѣкопорыя мѣста изъ нея почерпнули.

Предисловіе къ проповѣдямъ Іезуиша Ла Рю.

Риторика Проловѣдника, написанная Августиномъ Валерикомъ на Лашинскомъ языкѣ, переведенная на Французской Аббатомъ Динуартомъ. Сіе сочиненіе, говоритъ Аббатъ Гугетъ, можесть и исправлять неисправныхъ въ своей должности, и образоватъ желающихъ содѣлаться способными къ проповѣданію.

Мысли о Декламациі Лудовика Риккоболи. Книга сія содержишь основательныя размышленія.

(*) Онъ особенно еще переведенъ на Руской языкъ, и имѣетъ названіе: *Неподражаемое витійство Священнаго Писанія.*

Опытъ о краснорѣчїи церковномъ, Аббапа Белласа, изданный въ Парижѣ, въ 1778 году. Сочиненіе весьма важное, и доказывающее глубокое Автора познаніе Орапорскаго искусства, копорымъ онъ занимался съ такимъ успѣхомъ, что былъ бы включенъ въ число наилучшихъ Проповѣдниковъ, естли бы преждевременная смерть не пресѣкла трудовъ его.

Избранныя рѣчи о разныхъ предметахъ Религїи и Литтературы Аббапа Мори, члена Французской Академіи, изданныя въ Парижѣ въ 1777 году. Въ началѣ сего сочиненія говорится только о священномъ краснорѣчїи, и содержащія прекрасныя примѣчанія на оное. Потомъ слѣдующъ похвальное слово *Лудовику Девятому*, заслужившее великое одобреніе отъ всѣхъ; *Панегирикъ Блаженному Августину*, произведшій живое впечатлѣніе въ слушающихъ, и размышленія о *Босюэтѣ*, дающія вѣрное и высокое понятіе о достоинствѣ сего знаменитаго Орапора.

Краснорѣчіе, Поэма Аббапа *Ла Серръ*. Мѣста содержащія въ себѣ хорошіе стихи, правила предложенныя прїятно, нѣкоторыя изображенія Орапоровъ, представленные съ истинною и съ полезными замѣчаніями, дѣлають ее занимательною для читателей, хотя естъ въ ней нѣсколько слабыхъ и небрежныхъ мѣстъ.

Еще можно съ пользою читать *Правила для тненія Ораторовъ*, Аббапа *Маллета*; *Опытъ о Ораторской благопристойности*, егоже; *Опытъ о похвальныхъ словахъ*, *Г. Томаса*; четвертую книгу *Курса изящныхъ наукъ*, Аббапа *Батте*, гдѣ естъ на краснорѣчіе примѣчанія весьма

основательныя и сообразныя съ хорошими началами; членъ о церковномъ краснорѣчїи въ *методической Энциклопедїи* Г. Мармонтеля, содержащій новыя и глубокія размышленія о сей матерїи.

Есть и другія сочиненія, которыя могутъ помогать молодымъ Орапорамъ въ трудахъ ихъ, какъ, на примѣръ, *Библиотека Проловѣдниковъ*, Г. Гудри, и *Словарь Аполостольскій*, Монтаргона. Но надобно употреблять оныя съ разборчивостїю; можно совѣщиваться съ ними въ извѣстныхъ случаяхъ; но удобность, съ какою всякой находить въ нихъ гошовые планы и опрывки проповѣдей, не должна благопрїиспывать лѣности. Орапоръ можетъ подражать, но никогда не позволяется ему выписывать.

О ОРАТОРАХЪ,

Прославившихся священнымъ краснорѣчїемъ ()*.

Мы ничего не скажемъ о успѣхахъ, какіе получали въ свое время *Меноты*, *Маллярды* и другіе многіе Орапоры, которыхъ нынѣ представляють только образцами худого вкуса. Начало царствованія Лудовика XIV должно почесать временемъ полезной перемѣны въ церковномъ краснорѣчїи. Тогда явились *Сенольтъ* и *Ленжандъ*, которые первые возвращали проповѣданію Божественнаго слова по достоинству,

(*) Мы не смѣемъ сами судить о Орапорахъ, которыхъ хотимъ представить здѣсь. Мы только вѣрно покажемъ то, что о нихъ говорятъ *Историческій Словарь*, *Годовыя цѣныя записки Аббатъ Саббатьеръ*, и другія Критическія книги, въ которыхъ достоинства ихъ оцѣнены съ довольною точностїю.

по благородство, какое оному приличествуетъ, и котораго совѣмъ нѣтъ въ высокопарномъ пуснословіи ихъ предшественниковъ.

Сенольтъ, родившійся въ Анверсѣ въ 1599 году, и умершій въ Парижѣ въ 1671, былъ членомъ Орапоріи, и сдѣлался главнымъ въ семъ обществѣ. Великое достоинство проповѣдей его состояло въ томъ, что онѣ написаны порядкомъ, до того времени неизвѣстнымъ, и содержащъ умозаключенія твердыя, основанныя на Священномъ Писаніи и ученіи Святыхъ Отецъ, вмѣсто тѣхъ свѣтскихъ примѣчаній, тѣхъ смѣшныхъ шутокъ, которыя прежде почитались нужными для привлеченія вниманія слушателей.

Ленжандъ, Іезуитъ, родившійся въ Муленѣ въ 1591, умершій въ Парижѣ въ 1660 году, оказалъ, такъ какъ и *Сенольтъ*, великія услуги церковному краснорѣчію. Отъ него имѣемъ мы при книги проповѣдей, которыя онъ сочинилъ на Лапинскомъ языкѣ, а произносилъ на Французскомъ. Евангельскія истины изъяснены въ оныхъ весьма краснорѣчиво; умозаключенія и спрашныя изображенія поочередно другъ за другомъ слѣдуютъ.

Ле Женъ, членъ Орапоріи и современникъ оныхъ преобразителей священнаго краснорѣчія, шестпировалъ съ успѣхомъ по стопамъ ихъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Апостольскихъ и чрезвычайныхъ мужей, которыхъ Промыслъ воздвизаетъ для спасенія вѣрующихъ. Онъ особенно посвящилъ себя миссіямъ, и совершалъ проповѣданіе Слова почти 60 лѣтъ съ великою ревностію и пользою. На 35 году

лишился онъ зрѣнія, что подало причину называть его *слѣпымъ отцемъ*, и умеръ въ 1672, на 80 году. Слова его собраны въ 10 кн. Хотя съ одной стороны есть въ нихъ недоспажки въ разсужденіи вкуса и слога; но съ другой прогашельность, простота и спраспность соединены въ оныхъ съ насравленіемъ весьма основательнымъ.

Щаспливыя перемѣны скоро возвели церковное краснорѣчіе на высочайшую степень совершенства; *Сенольтъ* и *Ленжандъ* открыли путь, *Боссюэтъ*, *Бурдалу*, *Сегодъ*, *Шелине*, *Флешеръ*, *Террассонъ*, *ла Рю*, и проч. пропекли оной показавши опличность дарованій, копорою они обязаны были какъ природѣ, такъ и искусству.

Жакъ-Бенинь Боссюэтъ, Епископъ Мокскій, родился въ 1627, умеръ въ 1704 году. Онъ первый явился во Франціи образцомъ краснорѣчія, копорымъ онъ сравнялся съ самыми славными Греческими и Латинскими Орапорами, а индѣ и превзошелъ ихъ; большая часть надгробныхъ проповѣдей его супъ совершеннѣйшія творенія, и самыя слабыя содержатъ черпы творческаго ума, опличающія великаго Випію. Нимало не подражая предшеспвовавшимъ ему въ семъ родѣ краснорѣчія, онъ умѣлъ вознеспися выше обыкновенныхъ чувспвованій и проложилъ себѣ новую дорогу. Здѣсь-то открываетъ онъ всю важность своего званія. Предспавлять карпины прогашельныя, успрашающія, блисшательныя, возвѣщающія испину, посрамляющія гордость, цѣниющія величіе чловѣческое, не скрывать слабостей, научающія

живыхъ среди профеевъ смерти: воптъ какая должна бытъ цѣль проповѣдей сего рода, цѣль, копорую Епископъ Мокскій совершилъ преимущественно предъ всѣми, и сіе преимущество, можешь бытъ, всегда съ нимъ оспанешся. Его краснорѣчіе въ оныхъ плавно, обильно и натурально; оно презираетъ ложный блескъ прошивоположеній, наборъ подробностей, и заимствуемъ онъ искусства нужное только для украшенія сего, или лучше, оно украшаетъ самое искусство. Огонь, жизнь въ картинахъ, великія идеи въ изображеніяхъ, быстрыя движенія въ чувствованіяхъ, изумляющія порыванія воображенія, высокія, плѣнительныя черпы въ изъясненіяхъ — сущъ для него обыкновенныя пружины, производящія въ душѣ такіа потрясенія, копорыя покоряющъ и поработаютъ ее, изпоргаютъ ее изъ нея самой, и наполняютъ тѣмъ воспоргомъ, какой одинъ истинный гений сообщатъ можешь. Хотя нравоучительныя слова *Боссюэта* не въ такой славѣ, какъ надгробныя; но можно починатъ оныя образцовыми. Въ нихъ мы видимъ поплъ великій и пвердый порядокъ, плъ благородную простоту, плъ высокія порыванія, плъ великолѣпныя и занимательныя картины, плъ истины, исходящія изъ глубины сердца, плъ величество идей и силу выраженій, все плъ, чѣмъ сей великій мужъ отличаетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Флешьеръ, Епископъ Нимскій, родился въ 1632, и умеръ въ 1710 году. Сей Орапоръ не столь высокъ и силенъ, какъ *Боссюэтъ*, не спилъ его припнѣ и обработаннѣ. Надгробное слово

Тюринну, есть наилучшее его сочиненіе. Мы уже имѣли случай говорить объ ономъ, и показати достоинства и недоспапки *флешьера*.

Бурдалу, Иезуитъ, родился въ 1632, и умеръ въ 1704 году. Слова сего знаменитаго Орапора всегда пребудутъ прекраснымъ памятникомъ Хрістіанскаго краснорѣчія, сего краснорѣчія сильнаго, убѣдительнаго и быстраго, которое влечетъ душу и поржествуетъ надъ сопротивленіемъ. Вотъ что нравится, чему намъ более должно удивляться въ *Бурдалу*: неиспощимая плодovitость плановъ его, которые всегда различны, и щастливый даръ располагати свои умозаключенія по порядку, о коемъ говорить *Квинтиліанъ*, сравнивая достоинство Орапора, сочиняющаго рѣчь, съ искусствомъ полководца, повелѣвающаго войскомъ; Логика точная и убѣдительная, въ которой нѣтъ софизма, противорѣчій и парадоксъ; искусство, съ какимъ онъ основываетъ наши должности на нашихъ пользахъ, и драгоценная шайна, которую только въ его словахъ находятъ, обращая описанія нравовъ въ доказательство своей матеріи; обиліе творческаго ума, не оставляющее чинамъ ничего воображать сверхъ чинаемаго слова, хотя на одну матерію написалъ онъ по двѣ, часто по три, а иногда и по четыре проповѣди, и по прочтеніи оныхъ не лзя узнать, которой надлежитъ дать преимущество; простота стиля сильнаго и простаго, напуральнаго и благороднаго; весьма глубокое познаніе Религіи, и удивительное употребленіе Священнаго Писанія и ученія Святыхъ Отець.

Сегодѣ, Іезуипъ, родился въ 1674, умеръ въ 1748 году. Слова сего Орапора хотя не могутъ сравниться съ словами *Бурдалу*, но въ пакой славѣ, какую они заслуживаютъ. Въ нихъ найдешь великой запасъ нравоученія, много красоты и силы, а наипаче той прогашельности, которая пронзаетъ душу, и располагаетъ ее къ исповѣданію Евангельскихъ истинъ. Между оными оплмчаются слова: о прошеніи обидъ, о искушеніяхъ, о мѣртвѣ, о тѣстности, о дѣятельной вѣрѣ и о послѣднемъ судѣ.

Шемине, Іезуипъ, родился въ 1652, умеръ въ 1689 году. Трогашельность, чувствительность и щасливый даръ убѣждать соединены въ словахъ его. Не лѣзя сильно не прогашься, чинная его проповѣди: о страхѣ суда Божія, и о любви къ узникамъ.

Жирусть, Іезуипъ, родился въ 1624, умеръ въ 1689 году. Въ проповѣдяхъ его находятъ краснорѣчіе натуральное и сильное; но не трудно увидѣть изъ неисправности его спила, что онъ привязывался болѣе къ вещамъ, нежели къ словамъ. Онъ можетъ быть думать, что простота слога много способствуетъ спрашивности, и что краснорѣчіе отъ нея бываетъ натуральнѣе, прогашельнѣе и убѣдительнѣе. Сей Орапоръ наипаче удивителенъ въ извѣстныхъ папешическихъ движеніяхъ, гдѣ онъ совершенно предавался своей ревности. Онъ тогда привлекалъ такое вниманіе, котораго ничто не могло прервать; однажды, какъ онъ говорилъ слово, и какъ уже приближилась минута окончить оное, всѣ слушающіе пронумые имъ давали ему знанъ со всѣхъ

сторонъ, чшобъ онъ продолжалъ, и что они готовы слушать его, сколь бы долго онъ ни проповѣдалъ. *Жирусь* однако преспалъ разсудивши, что не лзя ему еще въ лучшемъ расположеніи оставить сердца слушателей.

Террассонъ, (Гаспардъ,) членъ Орапоріи, родился въ 1680, умеръ въ 1753 году. Краснорѣчіе его благородно и просто, сильно и напурально. Онъ шѣмъ болѣе нравился, что не ищетъ того, дабы нравиться. Онъ блистаетъ шолько ученіемъ Евангелія и Святыхъ Ошедъ.

Молиньеръ, членъ Орапоріи, родился въ 1675, умеръ въ 1745 году. Слова сего Орапора суть произведеніе щаспливаго ума, изыясняющагося съ великимъ жаромъ, напряженностію, силою, важностію и напурально; не доспавало ему шолько вкуса. Сшилъ его несправенъ, неровенъ и униженъ вроспонародными шерминами, копорые дѣлають спранную пропово-положностъ со многими мѣстами, исполненными живошни и благородства. Слово о *Небѣ* почитается наилучшимъ его сочиненіемъ.

Ла Рю, Іезуишъ, родился въ 1643, умеръ на 84 году. Оспроумныя раздѣленія, (*distributio*) вѣрныя соотношенія разныхъ часпей, мужеспвенный сшилъ и пріятная легкостъ блистають въ словахъ сего Орапора. Онъ все одушевляетъ; но его воображеніе иногда дѣлаетъ его болѣе Спихотворцемъ, нежели Проповѣдникомъ. Сія погрѣшностъ не шакъ примѣшна въ его проповѣдяхъ на Филипповъ постъ, какъ въ великопостныхъ. Совершеннѣйшее его сочиненіе естъ слово о общественныхъ бѣдствіяхъ. Написалъ онъ нѣсколько и

надгробныхъ словъ, которыя весьма уважаются, говоренное надъ Маршаломъ *Буффлеромъ* почитаемся наилучшимъ.

Массильонъ, Епископъ Клермонскій, родился въ 1663, умеръ въ 1742 году. Имя его содѣлалось именемъ самаго краснорѣчія. Никто такъ не проговаривалъ слушателей, какъ онъ; предпочитая чувствованіе всему, онъ приводилъ душу въ то живое и спасительное волненіе, которое заставляло насъ любить добродѣтель: онъ ищетъ во глубинѣ сердца нѣхъ сокровенныхъ изгибовъ, въ которыхъ таится спрасси, и обнаруживаетъ оныя споль нѣжно и чувствительно, что болѣе влечетъ, нежели покоряетъ. Слогъ его всегда легокъ, красивъ и чисенъ, и имѣетъ вездѣ ту благородную простоту, безъ которой нѣтъ ни хорошаго вкуса, ни истиннаго краснорѣчія, простоту, которая соединена будучи въ *Массильонѣ* съ плѣнительнѣйшею гармоніею, заимствуемъ онъ оной еще новыя пріятности. Но вопъ что усугубляетъ то удовольствіе, какое приносятъ сей очаровательный спилъ: всякой чувствуетъ, что толикія красоты истекли изъ самаго источника, и что онъ ничего не споилю тому, что произвелъ ихъ. Иногда встрѣчаюся у него то въ выраженіяхъ, то въ оборотахъ, то въ проговѣрной мелодіи его спилу неисправности, которыя можно называть удачными, поелику онъ довершаютъ увѣренность чипателя, что сочиненіе не споилю труда Авпо-ру. Вспъ, короче сказать, какой характеръ краснорѣчія сего славнаго Орашора: онъ въ

одно время умѣеть мыслишь, изображать и чувствовать. Лучшія проповѣди *Массильона* суть слѣдующія: о маломъ числѣ избранныхъ, о прощеніи врагамъ, о смерти грѣшника, о исповѣди, о смѣшеніи добрыхъ съ злыми, бесѣда о блудномъ сынѣ, и церковныя разсужденія (conferences). Слова, говоренныя имъ въ Филипповъ поспѣ, (*petit Carême*) почипающія прекраснымъ памятникомъ Орапорскаго искусства.

Ла Боассьеръ, членъ Орапоріи, умеръ въ 1732, на 84 году. Слова сего Орапора достойны уваженія наипаче по красотѣ и живописи карпинъ, по шонкимъ и блистательнымъ мыслямъ, по замысловатому, но вѣрному изображенію нашихъ нравовъ, по обильному стилю, наконецъ, по яснымъ, плавнымъ и высокимъ выраженіямъ, копорыя почти всѣ взяты изъ Священнаго Писанія.

Аббатъ *Климентъ*, придворный Проповѣдникъ, родился въ 1706, умеръ въ 1771 году. Сильное и мужественное краснорѣчіе сего Орапора болѣе бы могло дѣлать впечатлѣнія, еспли бы большая часть проповѣдей его были не столь пропаяны и неисправны. Весьма видно, что онъ любилъ чищать Святыя Опщевъ, а особливо *Іоанна Златоуста*, копорого духъ, огонь и движенія, кажепся, себѣ присвоилъ.

Шалелень, Іезуитъ, родился въ 1710 году. Идеи великія, вѣрныя и хорошо представленныя служатъ основаніемъ почти всѣмъ планамъ проповѣдей его. Онъ въ стилѣ подражалъ *Бурдалу*, но не имѣя, подобно ему, той глубины умствования, копорая сдѣлала онаго

Орапора образцемъ, имѣеть онъ индѣ больша жару и черпы высокія, могущія оживлять вниманіе слушаателя; особливо заключенія его живы, сильны и спрасны. Между словами его доспойно замѣчанія, сочиненное на посприженіе Г. Эмонта, слово безподобное по приспойности и важности раздѣленій.

Аббапъ *Де Ла — Туръ — дю — Панъ*, придворный Проповѣдникъ, умеръ въ 1765, на 44 году. Слова сего Орапора написаны вообще спилемъ легкимъ и блистательнымъ. Планы оныхъ проспы, раздѣленія удачны, приводы изъ Священнаго Писанія оспроумны. Впрочемъ укоряющъ его пѣмъ, что онъ слишкомъ часно употребляетъ противоположенія. Панегирики его славѣ нравоучительныхъ словъ, и поспавляющъ его въ числѣ первыхъ Випій въ семь родѣ.

Невилль, Іезуитъ, родился въ 1693, умеръ въ 1774 году. Всѣ слышавшіе имя его должны вообразить одного изъ чрезвычайныхъ Проповѣдниковъ, прославившихъ свое званіе. Оригиналъ въ своемъ родѣ, во всѣхъ существенныхъ часпяхъ испиннаго Хрістіанскаго краснорѣчія, *Невилль* имѣлъ всѣ харакперы знаменитыхъ мужей, предшеспвовавшихъ ему въ Евангельскомъ служеніи. Глубина мыслей, сила умозаключеній, высокостъ и скоростъ спилиа всегда соединены въ словахъ его съ жаромъ воображенія, живоспію чувспвоанія и важностію изъясненія. Всегда обилень, всегда ровень, онъ господспвуеть, не примѣчая того, надъ всѣми разсуждаемыми имъ матеріями, и живоспъ кисти его даетъ новые

цѣны имѣть предметамъ, какіе онъ представлялъ. Впрочемъ осуждаютъ его, что онъ не умѣлъ содержать своего краснорѣчія въ надлежащихъ предѣлахъ, ни избѣгать пропускать блистательнаго ума, и излишества въ противоположеніяхъ. Сіи погрѣшности, которыя ощущительнѣе при чтеніи проповѣдей *Несилля*, нежели когда онъ произносилъ, уменьшаютъ важность оныхъ.

Аббаъ *Пулль*, придворный Проповѣдникъ, умеръ въ 1781, на 74 году. Краснорѣчіе живое, благородное и быстрое, изображенія великія и блистательныя, иногда чувствительность, приводы изъ Священнаго Писанія самые удачныя, черпы творческаго ума, — вошъ качества ощущительныя въ проповѣдяхъ сего Орашора, который, при искусствѣ сочинялъ, имѣлъ и даръ произношенія весьма важнаго, придававшего силу всему, что онъ говорилъ! Мы почишаемъ двѣ его проповѣди, о *милостыняхъ* и о *Словѣ Божіемъ* наилучшими его сочиненіями.

Недавно умеръ *Елисей*, Кармелитъ, Орашоръ подлинно знаменитый. Проповѣди его записаны весьма пріятно и убѣдительно, и чистымъ слогомъ; онъ напоминаетъ дарованіе *Массильона*, и поному заслуживаютъ отличіе между сочиненіями сего рода.

К о н е ц ъ.

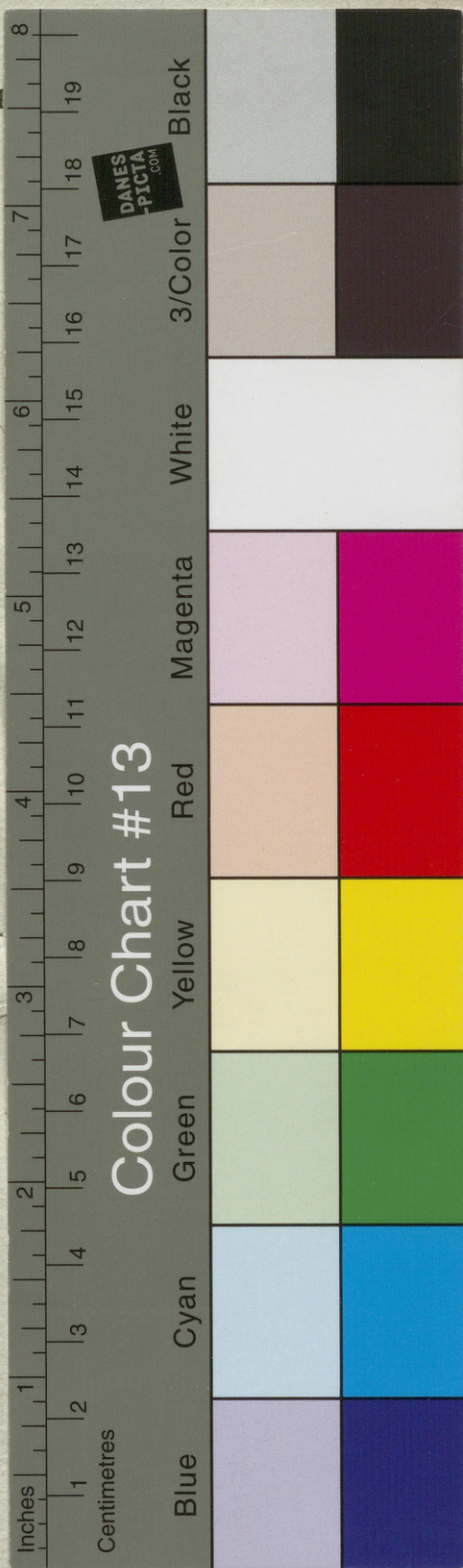
ПОГРЪШНОСТИ:

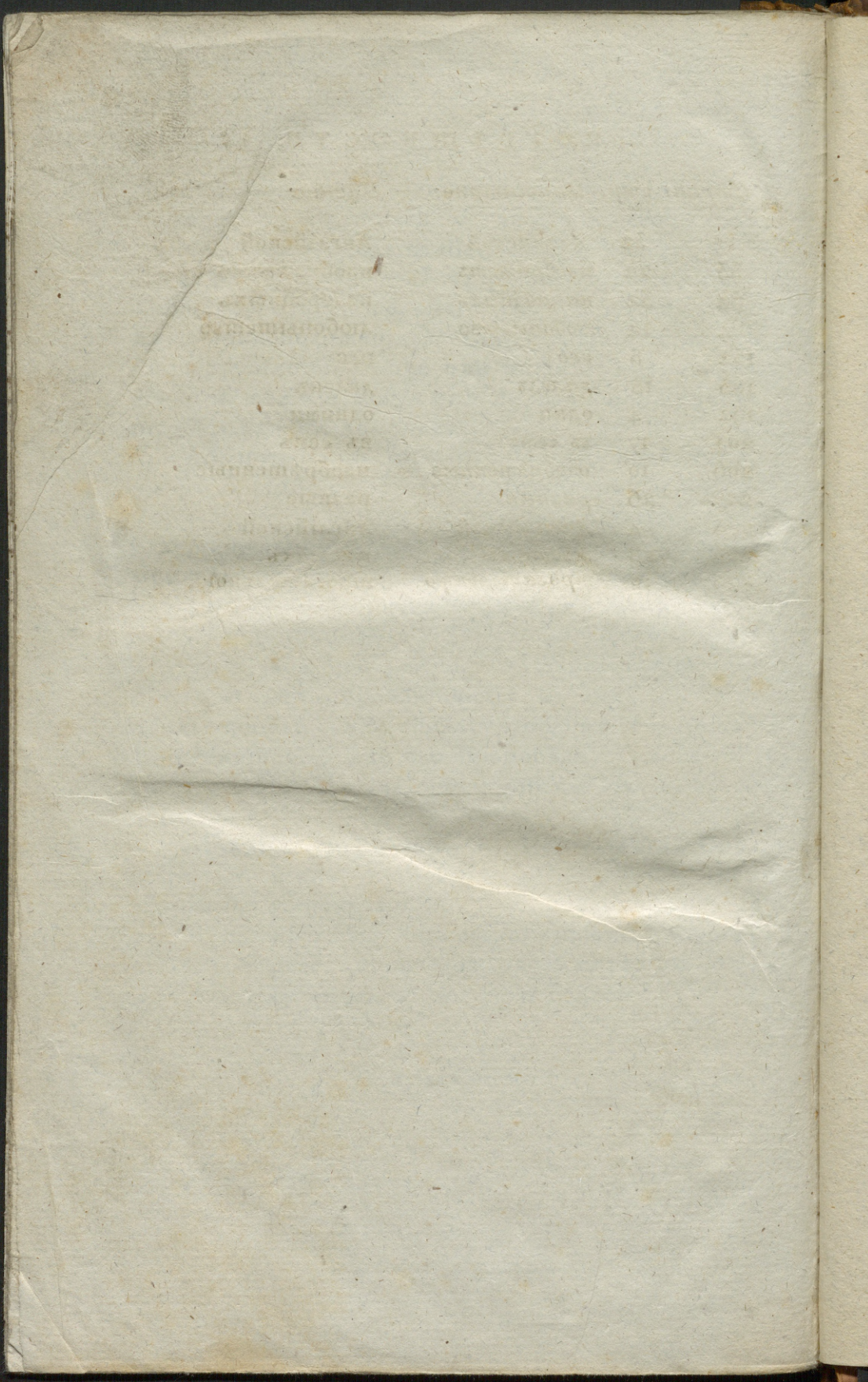
Стран.	стр.	Напечатано:	Читай:
17	32	Аеллиской	Англійской
33	22	изобразеть	изображаетъ
64	32	надробныхъ	надгробныхъ
84	14	любопыство	любопытство
152	5	вес	пес
165	15	далель	далекъ
192	4	одни	одними
204	17	въ гелъ	въ семь
206	10	озобрѣтенные	изобрѣшенные
228	26	разныя	разные
245	4	Английской	Англійской
256	28	мѣстамъ	мѣстахъ
273	10	прогательную	прогательною.

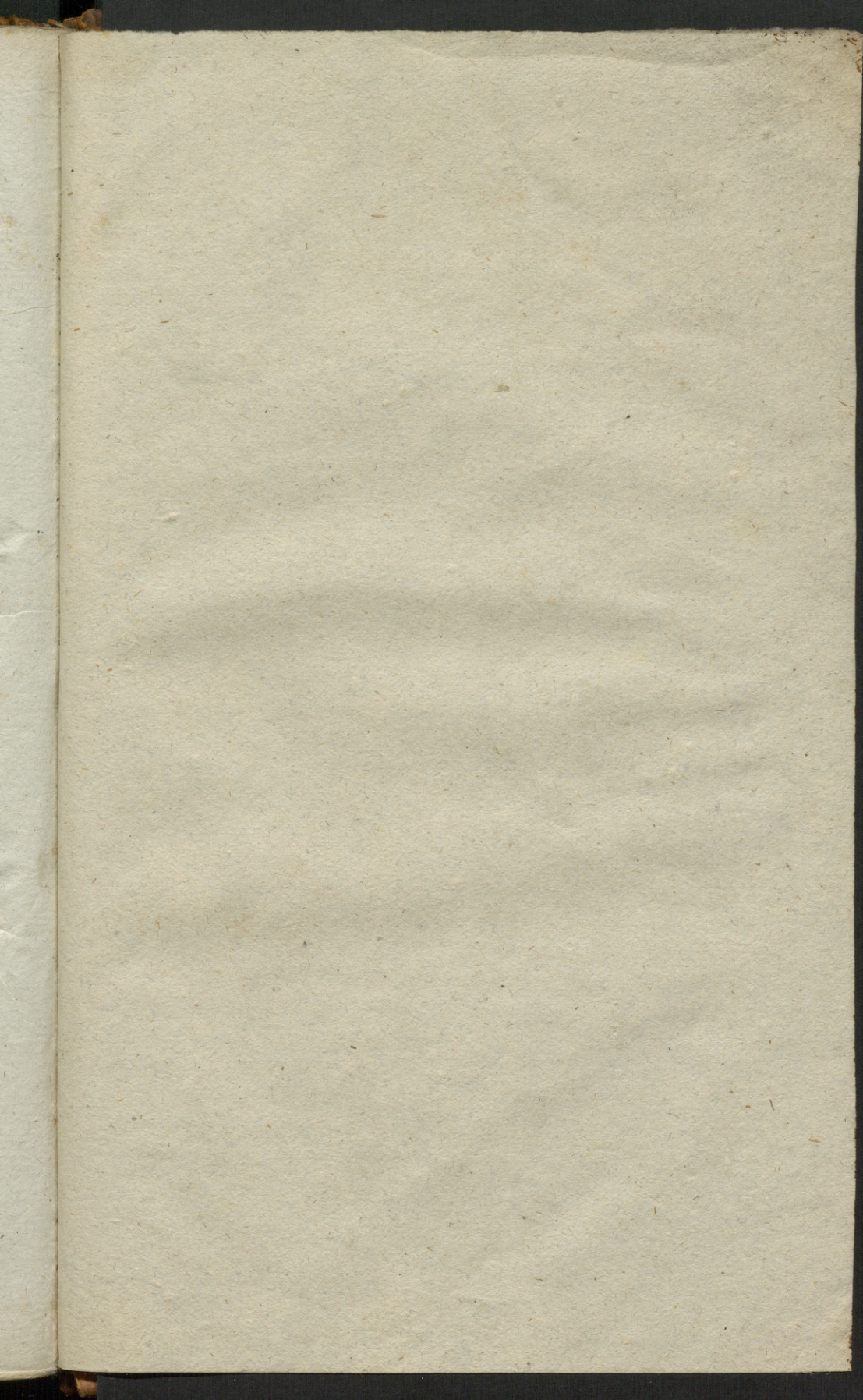
ПОГРЪШН

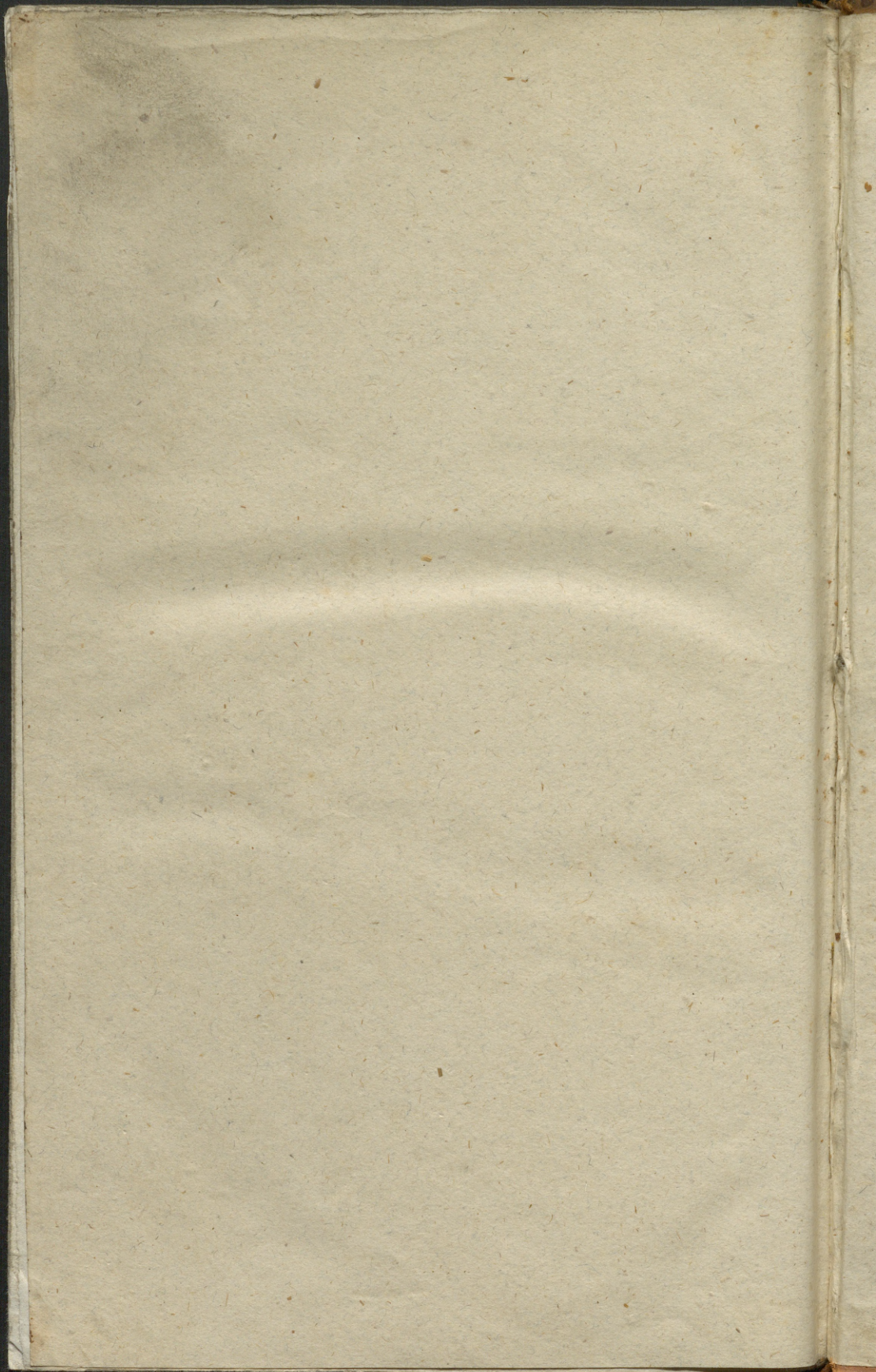
Стран. стр. Напечатано:

17	32	Аелинской
33	22	изобразить
64	32	на подробных
84	14	любопытство
152	5	вес
165	15	далеко
192	4	одни
204	17	въ земли
206	10	озобрътенные
228	26	разныя
245	4	Английской
256	28	мѣстамъ
273	10	трогательную

4.3.42

70k

